

КР.ТЗ
И 907

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
НАРОДОВ
СЕВЕРА
ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АБОНЕМЕНТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ТРУДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КОМПЛЕКСНОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

к.р.тз
И 907

Выпуск 17

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

479777

Магаданская
областная библиотека
им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

Сборник содержит статьи по археологии, истории и этнографии народов Северо-Востока Сибири. В нем подробно освещается история Камчатки и Чукотки с древнейших времен и до наших дней; показываются основные этапы социально-экономических преобразований у народностей Чукотки, деятельность исполкомов и народно-революционных комитетов Северо-Востока в период ДВР; освещается переход к оседлости народов Севера. Значительная часть сборника посвящается советскому периоду истории народов Севера Дальнего Востока. Исследователи рассматривают закономерности хозяйственно-культурного строительства, особенности переустройства социально-экономических отношений, а также развитие национальных отношений. Сборник является первым подобным исследованием истории и культуры народов советского Севера.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. А. ШИЛО (председатель),
С. Г. БЯЛОБЖЕСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Н. ДИКОВ, И. Е. ДРАБКИН, А. В. ЗИЛЬБЕРМИНЦ,
А. А. НИКОЛАЕВСКИЙ, С. В. ТОМИРДИАРО, В. В. ЯНОВСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

А. И. КРУШАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск трудов Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР подготовлен к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Основу сборника составляют доклады и сообщения проходившей в 1964 г. в Магадане Первой конференции историков Северо-Востока СССР, дополненные и переработанные с учетом полученных после нее новых данных.

В археологическом разделе сборника затрагиваются актуальные проблемы древней истории и культуры народов Камчатки, Чукотки и отчасти Охотского побережья Магаданской области. Много новых материалов посвящено, в частности, очень сложной проблеме происхождения эскимосов. Публикуются также первые данные о палеолите Камчатки, рассматриваются связи между древними культурами нашего Северо-Востока и Арктической Америки.

Исторический и этнографический разделы содержат работы, посвященные важнейшим проблемам истории малых народов северных областей советского Дальнего Востока — Магаданской и Камчатской — после установления Советской власти, исследованию общих закономерностей и особенностей их развития в период перехода к социализму минуя капитализм, а также изучению опыта коммунистического строительства в специфических условиях дальневосточного Севера.

Необходимость и важность такого рода исследований подтверждены решениями XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, призвавшего советских ученых всесторонне исследовать такие проблемы, как направление и характер процесса формирования общественных отношений, содержание и методы культурного строительства и коммунистического воспитания. Изучение аспектов развития производительных сил и формирование общественных отношений на Северо-Востоке страны приобретает особую актуальность в свете поставленной XXIII съездом задачи ускоренного развития производительных сил и наращивания экономического потенциала советского Дальнего Востока.

Цель данного сборника — активизировать исследовательскую работу историков, археологов и этнографов Севера Дальнего Востока СССР, направить их усилия на решение задач, поставленных перед учеными коммунистической партией, на разработку актуальных проблем исторической науки.

О ЗАДАЧАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СССР

Н. Н. Диков

Исторические исследования на Севере Дальнего Востока нашей страны на протяжении всего советского пятидесятилетия тесно связаны с практикой жизни. Советские историки, археологи и этнографы руководствуются в своей работе директивами Коммунистической партии, ее программой, решениями партийных съездов о развитии общественных наук на каждом этапе социалистического и коммунистического строительства в СССР.

Начало изучению истории и этнографии народов Севера Дальнего Востока, или, иными словами, Северо-Востока Сибири, было положено более 200 лет тому назад участниками Великой Северной экспедиции, и в их числе прежде всего С. П. Крашенинниковым. После выхода в свет его классического труда «Описание земли Камчатки», в котором дана яркая характеристика первобытного хозяйства и родового строя ительменов, коряков и айнов, этнография надолго стала основным направлением исторического изучения народов этой далекой окраины России.

Кибер, А. Аргентов, А. В. Олсуфьев, Л. А. Ивановский, Н. Л. Гондати, К. Дитмар, Н. В. Слюнин, Н. Ф. Калинин, В. М. Зензинов посвятили ряд работ описанию быта чукчей, эскимосов, коряков и юкагиров. В начале XX в. были изданы фундаментальные обобщающие историко-этнографические исследования В. Г. Богораза о чукчах и В. И. Юхельсона о коряках и юкагирах.

После Великой Октябрьской социалистической революции этнография малых народов Дальнего Севера была поставлена на службу социалистического переустройства их экономики, культуры и быта. Особенно важное значение в первые годы мирного хозяйственного развития имели работы руководителя Дальневосточного комитета Севера К. Я. Лукса, русской учительницы у камчатских эвенов этнографа Е. П. Орловой, краеведа Пенжинской культбазы Н. Н. Билибина, заведующего Чаунской культбазой И. С. Архинчеева, ленинградского историка, этнографа и языковеда И. С. Вдовина, а также виднейшего исследователя истории и культуры народов Севера М. А. Сергеева, обобщившего свои многолетние наблюдения и выводы в большой книге о некапиталистическом пути развития малых народов Севера (1955 г.). В наши дни важные исследования по этнографии народов северных областей советского Дальнего Востока проводятся Институтом этнографии Академии наук СССР (Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Б. О. Долгих, И. С. Гурвич, В. В. Антропова, Л. А. Файнберг, Р. Г. Ляпунова и др.).

Практика социалистического переустройства экономики, быта и культуры чукчей, коряков, эскимосов, эвенов выдвинула задачу создания для них письменности, подготовки необходимых пособий и справочных изданий. Основной вклад в изучение языка и создание письменности для народов Северо-Востока, ранее не имевших ее, внес В. Г. Богораз. Его многочисленные ученики (В. А. Аврорин, П. Я. Скорик, Г. А. Меновщиков и др.) успешно продолжили разработку специальных языковедческих проблем в области изучения эвенского, эскимосского и чукотско-камчат-

ских языков. До последнего времени эту большую, важную работу проводил в основном Институт языкознания Академии наук СССР. В последние годы в Новосибирске под руководством члена-корреспондента АН СССР В. А. Аврорина создана лаборатория, которая проводит комплексные исследования проблем лингвистики и литературы народов Сибири и Дальнего Востока.

Создание в 1930 г. Чукотского, Корякского и Охотско-Эвенского национальных округов, выделение из Хабаровского края в 1953 г. Магаданской области и бурный расцвет ее экономики и культуры остро поставили перед учеными задачу изучения истории этой возрожденной к новой жизни прежде отсталой окраины Советского государства. Возникла необходимость марксистско-ленинского осмысления всего исторического процесса, протекавшего на этой территории начиная с эпохи формирования аборигенного населения, открытия края русскими землепроходцами в XVII в. и до периода коммунистического строительства. Только такой подход позволит исследователям раскрыть закономерности истории народов Севера, даст возможность показать тот грандиозный сдвиг, который произошел на Севере за годы Советской власти.

Одной из трудностей на пути к созданию истории народов северных областей Дальнего Востока — Магаданской и Камчатской — явилось почти полное отсутствие материалов по дооктябрьскому периоду. Исторический путь этих народов очень слабо освещен письменными источниками. Многотысячелетняя история населения Чукотки, Камчатки и Охотского побережья вплоть до XVII в. может быть восстановлена лишь на основе археологических данных. В археологическом же отношении эта огромная территория до недавнего времени, как известно, была почти сплошным белым пятном. Первые археологические раскопки, проведенные здесь сначала в 1910—1911 гг. В. И. Иохельсоном, а затем уже в наше время М. Г. Левиным, С. И. Руденко и А. П. Окладниковым, дали ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко не достаточный для воссоздания целостной исторической картины. Начало планомерного изучения древностей Магаданской области связано с деятельностью Чукотского окружного краеведческого музея в Анадыре и Магаданского областного краеведческого музея. Музейными экспедициями были проведены систематические поиски по рекам Анадырь, Амгуэма, по побережью Чукотского и Охотского морей. Полученные этими экспедициями археологические материалы по истории чукчей и коряков публиковались в краеведческих записках, издаваемых этими музеями. В них не только публиковались археологические исследования, но и разрабатывались многие вопросы современной истории и этнографии. В известной степени музеи стали кузницей кадров местных историков. Магаданское книжное издательство способствовало популяризации их исследований, выпуска книги и брошюры местных авторов, в том числе исследование В. И. Юхименко-Ехало о первом ревкоме Чукотки, труд А. В. Беляевой о русских землепроходцах и др.

Энтузиасты, желающие заниматься историей родного края, нашлись и вне стен музеев, этих единственных в послевоенный период научных учреждений области, где разрабатывались вопросы истории. Перу Н. А. Жихарева принадлежат, например, несколько книг по истории борьбы за власть Советов на Чукотке и обобщающие «Очерки истории Северо-Востока РСФСР». Успешную разработку богатейших фондов, имеющихся в центральных архивах СССР и в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (по истории гражданской войны и строительству Советской власти), предприняли В. С. Флеров, М. В. Соколова, Б. И. Мухачев.

Дальнейшее развитие исторической науки на нашем Дальнем Севере связано с организацией в 1961 г. Северо-Восточного комплексного науч-

но-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. Создание этого института отвечает важнейшему требованию Коммунистической партии и Советского правительства — приблизить научные силы к объектам изучения.

Объект исследований, проводимых лабораторией археологии, истории и этнографии Северо-Восточного института, — малые народности Магаданской и Камчатской областей (чукчи, коряки, ительмены, керекы, алюторцы, эвены, юкагиры, чуванды и алеуты). В настоящее время все они быстро развиваются в общественно-экономическом и культурном отношении, и вследствие этого быстро и необратимо уходят в прошлое ценные для науки факты, характеризующие специфику этих народов, их историю.

Организация лаборатории археологии, истории и этнографии в составе комплексного института позволила ускорить и расширить разработку истории Севера Дальнего Востока. Сотрудники лаборатории за короткий срок завершили начатые Чукотским краеведческим музеем археологические раскопки в долине рек Анадырь, Амгуэма и на побережье Чукотского моря. Проведены широкие поиски следов древних обитателей Камчатки, открыты до сих пор неизвестные во всем этом регионе древнейшие раннеолитическая, мезолитическая и палеолитическая культуры. В написанных по этим материалам разделах для первого тома «Истории Сибири» дано последовательное освещение истории каменного века Камчатки и Чукотки. Для упомянутого многотомного труда подготовлены материалы по истории борьбы за власть Советов на Чукотке. В вышедшем недавно сборнике «История и культура народов Северо-Востока СССР» также использованы первые результаты этих исследований.

Одновременно лаборатория приступила к изучению опыта социалистического строительства на Чукотке. В настоящее время подготавливается коллективная монография по истории социалистического строительства на Чукотке (истории горнодобывающей промышленности, коллективизации, культурного строительства). Сотрудниками лаборатории начато исследование развития ведущих отраслей народного хозяйства Магаданской области с 1953 г. до конца семилетки.

На основе полевых этнографических наблюдений создается труд об эвенах Магаданской области, в котором значительное место уделяется специфике социалистического строительства. Дальнейшее изучение и обобщение опыта некапиталистического пути развития малых народов Севера Дальнего Востока СССР после выхода труда М. А. Сергеева имеет громадное практическое значение для освободившихся от колониальной зависимости и идущих к социализму народов Азии и Африки. Поэтому крайне желательно привлечение к разработке этой проблемы исследователей смежных наук. Кроме того, настало время более углубленно исследовать процесс современной перестройки социально-экономических отношений, изучить взаимовлияние различных народностей Северо-Востока.

В самое ближайшее время необходимо расширить тематику комплексных исследований (историко-этнографических и социологических), цель которых должна состоять в разработке проблем, связанных с особенностями перехода малых народов Сибири к коммунистическому строительству. Первоочередными среди них являются проблемы дальнейшего хозяйственно-культурного строительства у малых народов Дальнего Севера и совершенствования социально-экономических отношений, а также развития национальных отношений, сближения наций и народностей в период развернутого строительства коммунистического общества.

Из совокупности вопросов комплексной проблемы хозяйственно-культурного строительства целесообразно выделить следующие: пути выравнивания уровня экономического развития национальных районов; пути рационализации таежного, тундрового и приморского производства, наилучшее использование в условиях Дальнего Севера трудовых ресурсов;

уровень жизни населения; особенности затрат труда и их возмещение в местных условиях; научно обоснованные нормы и организация питания в местных условиях; обеспечение современной и традиционной одеждой населения с учетом местных условий; переход коренного населения к оседлости; строительство и мероприятия по улучшению быта населения; медицинское и санаторно-курортное обслуживание населения и задачи по улучшению лечебно-оздоровительной системы; состояние и перспективы развития просвещения, пути повышения грамотности и уровня образования, соотношение родного и русского языков в системе обучения; организация культурного обслуживания населения; национальные особенности культуры; формирование национальной интеллигенции; пути преодоления религиозных и иных пережитков; развитие народного творчества, искусства, национального спорта.

При изучении истории национальных отношений необходимо сосредоточить внимание на разработке вопросов: национальная государственность на Севере Дальнего Востока, задачи ее дальнейшего совершенствования; культурные достижения коренного населения, влияние русской культуры, образование и развитие новых традиций в единой советской социалистической культуре; современные этнические процессы и перспективы развития новых этнических (региональных) общностей.

Все исследования по археологии, этнографии и особенно по истории социалистического и коммунистического строительства проводятся и в дальнейшем будут проводиться нашей лабораторией Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР в тесном содружестве с другими научными учреждениями и учебными заведениями.

В Северо-Восточном институте создана и действует историко-экономическая секция ученого совета. В нее входят научные сотрудники областного краеведческого музея, областного архива, организованного в 1962 г. Магаданского педагогического института, а также партийные и советские работники области. Нет сомнения в том, что все исследователи Дальнего Севера внесут свой вклад в общенародное дело строительства коммунизма в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

Общие работы

- «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962.
- Бахрушин С. В. Историческое изучение народов Севера.— «Ученые записки ЛГУ», № 115, факультет народов Севера, вып. 1. Л., 1950.
- «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.
- Диков Н. Н. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I. Магадан, 1958.
- Келдыш М. В. Строительство коммунизма и задачи общественных наук.— Сб. «Строительство коммунизма и общественные науки» (материалы сессии общего собрания АН СССР 19—20 октября 1962 г.). М., 1962.
- Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг.— ТИЭ, новая серия, т. 64. М.— Л., 1961.
- Крушанов А. И. Задачи научно-исследовательской работы по истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке в свете решений XXII съезда КПСС.— «Вопросы истории советского Дальнего Востока», кн. 1. Владивосток, 1963.
- Крушанов А. И. Вопросы истории Северо-Восточной Азии в трудах магаданских исследователей.— «Дальний Восток», № 3, 1965.
- Окладников А. П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии.— ВИ, № 1, 1964.
- Разгон И. М. Некоторые проблемы изучения истории гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1958.
- Шунков В. И. Некоторые проблемы истории Сибири.— ВИ, № 10, 1963.

Основная литература по истории, этнографии
и языкознанию народов Северо-Востока СССР

- Аврорин В. А. Развитие литературных языков народов СССР.—Сб. «Ленин и наука». М., 1960.
- Алексеев А. Ученый-чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.
- Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость.—Сб. МАЭ, т. XV, 1953.
- Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири.—ТИЭ, новая серия, т. 35. М.—Л., 1957.
- Аргентов А. Новые сведения о чукчах.—«Вестник РГО», ч. 5, 1852.
- Аргентов А. Нижне-Колымский край.—«Известия РГО», т. XV, 1880.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древнеэскимосские могильники на Чукотке.—«Записки Чукотского краеведческого музея», Магадан, вып. III, 1962.
- Архинчев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства.—ТИЭ, новая серия, т. 35. М.—Л., 1957.
- Афанасьев П. Я. На крайнем севере нашей Родины.—«Коммунист», № 10, 1963.
- Афанасьев П. Я. Коммунисты в борьбе за освоение богатств Северо-Востока.—Сб. «10 лет Магаданской области». Магадан, 1964.
- Бауэрман К. И. Следы тотемического родового устройства у паренских коряков.—«Советский Север», № 2, 1934.
- Беликов Л. В. К характеристике устного народного творчества чукчей.—«Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 167, 1960.
- Белов М. и др. На земле камчатской. Путевые заметки. Хабаровск, 1952.
- Белов М. А. Семен Дежнев. М., 1955.
- Беляева А. В. Русские на Крайнем Севере. Магадан, 1955.
- Беляева А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье, М., 1958.
- Беляева А. В. Культура и быт эвенов в XIX—XX веках (о работе этнографического отряда).—«Краеведческие записки», вып. II. Магадан, 1959.
- Береговая Н. А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса (раскопки Колымской экспедиции 1946 г.).—МИА, т. 39, 1953.
- Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом (Медвежь острова к северу от устья Колымы).—СА, XX, 1954.
- Береговая Н. А. Находки доэскимосских поселений на Аляске и в прилегающих областях (по работам 1945—1954 гг.).—СЭ, № 2, 1957.
- Береговая Н. А. Археологические находки на острове Шалаурова.—В кн. «Труды Дальневосточной археологической экспедиции», т. 1 (МИА, т. 86. М.—Л., 1960).
- Билибин Н. Н. Классовое расслоение кочевых коряков. Хабаровск, 1933.
- Билибин Н. Н. Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков.—«Советский Север», № 1, 1933.
- Билибин Н. Н. Обмен у коряков. Л., 1934.
- Билибин Н. Н. Формы материального производства у береговых коряков Пенжинской губы.—«Проблемы истории докапиталистического общества», № 6, 1934.
- Богораз В. Г. Ламуты. Из наблюдений в Колымском крае.—«Землеведение», т. VII, № 1, 1900.
- Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.
- Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. А. Гондатти.—Сб. МАЭ, т. II. СПб., 1901.
- Богораз В. Г. Материалы для изучения языка азиатских эскимосов.—«Живая старина», вып. II—III, кн. 70—71. СПб., 1909.
- Богораз В. Г. Эскимосы Сибири. СПб., 1913.
- Богораз В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений.—«Этнография», № 1—2, 1930.
- Богораз В. Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора.—«Советский Север», № 6, 1930.
- Богораз В. Г. Классовое расслоение у чукчей-оленьеводов.—СЭ, № 1—2, 1931.
- Богораз В. Г. Чукчи, ч. I. Л., 1934; ч. II. Л., 1939.
- Богораз В. Г. Луораветланско-русский словарь. М.—Л., 1937.
- Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки).—СЭ, № 4—5, 1935.
- Василевич Г. М. К вопросу о палеоазиатах Сибири.—КСИЭ, т. VIII, 1949.
- Вдовин И. С. Русско-чукотские отношения в XVIII—XIX веках. Л., 1940.
- Вдовин И. С. Расселение народов северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII веков.—«Известия ВГО», т. 76, вып. 5, 1944.
- Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей.—СЭ, № 3, 1948.
- Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей.—«Ученые записки ЛГУ», № 115, 1950.
- Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954.

- Вдовин И. С. Анадырский острог (исторический очерк).— «Краеведческие записки», вып. II. Магадан, 1959.
- Вдовин И. С. Общие сведения о создании письменности на языках народов Севера.— Сб. «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959.
- Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— ТИЭ, новая серия, т. 64. М.—Л., 1961.
- Вдовин И. С. Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски.— «VII МКАЭН», М., 1964.
- Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.—Л., 1965.
- Воблов И. К. Эскимосские праздники.— «Сибирский этнографический сборник», I.— ТИЭ, новая серия, т. 18, 1952.
- Гарусов И. С. Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае. Магадан, 1963.
- Глушкин И. Н. Подвиг трудящихся Камчатки в годы Великой Отечественной войны. Петропавловск-Камчатский, 1959.
- Гондатти Н. А. Оседлое население р. Анадыря.— «Записки РГО», т. III, вып. I, 1897.
- Гондатти Н. А. Сведения о населении по Анадырю.— Там же.
- Гондатти Н. А. Состав населения Анадырской округи.— Там же.
- Гондатти Н. А. Поездка из с. Марково на р. Анадырь, в бухту Провидения.— Там же, т. I, вып. IV, 1898.
- Гондатти Н. А. Сообщение об Анадырской округе, ее обитателях и их жизни.— Там же, т. XXXIV, вып. VI, 1898.
- Гурвич И. С. Юкагиры Чуванского рода в середине XVIII в.— ТИЭ, новая серия, т. 35. М.—Л., 1957.
- Гурвич И. С. Эвены Камчатской области.— ТИЭ, т. LVI. М.—Л., 1960.
- Гурвич И. С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в.— «Сибирский этнографический сборник», V (ТИЭ, новая серия, т. 84), М., 1963.
- Гурвич И. С. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму.— «Вопросы истории КПСС», № 9, 1964.
- Гурвич И. С. Этнические изменения на северо-востоке Сибири за последние три столетия.— «VII МКАЭН». М., 1964.
- Дауркин Н. Известия о Чукотском Носе.— «Месяцеслов исторический и географический на 1780 год». СПб., 1780.
- Дебец Г. Ф. К антропологии чукчей.— КСИЭ, т. I, 1946.
- Дебец Г. Ф. К антропологии эскимосов.— КСИЭ, т. III, 1947.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— «Труды Северо-Восточной экспедиции» (ТИЭ, т. 17. М., 1951).
- Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1. Магадан, 1958.
- Диков Н. Н. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 году.— Там же.
- Диков Н. Н. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. Магадан, 1960.
- Диков Н. Н. Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 2. Магадан, 1961.
- Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 года.— Там же.
- Диков Н. Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году.— Там же.
- Диков Н. Н. Первые археологические исследования на острове Айон.— Там же.
- Диков Н. Н. Новые данные по археологии северо-востока Сибири.— «VII МКАЭН». М., 1964.
- Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке.— «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов)». Баку, 1965.
- Диков Н. Н. Четигунские древнеэскимосские могильники.— «Краеведческие записки», вып. VI. Магадан, 1966.
- Диков Н. Н. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 4. Магадан, 1966.
- Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах.— «Записки РГО», ч. XVI, кн. VI, 1855; ч. XVI, кн. I, 1856.
- Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Исторический отчет по путевым дневникам, ч. I. СПб., 1901.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири.— «VII МКАЭН», М., 1964.
- Драбкин И. Е. Мужественные разведчики недр.— Сб. «10 лет Магаданской области». Магадан, 1964.
- Дружинин В. Походы Атласова. М.—Л., 1941.
- Дьячков Г. Анадырский край. Владивосток, 1893.
- Жихарев Н. А. В борьбе за Советы на Чукотке. Магадан, 1958.

- Жихарев Н. А. Очерки истории северо-востока РСФСР (1917—1953 гг.). Магадан, 1961.
- «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 г.)». Петропавловск-Камчатский, 1957.
- Зензинов В. М. У юкагиrow. Этнографическое обозрение, кн. CI—CII, № 1—2, 1914.
- Золотарев А. М. К вопросу о происхождении эскимосов.— «Антропологический журнал», № 1. М., 1937.
- Золотарев А. М. Из истории этнографических взаимоотношений на северо-востоке Азии.— «Известия Воронежского пединститута», т. IV, 1938.
- Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравировка на кости.— СЭ, № 4, 1949.
- Иванов С. В. Искусство народов Сибири. М.—Л., 1954.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.).— «Народы Севера и Дальнего Востока», М.—Л., 1963.
- Ивановский А. А. Религиозные воззрения чукчей и представления о загробной жизни.— «Русские ведомости», № 66, 1890.
- Иохельсон В. И. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа.— «Известия СО РГО», т. XXVIII, вып. 2. Иркутск, 1897.
- Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена.— «Записки РГО», т. XXXIV, вып. 1, 1898.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. СПб., 1900.
- Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействия различных племенных элементов.— «Живая старина», X, вып. 1—2, 1900.
- Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке.— «Известия РГО», т. XII, вып. 3, 4, 1930.
- «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961.
- «История и культура народов Северо-Востока СССР».— «Труды СВКНИИ», вып. 8. Магадан, 1964.
- Калинников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912.
- Каштанов И. Н. Все во имя человека.— Сб. «10 лет Магаданской области». Магадан, 1964.
- Кибер. Замечания о некоторых предметах естественной истории, učinенные в Н.-Колымске и окрестностях оного в 1821 г.— «Сибирский вестник», ч. 2, 1823.
- Кибер. Извлечения из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях Северо-Восточной Сибири.— Там же, ч. 1, кн. 2—5, 1824.
- Кибер. Чукчи.— Там же, ч. 2, 1824.
- Клесова Э. Север зовет. Магадан, 1956.
- Кнопфмиллер М. О. Социалистическое строительство среди эскимосов.— Сб. «Советский Север», № 5, 1941.
- Кочеров А. А. Из истории основания Магадана. Воспоминания старожила.— «Краеведческие записки», вып. II. Магадан, 1959.
- Крашенинников С. Описание земли Камчатки, т. I—II. СПб., 1786.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.—Л., 1958.
- Крушанов А. И. К вопросу об установлении Советской власти на Чукотке (1917—1920).— «Ученые записки Дальневосточного государственного университета», вып. 2. Владивосток, 1959.
- Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917—1918). Владивосток, 1961.
- Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918—март 1920). Владивосток, 1962.
- Кузиков К. Г. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки.— ТИЭ, новая серия, т. 56. М.—Л., 1960.
- Кузнецова В. Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей.— ТИЭ, новая серия, т. 35. М.—Л., 1957.
- Куликов М. И. Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа гаймысчальын (богатых) (конец XIX—начало XX в.).— «Краеведческие записки», вып. I. Магадан, 1957.
- Куликов М. И. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. М., 1958.
- Куликов М. И., Крюк В. А. От патриархально-общинного строя к социализму.— «История СССР», вып. 2, 1962.
- Лаврентьева М. А. Советское и партийное строительство в районах Крайнего Севера в 1926—1936 гг.— «Вестник ЛГУ», № 20, серия истории и языковедения, вып. 4, 1961.
- Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии.— КСИЭ, т. II, 1947.
- Левин М. Г. К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов. М., 1958.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ, новая серия, т. 36. М., 1958.

- Левин М. Г. Древнеберингоморский могильник в Уэлене (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.).—СЭ, № 6, 1958; № 1, 1960.
- Леонтьев В. В. Школа и труд. О трудовом обучении в сельских школах Чукотского национального округа. Магадан, 1964.
- Лукс К. Я. Проблема письменности у туземных народностей Севера.—«Советский Север», № 1, 1930.
- Лукс К. Я. О названиях туземных народов Севера.—«Советский Север», № 2, 1930.
- Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели.—«Записки РГО», т. V, вып. I, 1899.
- Матвеев-Бодрый Н. Н. Михаил Сергеевич Мандриков. Воспоминания о председателе первого ревкома Чукотки. Магадан, 1957.
- Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед.—Сб. «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)». Петропавловск-Камчатский, 1957.
- Меновщиков Г. А. Эскимосы (научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах). Магадан, 1959.
- Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутский язык.—Сб. «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959.
- Меновщиков Г. А. О пережитках явлений родовой организации у азиатских эскимосов.—СЭ, № 6, 1962.
- Меновщиков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. М.—Л., 1964.
- Меновщиков Г. А. Устное народное творчество азиатских эскимосов, как историко-этнографический источник. «VII МКАЭН», М., 1964.
- Минеев А. И. Остров Врангеля. М.—Л., 1946.
- Мухачев Б. И. Борьба за власть Советов на Камчатке в 1917—1920 годах.—Сб. «Дальний Восток за 40 лет Советской власти». Комсомольск-на-Амуре, 1958.
- Мухачев Б. И. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 году.—«Труды ЦГА РСФСР ДВ», т. I. Томск, 1960.
- Мухачев Б. И. Борьба с иностранной экспансией на территории Магаданской области в годы гражданской войны (1918—1923).—«Краеведческие записки», вып. IV, 4, Магадан, 1962.
- Мухачев Б. И. Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией в Камчатской области в годы гражданской войны (1918—1922 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. Томск, 1963.
- Мухачев Б. И. Крах иностранной империалистической экспансии на крайнем Северо-Востоке СССР.—«Краеведческие записки», вып. 5, Магадан, 1965.
- Мухачев Б. И. и др. К истории обороны Петропавловска-на-Камчатке в 1854 г.—«Исторический архив», № 2, 1959.
- Мухачев Б. И., Фетисов А. П. Охотские горняки в борьбе за власть Советов в 1917—1919 годах.—Сб. «Вопросы географии Дальнего Востока», кн. 4, Хабаровск, 1960.
- Мухачев Б. И., Фетисов А. П. Борьба за Советы на Охотском побережье в 1920 году.—Там же, кн. 6, Хабаровск, 1963.
- «Народы Сибири», М.—Л., 1956.
- Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. ч. 1. М.—Л., 1960.
- Окладников А. П. Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае.—ВДИ, № 1 (19), 1947.
- Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов.—«Ученые записки ЛГУ», № 115, Л., 1950.
- Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова.—КСИИМК, XXXI, 1950.
- Окладников А. П. Раскопки на Севере.—Сб. «По следам древних культур», М., 1951.
- Окладников А. П. Народы Северо-Востока СССР.—«Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», М., 1953.
- Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова.—«Известия ВГО», № 4, 1953.
- Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.—Л., 1953.
- Окладников А. П., Нарышкин В. В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове.—СЭ, № 1, 1955.
- Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытхын).—СА, № 2, 1957.
- Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине реки Майна (по работам 1957 г.).—МИА, № 86, М.—Л., 1960.
- Окунь С. Б. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Документы и материалы, Л., 1935.
- Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.
- Олсуфьев А. В. Общий обзор Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения.—«Записки РГО», т. II, вып. I, 1896.
- Орлова Е. П. Хозяйственный быт камчатских ламутов.—«Северная Азия», № 5-6, 1928.
- Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки.—«Северная Азия», № 3, 1929.

- Орлова Е. П. Ламуты полуострова Камчатки.— «Советский Север», № 5, 1930.
- Орлова Е. П. К вопросу создания письменности у народов Севера.— Там же, № 4, 1932.
- Орлова Е. П. 10 лет социально-культурного строительства на Севере ДВК.— Там же, № 3—4, 1935.
- Орлова Е. П. Азиатские эскимосы.— «Известия ВГО», № 2, 1941.
- Орлова Е. П. У алеутов на Командорских островах.— «Известия СО АН СССР», № 8, 1962.
- «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956.
- Папин А. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957.
- «Первый ревком Чукотки (1919—1920)». Сб. документов и материалов. Магадан, 1957.
- Полевой Б. П. находка подлинных документов С. И. Дежнева о его историческом походе 1648 года.— «Вестник ЛГУ», № 6, серия геологии и географии, вып. 1, Л., 1962.
- Попов А. И. К вопросу об омоках.— «Ученые записки ЛГУ», № 115, факультет народов Севера, вып. 1, Л., 1950. «Преображенный край», Магадан, 1956.
- Редько Б. А. Алеуты Командорских островов.— В кн. «Производительные силы Дальнего Востока», вып. 5. Человек. Хабаровск—Владивосток, 1927.
- Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). М.—Л., 1954.
- Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
- Самойлов В. А. Семен Дежнев и его время. М., 1945.
- Саяпин А. К., Диков Н. Н. Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгыгытгын).— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1958.
- Свиридова М. М., Соколова М. В., Фролов Н. П. К истории борьбы за власть Советов на Камчатке.— «Вопросы истории КПСС», № 1, 1965.
- Сергеев Д. А. Пережитки отцовского рода у азиатских эскимосов.— СЭ, № 2, 1962.
- Сергеев М. А. Корякский национальный округ.— «Труды по этнографии», т. I, Л., 1934.
- Сергеев М. А. Камчатский край. М., 1934.
- Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера.— ТИЭ, новая серия, т. 27, М.—Л., 1955.
- Сергеев М. А. Малые народы Советского Союза. Магадан, 1957.
- Сергеев М. А. О статье И. С. Архинцева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства».— ТИЭ, новая серия, т. 35, М.—Л., 1957.
- Сергеев М. А. Из опыта руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов советского Севера.— «Вопросы истории КПСС», № 8, 1964.
- Сильницкий А. П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь.— «Записки РГО», т. II, вып. 3, 1897.
- Симченко Ю. Б. Основные черты культуры охотников на дикого оленя северной Евразии.— «VII МКАЭН», М., 1964.
- Скачко А. Е. Очередные задачи советской работы среди малых народов Севера. М., 1931.
- Скачко А. Е. Национальная политика ВКП(б) и социалистическая реконструкция Крайнего Севера.— «Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера», М.—Л., 1932.
- Скачко А. Е. О социальной структуре малых народов Севера.— «Советский Север», № 3, 1933.
- Скачко А. Е. 10 лет работы Комитета Севера.— «Советский Север», № 2, 1934.
- Скорик П. Я. Чукотско-камчатские языки.— Сб. «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959.
- Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка, ч. I, М.—Л., 1961.
- Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. II, СПб., 1900.
- Смоляк А. В. Об одном древнем типе жилища на северо-востоке Азии.— «Сб. МАЭ», т. XVII, М.—Л., 1957.
- Смоляк А. В. Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района.— ТИЭ, новая серия, т. 35, М.—Л., 1957.
- Соколова М. В. Борьба трудящихся Крайнего Северо-Востока за установление и укрепление власти Советов. М., 1958.
- Степанов Н. Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах.— «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 188, 1959.
- «Тридцать лет Чукотского национального округа». Магадан, 1960.
- Урсынович С. Л. Восстание ссыльных и казаков на Камчатке (реферат доклада).— «Северная Азия», № 1—2, 1925.
- Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. М., 1964.
- Фетисов А. П. Ледовый поход.— «Дальний Восток», № 4, 1962.

- Фетисов А. П. Из истории Охотской партийной организации в 1920—1921 гг.— «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», кн. 1. Владивосток, 1963.
- Флеров В. С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926). Томск, 1964.
- Цвик Д. Магадан. Очерк-хроника. Города 20 лет. Магадан, 1959.
- Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре.— «VII, МКАЭН». М., 1964.
- Чистяков И. П. Десятилетие местных Советов.— «10 лет Магаданской области». Магадан, 1964.
- Шило Н. А. Наука на службе социалистического строительства.— «Колыма», № 11. Магадан, 1957.
- Шило Н. А., Потемкин С. В. Валютный цех страны.— «10 лет Магаданской области». Магадан, 1964.
- Шнакенбург Н. Нымыланы-кэрэки.— «Советский Север». Л., 1939.
- Штернберг Л. Я. Семья и род у народов северо-востока Азии. Л., 1936.
- Юхименко-Ехало В. И. Под знаменем Октября (из истории борьбы за установление Советской власти на северо-востоке нашей Родины). Магадан, 1957.
- «Языки и письменность палеоазиатских народов».— «Языки и письменность народов Севера», ч. III, под ред. Е. А. Крейнвича. М.—Л., 1934.
- Якубовская С. К вопросу о переходе народов советского Севера к социализму минуя капитализм.— ВИ, № 3, 1951.
- Bogoraz W. The Chukchee I. Material culture. The Jesup North Pacific expedition.— «Memoir of the American Museum of Natural History», vol. VII, Leiden—New York, 1904.
- Jochelson W. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. The Jesup North Pacific expedition.— Там же, IX, 1926.
- Jochelson W. The Koryak, p. I—II. The Jesup North Pacific expedition.— Там же, 1905—1908.

Библиографические указатели и обзоры

- Винников И. Н. Библиография этнографических и лингвистических работ В. Г. Богораза.— СЭ, № 4—5, 1935.
- Грачев В. А. Обзор источников по истории Приморья и Охотско-Камчатского края, вып. I.— «Труды Дальневосточного государственного университета», сер. III, № 5. Владивосток, 1927.
- Иванов Л. Н. Литература по археологии советского Дальнего Востока.— СА, т. XIII, М., 1953.
- Ивановский А. А. Библиографический указатель книг и статей о чукчах.— «Этнографическое обозрение на 1891 г.», кн. X.
- Матвеев З. Н. Что читать о Дальневосточной области. Владивосток, 1925.
- Матвеев З. Н. Новая литература по истории Приморья и Дальнего Востока.— «Записки Владивостокского отдела РГО», т. I (XVIII), 1928.
- Перевалов В. А. Новая литература об открытии С. И. Дежневым пролива между Азией и Америкой.— «Вопросы географии», № 16, М., 1949.
- Томашевский В. В. Материалы к библиографии Сибири и Дальнего Востока (XV—первая половина XIX века). Владивосток, 1957.

N. N. Dikov

ABOUT THE TASKS OF THE HISTORICAL INVESTIGATIONS ON THE NORTH OF THE FAR EAST OF THE USSR

The ethnography was the basic direction of historical study of North-Eastern Siberia before the revolution (S. P. Krasheninnikov, Kiber, Argentov, N. L. Gondatti, I. V. Slyunin, N. F. Kalinnikov, V. G. Bogoraz, V. I. Iokhelson). Afterwards the ethnography of the small peoples of the North-East is placing in the service of the socialist reconstruction of their economic, culture, mode of life (K. Y. Lux, E. P. Orlova, N. N. Bilibin, I. S. Arkhincheev, I. S. Vdovin, M. A. Sergeev, G. A. Menovshchikov, I. S. Gurvich). In that time has come true the problem of the creation of the written language for the Chukchi, Koryaks, Eskimos, Evens; in this connection the most considerable direction of the scientific study of these peoples became the linguistics (V. G. Bogoraz, V. A. Avrorin, P. Y. Skorik, G. A. Menovshchikov and others).

The successes of the national building in the North-East adduce the problem of the re-creation of the history of these outlying districts of the Soviet State, rebirthing to a new life. The questions of the ethnic history and paleoanthropology are worked out (G. F. Debits, M. G. Levin, B. O. Dolgikh, V. V. Antropova and others), these archaeological investigations are carried out (N. N. Dikov, M. G. Levin, S. I. Vasiljevsky), the questions of the history of the discovery of the North-East by the Russian travellers

(A. I. Alexeev, Berg, Samoylov, Efimov, Orlova, Markov, Belov, Belyaeva) are investigated, the works about the history of the fight for the power of the Soviets are written (V. I. Yukhimenko, N. A. Zhikharev, V. S. Flerov, B. I. Mukhachev), the first experiment of the generalization in the soviet period is created «The feature-stories of the history of the North East of the RSFSR» (N. A. Zhikharev).

The further development of the historical science on the Far North is connected with the organization in 1960 in Magadan of the North-Eastern complex scientific-research institute of the Siberian department of the Academy of Science for the USSR (NE CSRI). The main problem, determined the themes of the laboratory of the archaeology, history and ethnography of this institute, is the working out of the basic questions of the history of Chukotka, Kolyma and Kamchatka. The wide archaeological search of the tracks of the ancient inhabitants of Chukotka and Kolyma are setting, the investigations of the processes of the socialist building are conducted.

It is necessary in the nearest time the expansion of the themes of the complex investigations: historico-ethnographical, sociological, econom-geographical. Their purpose consists in the working out of the number of the actual problems, connected with the features of the transition of peoples of the Siberia to the communist society.

АРХЕОЛОГИЯ

9

ОТКРЫТИЕ ПАЛЕОЛИТА НА КАМЧАТКЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

Н. Н. Диков

Процесс антропогенеза не проходил, как известно, на огромном Американском континенте: люди пришли туда из стран Старого Света уже в «готовом виде», т. е. когда они уже окончательно сформировались в «человека разумного» (*Homo sapiens*). Они попали на Американский материк лишь после того, как научились приспосабливаться к перемене климата, изобретя жилища и одежду; когда стали преодолевать водные преграды с помощью примитивных плотов и лодок. Не с Европой и Африкой, а именно с Азией, притом с ее юго-восточной частью, связано коренное индейское население Америки общим антропологическим сходством и совпадением многих элементов культуры, таких, например, как метательная дощечка (копьеметалка), стрелометательная трубка, сдвоенные пироги, жилища на плотках, а также многих других¹.

Проблема древности проникновения первых человеческих обществ из Азии в Америку решается сейчас интенсивными археологическими исследованиями как в Южной, так и в Северной Америке. Ученые получили возможность широко применять радиоуглеродный метод для определения возраста археологических остатков. На основании этих данных большинство археологов и антропологов полагает, что появление человека в Западном полушарии относится к верхнепалеолитическому периоду (30—20 тыс. лет назад)². Такая датировка, конечно, весьма приблизительна и по мере выявления хорошо датированных археологических материалов может существенно изменяться.

Не хватает археологических данных для решения и другой проблемы: какими же именно путями шло первоначальное заселение Америки из Азии? Многие исследователи (Г. Ф. Дебец, Чард, Кемпбелл, Мак Нейш, Уормингтон) считают, что основной путь проходил через Северо-Восточную Азию, но полное отсутствие сведений об археологических памятниках на этой территории, более древних, чем поздний неолит, исключало возможность представить такой путь сколько-нибудь конкретно и определенно. Отсутствие археологических данных позволяет порой некоторым исследователям воображать совсем уже маловероятные, а подчас и вовсе фантастические пути первоначального заселения Америки через южные широты Тихого океана, Меланезию, Полинезию и даже Антарктиду в период отступления на ней ледника.

¹ Г. Ф. Дебец. Происхождение коренного населения Америки.— Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (ТИЭ, новая серия, т. XVI, М., 1951).

² Г. Ф. Дебец. Антропология Сибири и проблема заселения Америки.— «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск, 1960; S. Chard. Routes to Bering Strait.— «American antiquity», vol. 26, № 2, October 1960; I. M. Campbell. Ancient Alaska and Paleolithic Europe.— «Early man in the western American Arctic. A Symposium». «Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 10, № 2, April, 1963; R. S. Mac Neish. The Early Peopling of the New World.— Там же; H. M. Wormington. The Paleo-Indian and Meso-Indian Stages of Alberta, Canada.— Там же.

Интенсивные археологические поиски, предпринятые нами в 1961—1962 гг. на Камчатке, привели к открытию на этом полуострове сначала раннего неолита, а затем и мезолита, с такими элементами культуры, которые вполне определенно свидетельствуют о связях Азии и Америки³. В 1964 г. на Камчатке был открыт вполне ясно выраженный верхний палеолит, и тоже, как мы увидим ниже, с определенными чертами еще более древних культурных связей между этими двумя континентами. Следы верхнепалеолитической культуры были обнаружены на Каменном мысе южного берега Ушковского озера — в том месте, где в 1962 г. был заложен раскоп № 1. Они оказались под исследованными нами здесь ранее неолитическими и мезолитическими слоями. В первые годы раскопки проводились здесь в тот момент, когда уровень воды в озере был выше залегания палеолитических остатков. Естественно, что последние не были доступны тогда для раскопок.

Только осенью 1964 г., в период наибольшего спада воды, удалось организовать исследование самых нижних слоев рыхлых отложений Каменного мыса.

Одновременно были продолжены раскопки мезолитического и неолитических слоев на раскопе № 2 в 500 м к востоку от раскопа № 1, в результате чего там был прослежен на широкой площади ранний неолитический слой III с ножевидными пластинами и трехгранными наконечниками стрел, что повлекло за собой изменение общей нумерации культурных слоев сводного ушковского разреза. Слои III и IV по новой нумерации⁴ соответствуют слою III, а слой V — слою IV предварительных сообщений. В соответствии с новой нумерацией в северо-восточной части раскопа на Каменном мысе на площади в 80 кв. м под слоем V были выявлены четыре новых культурных слоя, три из которых (Va, VI, VII) содержали различные каменные изделия, а четвертый, самый нижний (VIII) — только угольки.

В верхнем из этих слоев (слой Va) на глубине 1,8—1,9 м на квадратах 10-з, 11-з, 10-и, 11-и наше внимание привлек очаг в виде большого углистого пятна, диаметром более 1,2 м (рис. 1)⁵. Угольки в этом очаге не уцелели в такой степени, чтобы их можно было использовать для радиоуглеродного датирования, чему причиной, вероятно, была повышенная влажность слоев земли на этом уровне, где они почти постоянно пропитаны грунтовыми водами. Толщина углистого пятна достигает в его середине 10 см, сходя на нет по краям. В очаге были замечены следы обломков костей, но в очень незначительном количестве. А по сторонам от него оказались три лыжеподобных скола из черного андезита (рис. 2, 1, 2), халцедона (рис. 2, 3) и два кремневых клиновидных нуклеуса (рис. 2, 5, 6).

Очажок значительно меньших размеров (около 0,5 м в диаметре) в виде линзы черной пережженной земли был прослежен и на квадрате 10-е. В 1,5 м к западу и северо-западу от него найдены обломок наконечника из кремнистого сланца, обработанного двусторонней отжимной ретушью (рис. 2, 8), и совершенно целый наконечник небольшого размера, продолговатой формы, сделанный из того же материала и при помощи той же техники (рис. 2, 7). В восточной части этого участка раскопа культурный слой был нарушен ямой, идущей из неолитического слоя (слой II).

³ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— Сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР» (Тр. СВКНИИ СО АН СССР вып. 8), Магадан, 1964; он же. Новые данные по археологии северо-востока Сибири.— «VII МКАЭН». М., 1964.

⁴ Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке.— «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР», Баку, 1965.

⁵ Рисунки ко всем археологическим статьям данного сборника выполнены художником И. И. Гуриним.

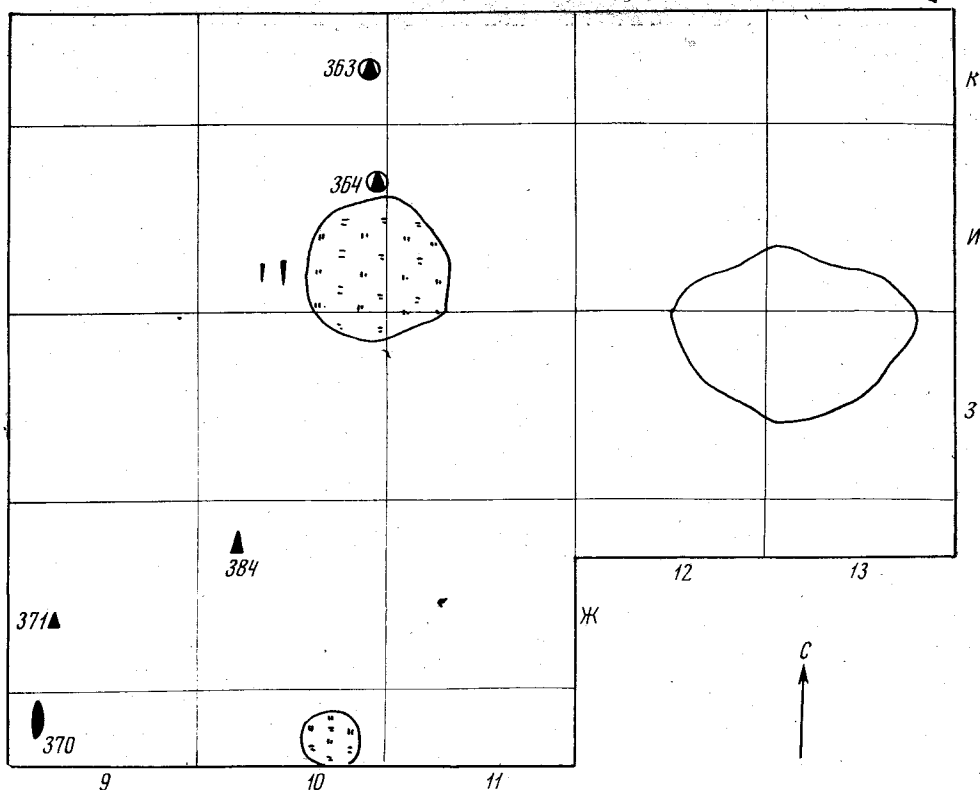

Рис. 1. План Va культурного слоя Ушковской стоянки

Остатки более древнего становища (в слое VI) залегали на 15 см глубже. От него дошли до нас два кострища, отстоящих друг от друга на 4 м, а также довольно много различных каменных изделий и отходов их изготовления (рис. 3).

Наиболее крупное кострище (на квадрате 12-и) располагалось в микропонижении почвы. В нем среди углистой земли лежали два очажных камня. Рядом с этим очагом были найдены две миниатюрные ножевидные пластиночки: одна из темно-зеленого, почти черного кремня (рис. 4, 11); другая, обломанная, — из серого кремня (рис. 4, 12). Здесь же оказался обломок обсидианового изделия несколько необычного до сих пор для древностей Камчатки вида, поразительно напоминающий известные ножи типа «киридаси» докерамических культур Японии. Так же, как и у японских изделий подобного рода, на этом обломке ясно видны намеренно притупленная крутой отжимной ретушью спинка и противоположащее острое, совсем не ретушированное лезвие; как лезвие, так и спинка сходятся у этого орудия под острым углом к одному из сохранившихся его концов (№ 439, рис. 4, 13).

Чуть дальше от костра по направлению к озеру на квадрате 11-к нам посчастливилось разобрать целое скопление из пяти отщепов серого окремненного глинистого сланца (рис. 4, 17, 18, 20), вместе с которыми найдены клиновидный скол из этого же материала (рис. 4, 19), шесть тонких ножевидных пластиночек из зеленого кремня (рис. 4, 4, 5), халцедона (рис. 4, 2) и серого кремнистого сланца (рис. 4, 3, 6, 7). Там же нам достались концевой скребок на отщепе темно-зеленого кремня (№ 394, рис. 4, 15) и изящный обсидиановый клиновидный нуклеус (№ 393, рис. 4, 1).

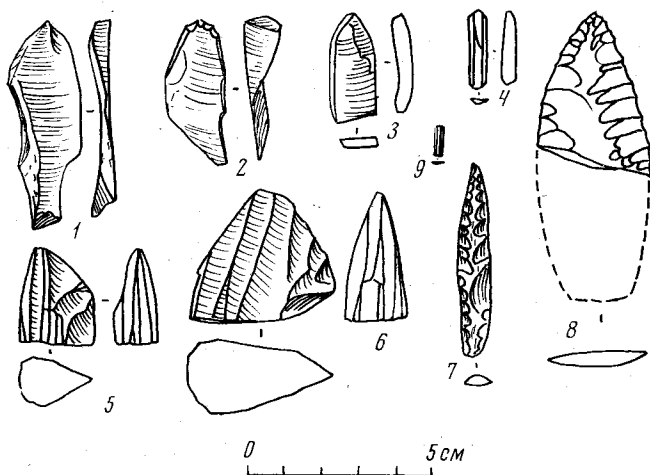

Рис. 2. Каменные изделия из Va культурного слоя

С противоположной стороны кострища на прослойке песка было сконцентрировано много тонких мелко наколотых отщепов темно-серого малопрозрачного обсидиана. Среди них встретились и два таких изделия, которые заслуживают особого внимания. Оба сделаны из темно-серого кремнистого сланца и представляют собой массивные продолговатые сколы. Один имеет ладьевидную форму (№ 390, рис. 4, 10), другой — лыжеподобную (№ 391, рис. 4, 9). Морфологически они, так же как и упомянутое выше изделие типа «киридаси», входят в круг вещей японской докерамической каменной индустрии. Их прямые аналоги — лыжеподобные сколы докерамических культур Хоккайдо⁶. Технологически же они могут рассматриваться как побочный продукт обработки клиновидных нуклеусов типа «ширатаки»: это, скорее всего, скол, образующий ударную площадку такого нуклеуса.

Несколько в стороне, на квадрате 13-к, найдено и третье такое изделие — более короткое и из более грубого серого кремнистого материала (№ 389, рис. 4, 8).

Второе очажное пятно было значительно меньше размером (около 80 см в поперечнике). В нем найдены концевой скребок на отщепе серого кремнистого сланца, с небрежно ретушированным рабочим краем (№ 399, рис. 4, 14) и обломок грубо обработанного ножа из того же материала (№ 400, рис. 4, 16).

Самым интересным оказался следующий слой (слой VII) на глубине 2,2 м. Здесь в серо-желтом суглинке на тонкой прослойке песка мы разыскали следы стоянки и весьма своеобразное захоронение (рис. 5).

От стоянки сохранились не одно, а, пожалуй, три кострища. Одно из них, на квадрате 9-ж, примерно в 7 м от нынешнего края берега, было прослежено в толще серо-желтого суглинка в виде округлого скопления золы и углей. Большая часть остатков предметов каменного производства была обнаружена между этим кострищем и берегом озера среди камней останцового происхождения.

Новой и неожиданной находкой были здесь два черешковых наконечника. Оба они очень маленькие, около 3,5 см, и очень грубо сделаны из базальта, оба с обломанными кончиками. У одного из них, обработанного с двух сторон, черешок выражен очень хорошо (№ 435, рис. 6, 2), другой

⁶ Сэридзава Тёсукэ. Япония в каменном веке. — «Сэки дзидай-но нихон», Токио, 1960.

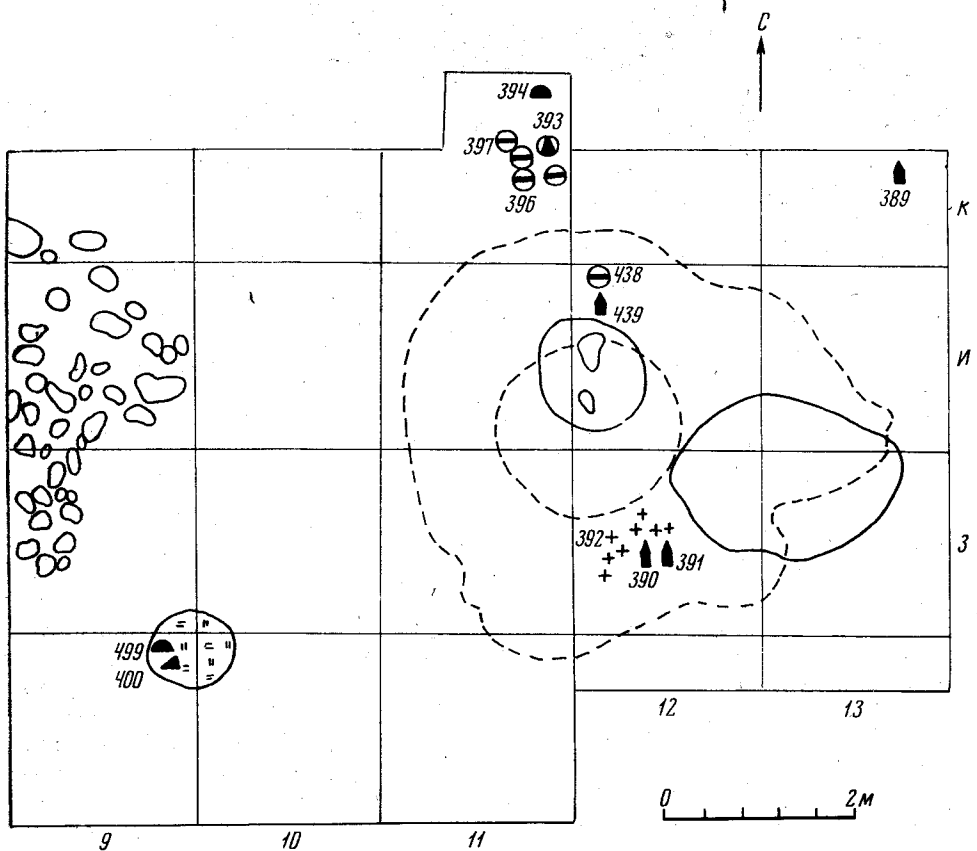

Рис. 3. План VI палеолитического слоя

имеет следы обработки краевыми сколами только со стороны спинки отщепы, на брюшке же отщепы никаких вторичных следов сколов не имеется (№ 402, рис. 6, 1). Наконечники найдены на расстоянии 2,5 м друг от друга (первый — на квадрате 8-и, второй — на квадрате 9-з). Уже при первом взгляде на эти миниатюрные наконечники видно их близкое сходство с подобными изделиями микролитического комплекса Арайя на острове Хоккайдо⁷.

К той же технической традиции микролитов Арайя тяготеет обломок наконечника несколько иного вида, обнаруженный на квадрате 9-з. Он сделан из темно-серого кремнистого сланца, плоский, с остроугольным насадом и обработан с одной стороны краевой ретушью. В целом виде он имел, скорее всего, листовидную форму (№ 440, рис. 6, 13).

Среди осколков и отщепов серого кремнистого глинистого сланца, а их найдено здесь около 60 штук (рис. 6, 11, 14, 15, 16, 17), встречен один с ретушью (№ 441, рис. 6, 10). Он служил, очевидно, скребком. Другой скребок был сделан из черного андезита (№ 441, рис. 6, 9). Там же обнаружены обломок лезвия и фрагмент более крупного грубо обработанного скребла из ороговикованного глинистого сланца (№ 441, рис. 6, 7).

Среди общей массы всех этих в основном очень небрежно сделанных поделок и отщепов особо выделяются три изделия: обломок плоского двусторонне обработанного отжимной ретушью наконечника из зеленого

⁷ Сэридзава Тёсуке. Указ. соч., табл. 94, 95.

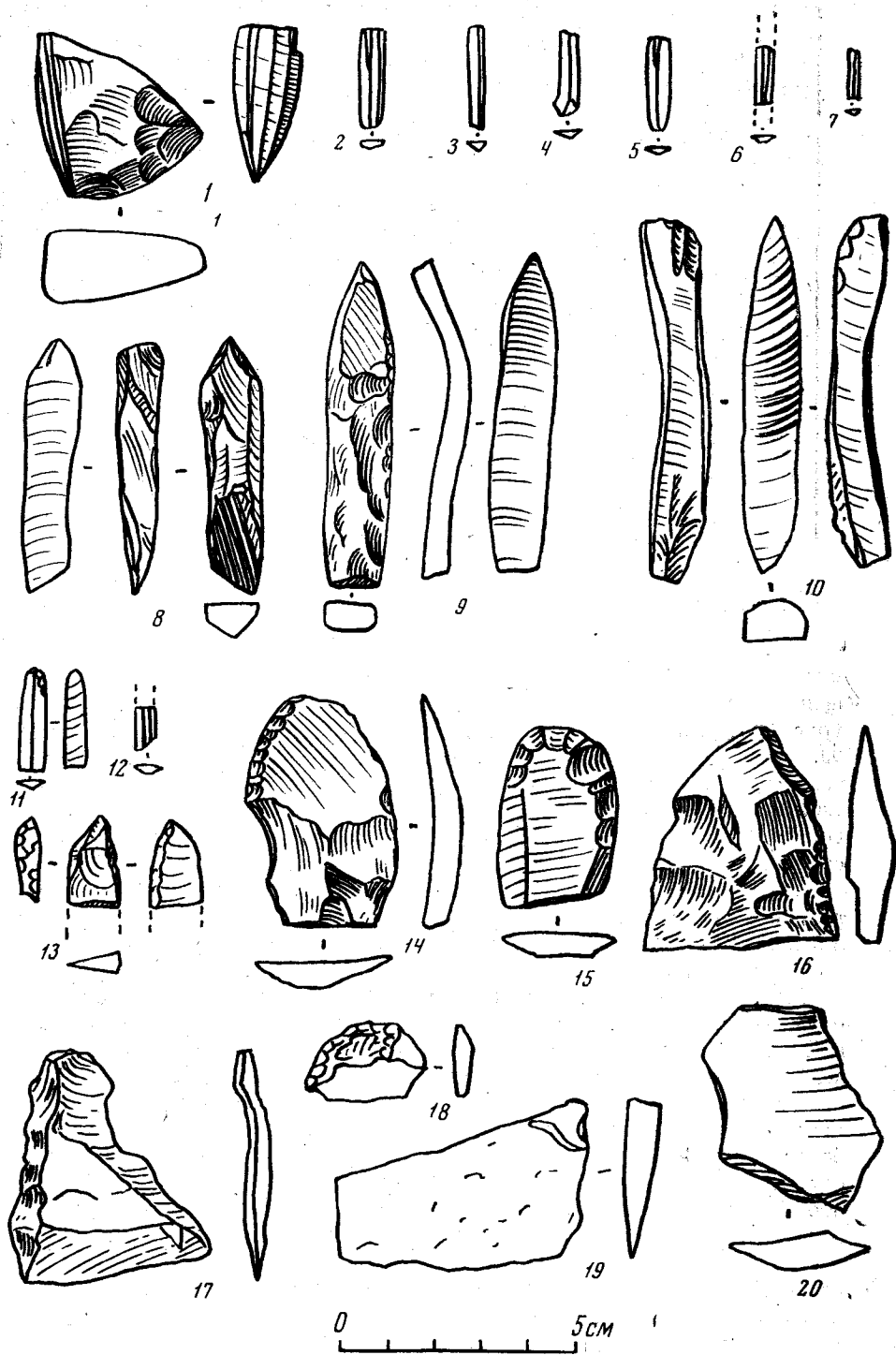

Рис. 4. Вещи из VI палеолитического слоя

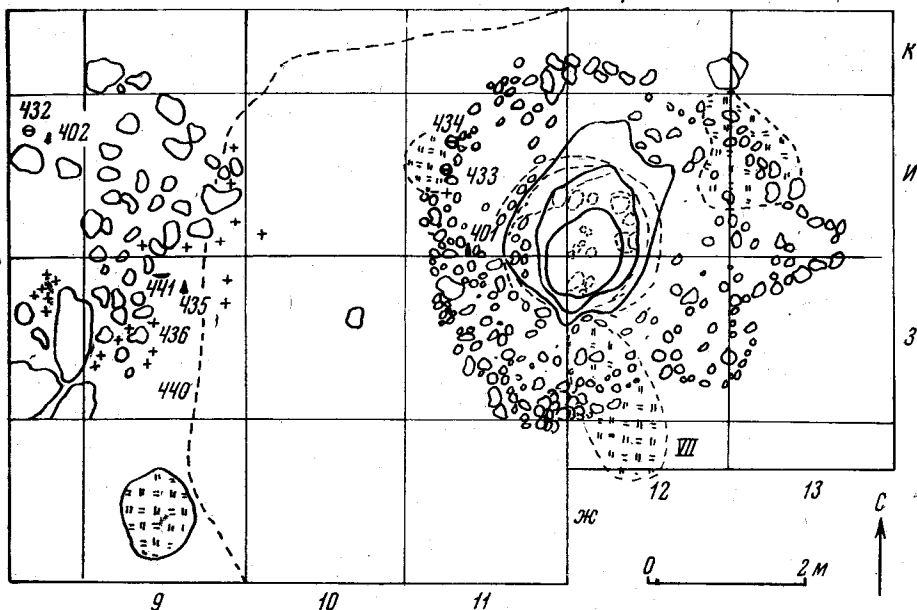

Рис. 5. План VII палеолитического слоя (справа — выброс из могильной ямы)

кремня (№ 440, рис. 6, 8) и такой же тонкий и плоский листовидный отщеп из халцедона со следами прекрасной отжимной ретуши на его спинке (рис. 6, 12), а также микропластинка из зеленого кремня (№ 432, рис. 6, 5). Первые два снова вызывают в памяти микролиты Арайя, третья тоже свидетельствует, что в какой бы то ни было культурно-типологической форме микролитическая техника была уже не чужда людям, оставившим нам в слое VII Ушковской стоянки грубые черешковые наконечники, скребки и отщепы.

Еще одно кострище предстало перед нами в восточной части стоянки — там, где была устроена могила. Оно прослежено на тонкой песчаной прослойке светло-желтого цвета, непосредственно под выбросом камней из могильной ямы, с северо-западной ее стороны.

Кострище имело почти правильные округлые очертания и достигало около 65 см в поперечнике. Его содержимое состояло из угольков и плотной розовато-серой массы костного происхождения, в которой ясно различались отдельные мелкие осколки горелых костей. Там оказались и две ножевидные миниатюрные пластинки из серого кремня (рис. 6, 4, 6); на расстоянии 80 см от очажка, с южной его стороны, — еще один маленький базальтовый наконечник с ясно различимым черешком и с обломанным острием (рис. 6, 3). Этот наконечник совершенно тождествен тем двум, что были найдены в западной части стоянки. Его точное местонахождение на светло-желтой прослойке песка (слой 28), непосредственно под зеленовато-серым песком могильного выброса, с абсолютной достоверностью хронологически связывает данную стоянку с расположенной на ней могилой. Их синхронность совершенно очевидна, и вместе с тем ясно, что могила устроена именно на стоянке, которая, вероятно, после этого была на некоторое время оставлена.

Первое, с чем мы столкнулись, исследуя погребение, это ярко-красная охра. Тонким слоем (толщиной в 1—2 см) этой минеральной краски (слой 27) покрыта значительная площадь — около 50 кв. м. Охрой была посыпана сама могила, окружающий ее выброс камней и участок вокруг нее, преимущественно с юго-западной стороны. В процессе раскопок вы-

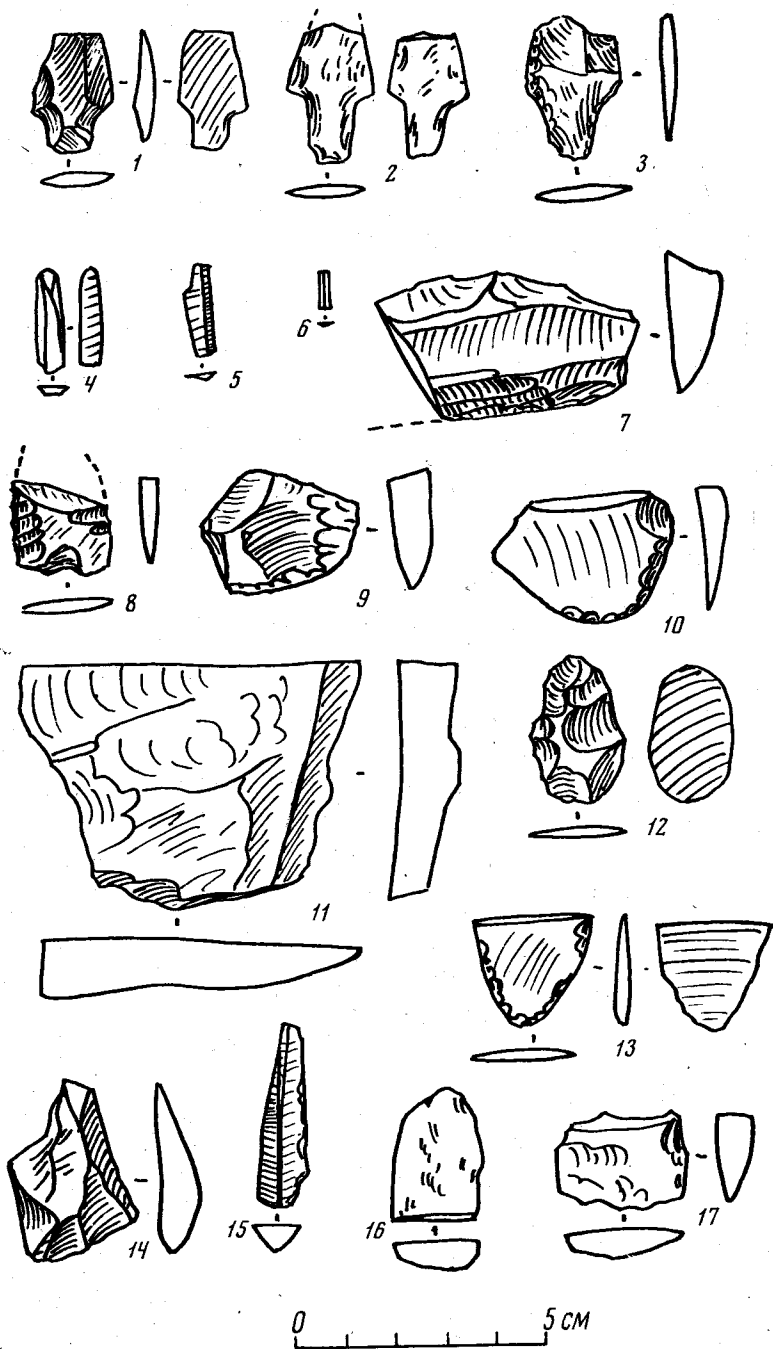

Рис. 6. Каменные изделия из VII палеолитического слоя

яснилось, что могильная яма была вырыта с уровня тонкой прослойки песка (слой 28) под слоем розовато-желтого суглинка (слой 26). Она имела округлые очертания в плане и достигала 1,8 м в поперечнике. Прорезая все лежащие ниже рыхлые слои и углубляясь на 20—30 см в плотный слой вулканических бомб, она достигла глубины в 70 см (рис. 7). Выброс из земли и камней имел форму неправильного кольца диаметром около 4 м, невысоким валом (до 10—30 см высотой) окружающего яму (рис. 5). Структура выброса ясно показывала, что песчаный и суглинистый грунт

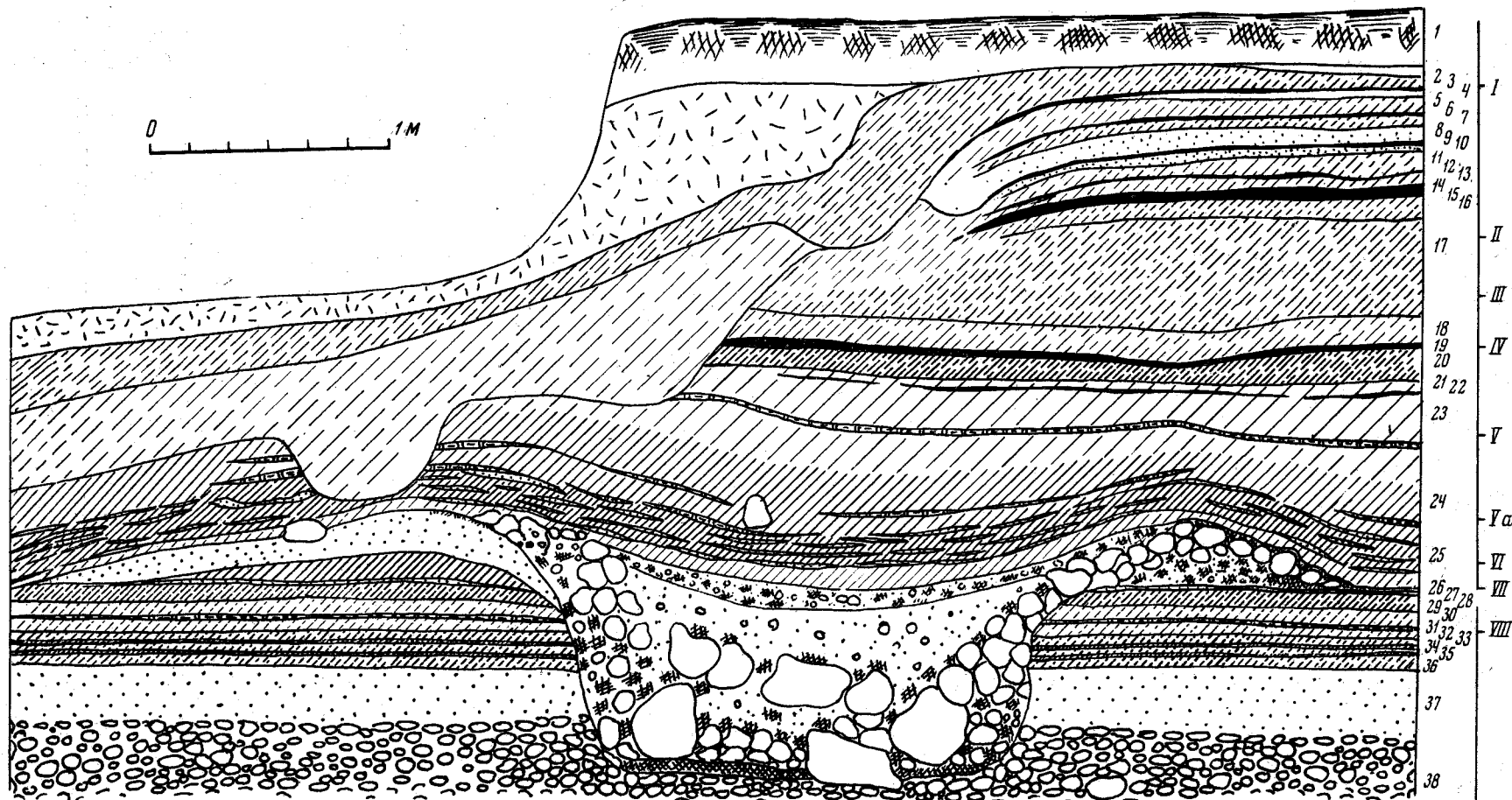

Рис. 7. Разрез через палеолитическое погребение с севера на юг

выбрасывался при копке ямы на все стороны, а вулканические бомбы нижнего слоя — преимущественно на юго-западную сторону. С той стороны и охра покрывала выброс более толстым слоем. С противоположной, северо-восточной стороны охры почти совсем не замечено, зато там были остатки большого (до 1,5 м) кострища довольно расплывчатых очертаний. Оно насыщено древесными угольками и не содержит каких-либо других находок. Никаких вещественных находок не оказалось и в других местах выброса, окружающего могильную яму, если не считать уже упомянутых выше двух ножевидных пластинок и черешкового наконечника, обнаруженных непосредственно под выбросом, но относящихся, скорее всего, не к могиле, а к стоянке.

Сверху донизу погребальная яма была засыпана мешаной землей с угольками и комками красной охры, а по краям завалена камнями. В середине их было меньше, но там камни были крупнее (рис. 8). Создавалось впечатление, что после совершения погребения в яму сгребли обратно часть выброса вместе с углями из зажженного на ее северо-восточном краю костра, бросили затем несколько принесенных со стороны больших камней вулканического происхождения (один из них был сработан наподобие примитивной терки), после чего засыпали погребальную площадку охрой. Особенно много охры оказалось на дне могилы. Здесь она сплошь покрывала каменную ложе покойника и то небольшое, что осталось от него, толстым (почти 5 см) слоем (рис. 9).

Кости погребенного под воздействием грунтовых вод, к сожалению, полностью сгнили. В восточной части могилы от них сохранились в нескольких местах только едва заметные следы, судя по которым, а также учитывая расположение бус, покойник был, вероятно, уложен головой на север. Не уцелели в водоносном слое, разумеется, и какие-либо другие органические остатки погребального инвентаря и одежды захороненного. Досталось нам только то, что не могла разрушить многотысячелетняя сырость могилы, ежегодно летом заливаемой водой, — изделия из камня. Частично они стали попадаться еще в засыпке могилы, по ее краям. Это были маленькие бусинки и подвеска, сделанные из очень мягкого камня — агальматолита. Бусинки представляют собой неправильные плоские и тонкие кружки диаметром 3—5 мм с просверленным посредине отверстием (рис. 12, 3). Подвеска из того же материала зеленовато-серого цвета имела плоскую вытянутую форму длиной 3,3 см и шириной 0,8 см. Ее поверхность была со всех сторон отшлифована, и на одном конце изделия имелось отверстие для подвешивания (рис. 12, 4). Эта подвеска с несколькими бусинками обнаружена на северо-восточном краю ямы значительно выше ее дна, на глубине около 40 см. Еще одна пирофиллитовая подвеска лепешковидной формы с обломанным краем (около 2 см длиной), вместе с несколькими более крупными бусинами из янтаря оказалась на северо-западном борту ямы примерно на той же глубине (рис. 12, 2). На юго-западной стороне ее, тоже на глубине 40 см, удалось зафиксировать *in situ* чрезвычайно интересное скопление из одних только бусин. Их было здесь 20 штук, и они лежали на вулканической бомбе, выступающей в стенке ямы из верхней части слоя этих бомб (рис. 9, 3). Судя по их расположению в виде ромбической фигуры, эти бусины составляли прежде своеобразную подвеску — часть украшения одежды (рис. 11).

Основная масса бусин, более 800 штук, встречена в самом низу, в слое охры, устилавшем дно могилы. Они были рассеяны не по всей площади дна; в северо-западной и юго-восточной частях могилы их почти не было (рис. 9).

В юго-западной части могилы бусины лежали наиболее густо, образуя в одном месте сплошное скопление неправильной формы поперечником 30 см. Часть бусин здесь сохранила положение, ясно указывающее, что они прежде были нанизаны короткими прядками; остальные лежали плашмя

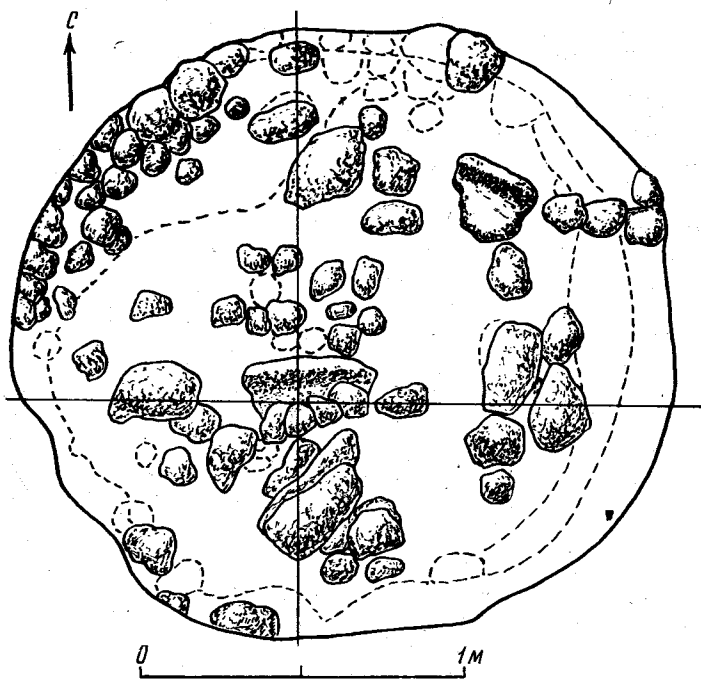

Рис. 8. Расположение камней в верхней части могильной насыпки

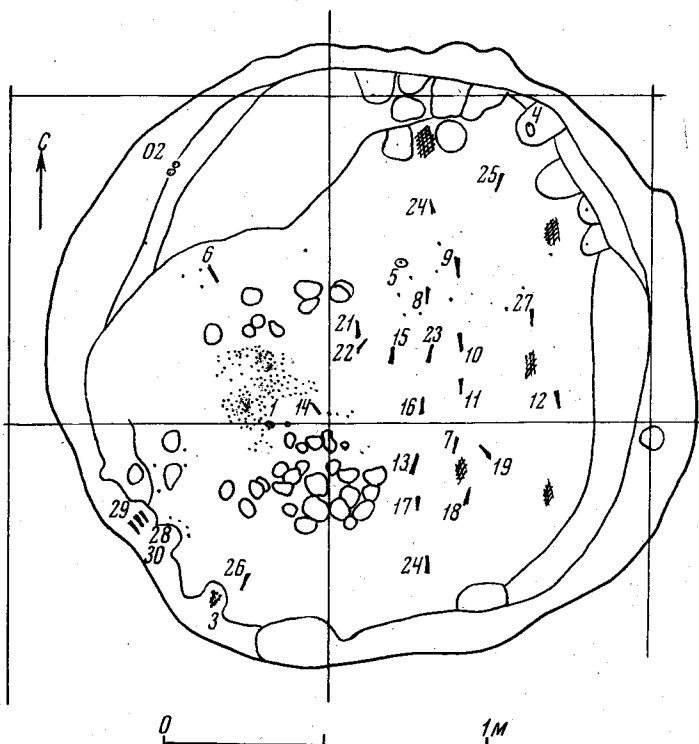

Рис. 9. Расположение бус и резцевидных острий на дне палеолитического погребения

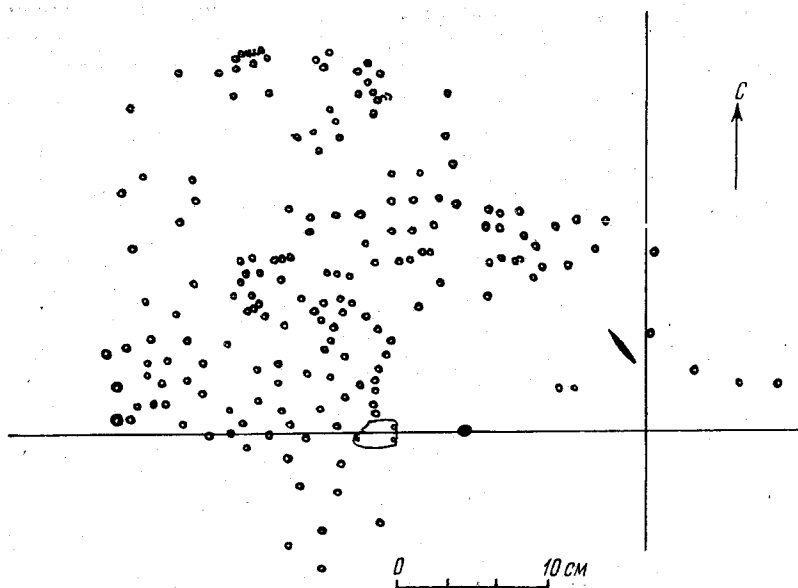

Рис. 10. Скопление бус в юго-западной части могилы

отдельно друг от друга (рис. 9, 10). Они находились между крупными камнями (рис. 8) на разных уровнях в толще наиболее мощного здесь охристого слоя. На краю этого скопления бусин лежала плашмя шлифованная нашивная бляшка подпрямоугольной формы ($2,7 \times 1,8$ м) с обломанным углом. Она была сделана техникой шлифования из мягкого камня. Сохранились четыре отверстия из пяти, которые имелись на ее краях первоначально (рис. 12, 1). Рядом с этой бляшкой, чуть в стороне, находилась относительно крупная бусина прямоугольной формы, а на противоположном конце могилы среди другого, менее сконцентрированного скопления бусин найдена еще одна плоская шлифованная подвеска примерно овальной формы длиной 2,6 см, шириной 1,5 см (рис. 12, 5).

Все бусины и подвески были переданы на микроанализ в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР С. А. Семенову. На каждой бусине ему удалось обнаружить следы износа только с одной ее плоской стороны. Кроме того, на всех бусинах возле их отверстий ясно видны следы стертости от привязки. Подобный характер изнашивания свидетельствует о том, что бусины пришивались к одежде плашмя. Не может быть, таким образом, сомнения в том, что они являются остатками одежды погребенного.

Кроме бусин и подвесок, на дне могилы отысканы и орудия, при помощи которых такие каменные украшения могли быть изготовлены. 26 резцевидных острий и проколов из альбитоподобного полупрозрачного камня лежали разбросанными по каменному ложу. Три резцевидных острия (рис. 12, 28—30) находились вместе, совсем рядом возле подвески из бусин, на юго-западном краю могилы. Еще одно острие (рис. 12, 26) оказалось тут по другую сторону этой подвески. Большой резцевидный стержень (рис. 12, 14) обнаружен там, где было самое густое скопление бусин, — в центральной части могилы, поблизости от прямоугольной бляшки. В той же западной части могилы, ближе к ее северной стенке, найдена еще одна проколка. Остальные резцевидные острия (рис. 12, 6) извлечены из восточной части ямы, где сохранились, хотя и незначительные, следы костей погребенного (на рис. 12 показаны штриховкой) и довольно большое скопление бусинок, украшавших его одежду.

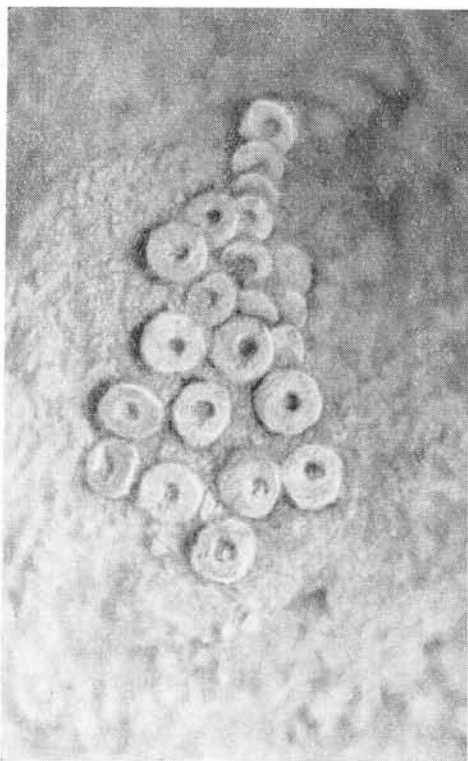

Рис. 11. Подвеска из бусин на юго-западном краю могилы

Все резцевидные острия сделаны довольно грубо. Это продолговатые стержневидные сколы. Некоторые из них (рис. 12, 7, 16, 20) лишь очень отдаленно напоминают приостренные с одного конца ножевидные пластинки микролитического комплекса Арайя с японских островов⁸. Преобладающее же их количество никаких аналогий в известном нам материале с японских островов не находит и представляет совершенно своеобразный тип изделий. Их форма определяется в значительной мере свойствами материала, из которого они сделаны, а именно его способностью раскалываться на столбчатые отдельности и плохо поддаваться ретуши. Исследование этих изделий методом микроанализа, произведенное С. А. Семеновым, показало, что они обладают микрогофрированной поверхностью, и поэтому могли служить прекрасными абразивами. Ими шлифовали бусины, ими же (особенно наиболее тонкими остриями) высверливали в них отверстия. На поверхностях бусин ясно различимы следы шлифовки при помощи этих инструментов. Последние исполь-

зовались большей частью без рукояток: на их противоположных рабочему острию концах видны следы от руки.

Подходя к оценке возраста вновь открытых в 1964 г. слоев Va, VI и VII, надо иметь в виду, прежде всего, что они залегают под слоем V, абсолютная дата которого 10360 ± 350 (Mo-345) соответствует по европейской шкале хронологическому рубежу между мезолитом и палеолитом. Затем нельзя не отметить резкое отличие культурных комплексов смежных слоев VI и VII и соответствующие этим комплексам аналогии в других одновременных им культурах.

Многие находки слоя VI, особенно клиновидные нуклеусы, микропластинки и скребки, вполне сопоставимы с аналогичными вещами из хорошо датированного верхнепалеолитического горизонта Афонтовой горы II на Енисее, а также, в некоторой степени, с вещами из верхнепалеолитических слоев стоянок Красный Яр⁹ и Федяевской на Ангаре¹⁰. Для других изделий, прежде всего для листовидных наконечников стрел, легко найти аналогии в Северной Америке, в частности в памятниках древнекордильерской традиции, где такие наконечники известны как тип «лерма»¹¹. Ря-

⁸ Сэридзава Тёсукэ. Указ. соч., табл. 94.

⁹ З. А. Абрамова. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. — СА, 1962, № 3.

¹⁰ С. Н. Астахов. Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре. — СА, 1963, № 3.

¹¹ R. V. Butler. The Old Cordilleran Culture in the Pacific Northwest. — «Occasional Papers of the Idaho State College Museum», № 5, Pocatello, 1961.

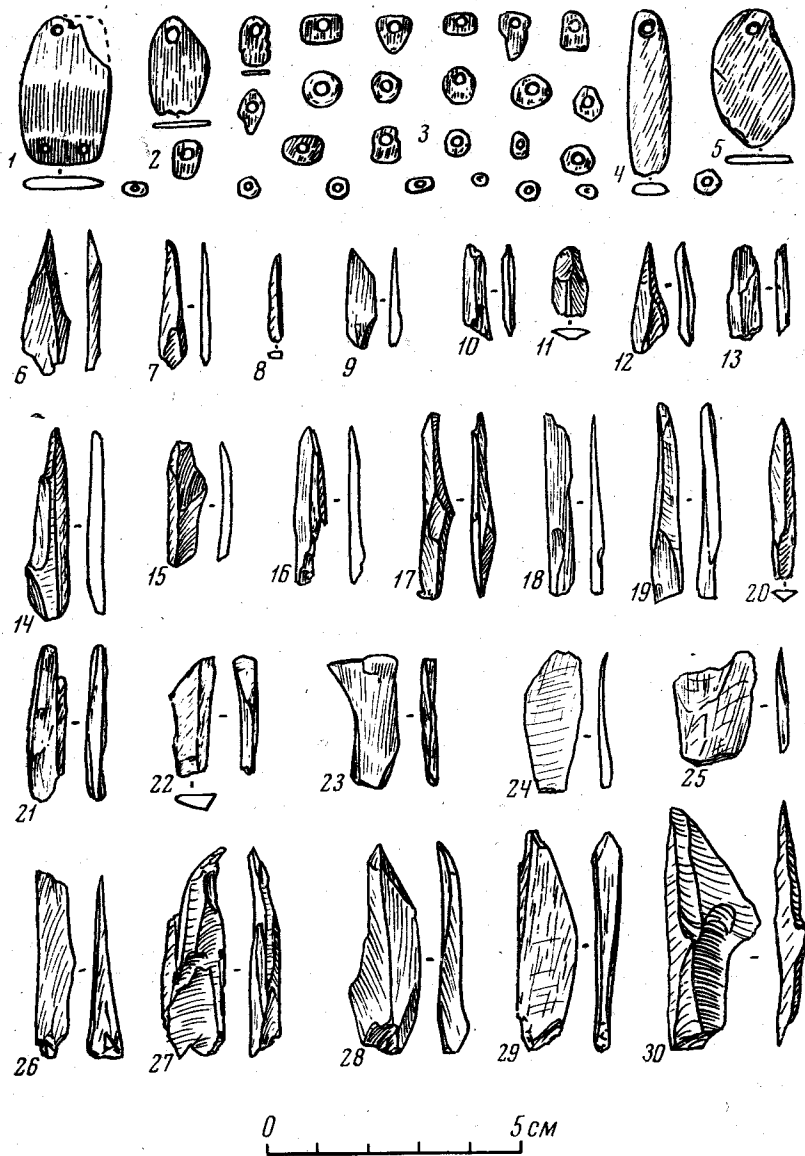

Рис. 12. Каменные подвески, бусы и резцевидные остря из палеолитического погребения

довой материал слоя VI (впрочем, также и слоев V и Va), а именно грубые широкие отщепы, очень близок еще более древней культурной традиции Бритиш-Маунтен, особенно таким ее памятникам на Аляске, как Палисады и само местонахождение Бритиш-Маунтен и в какой-то степени, может быть, Когрук¹². Некоторое сходство в приемах обработки кремня (клиновидные нуклеусы) можно заметить также в остатках каменной индустрии наиболее древних отложений острова Анангула, на во-

¹² I. M. Campbell. Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska.— «Prehistoric cultural relation between the arctic and temperate zones of North America». Edited by I. M. Campbell, Arctic Institute of North America, «Technical Paper», № 11, 1962; он же. Ancient Alaska, and Paleolithik Europe; R. S. Mac Neish. Указ. соч.

сточном краю Алеутских островов. И так как еще Лафлин¹³ отмечал сходство некоторых анангульских наиболее ранних находок (резцы и резцовые сколы) с изделиями докерамических культур Японии, то путь перенесения культурных влияний из Японии в Америку через Камчатку по южному краю древней Беринговской суши становится теперь более определенным.

В слое VII мы находим совсем иные, чем в слое VI, наконечники стрел, несколько другие, более мелкие отщепы и гораздо меньше микропластинок. Этот комплекс обнаруживает, как мы уже отмечали, некоторую близость к камфной индустрии японского докерамического комплекса Арайя, датированного примерно 15 тыс. лет от нашего времени¹⁴. Таким же примерно временем (14—16 тыс. лет от наших дней), соответствующим позднему периоду сибирского верхнего палеолита, можно, очевидно, датировать и ушковский слой VII, если учесть, что он лежит на полметра глубже слоя V, датированного по радиоуглероду $10\,360 \pm 350$ лет (Мо-345)¹⁵.

Надо полагать, что основой жизни обитателей Ушковских палеолитических становищ было не только рыболовство, ради которого они, очевидно, и поселились на берегу самого рыбного и сейчас, никогда не замерзающего озера, но также и охота. Скорее всего охотились уже с помощью луков и стрел на сравнительно небольших животных вроде северного оленя. Во всяком случае, те каменные наконечники, которые мы обнаружили в слое VII, очень невелики и никак не годились бы для оснащения копий или даже дротиков. Наконечники могли бы служить, по нашему мнению, лишь для стрел, метаемых луком.

Несмотря на кажущуюся примитивность инструментов, палеолитическим обладателям обнаруженных в ушковском захоронении бусин и подвесок было присуще высокое мастерство и известны весьма тонкие, можно сказать, ювелирные приемы обработки мягкого камня. Их умение шлифовать каменные украшения еще в то время, когда на земле господствовали оббивка и ретуширование, а техника шлифовки была известна лишь немногим обитателям планеты, сопоставимо разве только с мастерством костенковских палеолитических шлифовщиков каменных дисков на Дону.

Камчатка была, таким образом, далеко не отсталым захолустьем палеолитического мира. Не была она и изолированной. Отмеченные нами выше типологические аналогии свидетельствуют, как мы видели, об интенсивных культурных связях ее населения с Южной Сибирью, с которой Камчатка составляла в то время, вероятно, единую культурную зону, а также с Японией, где еще 9 тыс. лет назад, едва ли не раньше, чем в других местах земного шара, было развито керамическое производство¹⁶.

С другой стороны, эта древнейшая камчатская культура активно распространялась в сторону Америки. Сохранившееся в ушковской могиле большое количество бисера, бусин и подвесок — типично индейский вавпум — вскрыли глубокие камчатские, а в конечном счете азиатские истоки исконного индейского обычая носить подобные украшения. Много общедого с более поздними американскими обнаруживают и ушковские древнейшие наконечники стрел: черешковые из слоя VIII и удлинненно-листовидные из слоев V и VI. Наконец, сам обычай магического употребления в

¹³ W. Laughlin. Eskimos and Aleuts: their origins and evolution.— «Science», vol. 142, No 3513, 1963.

¹⁴ Сэридзава Тёсукэ. Указ соч.

¹⁵ А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова. Определение абсолютного возраста по С¹⁴. Сообщение 5.— «Геохимия», 1966, № 10.

¹⁶ А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону.— МИА, № 5, М.—Л., 1955; C. S. Chard. Early radiocarbon dates for pottery in Japan and their implications.— «VII International congress of anthropological and ethnological sciences», Moscow, 1964.

погребальном ритуале красной охры тоже может расцениваться как существенный связующий элемент палеолитических культур Старого и Нового Света.

Таким образом, и географическое положение, и древность впервые открытого на северо-востоке Азии палеолитического памятника, и во многом американоидный его характер — все это новые веские доказательства раннего, хотя вовсе не обязательно первоначального, заселения Америки из Азии через ее крайний северо-восток, в частности через Камчатку и древнюю сушу, соединявшую Азию с Америкой на севере. И не исключено, что дальнейшими раскопками будут обнаружены здесь, на кратчайшем пути между двумя самыми большими континентами, и еще более древние общие для их коренного населения элементы культуры, может быть, даже те, о которых было упомянуто в самом начале статьи.

ЛИТЕРАТУРА *

- Окладников А. П. Заселение Америки и Австралии человеком.— «Всемирная история», т. I, Москва, 1955.
Befu Harumi, Ch. S. Chard. Pre-ceramic cultures in Japan.— «American Anthropologist», vol. 62, № 5, October 1960.
Oba Tochio, S. Chard. New dates for early pottery in Japan.— «Asian Perspectives», vol. 6, 1962.

N. N. Dikov

THE DISCOVERY OF THE PALEOLITH ON THE KAMCHATKA AND THE PROBLEM OF THE OLDEST OCCUPATION OF AMERICA

The traces of the upper paleolithic culture: the remains of the stratified site and burial were discovered by the author in the year 1964 in the centre of Kamchatka Peninsula, on the southern bank of the Ushkovsky lake. They were retraced in two strata in the clear stratigraphic conditions under the cultural strata of the neolithic and mesolithic age, investigated by the author in the years 1961—1962 (Dikov N. N., 1964).

The geographical situation, antiquities (about 14000—12000 years B. C.) and the character of the finds, wedge — formed cores of Shirataky, stone petiolar points and beads, associated with the Indian vampum, that all testify for hypothesis about the oldest occupation of America from Asia on the side of Japan, across the extreme North — East, in particular across Kamchatka.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ ПО СТРАТИГРАФИИ ПАЛЕОЛИТА КАМЧАТКИ

Н. А. Шило, Н. Н. Диков, А. В. Ложкин

Как известно, стратиграфия голоценовых отложений на территории Северо-Востока СССР до сих пор разработана еще слабо¹. В сущности, нет обобщенных биостратиграфически обоснованных схем этого отдела четвертичного периода. Исследования отложений нижнего и верхнего голоцена² относятся лишь к территории Яно-Колымского золотоносного пояса и поэтому без существенных оговорок не могут быть распространены на другие районы Северо-Востока. Работы по стратиграфии молодых аллювиальных отложений на Чукотке, выполненные З. В. Орловой³, относятся к небольшому району; их результаты также не могут быть использованы в целом для всей обширной территории Северо-Востока.

В стратиграфических работах до сих пор совершенно не использовались результаты археологических исследований, которые вместе с радиоуглеродными датировками могли бы служить серьезной основой для разработки общей стратиграфической шкалы голоцена Северо-Востока. В связи с этим данные, полученные в 1962 г. на Камчатке по неолиту и мезолиту, приобретают исключительно важное значение. И, разумеется, еще больший интерес, с нашей точки зрения, представляют материалы по палеолиту, собранные в 1964 г. на Камчатке⁴.

Они служат предметом настоящего сообщения.

На полуострове Камчатка остатки палеолитической культуры Н. Н. Диков нашел на Каменном мысе южного берега Ушковского озера, возникшего на месте излучины реки Камчатки (рис. 1). Южный берег этого озера образован поймой реки и ее первой надпойменной террасой, имеющей высоту 3,5—4 м над межениным уровнем воды в реке.

Цоколь террасы сложен коренными породами, на которых залегают плотные конгломераты, состоящие из слегка окатанных вулканических бомб. Конгломераты перекрываются слоем зеленовато-серого тонкозернистого песка мощностью около 0,3 м, на нем залегают супесчано-суглинистые горизонтальнослоистые отложения.

¹ Н. А. Шило. Четвертичные отложения Яно-Колымского золотоносного пояса, условия и этапы их формирования — «Труды ВНИИ-1, Геология», вып. 66, Магадан, 1961.

² Там же.

³ З. В. Орлова. Спорово-пыльцевые спектры аллювия современных речных пойм западной Чукотки и их стратиграфическое значение. — Доклады АН СССР, т. 154, № 2, 1964.

⁴ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки. — Сб. «История и культура народов Северо-Востока СССР» («Труды СВКНИИ СО АН СССР», вып. 8), Магадан, 1964; он же. Новые данные по археологии северо-востока Сибири. — «VII МКАЭН», М., 1964; он же. Открытие палеолита на Камчатке. — «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР». Баку, 1965.

Ниже приводится (рис. 2) один из наиболее полных разрезов восточной части раскопа на Каменном мысе (сверху вниз, мощность в сантиметрах):

1. Растительный слой	8
2. Супесь черного цвета, местами включающая угли	12
3. Вулканический пепел	2—4
4. Супесь черного цвета, гумусированная	2—3
5. Супесь светло-коричневого цвета	4—5
6. Вулканический пепел	1—2
7. Супесь коричневого цвета, сверху более темного, гумусированная	5—6
8. Песок крупный темно-серый	4—5
9. Пепел вулканический	1—2
10. Песок вулканический	1—2
11. Супесь светло-коричневого цвета	5—6
12. Пепел вулканический	1—2
13. Супесь светло-коричневого цвета	5—6
14. Пепел вулканический	6—8
15. Супесь желтовато-серого цвета	до 10
16. Пепел вулканический	0—1
17. Супесь желтовато-серого цвета	до 50
18. Супесь светло-желтого цвета	10
19. Пепел вулканический	2—5
20. Супесь черного цвета, гумусированная	10—15
21. Супесь охристого цвета	5—10
22. Пепел вулканический	2—4
23. Суглинок буровато-желтого цвета с углистой прослойкой в средней части слоя	35—45
24. Суглинок охристо-зеленовато-серого цвета с углистой прослойкой в средней части слоя	20—25
25. Суглинок серовато-охристого цвета с прослойками песка	10—15
26. Суглинок розовато-желтого цвета	6—10
27. Охра красная	1—2
28. Песок светло-желтого цвета	0—1
29. Супесь серовато-бурая с включениями угля	5—6
30. Супесь охристо-зеленовато-серого цвета	5
31. Гумусированные прослойки органического вещества серого цвета с включениями угля	1—2
32. Супесь охристо-зеленовато-серого цвета	5
33. Суглинок буровато-желтого цвета	5—7
34. Суглинок ржаво-бурого цвета	1—2
35. Суглинок зеленовато-желтовато-серого цвета	2
36. Супесь зеленовато-желтовато-серого цвета	5
37. Песок зеленовато-серого цвета	25—30
38. Слабо цементированный конгломерат, состоящий из обломков вулканических бомб	

Верхняя часть этих отложений до глубины 1,7 м включает прослойки вулканического пепла и пять культурных слоев, характеризующихся следующими особенностями: поздненеолитический слой (I) — с прямоугольными в сечении топорами и теслами, среднеолитический (II) — с треугольными в сечении острообушковыми теслами, неолитический ранний (III) — с ножевидными пластинками и с трехгранными наконечниками стрел, мезолитический (IV) — с ножевидными пластинками и с наконечниками стрел ромбического поперечного сечения, палеолитический поздний (V) — с мелкими клиновидными нуклеусами и микропластинками.

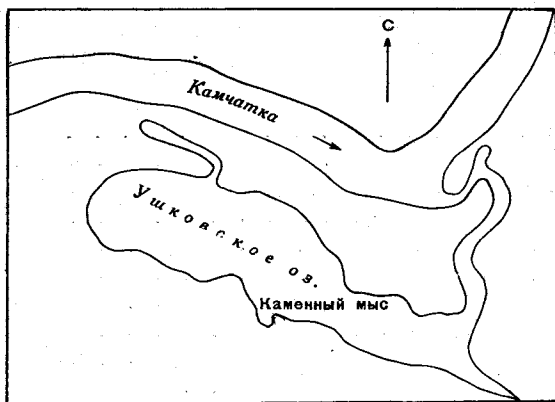

Рис. 1. Схема местоположения многослойной стоянки на Каменном мысе Ушковского озера

Обнаруженные в 1964 г. остатки еще более древних культур связаны с четырьмя четко выраженными культурными слоями (Va, VI, VII, VIII), которые залегают в нижней толще рыхлых отложений; они установлены по обе стороны Каменного мыса, в местах резкого увеличения мощности толщи отложений, достигающей 2,75—3,0 м.

В верхнем из этих слоев (Va) содержатся находки, близкие по характеру к тем, которые были обнаружены Н. Н. Диковым в 1962 г. в слое V, обозначенном тогда как ранний мезолитический. Они залегают на глубине 1,8—1,9 м в пропластке суглинка охристого зеленовато-серого цвета (пропласток 24 в приведенном выше разрезе).

Палеолитический слой VI — с клиновидными нуклеусами и лыжеподобными сколами — прослеживается на глубине 2,0—2,05 м, на 30—35 см глубже раннемезолитического слоя (V); он залегает на прослойке песка и представлен желтовато-серым суглинком, внизу включающим прослойки песка.

Палеолитический слой (VII) характеризуется погребением, включает черешковые грубо обработанные наконечники стрел, каменные бусы в погребении. Этот слой залегает на 20 см ниже предыдущего палеолитического слоя (VI) и связан с суглинками розовато-желтого цвета (пропласток 26).

Палеолитический слой VIII (только с угольками) залегает на глубине 2,35 м от современной поверхности, на 15 см ниже предыдущего слоя. Этот слой связан с охристо-зеленовато-серой супесью (пропласток 30).

Возраст относимых к палеолиту слоев VI, VII, VIII определяется их положением по отношению к слоям V и Va. Абсолютная датировка V слоя 10360 ± 350 лет⁵.

Самый верхний палеолитический V слой расположен на 35—40 см выше слоя VI. Можно предполагать на основании данных о мощности слоев, что формирование его и слоя VII происходило примерно 14—16 тыс. лет назад (в поздний период верхнего палеолита). Это, по-видимому, соответствует мадленско-азильскому времени по схеме европейской геохронологии.

Из различных слоев разреза (рис. 3) отобраны пробы, в которых затем изучались спорово-пыльцевые спектры. Их результаты сведены в общую спорово-пыльцевую диаграмму (рис. 5), а также представлены на двух частных диаграммах, выполненных на основании данных Н. Н. Дикова 1962 г. (рис. 3) и 1964 г. (рис. 4).

Общий состав растительности в период формирования слоев, залегающих глубже 1,6 м, представляет биоценозы каменистой тундры. Наиболее глубокие горизонты разреза, в общем, характеризуются очень бедной растительностью. Именно с ними связаны два нижних палеолитических культурных слоя (VII и VIII).

⁵ Определение абсолютного возраста выполнено в Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР (Мо-345). См. А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова. Определение абсолютного возраста по C^{14} . Сообщение 5.— «Геохимия», 1966, № 10.

Характер растительности меняется в верхних горизонтах разреза. Спорово-пыльцевые спектры отличаются сравнительно невысоким содержанием пыльцы древесно-кустарниковой растительности (4,2—20,2%) и высоким — недревесной растительности (46,1—69,5%) наряду с малым содержанием спор (10,3%), количество которых увеличивается лишь в нижней части. С этими горизонтами связаны культурные палеолитические слои VI, V и Va.

Более детальное рассмотрение состава растительности из этой части ушковского разреза показывает следующее. Древесно-кустарниковая растительность представлена значительным количеством пыльцы семейства *betulaceae*: *Betula* (14,2—42,8%) и *Alnaster* (57,1—100%).

Пыльца недревесных отличается большим разнообразием: *Rosaceae* (2,5%), *Onagraceae* (1,3—2,5%), *Leguminosae* (единичные зерна), *Chenopodiaceae* (1,3%), *Sagrophyllaceae* (11,6%), *Compositae* (1,3—22,9%), *Gramineae* (16,6—72,5%), *Superaceae* (5,2%), *Ericales* (1,3%), *Thalictrum* (1,3%), *Typhaceae* (37,7%), *Rubus chamaemorus* (единичные зерна). В группе споровых растений преобладают *Polypodiaceae* (63,8—90,3%), меньше встречается спор *Briales* (4,8—13,8%), *Selaginella* (4,8—11,1%), *Sphagnum* (8,3%).

Таким образом, спорово-пыльцевые спектры, полученные из слоев, датированных концом верхнего палеолита — мадленско-азильского времени, характеризуют растительность каменистой гундры. Следовательно, мы можем говорить о принадлежности верхней части ушковского разреза на Камчатке к голоцену, а нижней — к плейстоцену. Границу между ними представляется возможным провести между культурными слоями V и VI, первый из них датирован радиоуглеродным методом 10360 ± 350 годами. Однако, поскольку эта граница разделяет два слоя, принадлежащих одной культуре, в дальнейшем потребуется уточнение ее

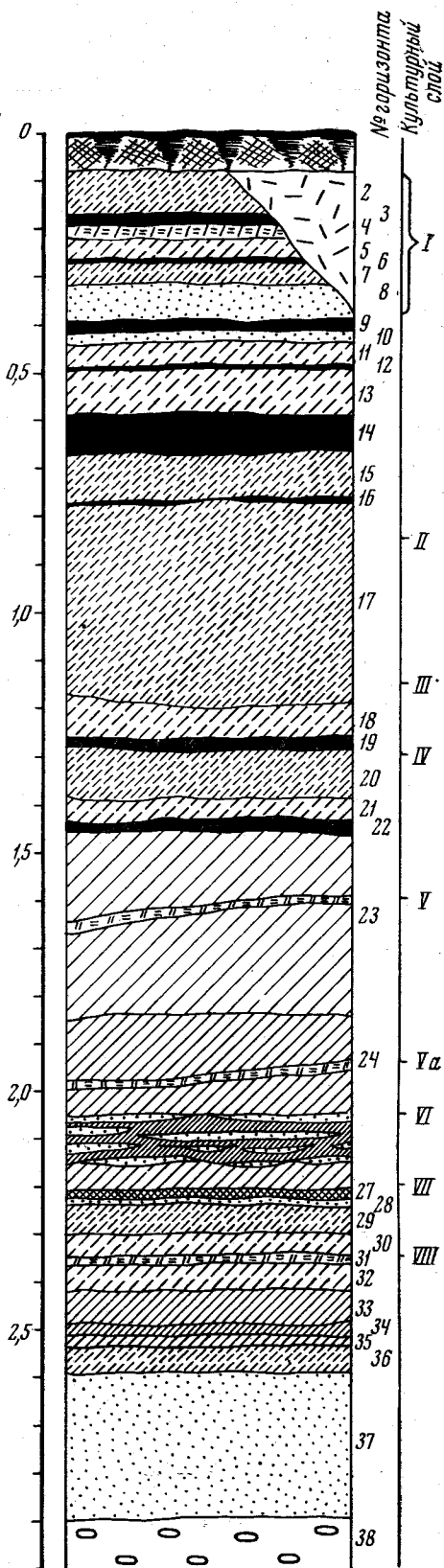

Рис. 2. Разрез отложений Каменного мыса

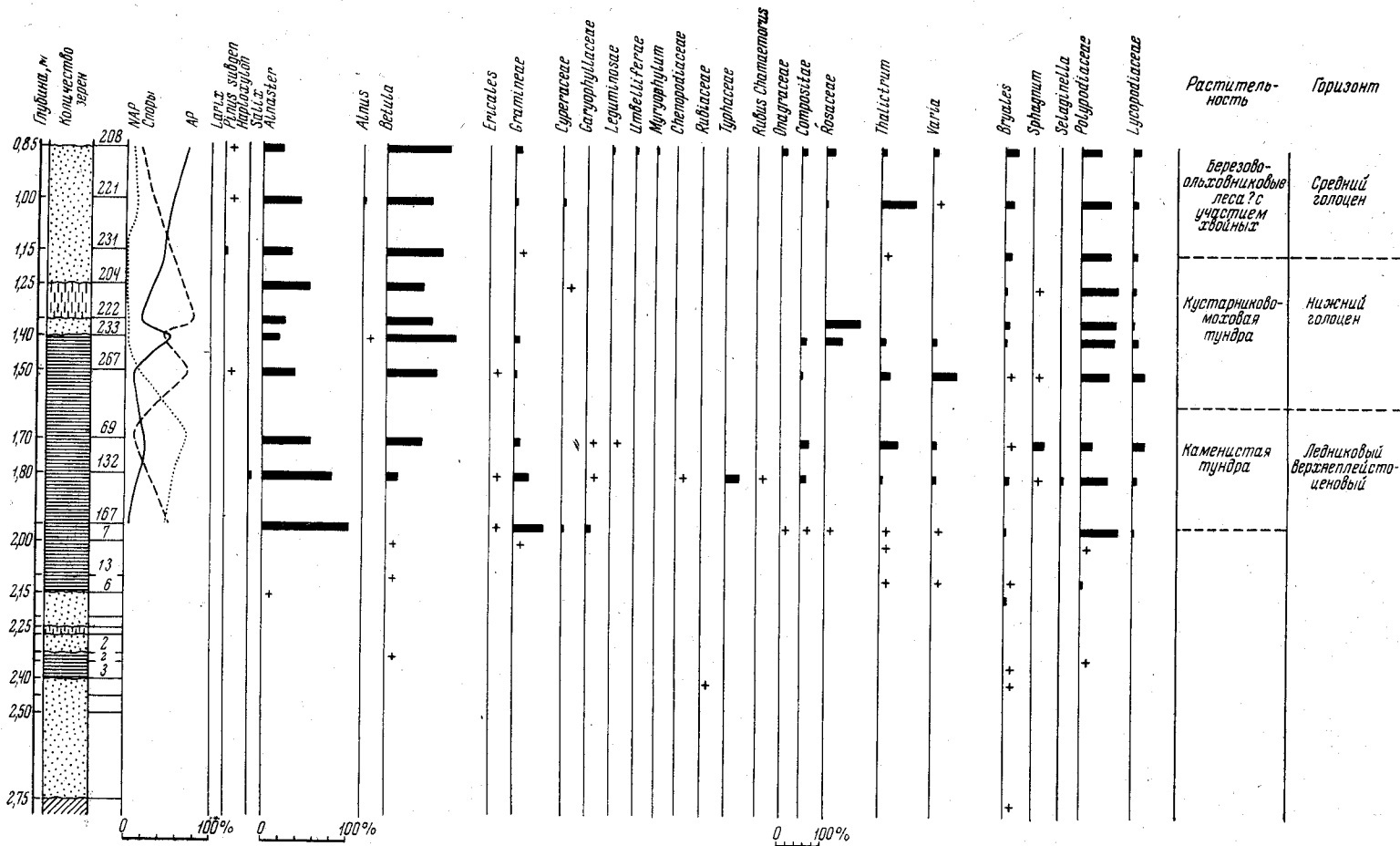

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма ушковского разреза (по данным 1964 г.)

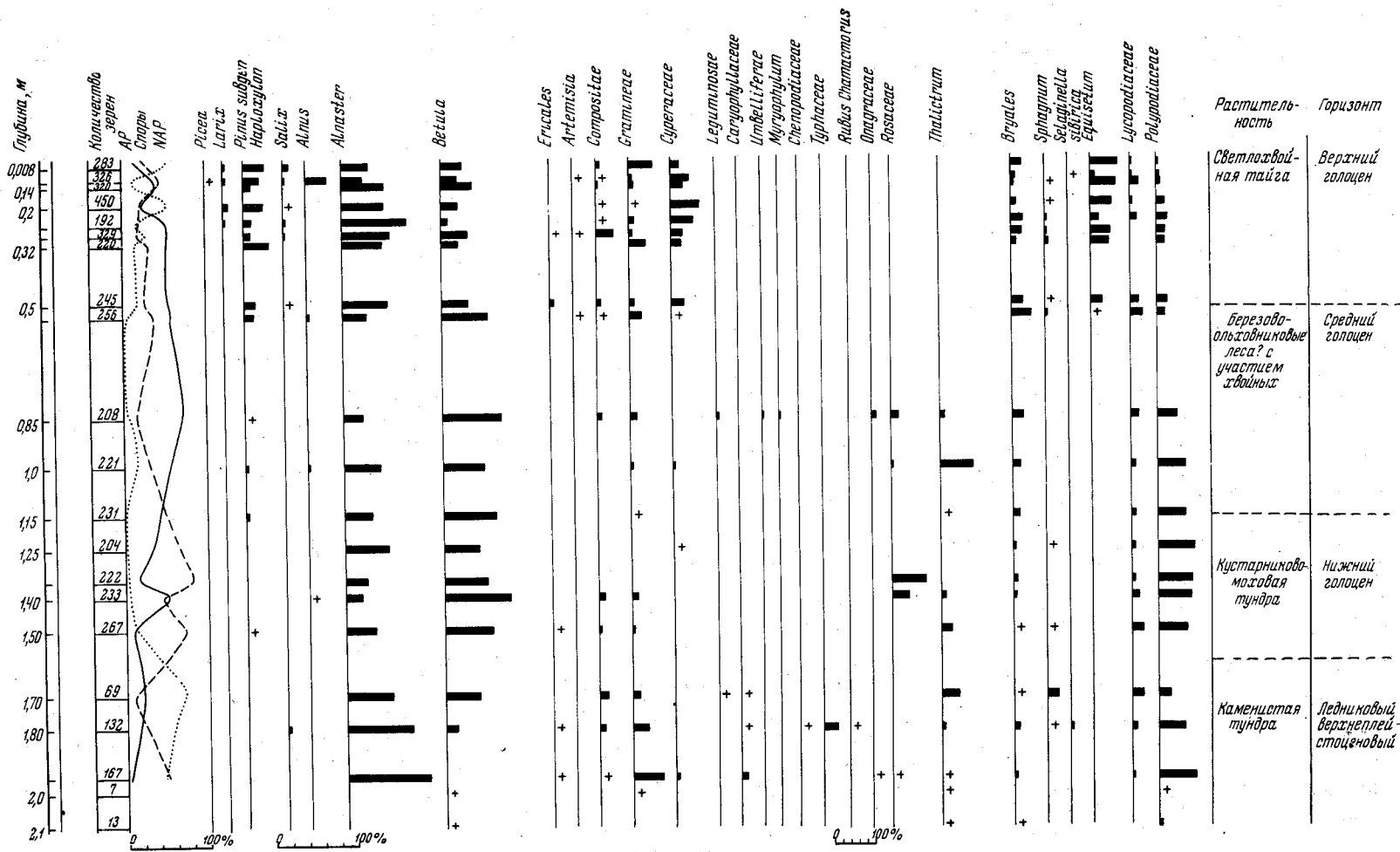

Рис. 5. Сводная палинологическая диаграмма ушковского разреза

положения. Анализ спорово-пыльцевых спектров из верхней части ушковского разреза позволяет разделить голоценовые отложения на три горизонта: нижний, средний и верхний.

Нижний голоцен — с позднемезолитическими и раннемезолитическими остатками (слои V и IV) — лежит непосредственно на отложениях, содержащих спектры каменистой тундры. К нему относятся пробы с глубин 1,5 м (из слоя 23), 1,4 м (слой 21), 1,35 м (слой 20), 1,25 м (слой 18).

Спорово-пыльцевые спектры из этих проб близки по своей характеристике и указывают на значительное преобладание в составе растительного покрова споровых растений (44,2—79,7%) при подчиненном развитии недревесных (0,9—16,1%) и древесно-кустарниковых (10,8—52,7%).

Пыльца древесно-кустарниковых растений не отличается разнообразием и представлена в основном мелкими зернами *Alnaster* (20,3—54,5%) и *Betula* (42,4—79,6%). По всей вероятности, вся пыльца этой группы принадлежит кустарниковым видам растений. Встречены единичные пыльцевые зерна, принадлежавшие семейству *Pinaceae* (*Pinus subgen. Harpoxylon*).

Среди пыльцы недревесных растений установлены зерна (*Rosaceae* (42,8—85,7%), *Compositae* (единичные зерна — 14,2%), *Gramineae* (4,6—14,2%), *Thalictrum* (14,2—43,7%), *Ericales* (единичные зерна) и др.

В группе споровых растений отмечается повышенное содержание *Polypodiaceae* (68,2—87,5%); довольно много спор *Lycopodiaceae* (до 28,7%); встречаются споры *Bryales* (1,5—11,3%), *Sphagnum* (единичные споры — 1,5%).

Относимые к голоцену спектры свидетельствуют об увеличении влажности и, по-видимому, о некотором потеплении климата по сравнению с предшествующим этапом развития растительного покрова. Эти спектры характеризуют растительность кустарниково-моховой тундры.

Особое положение в рассмотренном интервале занимает проба, отобранная на глубине 1,4 м (слой 21). Спорово-пыльцевой спектр этой пробы указывает на довольно значительное увеличение количества пыльцы древесно-кустарниковых растений (до 52,7%) при сохранении высокого содержания спор. Однако качественный состав древесно-кустарниковой группы растений не меняется. По-прежнему главная роль принадлежит пыльце *Betula* (79,6%) и *Alnaster* (20,3%). Эти спорово-пыльцевые спектры, так же как и спектры из слоев 23, 20 и 18, характеризуют растительность кустарниково-моховой тундры нижнеголоценового возраста.

По данным А. В. Ложкина, подобное изменение нижнеголоценовых спектров отмечается в бассейне реки Б. Куобах-Бага (предпорожный район реки Индигирки), где пойменные аллювиальные отложения, охарактеризованные спектрами кустарниково-моховой тундры, содержат внутри горизонт, в спорово-пыльцевых спектрах которого увеличивается содержание пыльцы древесно-кустарниковых растений.

К среднему голоцену следует отнести спорово-пыльцевые спектры, полученные с глубин 1,15, 1,0, 0,85 м (слой 17); они характеризуются следующим соотношением растительных групп: споровые растения 18,2—53,8%, древесно-кустарниковые 73,5—45,4%, недревесные 0,8—13,2%.

В древесно-кустарниковых подавляющее количество пыльцевых зерен принадлежит *Betula* и *Alnaster*. Из них главную роль в растительном покрове, по-видимому, играла *Betula* (75,8—52,8%), меньшую — *Alnaster* (23,5—44,0%). Весьма незначительная роль принадлежит *Pinus subgen. Harpoxylon* (1,6—1,9%). Кроме того, в середине интервала встречены пыльцевые зерна *Alnus* (1,6%). Споры представлены *Bryales* (16,9—31,5%), *Lycopodiaceae* (9,6—20,5%), *Sphagnum* (2,4%), *Polypodiaceae* (47,3—70,9%).

Среди пыльцы недревесных растений встречаются зерна *Rosaceae* (3,4—17,6%), *Onagraceae* (11,6%), *Leguminosae* (5,8%), *Umbelliferae*

(5,8%), Compositae (11,6%), Gramineae (3,4—17,6%), Cyperaceae (до 6,8%), Thalictrum (11,6—82,7%), Myriophyllum (5,8%) и др.

Спорово-пыльцевые спектры среднего голоцена свидетельствуют о значительном потеплении климата и об уменьшении его влажности; они отражают растительность так называемого голоценового климатического оптимума. К этому стратиграфическому горизонту относятся раннеэоценовые культурные остатки (слой III).

В качестве верхнеэоценовых рассматриваются нами палинологические пробы, взятые из неолитических слоев на глубинах 0,54—0,08 м. Они распадаются на два уровня. Более ранний представлен пробами с глубин 0,54 м (слой 13), 0,5 м (слой 13), 0,32 м (слой 8), 0,29 м (слой 7), 0,26 м (слой 5). Ко второму, более позднему, относятся пробы с глубин 0,2 м (слой 4), 0,14 м и 0,12 м (слой 2), 0,08 м (слой 1).

В спектрах проб нижнего уровня выявлены следующие соотношения растительных групп: древесно-кустарниковые 54,1—57,8%, недревесные 5,5—28,2% (повышаясь вверх по разрезу), споры 17,6—36,7%.

В древесно-кустарниковой группе подавляющее количество пыльцевых зерен принадлежит *Alnaster* (до 78,2%) и *Betula* (до 56,0%). Значительна роль *Pinus subgen. Parloxylon* (9,0—31,9%). В некоторых пробах встречены также пыльцевые зерна *Salix* (1,1—1,9%) и *Larix* (1,9%).

Споры представлены *Bryales* (10,1—47,8%), *Equisetum* (до 46,6%), *Lycopodiaceae* (3,4—27,6%), *Polypodiaceae* (18—24,4%), *Sphagnum* (до 4,8%), *Ophioglossaceae* (до 4,0%).

Пыльца недревесных весьма разнообразна по составу: *Saxifragaceae*, *Onagraceae*, *Leguminosae*, *Umbelliferae*, *Compositae*, *Gramineae*, *Cyperaceae*, *Rubiaceae*, *Ericales*, *Pedicularis*, *Artemisia*, *Thalictrum*, *Myriophyllum*. Главная роль принадлежит *Gramineae* (40,6%), *Cyperaceae* (53,6%) и *Compositae* (до 43,0%).

Спорово-пыльцевые спектры более позднего (верхнего) уровня верхнего голоцена фиксируют довольно значительные изменения в соотношении различных растительных групп без существенных качественных перестроек состава древесно-кустарникового покрова.

Содержание пыльцы древесно-кустарниковых растений изменяется в пределах 22,6—39,6%, недревесных — 13,8—53,1%, спор — 23,6—45,6%.

Ведущее место среди древесно-кустарниковых растений принадлежит сережкоцветным: *Alnaster* (23,4—51,9%), *Betula* (19,5—38,9%) и *Salix* (9,3%).

Следует, однако, отметить, что при разделении родов *Alnus* и *Alnaster* не исключены ошибки. Возможно, что содержание пыльцы *Alnus* оказалось заниженным или, наоборот, завышенным. Так, в спорово-пыльцевых спектрах, установленных в пробе, отобранной на глубине 0,12 м, к *Alnus* отнесено 25,7% пыльцевых зерен древесно-кустарниковой группы, в то время как в других пробах четких пыльцевых зерен *Alnus* не отмечено.

Существенная роль в спектре этих проб принадлежит пыльце *Pinus subgen. Parloxylon* (9,2—25,0%). Кроме того, встречена пыльца *Larix* (2,3—3,0%), *Pinaceae* (5,4%) и единично — *Picea sect. indet.*

Среди спор преобладает *Equisetum* (11,7—64,4%). Значительно содержание спор *Bryales* (8,5—25,7%), *Lycopodiaceae* (2,9—20,8%), *Polypodiaceae* (2,9—20,7%). Единичны споры *Selaginella*, *Sphagnum* и др. Интересно отметить, что повышенное содержание спор в спектре пробы, взятой на глубине 0,12 м, объясняется присутствием большого количества *Fungi*. В других пробах споры *Fungi* отмечались редко и в подсчет обычно не включались.

Весьма разнообразна по составу группа недревесных растений. Здесь преобладает пыльца *Gramineae* (до 60,1%), *Cyperaceae* (до 66,5%) и *Thalictrum* (23,3%).

В целом спорово-пыльцевые спектры верхнеголоценовых отложений ушковского разреза отражают довольно резкие изменения в соотношении растительных групп, однако без существенных перестроек в составе древесно-кустарникового покрова. Это объясняется, по-видимому, главным образом изменением влажности климата. Спорово-пыльцевые спектры горизонта отражают растительность, соответствующую более холодным климатическим условиям по сравнению с теми, которые существовали в климатическом оптимуме.

Выводы, вытекающие из рассмотрения литологических, археологических и палинологических данных впервые обнаруженного на Камчатке палеолита, сводятся к следующим основным положениям.

1. Ушковская стоянка является уникальным многослойным археологическим памятником, включающим последовательную серию культурных слоев от верхнего палеолита до позднего неолита. При этом верхнепалеолитический возраст трех самых нижних слоев характеризуется спорово-пыльцевыми комплексами, отражающими растительный покров каменистой тундры.

2. Благодаря радиоуглеродной датировке остатков угля из культурного слоя V, лежащего на границе между плейстоценом и голоценом, становится очевидным, что переход от первого ко второму совершился в долине реки Камчатки около 11 тыс. лет назад (10360 ± 350).

3. Становится очевидным также очень важное значение многослойной стоянки на берегу Ушковского озера как в археологическом отношении (для соотнесения с ее сравнительно хорошо датированными культурными слоями всех других археологических памятников Северо-Востока), так и для четвертичной геологии и, в частности, для стратификации верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений на Северо-Востоке СССР.

ЛИТЕРАТУРА *

- Гричук М. П. Основные черты изменения растительного покрова в течение четвертичного периода.—Сб. «Палеогеография четвертичного периода». М., 1961.
- Лаврушин Ю. А. и др. Первые данные по абсолютной хронологии основных событий голоцена северо-востока СССР.—«Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 28, 1963.

N. A. Shilo, N. N. Dikov, A. V. Lozhkin

THE FIRST DATA ABOUT THE STRATIGRAPHY OF THE PALEOLITH OF THE KAMCHATKA

The site of the ancient man, including eight basic cultural beds, is discovered on the southern shore of Ushkovsky lake, arising on the place of the river meander Kamchatka. The lower beds (VI, VII and VIII) are believed to the upper paleolith.

This age is determinated with their position with respect to the V-th and V-a beds of the early mesolite, bordered on the paleolith, or of the end of paleolith; the absolute data of the V-th bed, determinated with radio-carbon method, is equal to 10675 ± 360 years. The upper cultural beds (I, II, III) are believed to the different periods of paleolith.

The analysis of spore and pollen spectra allows to mark out the deposits of upper Pleistocene and Holocene age in the Ushkovsky section. The Holocene deposits are separated on three horizons: lower, middle and upper. The boundary between the Pleistocene and Holocene is possible to be drawn between the V-th and V-a cultural beds.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

НОВЫЕ НАХОДКИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЭСКИМОССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

О. Н. Иванов

В 1960 г. в береговой полосе между поселком Уэлен и мысом Литке при изучении морских террас нами были обнаружены древние эскимосские стоянки, захоронения, и в том числе позднее получивший известность Эквенский могильник. Ниже приводятся краткие сведения о замеченных нами археологических памятниках в порядке их географической последовательности (рис. 1).

1. На остатке скульптурной морской террасы в 50—150 м от берега имеются полуразрушенные землянки (нынлю), столбы для подвески байдар. По свидетельству чукчей (Михаил Теркио), ранее здесь подвешивались байдары на 20—30 человек. В левой оконечности террасы на вскрытой части на глубине 0,5—0,8 м отчетливо выделяется культурный слой (обломки костей, костяные пластины). В верхней части его, на глубине 0,2—0,3 м от поверхности, найдены опилки и стружки. Из основания слоя были извлечены сильно разрушенные костяные наконечники, гарпуны, крючки, скребковые ножи из глинистого и кремнисто-глинистых сланцев.

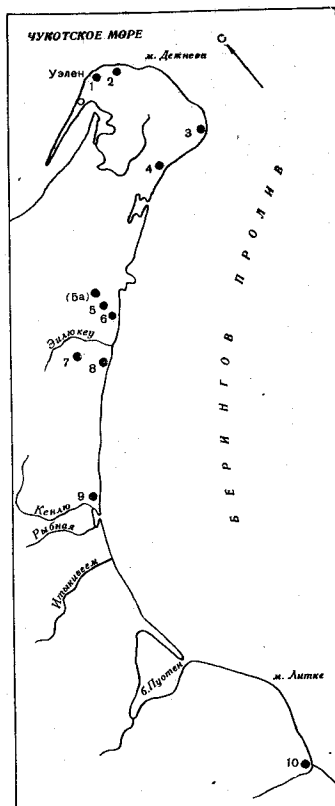
2. В 5,3 км от точки № 1 по берегу на небольшой седловидной площадке между столообразными скалами наблюдаются каменные стенки высотой 0,5—0,8 м, сооруженные из плашмя положенных плитообразных гранитных, известняковых и песчаниковых плит. Отдельные полукруглые ячеи из горизонтально уложенных плит диаметром 1—1,5 м поднимаются по склону сопки и даже по скале, стоящей над морем. Обнаружены два черепа, удлинённые, с выступающими скулами, и бронзовый пластинчатый наконечник грубойковки, превращенный в гидроокисел. Место это, по всей вероятности, представляет собой описанную в литературе Сенлунь (или Ченлун)¹.

На пологой, выровненной поверхности Дежневского гранитного массива по направлению от точки № 2 к Наукану встречаются отдельные захоронения, отвалы, окруженные врытыми в землю плитчатыми обломками.

3. На крутом южном склоне Дежневского массива ступеньками располагаются нынлю, которые нами не осматривались. Выше вдоль бровки обрыва на пологой площадке имеются захоронения, нередко едва выступающие из-под засыпанного их грунта. Здесь под камнями из глинистого грунта и прямо на поверхности были собраны: цепочки из цельного моржового клыка с почти прямоугольными звеньями (рис. 2, 2), блок с узором пунукского рисунка (сочетание прямых линий, точек, крестиков), маленький культовый сосудик из клыка моржа (рис. 2, 3), две дугообразные пластины со скульптурными изображениями морских животных, сделанные из моржового клыка. На поверхности одной из них скульптурно изображены шесть китов, обращенных головами в разные стороны, у концов пластинки — по две головки нерпы (эта пластина была передана в Институт этнографии Д. А. Сергееву). Вторая пластина украшена фигурами китов (рис. 2, 1). Здесь же была обнаружена двуручная рукоять из моржового клыка с выемкой для каменного скребка посередине. Ее концы оформ-

¹ Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе Чукотского краеведческого музея в 1956 г.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I, Магадан, 1958.

Рис. 1. Пункты археологических находок на берегу Берингова пролива, обнаруженные автором в 1960 г.

лены в виде вилоподобных двузубых завершений. Поверхность рукоятки расчленена на секции, внутри которых выгравированы стилизованные многоплановые рисунки: охота на китов, забой оленей и др.

4. Выше поселка Дежнева большое, но сравнительно свежее захоронение. Здесь были собраны: костяные пластины 3×5 см с узорами, огнивные доски, патрон тульского завода 1918 г., переломанный пополам. Особый интерес представляют захоронения, расположенные на крутом каменистом склоне Дежневского массива. Этот участок вплотную примыкает к точке № 3.

5. В районе мыса Сфинкс (Верблюжьего) в 100—150 м к востоку от триангуляционного пункта обнаружен большой могильник. Нередко могилы прикрыты китовыми лопатками. Здесь у подножия обрыва, а также из грунта были собраны «крылатые» предметы, различающиеся по узору и возрасту, судя по различной степени потемнения кости (рис. 2, 4—7). Обнаружены костяные наконечники, иголки, набор косточек для закидушек. В 1,5 км в глубину берега вдоль невысокой гряды имеется второй могильник, представленный скрытыми в глубине могилами, каменные оградки которых едва выступают из-под слоя грунта. Эти захоронения нами не раскапывались.

6. В 0,8 км к югу от триангуляционного пункта у западного окончания небольшой лагуны, у начала морской аккумулятивной 8—10-метровой террасы вскрыт расчисткой значительный по мощности (1—2 м) культурный слой. В общей массе выброшенной и промытой земли, а также по слою были обнаружены: костяные гвозди, нередко с рельефными резными шляпками с изображениями, гарпуны зазубренные и с поворотным устройством, плохой сохранности челноки для вязания сетей, изготовленные из китового уса. В нижних горизонтах найдены плохо сохранившиеся костяные наконечники стрел и гарпуны с орнаментом (рис. 3). В культурном слое, в верхних его частях, замечены зола, стружки, скребковые ножи из глинистого сланца.

7. По правобережью реки Эйлюкеу в 1,2 км от берега на чашеобразном каменистом холме отыскано множество могил. Отдельные захоронения были обнаружены в стенках небольших промоин на склоне холма (глубина 0,6—0,7 м). Здесь же найден пучок стрел (5—8 штук), забытый отрядом на последней излучине реки перед морем.

8. На склоне морской 10—15-метровой докольной террасы со стороны небольшого ручья, впадающего непосредственно в море, находится старое стойбище Тунитлен. Выше его находилась стоянка проспекторов, где обнаружены весы, обломки горного оборудования (ступы, наковальни и т. д.).

9. В 3,5 км к востоку от реки Рыбной на реликте 6—8-метровой докольной террасы расчисткой был вскрыт культурный слой мощностью 1—1,5 м. Здесь на глубине 0,8—1 м были обнаружены скребки и ножи из сланца, поворотные гарпуны, редко с орнаментом, наконечники стрел, железные пластинчатые кованые наконечники и один обсидиановый наконечник. Здесь же в восточной части площадки — следы стоянки проспекторов

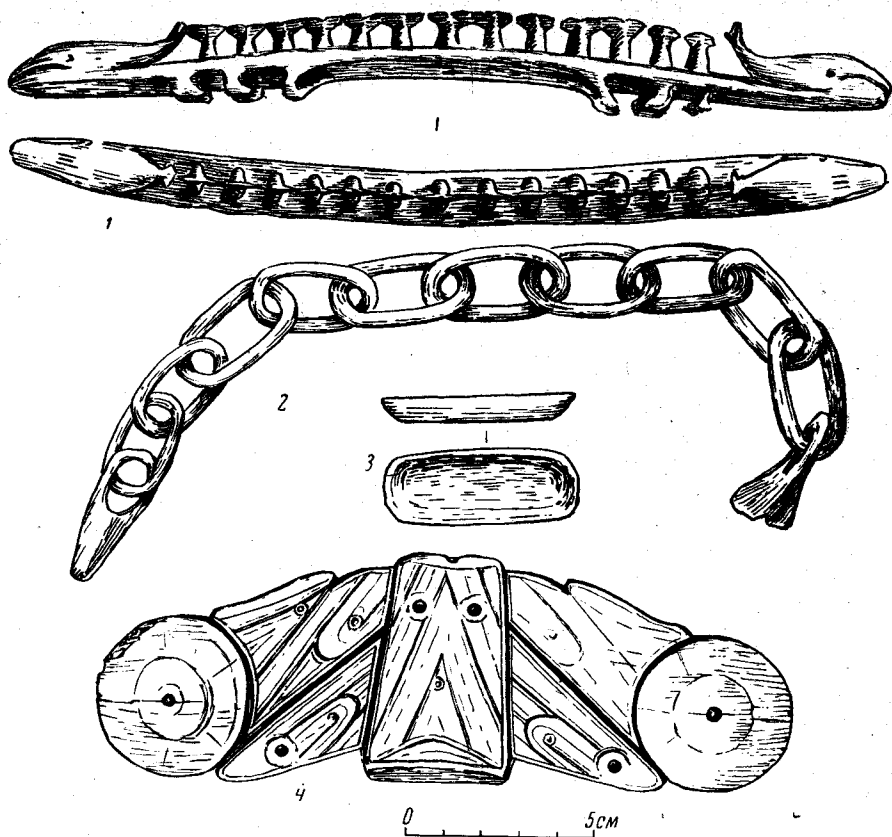

Рис. 2. Крылатый предмет из Эквенского могильника (внизу) и вещи из местонахождения № 3 (вверху)

и неглубокий (4 м) завалившийся шурф с венцовым креплением, остатки весьма удобного, легкого горного оборудования (горн, кайла, молотки, трубы, части насоса для откачки). Между указанной точкой и рекой Кенлю имеются могилы, среди которых найдена голландская фаянсовая чашка (1850 г.) с тонким рисунком и яркими, хорошими красками, ствол пистонного ружья с граненым стволом и граненым же пулевым каналом.

10. Южнее мыса Литке в приустье части небольшого безымянного ручья находится стоянка проспекторов, где были собраны цветные стеклянные бусы, пуговица компании «Дилижанс» 1885 г., металлические безделушки. По правобережью ручья в устье — древняя стоянка: полузасыпанные нинлю, существенной мощности (0,6 м) культурный слой. Древняя стоянка есть и на каменистом мысе, ограничивающем с юга Пуотенскую лагуну. Найденные здесь наконечники и костяные пластинки сильно разрушены.

На нагорных террасах вверх по склону от указанного ручья в редких захоронениях, кроме костяных гарпунов, наконечников, иголок, был обнаружен обсидиановый наконечник, совершенно аналогичный описанному выше.

O. N. Ivanov

THE SUPPLEMENTARY DATA ABOUT THE ANCIENT ESKIMO MONUMENTS ON THE WESTERN SHORE OF BERINGOV STRAIT

The ancient Eskimo sites, burials and including the Ekvensky burial ground now received reputation were found by the author in the coastal zone between the settlement Uelen and the cape of Litke under the study of marine terraces in 1960. In the reports are adduced the short informations about the archaeological monuments.

УЭЛЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК ПО ДАННЫМ РАСКОПОК В 1956, 1958 и 1963 ГОДАХ

Н. Н. Диков

Уэленский древнеэскимосский могильник — один из наиболее выдающихся археологических памятников на Чукотском морском побережье. Тем не менее его археологические и антропологические материалы до сих пор еще достаточно полно и систематически не опубликованы.

Чтобы восполнить этот пробел, мы и предлагаем эту публикацию имеющихся у нас археологических материалов Уэленского могильника.

Этот могильник, как известно, находится на скалистой возвышенности над Уэленской косой (рис. 1). В 1955 г. экскурсия школьников во главе с учителем Д. А. Сергеевым раскопала на западной стороне могильника два древнеберингоморских погребения¹, а в следующем, 1956 г. нами были предприняты там уже довольно обширные планомерные исследования. Основная задача их сводилась к тому, чтобы определить границы древнего кладбища, что и было полностью выполнено в течение одного полевого сезона. На юго-западной и северо-восточной сторонах могильного поля (рис. 2) нами было вскрыто тогда 11 захоронений (в могилах 1—4), которые дали большое количество ценных археологических находок древнеберингоморской и оквической культур².

В следующем полевом сезоне, осенью 1958 г., на юго-западном и северо-восточном участках могильника (рис. 2) нами было исследовано еще 23 погребения (№ 5—27), в числе которых кроме древнеберингоморских оказались и два ярко выраженных бирнирских³.

В 1957 г. в раскопки могильника включилась экспедиция Института этнографии АН СССР, возглавляемая известным антропологом профессором М. Г. Левиным (с участием археолога Р. В. Чубаровой-Козыревой и этнографов С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева). В течение четырех сезонов (1957—1960 гг.) эта экспедиция раскопала 76 погребений: сначала на участке между захоронениями, вскрытыми нами в 1956 г., а затем на западном склоне могильного поля⁴. В последних сообщениях этой экспеди-

¹ Д. А. Сергеев. Первые древнеберингоморские погребения на Чукотке.— КСИЭ, вып. XXXI, 1959.

² Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I. Магадан, 1958; он же. Предварительные данные о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1958 году.— «Краеведческие записки», вып. 2. Магадан, 1959; он же. По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке. Магадан, 1960; он же. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— Сб. «История и культура народов северо-востока СССР» («Труды СВКНИИ СО АН СССР», вып. 8). Магадан, 1964.

³ Н. Н. Диков. По морскому побережью Чукотки — к предкам эскимосов.— «Краеведческие записки», вып. V. Магадан, 1965.

⁴ С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Новые находки в древнеберингоморском могильнике в Уэлене.— СЭ, 1961, № 6.

М. Г. Левин. Работы на Чукотке в 1957 году.— СЭ, 1958, № 6; он же. Древнеэскимосский могильник в Уэлене (предварительное сообщение о раскопках в 1958 году).— СЭ, 1960, № 1; он же. Об антропологических материалах из древнеэскимосских могильников.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. III, Магадан, 1962; он же. Об антропологическом типе древних эскимосов.— «Труды МОИП», т. XIV. М.,

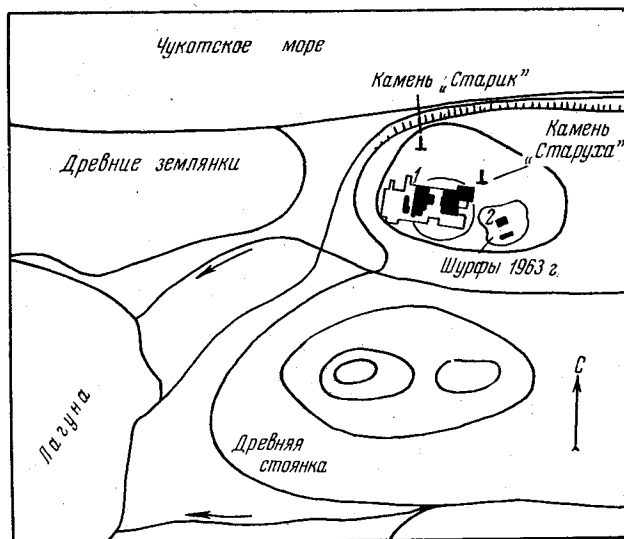

Рис. 1. Расположение Уэленского могильника:

1 — границы раскопа на основном могильном поле (участки, раскопанные автором, зачернены); 2 — продолжение могильника, обнаруженное автором в 1963 г.

ции отмечалось, что Уэленский могильник раскопан полностью и работы на нем прекращены⁵. Однако в 1963 г. нами было прослежено продолжение могильника к юго-востоку (рис. 1 и 3). Там мы заложили два разведывательных шурфа, в которых исследовали пока только три древнеберингоморских погребения (№ 29, А, Б, В) и одно бирнирское (№ 28).

Перейдем теперь к описанию отдельных захоронений, группируя их по трем основным культурам: оквикской, древнеберингоморской и бирнирской.

ОКВИКСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Погребение 1⁶. Костяк человека лежал черепом на восток над плитой ограды более поздних захоронений. Ноги его были вытянуты, руки слегка согнуты. Правая плечевая кость сломана и смещена, вероятно, уже после погребения. Сохранность трубчатых костей хорошая. Череп покоился затылочной костью на каменной плите и был вдавлен подбородком в грудь, отчего верхняя челюсть его вошла в нижнюю, а ключицы вдавились в ребра. Сохранность черепа плохая, но все же ясно видна килевидность его свода — признак, типичный и для современных эскимосов. Часть ребер, несомненно, обгоревшая. Среди них находились: кремневый скребок (рис. 4, 20), халцедоновый отщеп (рис. 4, 21), обсидиановый нуклеус

1964; М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры). — СЭ, 1960, № 3.

⁵ С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древнеэскимосские могильники на Чукотке. — «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. III. Магадан, 1962; С. А. Арутюнов и др. Древние могильники Чукотки. — КСИЭ, вып. XXXVIII, 1963.

⁶ Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году.

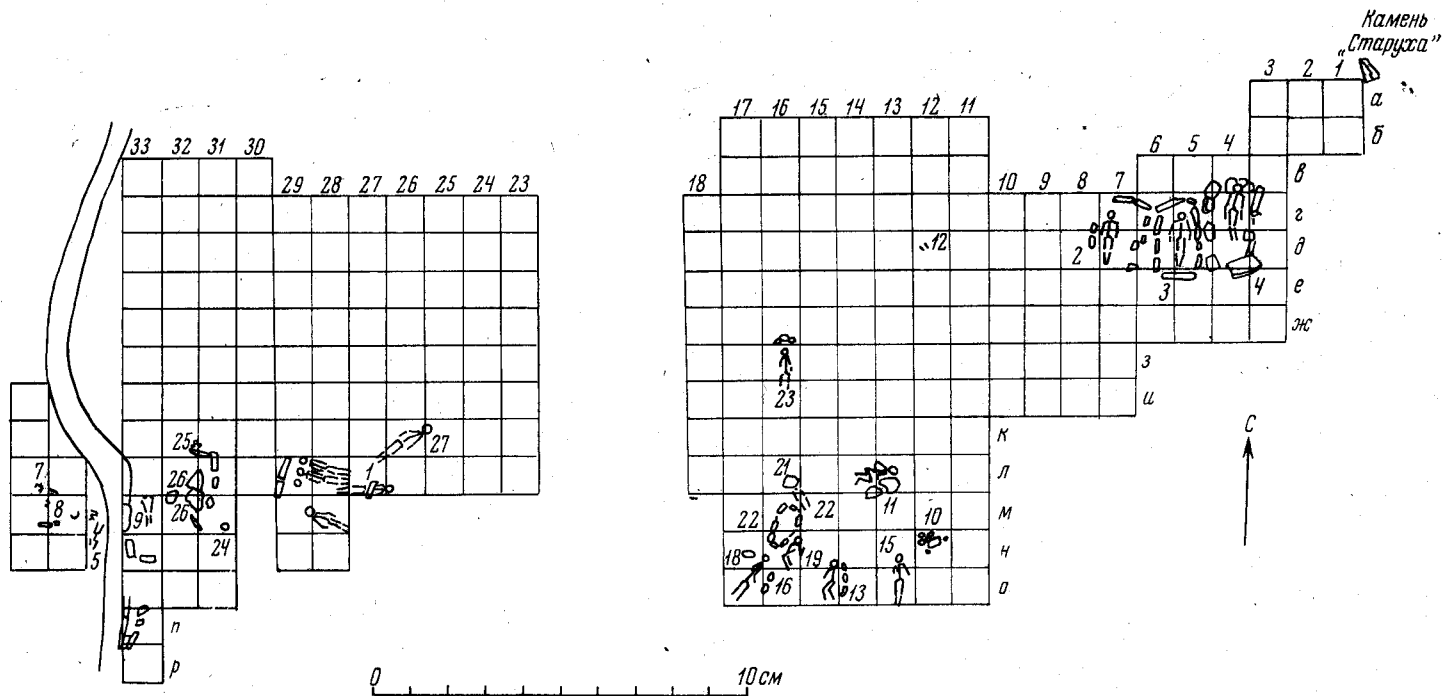

Рис. 2. План участков Уэленского могильника, раскопанных автором в 1956 и 1958 гг.

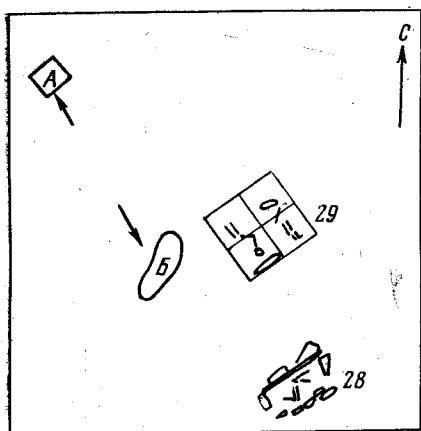

Рис. 3. Погребения, обнаруженные автором на Уэленском могильнике в разведывательных шурфах в 1963 г.

(рис. 4, 17) и два больших ударных орудия из обсидиана (рис. 4, 16, 19). Справа возле плечевой кости лежал длинный костяной стержень (рис. 5, 3) с боковыми выемками для вставных каменных лезвий (костяная часть вкладышевого наконечника копья), а в стороне от левой плечевой кости был обнаружен орнаментированный в уэлено-оквикском стиле лучкообразный предмет длиной (по хорде) 30 см, сделанный из оленьего рога и предназна-

ченный, очевидно, для добывания огня высверливанием (рис. 6, 9). На тазовых костях лежал плашмя большой широкий и плоский мужской нож из глинистого сланца (рис. 5, 1), расколотый надвое, с костяной шпонкой (рис. 5, 2) в отверстии. Под ним располагались кости кисти правой руки ладонью вниз, в строгом анатомическом порядке. Между довольно короткими бедренными костями (длиной 41 см) — найдены меньших размеров обломанный нож из глинистого сланца (рис. 4, 1), клык медведя (рис. 6, 6) и поделка из оленьего рога для завязывания гарпуных поплавков «пыльных» из нерпичьих шкурок (рис. 6, 5), а также скопление мелких кремневых, халцедоновых и обсидиановых изделий (наконечник стрелы, рис. 4, 9), три скребка (рис. 4, 3), четыре ретушированных пластинчатых отщепа (рис. 4, 5, 7, 8, 12), проколка из глинистого сланца (рис. 4, 2) и обсидиановая (рис. 4, 4), два миниатюрных вкладышевых лезвия поворотного гарпуна из кремнистого сланца (рис. 4, 11, 15).

Много различных каменных и костяных изделий лежало между голенными суставами погребенного. Они были перекрыты обрывками истлевшей кожаной сумки. Часть этих вещей, а именно два поворотных наконечника от гарпунов (рис. 6, 2, 3), один из которых обломан, заготовка каменного наконечника копья (рис. 7, 5) и скребок (рис. 7, 6), находились под берцовой костью. Следовательно, покойник был положен поверх этой кожаной сумки с вещами. Кроме названных предметов, там были еще три поворотных наконечника гарпунов (два из них обломаны), украшенные резным орнаментом в уэлено-оквикском стиле (рис. 6, 1, 4), костяная проколка (рис. 6, 8), два тупых наконечника стрелы из моржового клыка (рис. 6, 7, 10), каменный топор и массивное овальное скребло из ороговитованного песчанисто-глинистого сланца (рис. 7, 1), нуклеидный обсидиановый скребок (рис. 7, 10); короткая ретушированная ножевидная пластинка из черного кремнистого сланца, два кристалла кварца (рис. 7, 13, 19), два наконечника стрелы — кремневый меньший (рис. 7, 14) и из черного кремнистого сланца (рис. 7, 11), срединный резец (рис. 7, 9) и плитка серого песчаника со следами растирания на ней минеральной краски (рис. 5, 7), два небольших кусочка породы (окремненной и разновидности туфа), окрашенных бурыми окислами железа (рис. 5, 5, 6).

Ниже, возле берцовых костей, лежало несколько галек-отбойников (рис. 4, 18), а справа от костей ног — кремневый концевой скребочек. Мы уже отмечали, что под скелетом всюду была двойная подстилка: наверху — из травы и веток, внизу — из более крупных пластин дерева. Верхняя часть этой подстилки представляла бурую спрессованную торфообразную массу.

Принадлежность данного погребения к уэлено-оквикской культуре первых веков нашей эры видна по характерному стилю резьбы на наконечниках

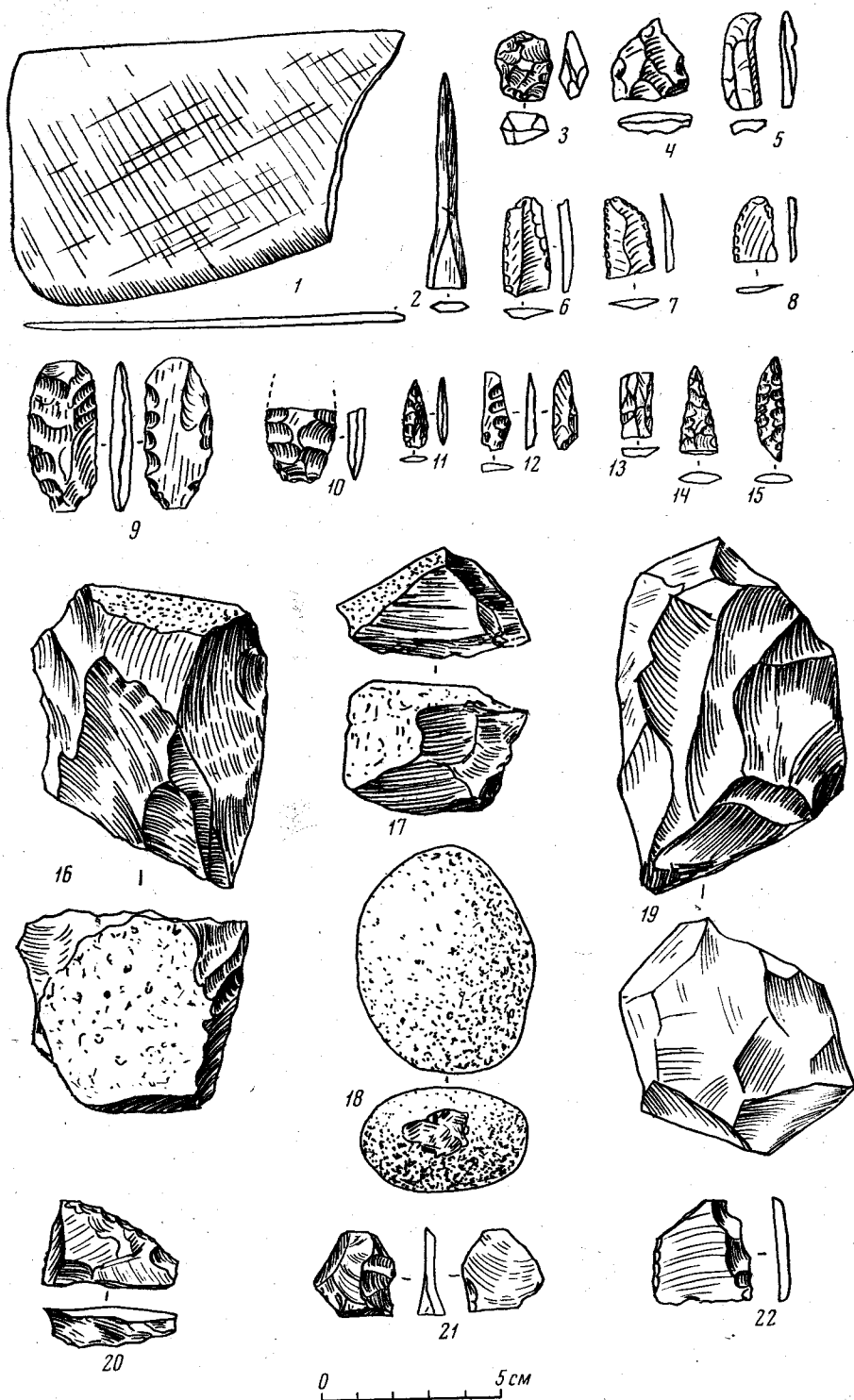

Рис. 4. Каменные изделия из погребения 1

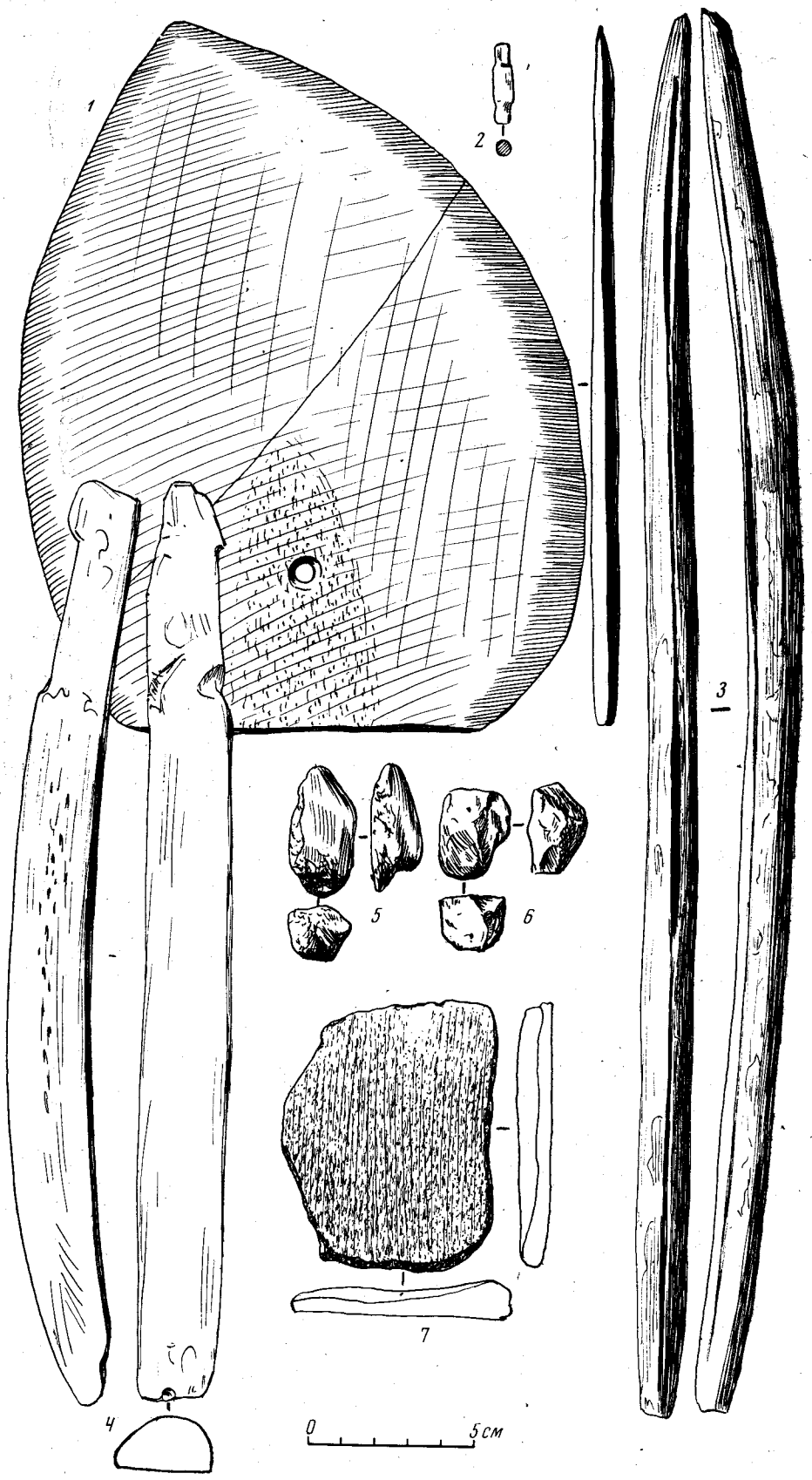

Рис. 5. Каменные и костяные вещи из погребения 1

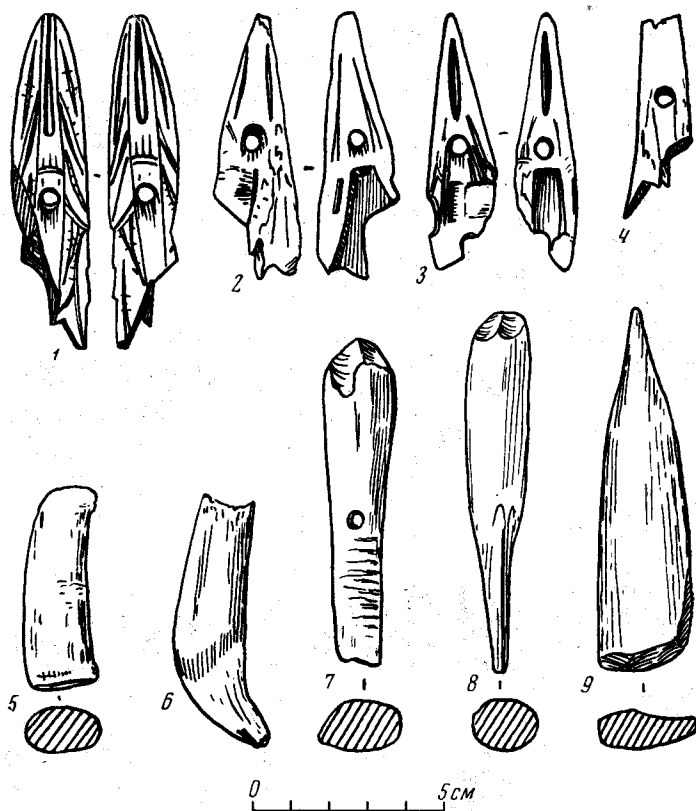

Рис. 6. Костяные изделия и медвежий клык из погребения 1

поворотных гарпунов (рис. 6, 1, 2, 3), на роговом лучке (рис. 6, 9) и на стержне с выемками для вкладышей (рис. 5, 3).

Предметы заупокойного культа, обнаруженные в могиле, свидетельствуют о значительном развитии в этот период в районе нынешнего Уэлена морской и сухопутной охоты и в меньшей степени — рыболовства. В погребальном инвентаре присутствуют один целый и три обломанных поворотных наконечника гарпунов. Один из них (рис. 6, 1), наиболее богато украшенный орнаментом, имеет типично оквикский вид и по своей конструкции. Как и у оквикских наконечников типа А⁷, у него открытое гнездо для колка, сложная шпора, одно отверстие для линия и прорезь для копьеца в плоскости дыры для линия. Два других наконечника близки по типу к древнеберингоморским: обломанный снизу, с двумя отверстиями для линия, с пазами для боковых каменных вкладышей (тип I x по Коллинзу), и однодырчатый со сложной шпорой. Самих вкладышей в них не было, но они были найдены в стороне отдельно (рис. 4, 11, 12, 15).

Весьма многочисленны в могиле орудия сухопутной охоты: три целых наконечника стрел из кремнистого сланца (рис. 7, 11, 14; рис. 4, 9), их обломки (рис. 7, 15; рис. 4, 10, 14), грубо оббитый наконечник копья или дротика из того же материала (рис. 7, 5), костяные (из моржового клыка) наконечники стрел с тупыми концами, явно приспособленные для охоты на птицу (рис. 6, 7, 10).

К орудиям рыболовства можно отнести изделие из кости, похожее на блок для наматывания лески (рис. 6, 5), а из орудий для добывания

⁷ J. A. Ford. Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska.—«Anthropological Papers of the American Museum of the Natural history», vol. 47, pt I. New York, 1948, fig. 114.

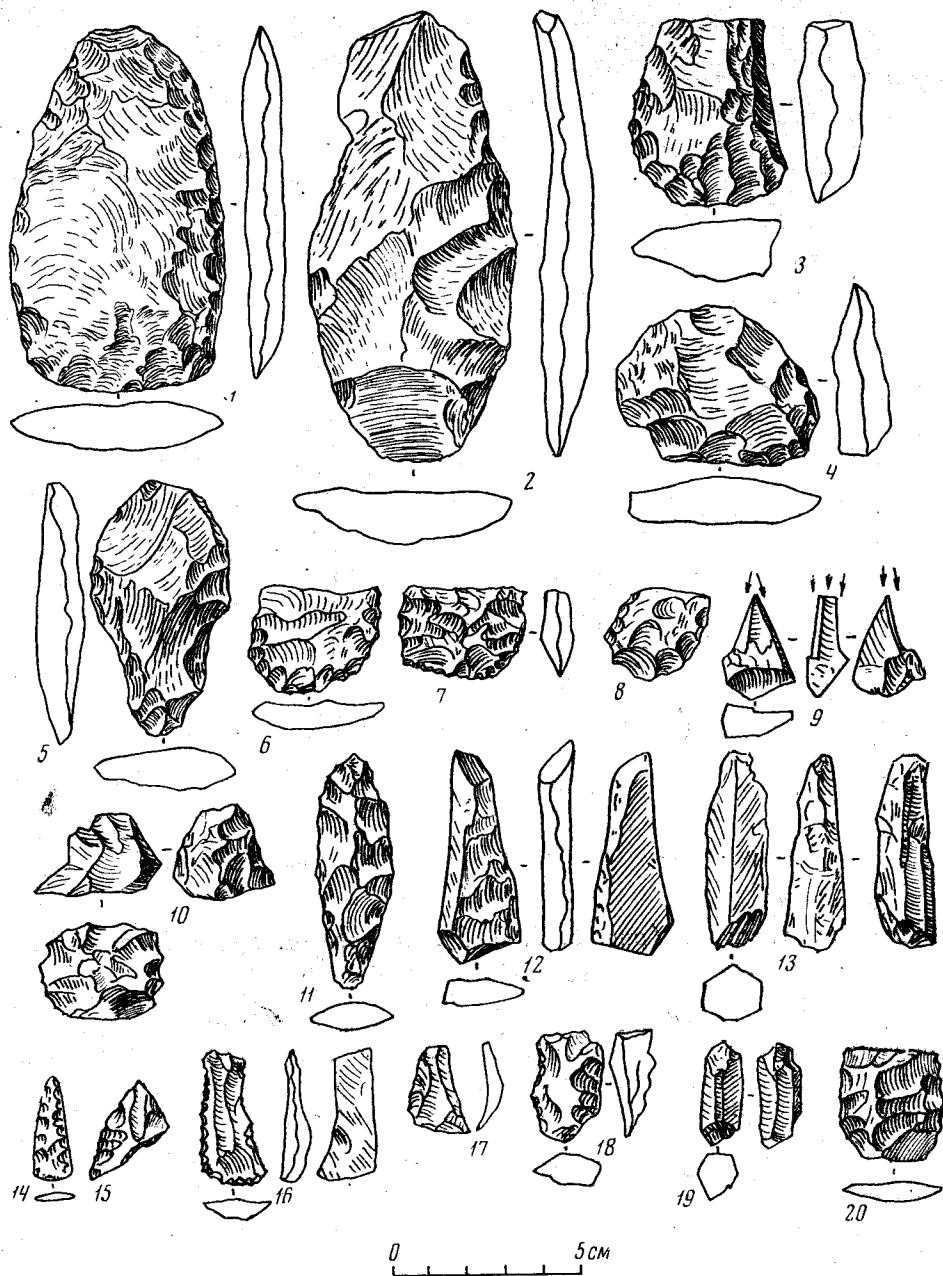

Рис. 7. Каменные орудия из погребения 1

растительной пищи в могиле оказалось только одна кирка-мотыга из моржового клыка (рис. 5, 4).

Наиболее многочисленную группу вещей при покойнике составляют каменные орудия для расчленения туш убитых животных и для обработки шкур. Особенно примечательным из них является прекрасно отшлифованный мужской нож из глинистого сланца с отверстием для прикрепления к рукояти (рис. 5, 1) — типичное орудие для разделки туш моржей и китов. Второй шлифованный сланцевый нож был меньше размером и не имел отверстия (рис. 4, 1). Третий сделан техникой двусторонней оббивки (рис. 7, 2). Обильно представлены скребки различного вида: обсидиановые высокой формы (рис. 7, 10; 4, 3), из кремнистого сланца с выпуклым

рабочим краем (рис. 7, 3, 4, 6, 8; рис. 4, 20, 22), а также другие неправильных очертаний на отщепах обсидиана (рис. 4, 5, 21) и кремнистого сланца (рис. 7, 16, 17, 18; рис. 4, 6, 8).

Погребальный инвентарь уэлено-оквикского захоронения дает ясное представление также и о степени развития техники обработки минеральных, растительных и животных материалов. Важно отметить, что преобладала еще техника оббивки каменных орудий, использовалась также отжимная ретушь; что шлифованных изделий было еще очень мало, только два упомянутых выше ножа и прокола. Даже тесло из ороговикованного глинисто-песчанистого сланца (рис. 7, 1) сделано только оббивкой, без каких бы то ни было признаков шлифования. Найденные в могиле большие обсидиановые нуклеусы (рис. 4, 16, 17, 19) и гальки-отбойники (рис. 4, 18) ярко показывают нам технологическую сторону этой еще очень архаичной технической традиции. Другие направления в технике обработки камня тоже нашли в погребальном инвентаре этой могилы некоторое отражение. О технике скалывания ножевидных пластин мы можем судить по одному такому изделию (рис. 4, 13), о вкладышевой технике — по упомянутому выше черенку с пазами для маленьких вкладышей и по длинному стержню из моржового клыка с тремя пазами для трех больших вкладышевых лезвий (рис. 5, 3).

О широком применении кости для изготовления орудий труда и предметов обихода свидетельствуют найденные в могиле резцы. Один из них, срединный (рис. 7, 9), из кремнистого сланца, относится к сравнительно архаическому типу. Он, как и упомянутая выше ножевидная пластинка, указывает на влияние на данную приморскую культуру внутриконтинентальных неолитических традиций. Другой резец из кремнистого сланца (рис. 7, 12) может рассматриваться в качестве прототипа чисто эскимосских угловых резцов. Найденные при скелете два кристалла кварца тоже использовались как своеобразные естественные резцы.

Была развита и техника сверления при помощи лучкового сверла, о чем свидетельствуют отверстия в сланцевых ножах, а также найденный в могиле роговой лучок от прибора для добывания огня высверливанием.

В целом по уровню развития хозяйства и техники рассмотренный погребальный комплекс относится к культуре охотников на морского зверя (на моржа и нерпу), которая отличается от древнеберингоморской не только стилем орнамента, но также и ориентировкой погребений на восток и сохранением внутриконтинентальных неолитических традиций в технике (ножевидные пластины, срединные резцы). Не случайно, по-видимому, и то, что при столь обильном вещами погребении не оказалось обычного для богатых погребальных инвентарем захоронений древнеберингоморской культуры «крылатого» предмета. Особо надо отметить идущую от неолита традицию использования в погребальном ритуале красной минеральной краски — гематита или охры, с чем, впрочем, мы встретимся и в древнеберингоморских могилах.

ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Погребения этой группы составляют на могильнике большинство. Именно с ними связан камень «Старуха», стоямя врытый в землю на северо-восточном конце кладбища. Рядом с этим камнем, в 4—5 м от него, располагается ряд из трех могильных кладок, плиты которых были хорошо видны на могильном поле еще до раскопок (рис. 8).

Погребение 2 (рис. 8). Оно было совершено внутри крайней с северо-восточной стороны могильника плиточной ограды, длина которой 2,5 м, ширина 1,2 м. Скелет погребенного мужчины был обнаружен на глубине до 70 см в тонком слое плотной торфообразной массы на специальной трехслойной подстилке: из кустарника, дерева и тонких плиток черного

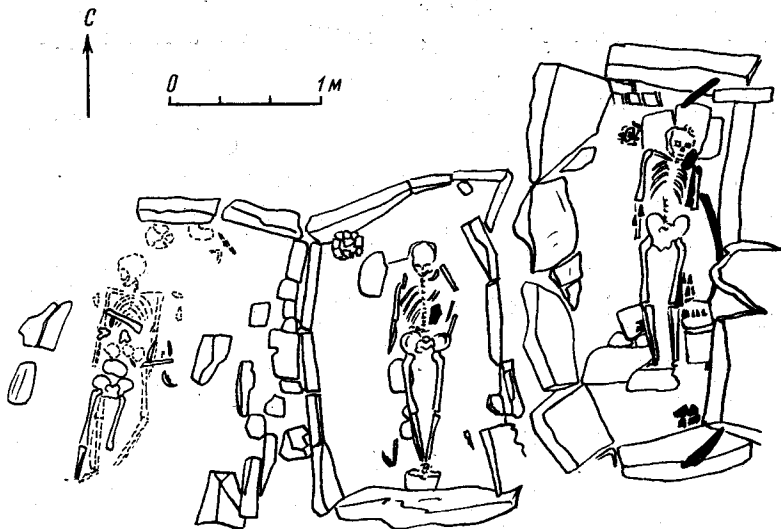

Рис. 8. Погребения 2 (справа), 3 (в середине), 4 АБ (слева)

глинистого сланца. Покойник был уложен на спине, головой на север, с вытянутыми ногами и прижатыми к туловищу руками. Правая нога его была слегка согнута в колене. Череп погребенного, вдавленный нижней челюстью в грудную клетку, плохо сохранился. Его лицевая часть была обращена к востоку. В северо-восточном углу ограды, в могильной засыпке, было обнаружено ребро моржа, в юго-восточном углу — наконечник кирки-мотыги из моржового клыка, в юго-западном углу — нижняя часть челюсти человека, а ближе, в середине огороженной площади, — куски черепа и обломанные ребра лахтака. В 20 см от правого края черепа под обломками тонкой и плоской кости оказалось компактное скопление (рис. 9) каменных и костяных вещей: поворотный наконечник гарпуна, изысканно орнаментированный в древнеберингоморском стиле (рис. 10, 2); три резца из темно-зеленого андезита или нефритоида (рис. 11, 1, 2, 3); костяной отжимник с рукояткой (рис. 10, 4, 5); два шлифованных каменных продолговатых инструмента (из ороговикованного глинисто-песчаного сланца) со следами залощенности на концах, один из которых долото (рис. 11, 9), а другой — массивный концевой скребок (рис. 11, 10); обломок шлифованного режущего инструмента (рис. 11, 12); черешковый кремневый наконечник дротика (рис. 11, 5); тонкий кремневый овальный нож (рис. 11, 6); нож из кремнистого глинисто-песчаного сланца (рис. 11, 8); боковой скребок из желтого кремня (рис. 11, 7); три обсидиановых отщепы; костяной скребок-спиночесалка (рис. 10, 6); проколка (рис. 11, 4); костяные обоймочки и фигурный стерженек (рис. 12, 4); галька из слоистой ороговикованной породы; обломок нижней челюсти зайца и осколок моржового ребра. Там же находилось описанное нами весьма оригинальное художественное изделие из моржовой кости, очевидно застежка, в виде фигуры лежащего на спине калана, на брюхе которого изображена в типичном древнеберингоморском стиле косоглазая личина.

Другое скопление вещей, возле левого бедра, состояло из крупного оббитого топора из серого ороговикованного песчанисто-глинистого сланца (рис. 13, 1); черешкового продолговатого, оббитого с обеих сторон наконечника копья из того же материала (рис. 13, 4); шести крупных скребловидных орудий из ороговикованного песчанисто-глинистого сланца, одно из которых имело пришлифованные концы (рис. 13, 9). Ближе к голенно-бед-

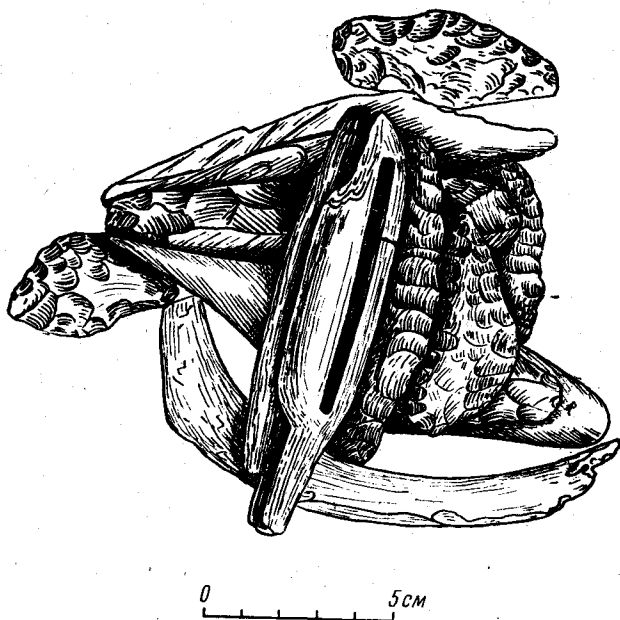

Рис. 9. Кучка предметов возле правого плеча погребенного в могиле 2

ренному суставу ноги лежал «крыльями» вверх «крылатый» предмет, обернутый в бересту, с остатками деревянной палки в широком его отверстии (рис. 14), а рядом — отдельная маленькая клиновидная деталь к нему, вставляющаяся в его узкую трапециевидную прорезь⁸. Этой прорезью «крылатый» предмет был обращен в сторону южной стенки могилы. Остатки сгнившей деревянной палки, на которую «крылатый» предмет был насажен, прослеживались с противоположной стороны. Там же были две трубчатые косточки от птичьего крыла (гуся или гагары).

Из-под затылочной части черепа выглядывали своими острыми концами два наконечника от багров и узкая продолговатая лопаточка из моржового клыка (рис. 12, 1). Между лицевой частью черепа и левым плечом находилась расколотая поперек широкая овальная ножевидная плитка из плохо отшлифованного глинистого сланца, а возле нее, вдоль этой плечевой кости, с внутренней ее стороны, — головка гарпуна из моржового клыка (рис. 10, 1). Обращенная кверху поверхность этого изделия разрушилась под действием проникавших в могилу воздуха и влаги, вследствие чего все изделие искривилось дугой. На повернутой к дну могилы выпуклой стороне дуги хорошо сохранился четкий резной узор, прежде покрывавший предмет со всех сторон.

Слева от погребенного лежала длинная (74 см) колотушка саблевидной формы для выколачивания полога, сделанная из китового ребра. Между бедер находились рядом три вещи: широкий плоский нож из глинистого сланца (рис. 13, 11), массивный обломок топора из ороговикованного глинисто-песчанистого сланца со следами сколов и ретуши (рис. 13, 12) и обломок тонкого ножа из глинистого сланца.

⁸ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших данных, рис. 11; он же. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году, рис. 16.

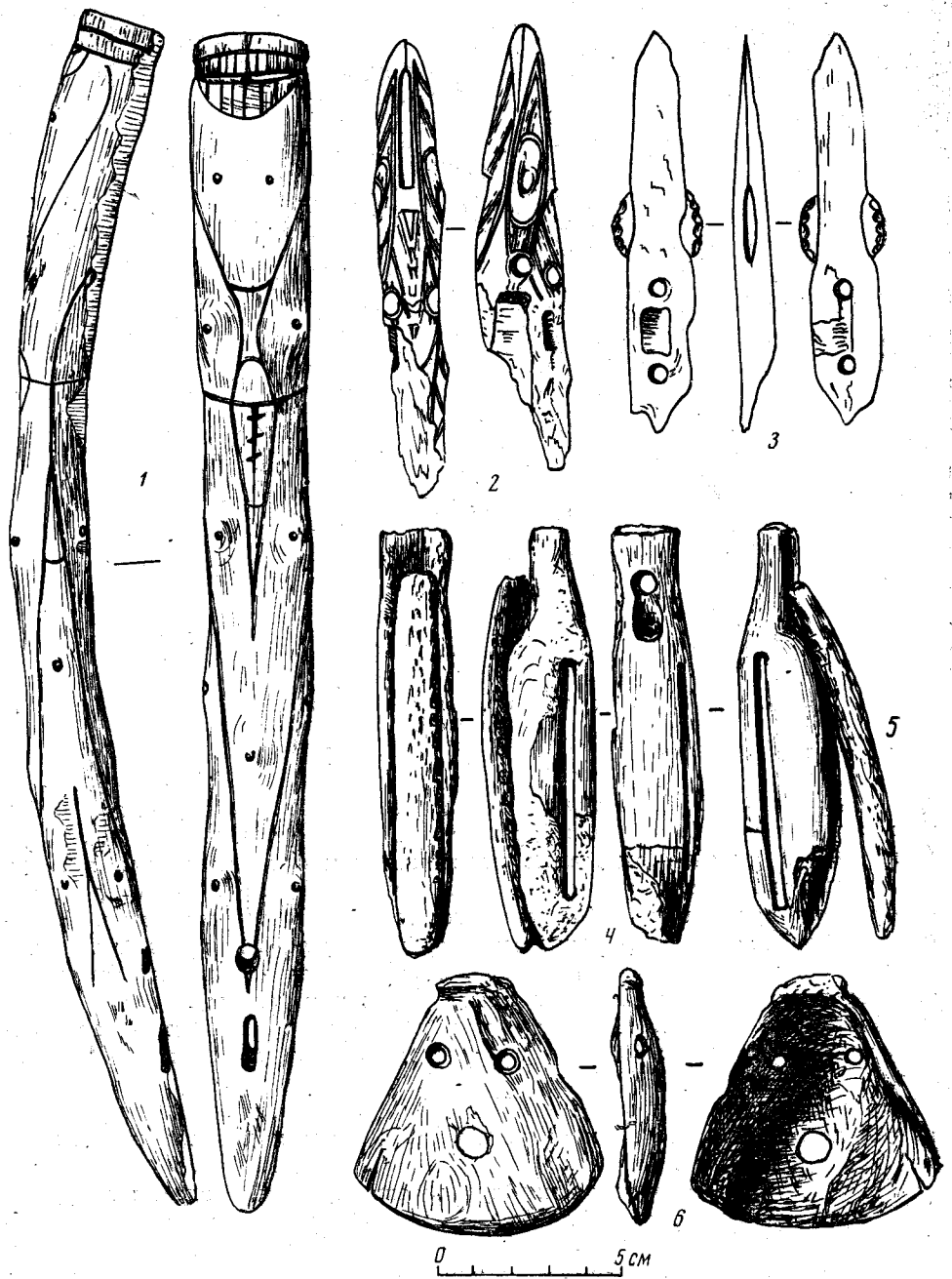

Рис. 10. Костяные изделия из погребения 2

Неподалеку от левой стопы был обнаружен топорик трапециевидной формы из серо-зеленой породы кремнистого сланца, под берцовыми костями левой ноги — два одинаковых поворотных наконечника гарпуна с вкладными лезвиями в боковых пазах (рис. 10, 3) и на локтевой части правой руки — два наконечника копий: один оббитый, из черной андезитовой породы (рис. 13, 13), а другой — шлифованный, из глинистого сланца; оба обращены остриями в сторону головы.

Наконец, в юго-восточном углу могильной ограды, на уровне погребенного, были обнаружены крупные осколки от очень обгоревшего толсто-

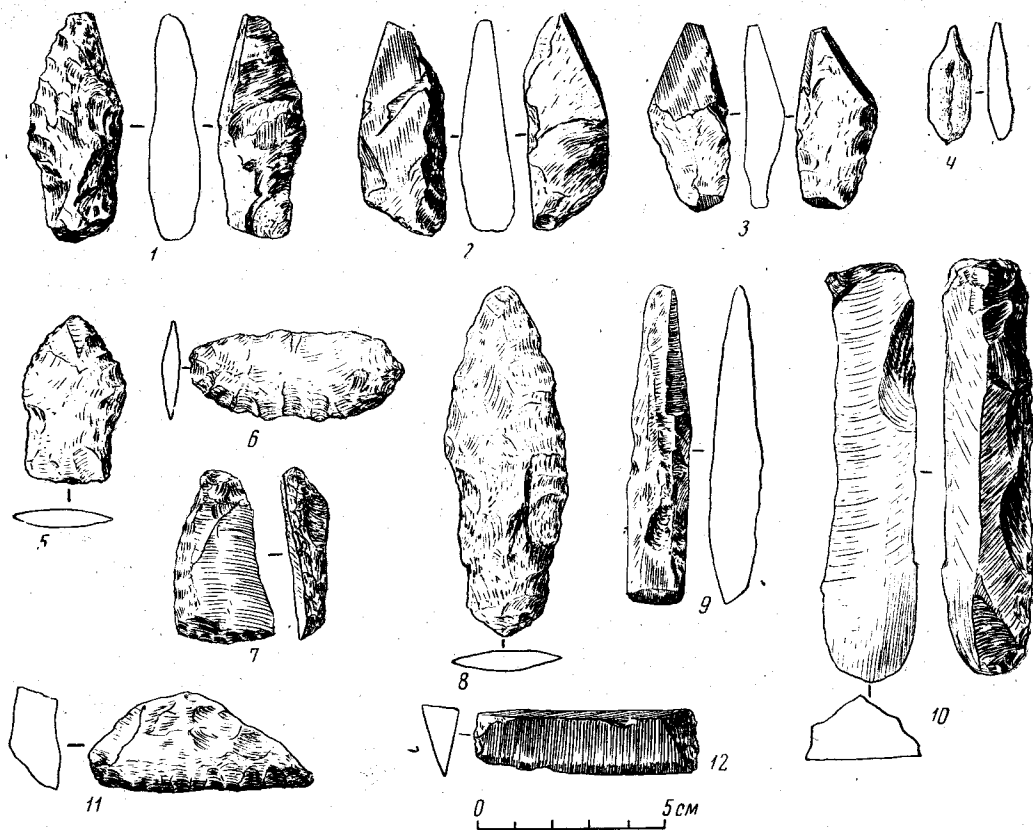

Рис. 11. Каменные инструменты из погребения 2

стенного глиняного сосуда без каких-либо признаков орнаментации поверхности. Диаметр его около 20 см, дно круглое, толщина до 2 см.

Погребение 3 (рис. 8) обнаружено внутри оградки, расположенной рядом с предыдущей, с западной ее стороны. Ограждение и здесь также, в общем, прямоугольных очертаний (2,2×1,2 м) и тоже сооружено из крупных плитообразных глыб камня 0,5—1,2 м длиной и 60—70 см высотой. Но на поверхности почвы эта оградка была менее приметна: лишь торцовые ее плиты слегка выступали наружу, все остальное было скрыто землей. Камни ее северо-восточного угла обожжены. В верхней части щебнисто-песчаной засыпки попался обломок кости моржа и часть китового ребра, а глубже в южной части могилы (на глубине 20 см) — короткий костяной наконечник в виде узкой лопатки (рис. 15, 2). Скелет погребенной здесь старой женщины сохранился довольно плохо. В лучшем состоянии оказались только трубчатые кости. Череп со сросшимися швами и с выпавшими зубами развалился на куски. Нижняя челюсть имеет явно старческий «сазаксообразный» вид. Судя по незначительной величине бедренных костей (37,5 см), погребенная была низкого роста (примерно 148 см). Она была положена на дно могилы на спину. Ноги и руки ее были вытянуты, а верхняя лицевая часть черепа, как и в других могилах, вдавлена в нижнюю челюсть. Ориентировка головой на север. Торфообразной бурой земли вокруг костей скелета и сплошной каменной вымостки под ним не было, хотя две сланцевые плитки (под черепом и возле него), а также одна плитка под правым бедром и одна под стопами ног все же имелись. Погребальный инвентарь в этой могиле довольно скудный; женский нож из сланца (рис. 15, 3) и под ним множество тонких и тончайших четырехгранных иголок (рис. 15, 1) из моржовой кости — между ребрами

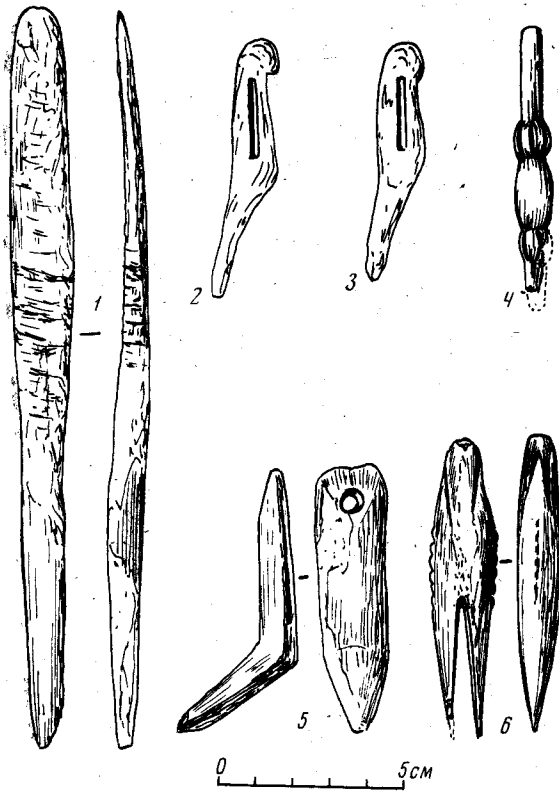

Рис. 12. Костяные вещи из погребения 2

и тазом. Там же остатки берестяной сумочки, а справа от берцовых костей — продолговатое и узкое костяное орудие (рис. 15, 4) и змеевидный предмет из моржовой кости⁹. В северо-западном углу могилы находилась разбитая глубокая глиняная миска, вылепленная довольно грубо. Ее диаметр 22 см, дно округлое, уплощенное (толщина стенок от 1,9 см в донной части и до 1—1,5 см наверху). Снаружи эта посуда сильно обгорела. Тесто, из которого она вылеплено, сравнительно тонкое, но внутри плохо обожженное, вследствие чего снаружи у миски коричневый цвет, а на изломе черный.

Погребения 4 А, Б, В,

Г (рис. 8). Оградка, внутри которой были совершены одно над другим четыре погребения, пристроена к западной стенке могилы 3. Оградка была либо не достроена с западной и южной стороны, либо разрушена с этих сторон позднее. Зато с северной и восточной ее сторон стоят такие же массивные плиты, как и в примыкающих к ней с востока могилах. Большая часть их была скрыта почвой. Могила раскапывалась, как и все предыдущие, строго по слоям, толщиной в 10—15 см каждый. Здесь было четыре яруса одновременных погребений, разделенных тонкими прослойками земли. Скелеты обозначены буквами в порядке их расположения сверху вниз¹⁰.

Погребение 4А (рис. 8). От скелета сохранились только бедренные кости, обломки берцовых костей и совсем целая малая берцовая кость, разрушенные тазовые кости и поверх них черепные кости без лицевых. Ребра и плечевая кость были смещены и лежали в стороне, но в неповрежденном положении сохранились две лопатки. Судя по всему, покойник был уложен в могилу на спине, головой на север. Возле его лопаток сохранился сланцевый нож грубой отделки, а среди ребер — костяной бородчатый наконечник от птичьего дротика (рис. 16, 2), костяная обоймочка от каменного скребка или ножа (рис. 16, 4) и костяной закреп тягового линия (рис. 16, 5).

Погребение 4Б (рис. 8) находилось на 10 см глубже. Кости скелета полностью сохранили первоначальное расположение, судя по которому покойник был погребен на спине, головой на север. Череп лежал на правом боку, глазницами на Уэленскую косу, т. е. на юго-запад. Левая нога была слегка согнута в колене. Вещей при погребенном оказалось немного:

⁹ Н. Н. Диков. По следам древних костров, стр. 81, рис. 7.

¹⁰ В предварительной публикации отдельные захоронения этого погребального комплекса (А, Б, В, Г) обозначены не буквами, а порядковыми номерами (скелеты № 1, 2, 3, 4) (см. Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году).

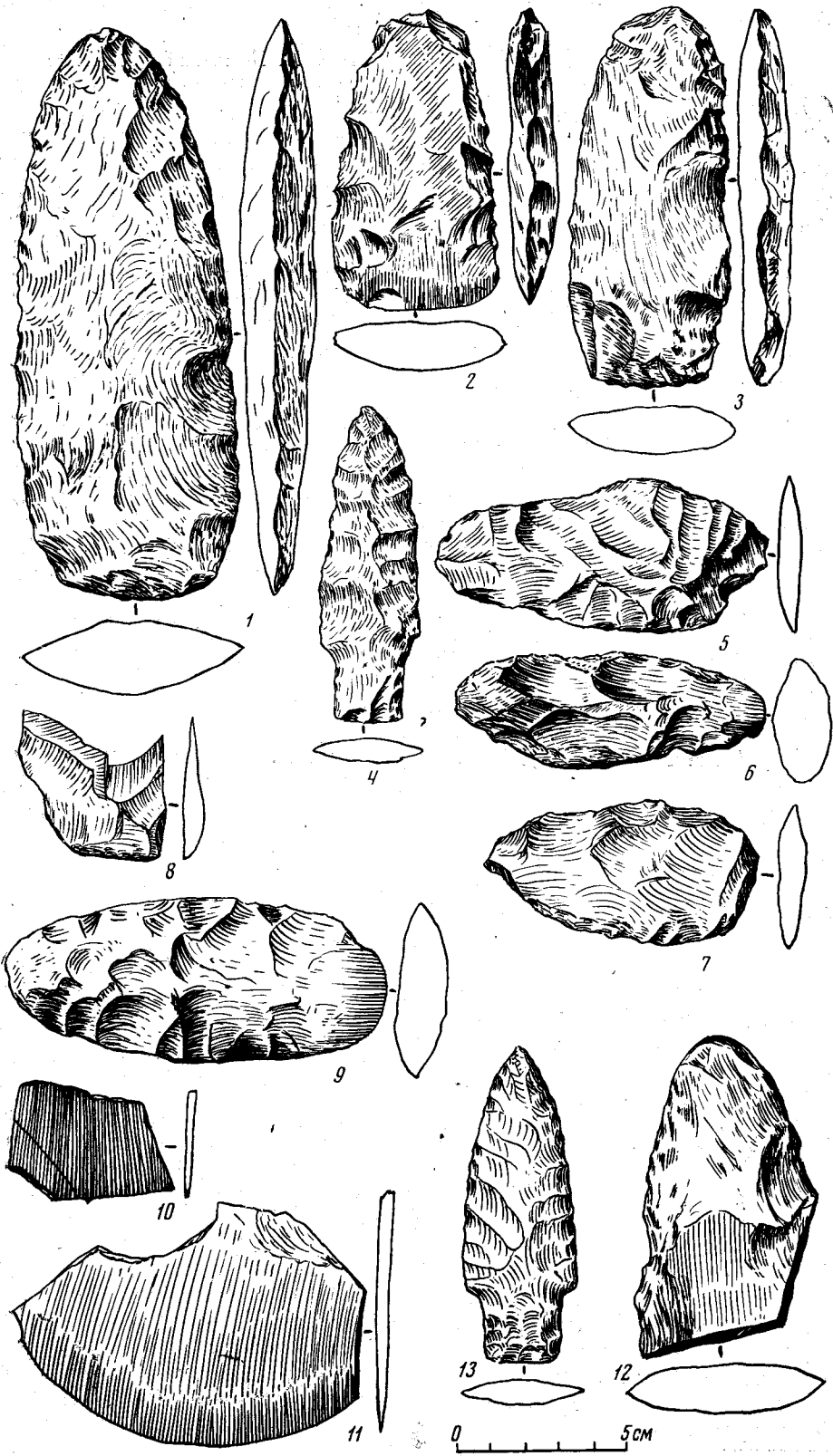

Рис. 13. Каменные орудия из погребения 2

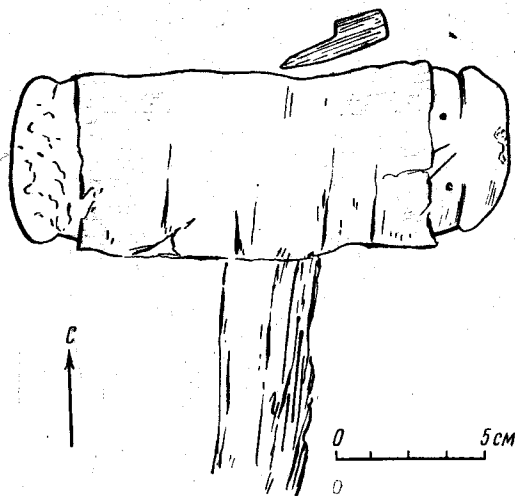

Рис. 14. Крылатый предмет, завернутый в бересту, из погребения 2

тесло из светло-серого орогованного песчанисто-глинистого сланца (рис. 17, 7), массивный продолговатый из того же материала скребок с залощенным концом (рис. 17, 1) возле левого плеча, сланцевый нож (рис. 17, 2) возле правого плеча, сланцевый нож или наконечник копья (рис. 17, 3) возле левого плеча и два наконечника от стрел: шлифованный (рис. 17, 5) и из кремнистого сланца (рис. 17, 4). Между скелетами 4А и 4Б земля обыч-

ная — рыхлая, светло-коричневая, а не бурая. Под правым боком скелета и дальше с правой его стороны камни сильно перегорели, превратившись в синевато-серую рассыпающуюся труху. После зачистки всей площади могилы на уровне погребенного 4Б между черепом и северной стенкой ограды выступил верхним краем глиняный сосуд и разломанный человеческий череп. Нет сомнения, что череп этот и обнаруженные рядом его нижняя челюсть и заостренный с двух концов стержень из моржового клыка были выброшены на это место снизу, когда копали могилу для позднее захороненного 4Б. Раскопки скелета 4В подтверждают это полностью.

Погребение 4В (рис. 18). Захороненный лежал под скелетом 4Б точно в его позе и, действительно, без черепа. Между этими скелетами, в сущности, нет стерильной прослойки. Они лежали один на другом, нет между ними и бурой торфообразной массы. Земля и на этом уровне рыхлая и светло-коричневая. Судя по обмеру таза и длинных костей, скелет принадлежал мужчине сравнительно высокого роста (бедро — 43 см, локтевая кость — 26 см, лучевая кость — 24 см, плечо — 30,5 см).

После зачистки могильной засыпки на уровне костяка 4В выяснилось, что отмеченный выше разбитый глиняный сосуд относится к этому погребенному. Сосуд имеет форму довольно высокой банки, поперечник его 20—21 см, дно округло-утолщенное. Толщина стенок сосуда от 1 до 1,5 см, тесто темно-коричневое, местами черное, а в донной части красное, сильно обожженное, содержит включения слюды. На внутренней поверхности — нагар. Снаружи сосуд покрыт нечеткими текстильными оттисками и короткими парными рядами мелких врезных черточек. При погребенном было обнаружено много каменных и костяных изделий. Возле правого плеча лежали втулкой к ногам орнаментированная головка гарпуна (рис. 19, 1) и стержень с отверстием (колок), заостренный с двух концов. Обе вещи — из моржового клыка; под ними — «крылатый» предмет¹¹. Под последним наискось — второе костяное острие, а рядом — плюсовая кость лахтака и две маленькие костяные вещицы в виде клинышков с загнутыми концами, по всей вероятности, какие-то детали к «крылатому» предмету¹². Под «крылатым» предметом был горелый камень, а между камнем и костяком — костяной бородчатый наконечник с отверстием и сланцевый нож с отверстием. Там же найден поворотный наконечник гарпуна (рис. 19, 2).

Справа от левого колена находился каменный топорик (рис. 10, 5), по обеим сторонам правого бедра — по одному наконечнику стрелы из глини-

¹¹ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных, рис. 12.

¹² Там же.

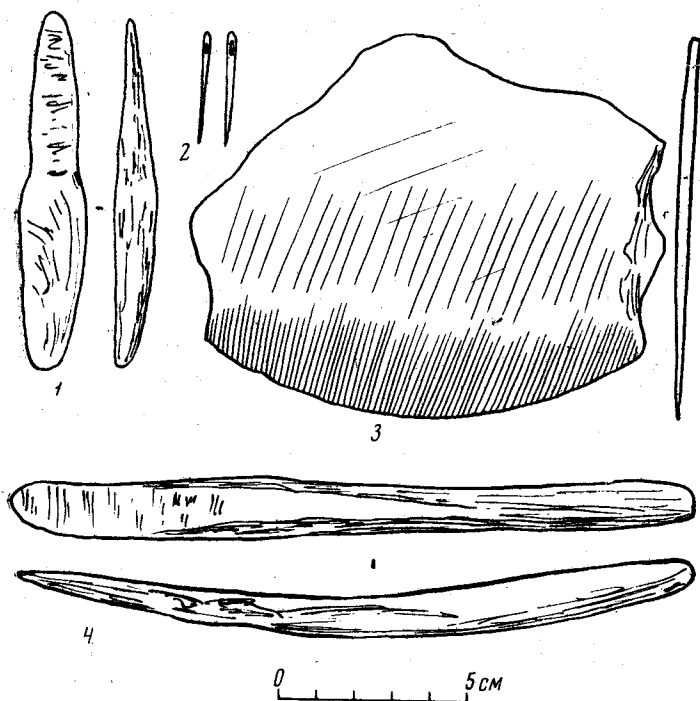

Рис. 15. Вещи из погребения 3

стого сланца, острием в сторону головы, под правой берцовой костью — костяной лодкообразный предмет с разрушенной внешней поверхностью (рис. 19, 8). Под левой берцовой костью — маленький плоский стержень с одним приостренным и другим закругленным концами (рис. 19, 7), а между бедрами — целое скопление вещей: тесло из кремнистого сланца (рис. 20, 2); два костяных очень плохой сохранности поворотных наконечника гарпунов (рис. 19, 3, 4); кремневый наконечник стрелы, с вогнутым основанием (рис. 20, 3); два отщепы; кусочек кварца.

Возле правой руки, на плитах дна могилы, лежали в торец друг к другу кинжаловидный предмет с пазом для вкладышей (рис. 16, 1), массивный заостренный стержень из моржового клыка (рис. 16, 3), а между плечом этой руки и ребрами был воткнут лезвием вниз сланцевый шлифованный нож (рис. 20, 1). Он был воткнут вплотную к внутренней торцевой стороне каменной плиты, образующей вымостку вокруг самого нижнего костяка 4Г, и поэтому может быть отнесен не столько к скелету 4В, сколько к самому нижнему (4Г).

После извлечения костей скелета оказалось, что плитки камня под ними, сами не будучи обгоревшими, были покрыты сверху черной, как бы горелой корочкой, скорее всего тленом, а земля над ней была обычная, не бурая и не торфообразная. Между бедрами зафиксированы следы деревянных пластин, щепок, занимающие площадь размером 15×18 см.

Погребение 4Г (рис. 18) располагалось на 7—8 см глубже погребения 4В, так что под скелетом 4В имелаcь бесспорная стерильная прослойка, правда, тонкая (3—4 см), но из чистого песка, без мусора, как между скелетами 4Б и 4В.

Костяк оказался женским. Сохранность плохая: нижние эпифизы берцовых костей сгнили, череп предстал в виде отдельных распадающихся кусков. Скелет отличается сравнительно малой длиной (112 см от темени до колен, длина берцовой кости примерно 40 см). Покойница была погребена на спине, лицом на запад — к Уэленской косе. Грудная клетка как бы сдвлена с боков. Руки вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Кости тоже

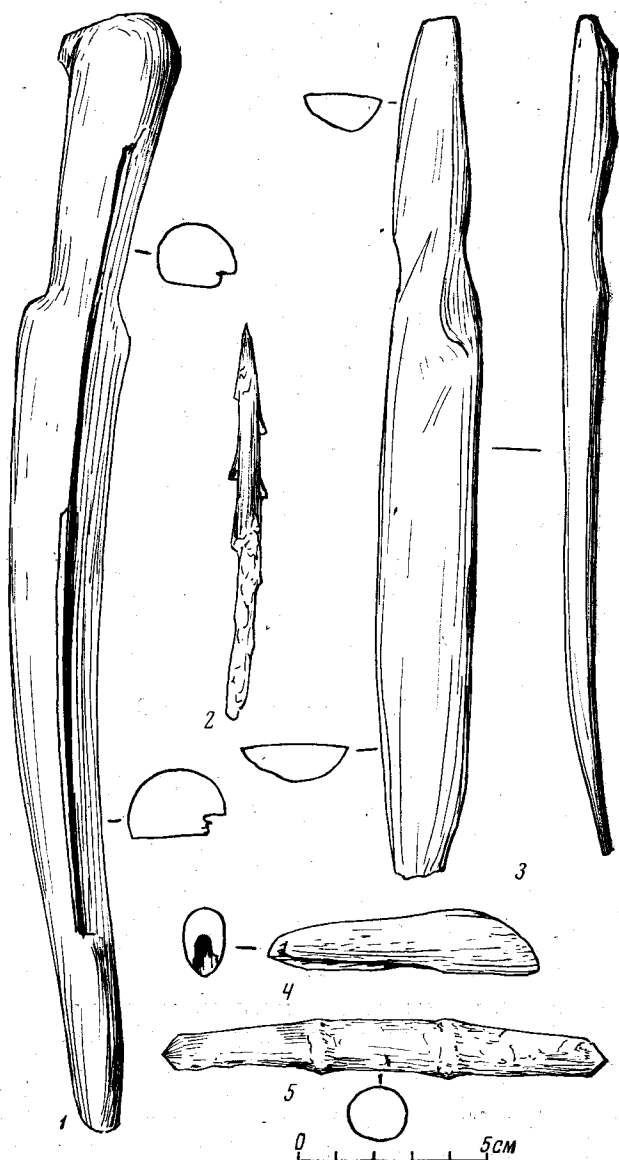

Рис. 16. Вещи из моржового клыка в погребении 4А

вытянуты и соприкасаются коленными суставами. Скелет лежал внутри каменной вымостки из плоских плит, как бы в их обрамлении. Вымостка предназначалась именно для одной покойницы, а не для покойника 4В; так как скелет 4Г располагался как раз в середине ее, а скелет 4В лежал только правым боком над краем этой вымостки, левым боком навалившись на скелет 4Г. Длина внутреннего пространства вымостки 1,4 м, ширина — 45 см. Внутри вымостки под покойником находились повсюду тонкие пластины дерева, бересты. Плиты каменной вымостки с правой стороны скелета против грудной клетки обгоревшие, в то время как земля между ребрами не имела признаков обгорания.

Погребение 5 (рис. 2). На глубине 30 см — скелет ребенка на спине, вытянут головой на юго-запад. Череп, кости грудной клетки и берцовые истлели. В области таза земля окрашена охрой. В охре — халцедоновая проколка. Слева от нее — кусок оленьего рога. Возле правого плеча —

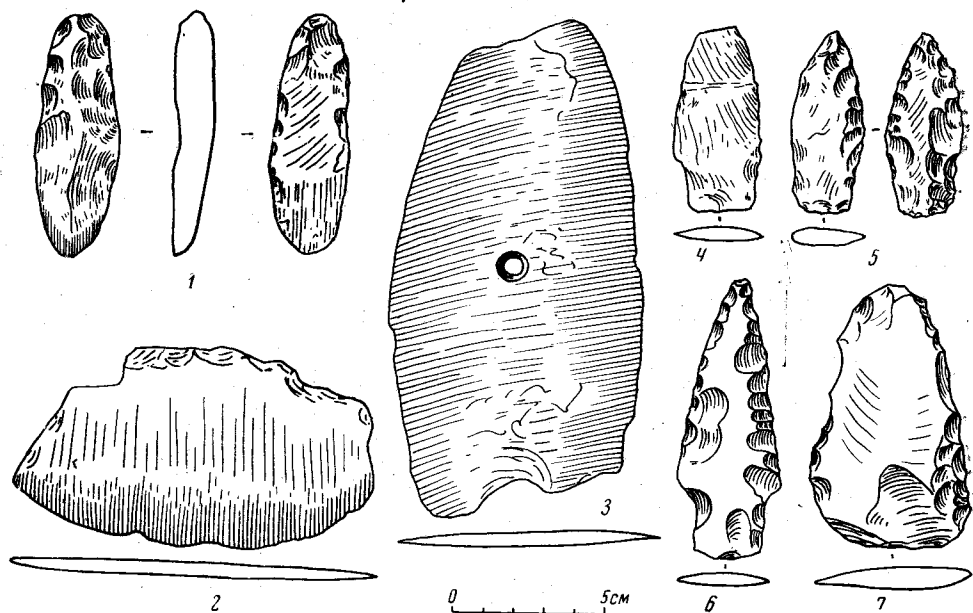

Рис. 17. Каменные вещи из погребения 4Б

скребок из серого кремнистого сланца (рис. 21, 3). В могиле оказались также нож из глинистого сланца, тупой костяной наконечник стрелы (рис. 21, 2) и костяная обоймочка (рис. 21, 1).

Погребение 6 (рис. 2). Под китовой лопаткой и двумя обломками китовых ребер на глубине 40 см сохранились остатки верхней части скелета взрослого, без черепа, погребенного головой на восток, на спине. Среди ребер — наконечник дротика из глинистого сланца (рис. 21, 8), обломок зубца остроги (рис. 21, 7), поворотный наконечник гарпуна (рис. 21, 6), шило (рис. 21, 9) и пуговица из моржового клыка (рис. 21, 5). Нижняя часть скелета разрушена строительной траншеей.

Погребение 7 (рис. 2). На глубине 20 см сохранились лишь некоторые разрушенные кости (ребра, локтевые и лучевые кости, таз, осколки черепа, ключица) и среди них — мотыгообразное орудие из моржового клыка, дугообразный костяной стержень (рис. 22, 16), пять кремневых наконечников стрел с костяными держателями (рис. 22, 1, 3, 8—15), каменное долото (рис. 22, 17), короткий и длинный костяные гвозди, три колка и шпилька из моржового клыка (рис. 22, 23, 18, 19, 20), наконечник дротика из глинистого сланца (рис. 22, 21) и стерженек из моржового клыка от составного рыболовного крючка (рис. 22, 22).

Погребение 8 (рис. 2). На глубине 20 см — берцовые кости на деревянной подстилке. Остальное сгнило. Ориентировка: восток — запад.

Погребение 9 (рис. 2). Внутри каменной ограды на глубине 1 м сохранилась лишь нижняя (от таза) часть скелета, лежащего на спине, с вытянутыми ногами, головой на север. Слева от него — каменный резец (рис. 23, 5) в костяной оправе (рис. 23, 4) и три наконечника гарпунов (рис. 23, 1, 2, 3). Верхняя часть скелета разрушена строительной траншеей.

Погребение 12 (рис. 2). Сохранилось только несколько обломков трубчатых костей.

Погребение 13 (рис. 2). На глубине около 40 см — скелет на правом боку со слегка подогнутыми ногами, ориентированный головой на север. С восточной стороны сохранились камни ограждения. При погребенном оказался небольшой (длиной 10,5 см) с обломанным концом стерженек из моржового клыка.

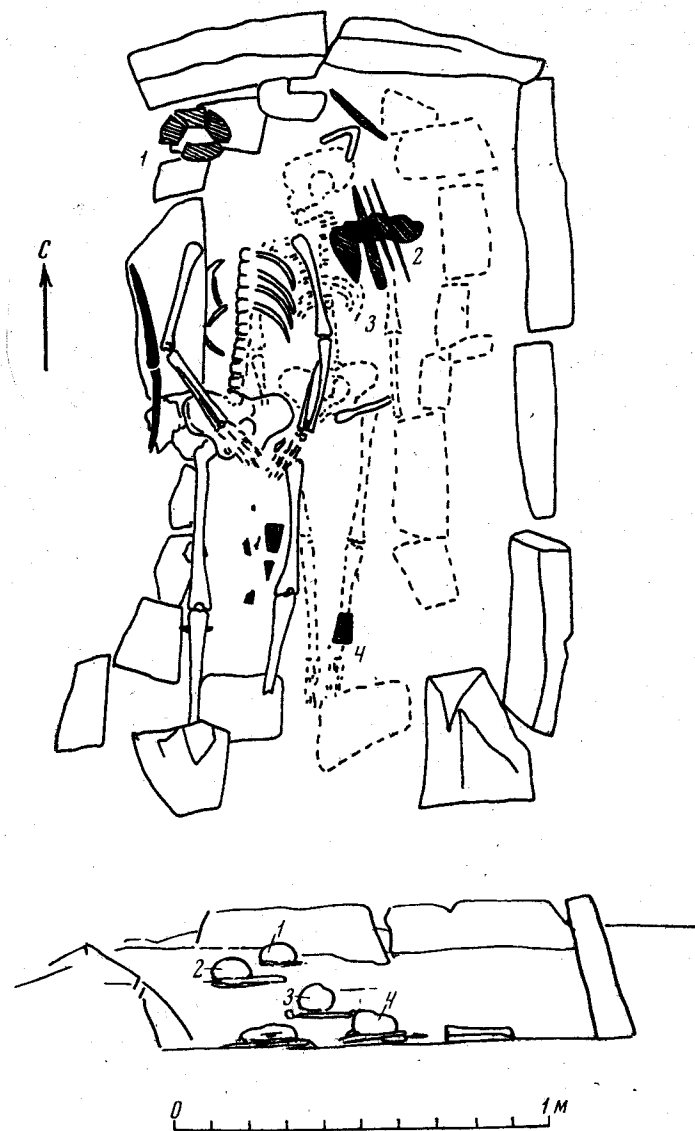

Рис. 18. Погребения 4В и 4Г (нижние, рис. см. на стр. 65, 66)

Погребение 14 (рис. 2). На глубине около 50 см — скелет, вытянутый на спине черепом на север, без погребальных вещей.

Погребение 15 (рис. 2). На глубине около 20 см — остатки грудной части скелета с костями левой руки, ориентированного головой на север, без вещей.

Погребение 16 (рис. 2). На глубине около 20 см — кости ног покойника, лежащего в могиле на спине, головой на северо-запад. Рядом оказался обломок моржового клыка.

Погребение 17 (рис. 2). На глубине около 10 см — следы истлевших костей.

Погребение 18 (рис. 2). Внутри каменной кладки на глубине около 80 см — почти целый скелет (без черепа), на спине, головой на северо-восток — север. Возле его шейных позвонков найдены скребок и отщеп из глинистого сланца, плоское острие из *os repis* (рис. 2) и глиняный черепок.

Погребение 19 (рис. 2). На глубине около 30 см — верхняя часть

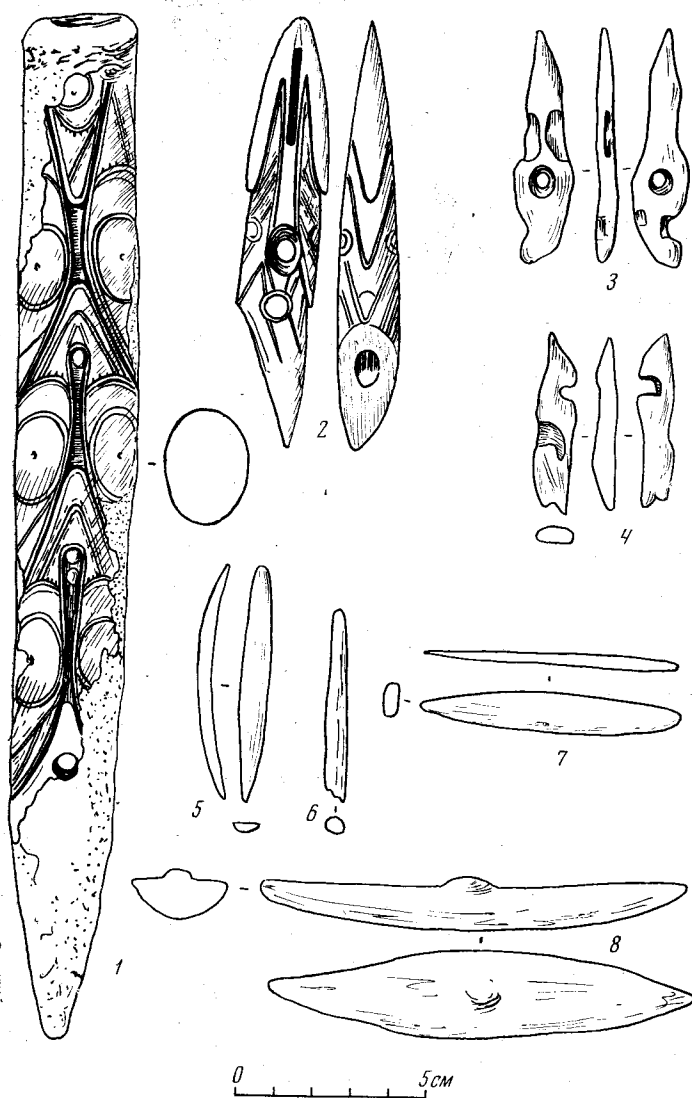

Рис. 19. Изделия из моржового клыка, обнаруженные в погребении 4В

скелета (с черепом, ориентированным на север). Его руки сложены в молитвенном положении — под нижней челюстью.

Погребение 20 (рис. 2). На горелой земле на глубине около 20 см сохранилась нижняя часть скелета, покоящегося на спине. Ноги его вытянуты, голова обращена на северо-запад. Между тазом и ребрами — шлифованный нож из глинистого сланца, слева — костяной стержень.

Погребение 21 (рис. 2). В том же пятне горелой земли — часть бедра, нижняя челюсть и кирка из моржового клыка.

Погребение 22 (рис. 2). Совсем близко к поверхности — плечевые кости человека, бородчатый наконечник остроги (рис. 24, 7) и обломок такого наконечника из моржового клыка.

Погребение 23 (рис. 2). На глубине 0,5 м обнаружен почти целый скелет. Лежал на спине, вытянув ноги. Черепом (раздавленным) обращен на север. От ключиц до таза посыпан охрой. На его шейных позвонках оказался шлифованный нож из глинистого сланца с отверстием. Справа от черепа — другой шлифованный нож из глинистого сланца, тоже с от-

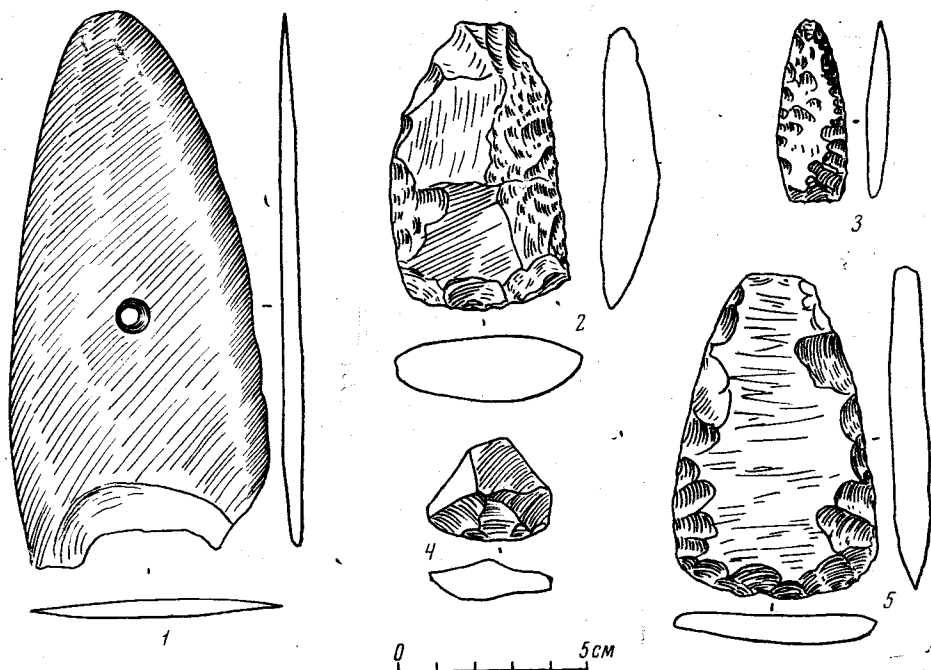

Рис. 20. Каменные вещи из погребения 4В

верстием. Между ребрами и правым плечом — деревянный стержень. В изголовье — скопление камней.

Погребение 24 (рис. 25). Совсем близко к поверхности отдельной группой лежали круглая бляшка с кольцевым торцовым желобком, украшенная концентрическим резным орнаментом (рис. 24, 1), дугообразный костяной стержень (рис. 24, 5), два гарпунных наконечника с открытым гнездом и боковыми вкладышами (рис. 24, 2, 4), наконечник гарпуна с закрытым гнездом и прорезью для концевого копыльца (рис. 24, 3), колок от гарпуна (рис. 24, 6) и заготовка костяной рукоятки. Кости погребенного истлели полностью.

Погребение 25 (рис. 25). На глубине около 40 см — остатки разбитого черепа и наконечник гарпуна. От истлевших костей остались только незначительные следы.

Погребение 26 (рис. 25) — скелет ребенка на глубине 60 см. Он лежал на спине, черепом на юг в оградке из камней, китовой кости и трех *os reipis* моржа. Сверху был тщательно закрыт двумя китовыми лопатками. Поверх этих лопаток оказались рядом две костяные пики, а рядом — третья подобная пика. С ним оказались еще одна костяная пика (за черепом), кремневый наконечник стрелы, шлифованный нож из глинистого сланца, нож-скребок, ковшик для жертвенных возлияний с головкой нерпы, сделанный из моржового клыка (рис. 26, 1), каменный нож-скребок (рис. 26, 3) с художественно оформленной рукоятью (рис. 26, 2) и две палки-копалки из моржового клыка.

Погребение 27 (рис. 27) было обнаружено на глубине около 1 м. Скелет женщины, погребенной на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток, сохранился очень хорошо. Возле правого плеча лежали две вещи — нож из шлифованного глинистого сланца в художественной костяной оправе (рис. 26, 8) и плошка для жертвенных возлияний, сделанная из моржового клыка (рис. 26, 9). С этой же стороны, возле таза, — широкий шлифованный нож из глинистого сланца (рис. 26, 10), на берцовых

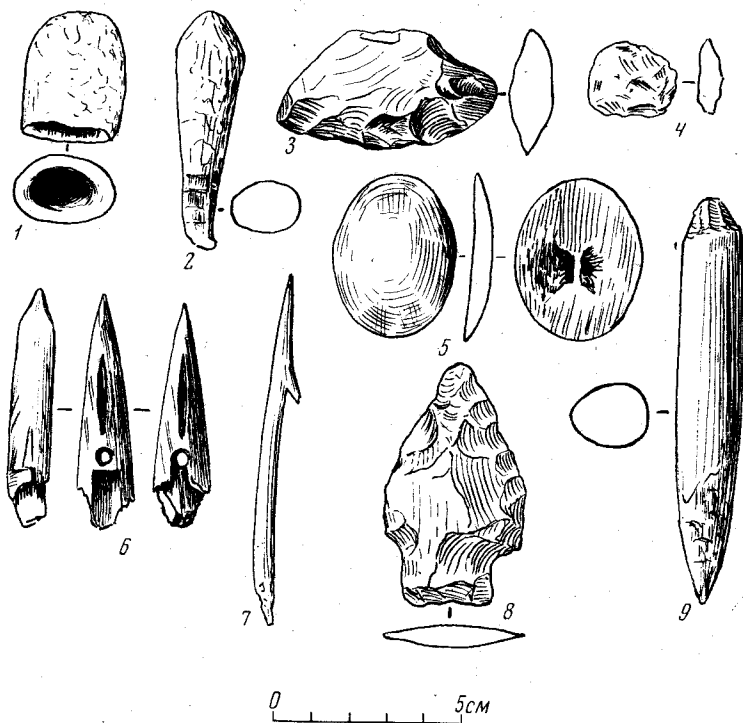

Рис. 21. Вещи из погребений 5 и 6

костях — предмет наподобие кирки из моржового клыка, а под черепом — костяная фигурка нырковой утки (рис. 26, 6). Скелет был извлечен монолитом.

Погребения 29 А, В, В, (рис. 28). Остатки этих трех захоронений обнаружены в 1963 г. в 5 м к юго-востоку от могилы 2, на небольшом бугре шириной около 20 м. С поверхности они были отмечены краешком каменной плиты, врытой на ребро. Погребения были найдены внутри разведывательного шурфа 2×2 м, ограниченного этой плитой с юго-востока, а также камнями и китовым ребром — с других сторон. Здесь мы имели дело с тремя очень тесно по отношению друг к другу расположенными захоронениями. Один погребенный был ориентирован головой на юго-восток, причем он положен на спину. От скелета сохранились только куски черепа, ребро, таз и смещенные плечевые кости без эпифизов. В изголовье лежали стержень из моржового клыка (рис. 29, 11), костяной отжимник, костяной посредник для закрепления каменного наконечника стрелы (рис. 29, 8). На месте правой бедренной кости находилась головка-втулка от древка гарпуна (рис. 29, 1), у левого плеча — обломок сланцевого шлифованного ножа, а чуть подальше — целый шиферный нож (рис. 29, 9). Справа остриями к плечу лежали центральный наконечник шатины (рис. 29, 2) и семь боковых пронг от шатины — все из моржового клыка (рис. 29, 3, 4).

Второй погребенный (В) располагался рядом, справа, головой в противоположную сторону. Его кости значительно смещены, но общее положение вдоль скелета А вполне определено. От этого скелета уцелели только немногие обломки черепа, бедренных и берцовых костей, а также кости ступни. Возле левого плеча здесь найден обломок поворотного наконечника гарпуна с двумя боковыми пазами для каменных вкладышей (рис. 29, 6), а в изголовье, на расстоянии полуметра от черепа, — стержень из моржового клыка (рис. 29, 10) и двухдырчатый поворотный наконечник гарпуна с обломанным концом (рис. 29, 7).

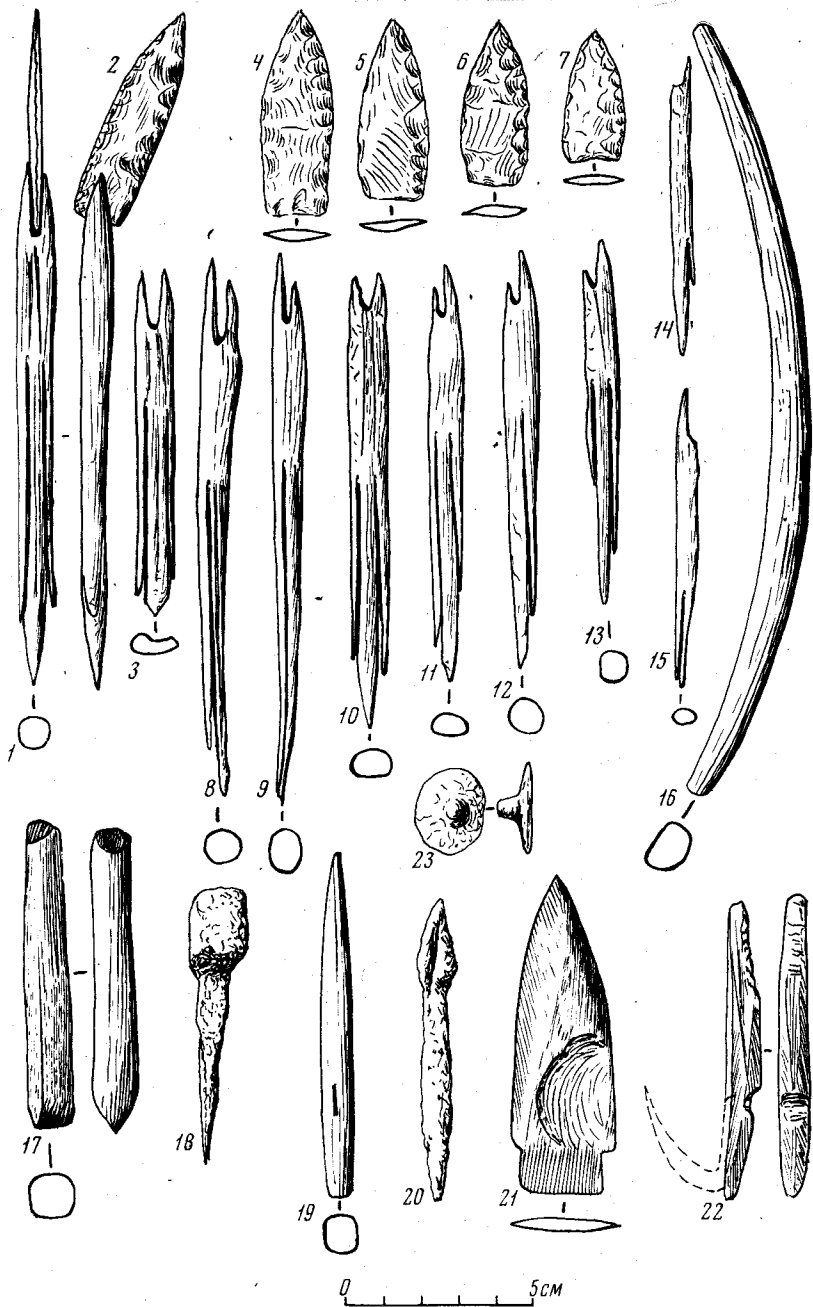

Рис. 22. Каменные и костяные вещи из погребения 7

От третьего погребения (B), впущенного в погребение A, удалось обнаружить только бедренные кости, судя по расположению которых покойник был уложен на спину, с вытянутыми ногами в диаметрально противоположном направлении по отношению к погребенному A, т. е. головой на северо-запад.

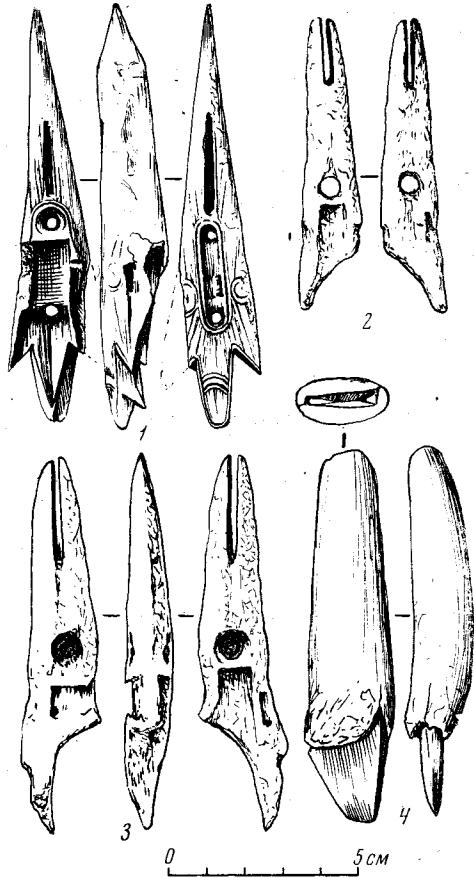
Для перечисленных в этом разделе погребений второй культурно-исторической группы характерны древнеберингоморский стиль орнаментальной резьбы по кости и древнеберингоморская конструкция наконечников гарпунов (мы опираемся в определении стилей и типов на типологию Коллин-

Рис. 23. Поворотные наконечники гарпунов и резец с рукояткой из погребения 9

за)¹³. Кроме того, выделяя эту группу, мы учитывали и другие признаки: наличие «крылатых» предметов, устройство костяных держателей стрел, ориентировку захоронений. Что касается последней, то она отличается большим разнообразием (головой на север, на северо-восток, на юг), но полностью отсутствует положение черепом на восток, типичное для оквикской и бирнирской культур.

Уклад хозяйства, насколько его можно восстановить по составу погребального инвентаря, характеризуется тем же, что и в оквикской культуре. Преобладает охота на морского зверя, но развиты также охота на сухопутных животных, рыболовство и собирательство.

Орудия морского промысла представлены в могилах гарпунным комплексом: наконечниками гарпунов, копьцами к ним, головками-втулками древков гарпунов, колками. Все наконечники гарпунов относятся к поворотному типу, приспособлены к поворачиванию поперек раны животного. Всего их четырнадцать: два втульчатых, у одного из которых прорезь для копьца в плоскости дыры для линия (рис. 24, 3), у другого одна сквозная прорезь для боковых лезвий (рис. 19, 2); девять наконечников имеют открытое гнездо для колка, два из них с двумя отверстиями для боковых вкладышей поперек плоскости этих отверстий (рис. 10, 3; 29, 7) относятся к типу IV классификации Коллинза, два других обломаны (рис. 19, 3; рис. 29, 6) и, очевидно, относятся к тому же типу IV. У трех наконечников, тоже имеющих по два отверстия для линия, прорези для вкладышей расположены вдоль оси этих отверстий, что соответствует типу IX классификации Коллинза (рис. 23, 1; рис. 24, 2, 4); вероятно, к этому же типу относится и четвертый, обломанный снизу наконечник (рис. 21, 6). Наконец, один наконечник имеет прорезь для копьца поперек его единственного отверстия для линия; обильно орнаментированный, он принадлежит к типу III типологии Коллинза. Особую группу составляют два раннепунукских наконечника поворотных гарпунов типа III (А), х (рис. 23, 2, 3) из могилы 9, в которой был и типично древнеберингоморский наконечник типа IX (рис. 23, 1). Объяснение такому сочетанию на первый взгляд хронологически разнородных элементов в одном комплексе может быть двойным. Либо могила в целом относится к раннепунукскому времени и наконечник типа IX является пережитком (возможно, достался пунукцам от древне-

¹³ H. B. Collins. *Archeology of St. Lawrence Island, Alaska.*— «*Smithsonian Miscellaneous Collections*», vol. 96, № 1, 1937.

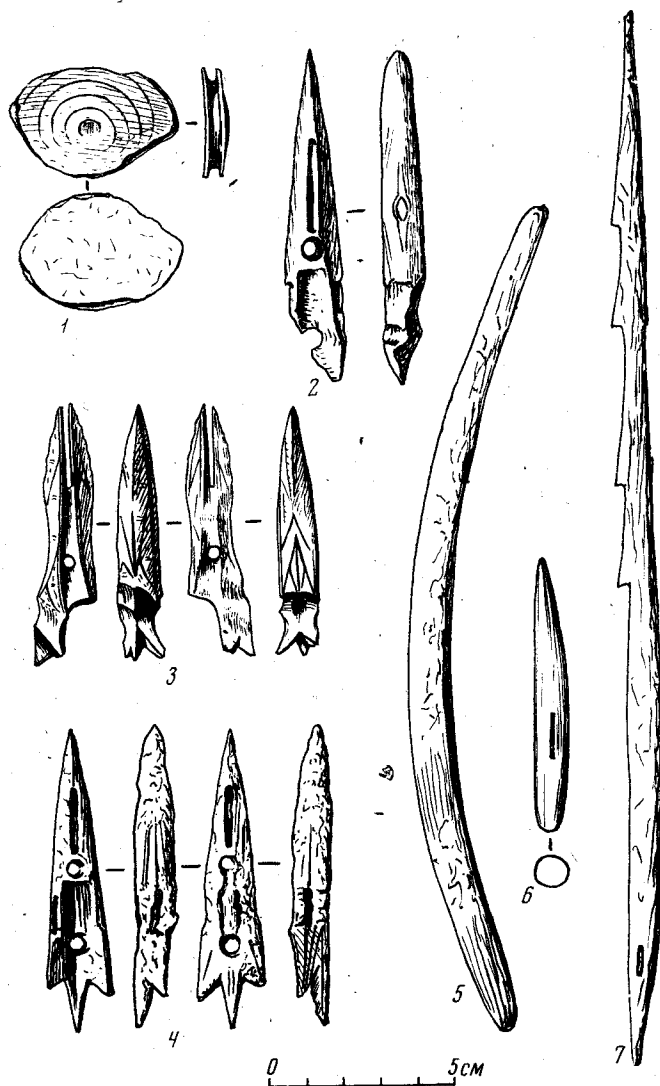

Рис. 24. Костяные изделия из погребений 24 (1—6) и 22 (7)

берингоморцев тоже из «раскопок» ими древнего культурного слоя, как полагает М. Г. Левин), либо погребение древнеберингоморское, и наличие в нем пунукских наконечников свидетельствует о спорадическом зарождении новых, пунукских приемов их изготовления еще в древнеберингоморское время. Вследствие общей преемственности и тесной генетической связи двух этих культур второе допущение представляется более вероятным.

Из остальных вещей гарпунного комплекса следует отметить три головки-втулки гарпунных древков. Две из них украшены криволинейным орнаментом в сочетании с традиционными для древнеберингоморского стиля поднятыми точками «глазами» (рис. 19, 1; рис. 29, 1), третья весьма своеобразно украшена примитивно стилизованными антропоморфными фигурками в сочетании с тем же глазным, но более лаконичным орнаментом (рис. 10, 1). Наконец, к этому же комплексу относятся три багорных наконечника (рис. 12, 2, 3, 5), два гарпунных колка (рис. 24, 16; рис. 29, 2), один из которых орнаментирован, а также шлифованные шиферные копыца-носки, вставлявшиеся в концевые прорези костяных

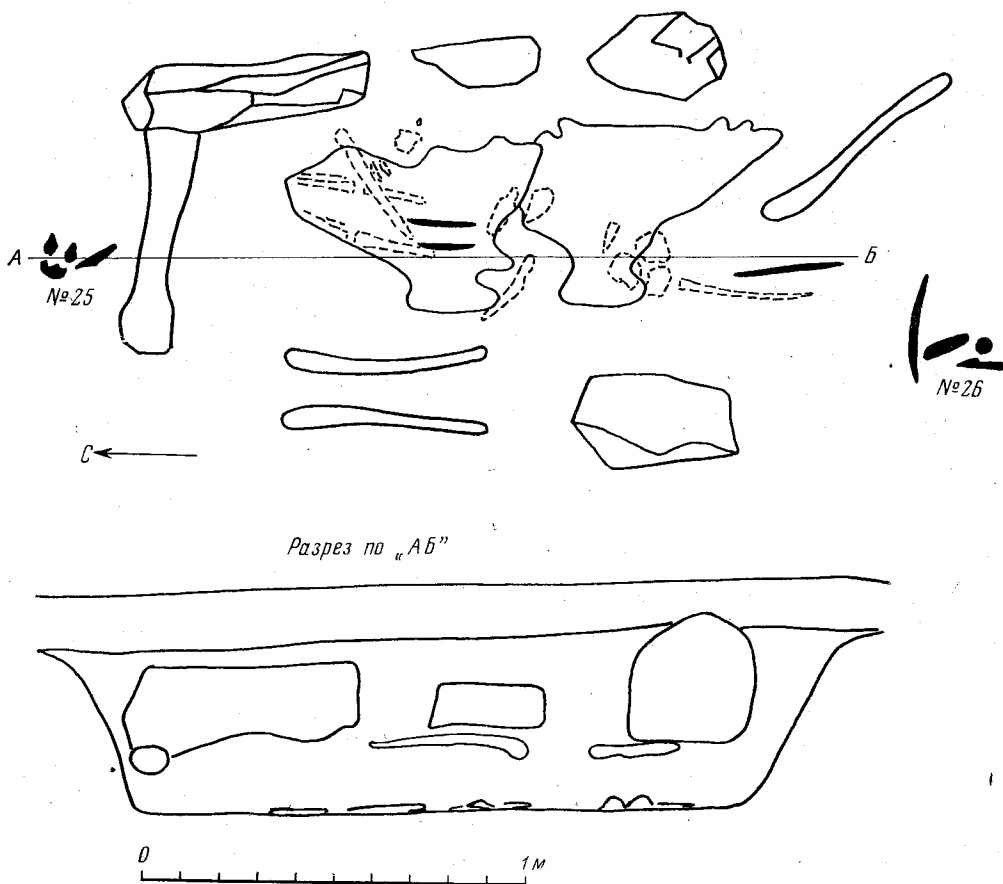

Рис. 25. Погребение 26

наконечников гарпунов (рис. 17, 4; рис. 22, 21). Часть вещей этого комплекса могла служить наконечниками копий и дротиков, особенно те, которые сделаны техникой двусторонней оббивки из кремнистых пород камня. У всех таких наконечников есть ясно выраженный черешок для насада (рис. 11, 5; рис. 13, 3, 4; рис. 17, 6; рис. 21, 8).

Весьма многочисленны и разнообразны остатки орудий сухопутной охоты. Кроме упомянутых выше универсальных по назначению наконечников копий и дротиков, к этим орудиям относятся, прежде всего, каменные и костяные наконечники стрел и костяные стрелодержатели. Все наконечники стрел сделаны из кремнистого сланца довольно небрежной оббивкой и отжимом, имеют плоскую треугольную форму и прямое, иногда слегка вогнутое основание для насада (рис. 20, 3; рис. 22, 4—6). Только одному наконечнику приданы ромбические очертания (рис. 17, 5). Плоские наконечники первого типа укреплялись в верхней прорези костяного стрелодержателя-посредника, присоединенного нижним концом к древку стрелы (рис. 22, 1, 2). Стрелодержатели оказались трех типов: 1) длинные с коническим острым насадом, без шпор и прорезей внизу (рис. 26, 4); 2) длинные с прорезью для наконечника наверху, с двумя длинными шпорами в основании (рис. 22, 1, 3, 8, 15; рис. 29, 8); 3) короткие с вильчатым основанием (рис. 12, 6).

Костяные наконечники стрел найдены двух типов: с острым боевым концом (рис. 22, 20) и с тупым; наконечники второго типа предназначены для охоты на птиц (рис. 22, 18). Свообразным орудием для охоты на

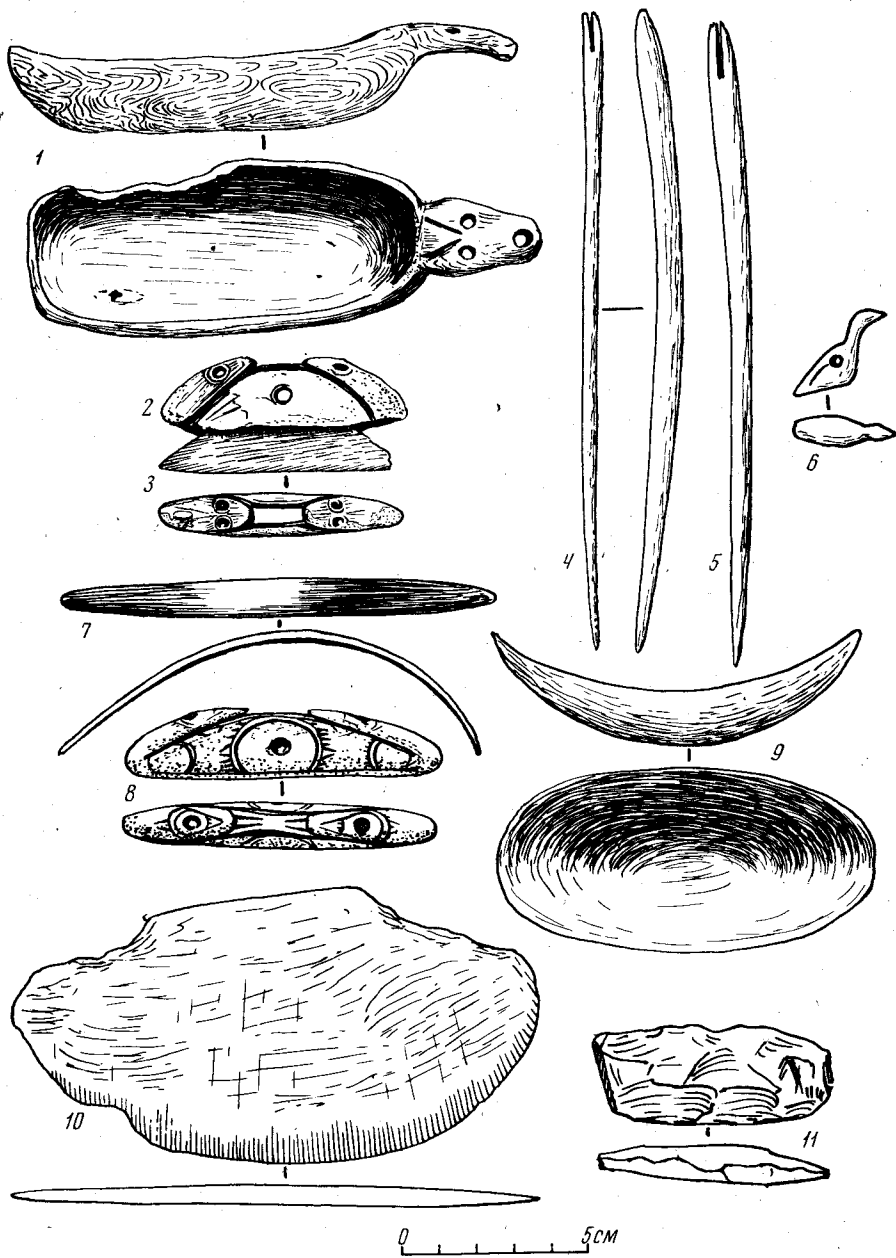

Рис. 26. Вещи из погребений 26 (1—6) и 27 (7—11)

птиц служили шатины, от которых найдены и центральный наконечник (рис. 24, 7), и боковые пронги (рис. 16, 2, 29, 3, 4), сделанные из моржового клыка.

Имеются в древнеберингоморском материале могильника и орудия рыбной ловли — катушка для наматывания лески (рис. 24, 1) и стерженек для составного рыболовного крючка (рис. 22, 22), сделанные из моржового клыка.

Орудием для добывания растительной пищи служили сделанные из моржового клыка кирки-мотыги (рис. 16, 1). Более тонкими кирками (рис. 12, 1—4) выкапывали преимущественно корни.

Как и в оквикском захоронении, в древнеберингоморских могилах найдено много разнообразных орудий для расчленения туш убитых животных и для обработки шкур: ножи, скребки, скобели. Из девяти шлифованных шиферных ножей два были двулезвийными и имели отверстия (рис. 17, 1; 20, 1); остальные, с одним округлым лезвием, были без отверстий (рис. 13, 11; 15, 3; 17, 2; 26, 10; 29, 13). Обычно ножи второго типа справедливо считаются женскими¹⁴, но следует отметить, что один из них, изображенный на рис. 13, 11, оказался в бесспорно мужском погребении (2).

Ножами третьего типа, обнаруженными, как и ножи второго типа, в женских могилах, являются маленькие треугольные шлифованные сланцевые ножи с прямым лезвием и без отверстия. В одном случае такой нож сохранился в изящно вырезанной из моржового клыка рукоятке. На этой рукоятке, украшенной в древнеберингоморском стиле, изображены стилизованные головы моржей (рис. 26, 2, 3). Другая почти также орнаментированная рукоятка найдена без ножа (рис. 26, 8). Третья из подобных рукояток узора не имеет (рис. 16, 4). Шесть других клинковых ножей сделаны из кремнистого сланца техникой двусторонней оббивки и отретушированы по краям (рис. 11, 6, 8; рис. 13, 5—7; рис. 26, 11). Своеобразен нож-резец в виде ретушированного с одного края халцедонового отщепца. Ретушированной частью он вставлялся в рукоять, режущим же рабочим краем служил свежий излом отщепца с противоположной стороны (рис. 13, 8).

Часть ножей, вероятно, использовалась и в качестве скребков (рис. 21, 3; рис. 11, 11). Два продолговатых изделия из ороговикоманного глинисто-песчанистого сланца могут быть отнесены к категории скребелей. У одного из них округлый пришлифованный рабочий край (рис. 17, 1), другое, более массивное, обработано краевой ретушью (рис. 11, 10). Кроме того, имеются два весьма своеобразных скребка: один из моржового клыка, для снятия жира с моржовых кишок (рис. 26, 9); другой из оленьего рога, он служил, вероятно, спиночесалкой (рис. 10, 6).

Техника обработки камня, судя по находкам в раскопанных нами могилах, мало чем отличалась от оквикской. Для ретуширования каменных изделий использовались те же ретушеры в виде стержней из моржового клыка (рис. 22, 16; рис. 24, 5; рис. 29, 9). Интересно, что один из них был найден вместе с весьма своеобразной рукояткой, к которой он привязывался (рис. 10, 4).

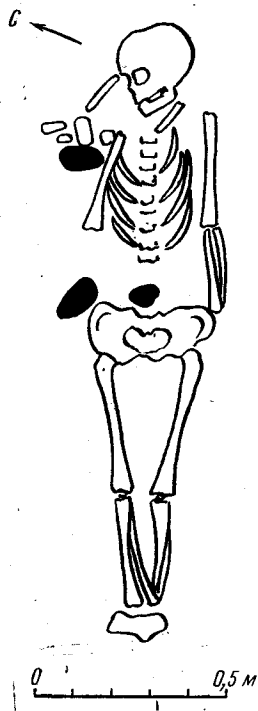

Рис. 27. Погребение 27

¹⁴ С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древнеэскимосские могильники на Чу-котке, стр. 18.

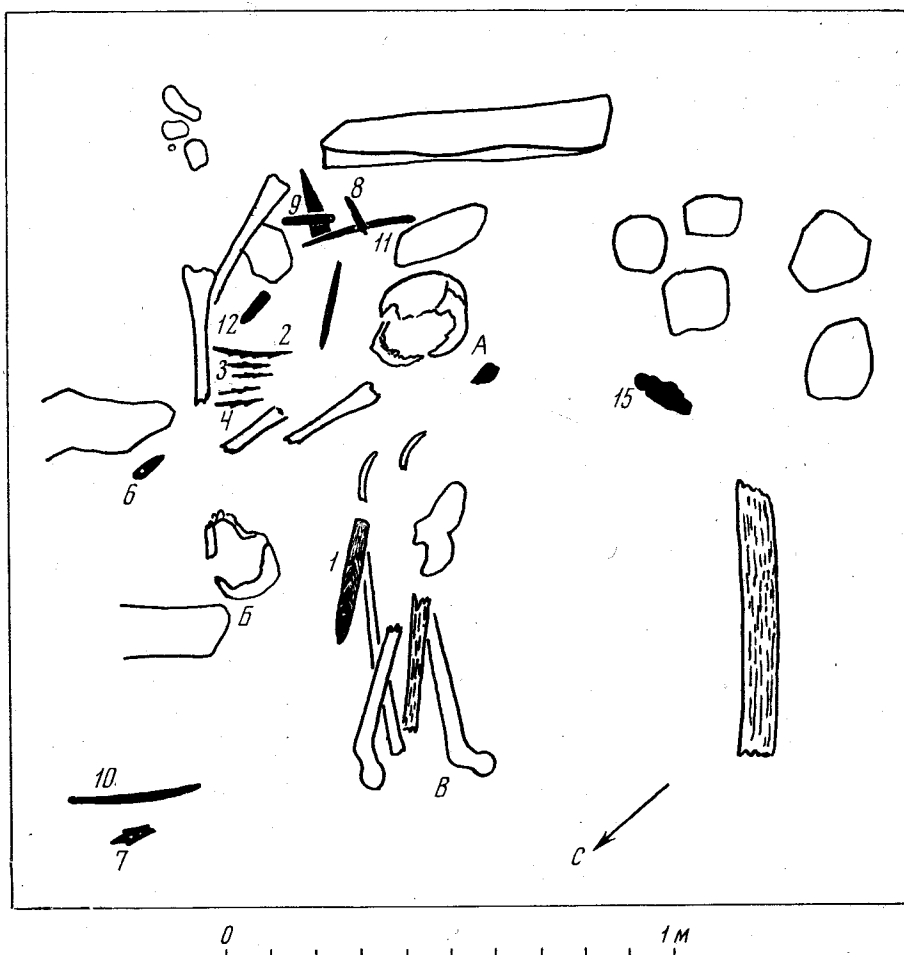

Рис. 28. Погребение 29 (А, Б, В)

Для обработки кости служили андезитовые и нефритовые срединные и боковые резцы весьма характерной устойчивой формы, всегда с пришлифованными рабочими гранями. Противоположный конец этих резцов, предназначенный для закрепления в роговой рукоятке (рис. 29, 12), был обычно обработан весьма грубо (рис. 11, 1—3). Один резец был обнаружен вместе с его рукояткой (рис. 23, 14, 15).

Работа по дереву производилась с помощью топоров, тесел и долот. Топоры обнаружены двух типов: удлиненной формы (рис. 13, 1, 3) и трапециевидные (рис. 13, 2; 17, 7; 20, 5). И те и другие с более или менее округлым лезвием. Тесла двух видов: трапециевидное (рис. 20, 2) и удлиненно-овальное (рис. 13, 9). Долота узкие и продолговатые с асимметричным клиновидным рабочим краем (рис. 11, 9; рис. 22, 17). Все эти инструменты сделаны из ороговикованного глинисто-песчанистого сланца.

Кроме перечисленных вещей, в погребальном инвентаре отметим также орудия для шитья одежды — тончайшие иголки из моржового клыка (рис. 15, 1) и модель каяка (рис. 19, 8), свидетельствующую о развитии этого вида транспорта уже около 2000 лет назад. Заслуживают внимания и такие высокохудожественные вещи, вырезанные из моржового клыка: ритуальный коврик с ручкой в виде головы нерпы¹⁵, змеевидный гре-

¹⁵ Н. Н. Диков. По следам древних костров, стр. 81, рис. 6.

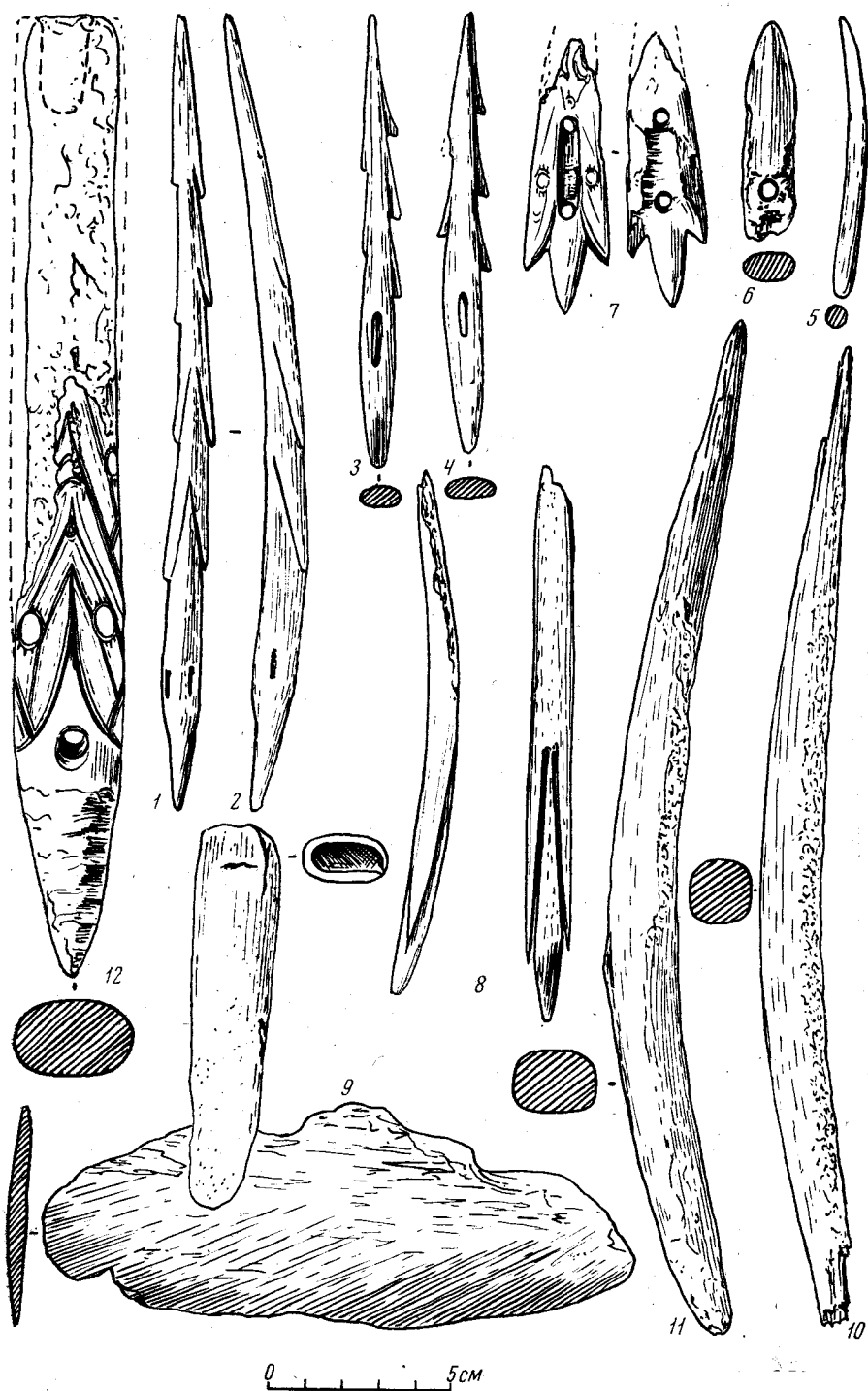

Рис. 29. Вещи из погребения 29

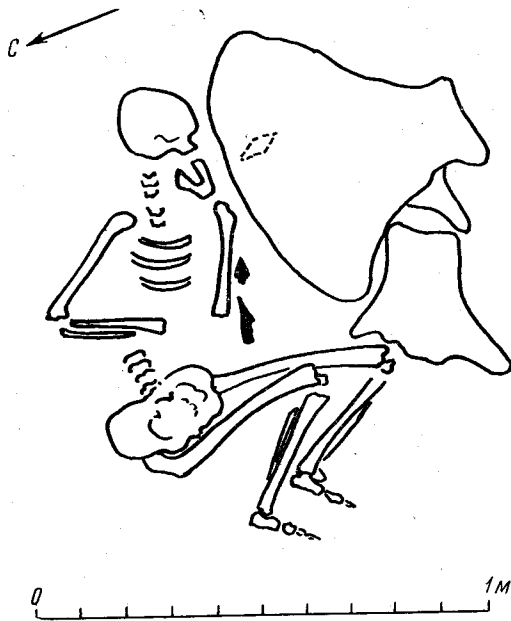

Рис. 30. Погребение 11

конечник копья (рис. 31, 6). Могила перекрыта сверху китовыми лопатками.

Погребение 28 (рис. 32). Оно было устроено внутри прямоугольной оградки из врытых на ребро каменных плит, продольными сторонами ориентированной с запада на восток. Длина оградки 1,4 м, ширина 60 см. Плиты ее на 5—10 см возвышались над уровнем почвы. Глубина могилы — 35 см. Дно ее устлано китовым ребром (вдоль северной стенки) и моржовыми лопатками (в головной, восточной ее части). Покойник был погребен на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток. Сохранились только таз, кости ног и обломки черепа. Вдоль спины погребенного была положена кость моржа. В грудной части скелета острием к тазу лежал черешковый шиферный наконечник копья (рис. 31, 7) и там же, чуть в стороне, — два обломка шиферных ножей (рис. 31, 5, 8).

Общими признаками этих трех погребений оказываются скорченное трупоположение, ориентировка головой на восток, закладка могилы моржовыми лопатками. Большинство поворотных наконечников гарпунов — три из четырех, обнаруженных в этих могилах, — вполне определенно принадлежат к бирнирским типам наконечников, с открытым гнездом для линия. Их здесь две разновидности: один наконечник — с бородкой и каменным боковым вкладышем (рис. 31, 2), два — только с односторонней бородкой (рис. 31, 1, 3). Четвертый наконечник, обнаруженный в могиле 11 вместе с бирнирским, сопоставим с раннепункскими наконечниками III(a)х классификации Коллинза.

Из остальных вещей, найденных в этих могилах, отметим шлифованные шиферные наконечники копий двух типов: с едва намеченным черешком (рис. 31, 6) и с четко выраженным черешком (рис. 31, 7).

¹⁶ Н. Н. Диков. По следам древних костров, стр. 81, рис. 7.

¹⁷ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.

¹⁸ Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея за 1956 год, рис. 16; он же. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных, рис. 12.

бень¹⁶, застежка в виде фигуры калана¹⁷ и два весьма своеобразных «крылатых» предмета с вставными деталями к ним¹⁸.

БИРНИРКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Погребение 10 (рис. 2). На глубине 20 см, под китовой лопаткой найден разрушенный череп, остатки истлевших костей и обломки глиняной посуды; несколько в стороне — два наконечника гарпунов (рис. 31, 1, 2). Ориентировка неопределенная.

Погребение 11 (рис. 30). На глубине 30 см — совершенно целый скелет, погребенный на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток. Перед грудью его лежали два наконечника от гарпунов (рис. 31, 3, 4) и широкий шиферный на-

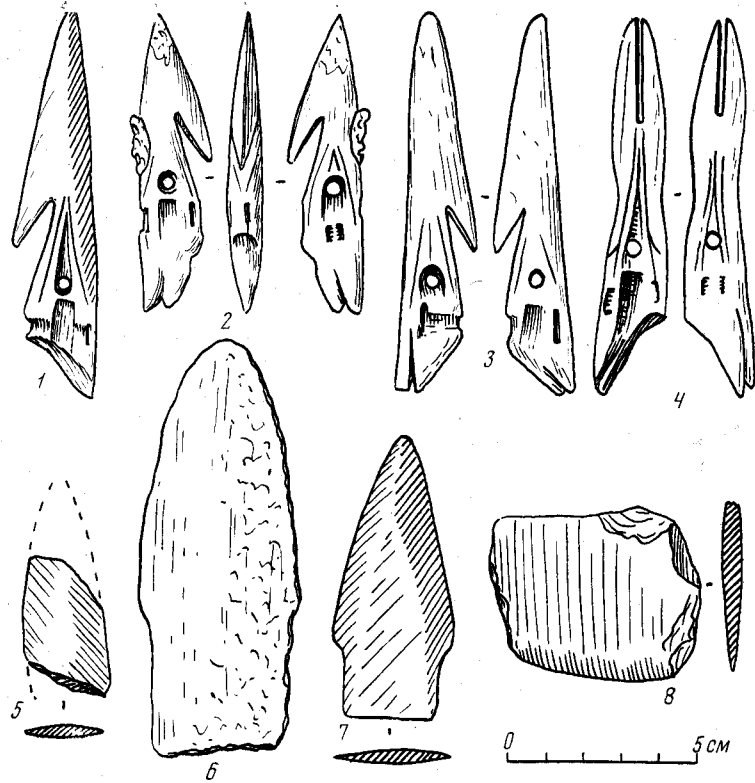

Рис. 31. Вещи из погребений 10 (1, 2), 11 (3, 4, 6), 28 (5, 7, 8)

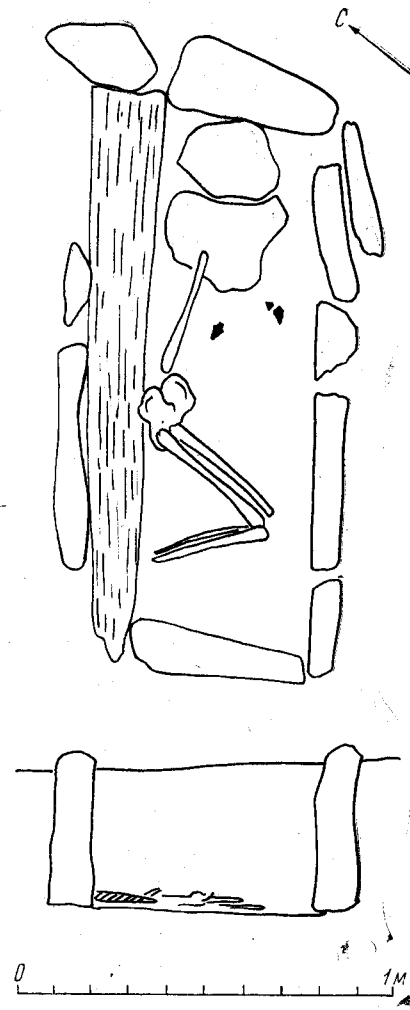

Рис. 32. Погребение 28

В целом по сравнению с оквикским и древнебирингоморскими захоронениями инвентарь бирнирских погребений значительно беднее, но все же ясно указывает на большое значение в жизни бирнирцев морской охоты. Правда, охота эта, судя по сравнительно небольшим размерам наконечников гарпунов, велась, очевидно, в основном только на мелких морских млекопитающих. Судить о развитии остальных отраслей хозяйства эти бирнирские погребения возможности пока не дают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор археологических материалов из раскопанной нами части Уэленского могильника убеждает нас в том, что основой хозяйственной деятельности людей, создавших этот могильный памятник, всегда был преимущественно морской зверобойный промысел, а затем сухопутная охота и рыболовство. Такой образ жизни характерен, однако, не только для эскимосов, но также для алеутов, береговых чукчей, приморских коряков и для некоторых других народов. Более точно определить этническую принадлежность Уэленского могильника помогают нам его палеоантропологические материалы — черепа и другие кости погребенных. В результате исследования их М. Г. Левиным¹⁹ выяснилось, что они типично эскимосские. Таким образом, для изучения истории эскимосов получен ценнейший источник, освещающий несколько разновременных локальных эскимосских культур: оквикскую, древнебирингоморскую, бирнирскую, пунукскую.

Не все эти культуры связаны между собой генетически. Если древнебирингоморская культура развивается непосредственно в пунукскую, то оквикская и более поздняя бирнирская составляют, очевидно, особый эволюционный ряд. Поэтому Уэленское могильное поле правильнее, очевидно, рассматривать не просто как родовой могильник²⁰, а как серию разновременных родовых кладбищ.

Наиболее ранние оквикские могилы, в частности могила 1, в таком случае должны рассматриваться не как синхронные древнебирингоморским и тем более не как более поздние, чем они, — а такая тенденция есть у М. Г. Левина и его сотрудников, но как наиболее древние, пожалуй, самые первые захоронения на Уэленском могильнике, своего рода остатки некогда бывшего здесь кладбища одного из впервые поселившихся здесь родов оквикской культуры. Что это так, подтверждается самой стратиграфией оквикского погребения 1, пересеченного сверху большой каменной плитой могильной оградки, типичной для древнебирингоморского периода²¹.

Должно было пройти, вероятно, не одно десятилетие, чтобы навсегда было забыто родовое кладбище и на его месте другим родом было устроено древнебирингоморское.

Судя по нашим данным, а также по материалам, частично опубликованным экспедицией М. Г. Левина, основная часть уэленских погребений относится к древнебирингоморской культуре, датируемой первыми веками нашей эры. Поэтому вполне естественно допустить, что долгие годы Уэленское могильное поле служило кладбищем одного из родов древнебирингоморцев. Так как количество их захоронений все же не так уж велико (во всяком случае, не многим более ста), оно не могло быть создано даже самым маленьким поселком, если бы он существовал здесь в течение многих веков непрерывно. Простой расчет показывает, что если население родового поселка или даже нескольких поселков одного рода, использовавших это кладбище, принять даже только за 100 человек, а продолжительность

¹⁹ М. Г. Левин. Об антропологическом типе древних эскимосов.

²⁰ С. А. Арутюнов и др. Древние могильники Чукотки, стр. 63.

²¹ Н. Н. Диков. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея за 1956 год, рис. 13.

жизни в среднем в 50 лет, то и тогда потребовалось бы едва ли более 50—100 лет для роста кладбища до ста могил. Следовательно, древнеберингоморское родовое кладбище функционировало в общей сложности не более ста лет. Вероятно, оно относится не к одному, а к нескольким сравнительно коротким периодам на протяжении всего развития древнеберингоморской культуры, разделенным большими промежутками времени. Об этом свидетельствует наличие в могилах этой группы всех стилей древнеберингоморской резьбы по кости, а также ранних и поздних типов гарпунов и «крылатых» предметов²².

Немногочисленные бирнирские и пунукские погребения соответствуют последующим спорадическим поселениям морских охотников в этих местах. При этом между периодами заселения, несомненно, были большие хронологические интервалы, достаточные для того, чтобы забывались захоронения, совершенные в данном месте чужеродцами. Явное же сокращение количества погребений этих более поздних периодов объясняется, очевидно, не только недолговременностью соответствующих поселков, но и постепенной сменой грунтовых захоронений поверхностными, что соответствует общей тенденции развития погребального обряда на северо-востоке Сибири.

ЛИТЕРАТУРА *

- Левин М. Г., Сергеев Д. А. Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы.— «VII МКАЭН», М., 1964.
Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
Arutjunov S. A., Levin M. G., Sergeev D. A. Ancient Cemeteries of the Chukchi Peninsula.— «Arctic Anthropology», vol. 2, № 1, 1964.
Larsen H., Rainey F. Ipiutak and the arctic whale Hunting culture.— «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. 42, New York, 1948.

N. N. Dikov

THE ULEN CEMETERY ON THE DATA OF THE EXCAVATIONS IN THE YEARS 1956, 1958 AND 1963

The Uelen cemetery is one of the remarkable sites of the ancient Eskimo culture on the Chukotsk sea coast. It was excavated by the expedition of M. G. Levin in the years 1957—1960 and by the expedition of the author in the years 1956, 1958 and 1963.

The given publication introduces in the scientific turn with exhaustive way those archeological materials of Uelen cemetery, that are at author's disposal. They are considered on their belonging to three basal local cultures of the Chukotsk sea coast: Okvik, Old Bering Sea and Birnirk. The site is interpreted as series of separated with great chronological intervals clan cemeteries, that correspond to these cultures.

²² С. А. Арутюнов и др. Древние могильники Чукотки.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

А. В. Беляева

В 1955—1956 гг. Магаданский музей совместно с Якутским филиалом АН СССР (руководители Г. А. Пытляков и автор данной статьи) организовали археологические разведки и раскопки на Охотском побережье между поселком Ола и бухтой Средней. Кроме многочисленных древнекорякских поселений, были впервые обнаружены и исследованы весьма интересные древние погребения двух типов: без инвентаря и с инвентарем. Нами обнаружено три могильника с 34 погребениями. Первый могильник (рис. 1) был найден в бухте Астрономической в 1955 г. Он расположен на одной из вершин сопки, возвышающейся над юго-западным берегом бухты. Эта вершина представляет собой естественное нагромождение больших камней, в расщелинах между которыми и сооружены могилы. Все они располагаются по северо-восточному склону вершины, защищающей могильник от господствующих ветров. Всего в этой группе погребений четыре могилы. Пятая одиночная могила сооружена в расщелине скалы, висящей над отвесным обрывом высотой 200 м. Все погребения отстоят не более чем на 1—1,5 км от древнего поселения. Погребения покрыты настилами из лиственничных жердей и завалены насыпями из обломков камней средней величины (рис. 2).

Для определения характера захоронения и этнической принадлежности костяков была раскопана могила 1. Располагается она выше по склону, чем остальные три погребения, между тремя большими камнями. Щель между ними была завалена грудой камней, из-под которой виднелись концы тонких лиственничных жердей. Длина насыпи 2,6 м, ширина 0,9 м, высота 0,6 м. Ориентирована с СЗЗ на ЮВВ.

При разборке насыпи установлено, что жердевой настил частично разрушен под давлением камней и часть насыпи провалилась в могилу. На глубине 55 см от поверхности насыпи обнаружен костяк. Череп, который находился на поверхности гумусного слоя, превосходно сохранился, остальные части скелета разложились, сохранились лишь бурые пятна. Анатомическое расположение скелета нарушено, кости перемешаны с камнями, упавшими с насыпи. Судя по расположению черепа и направлению остатков длинных костей скелета, покойник был погребен в скорченном виде на левом боку. Костяк лежал головой на запад.

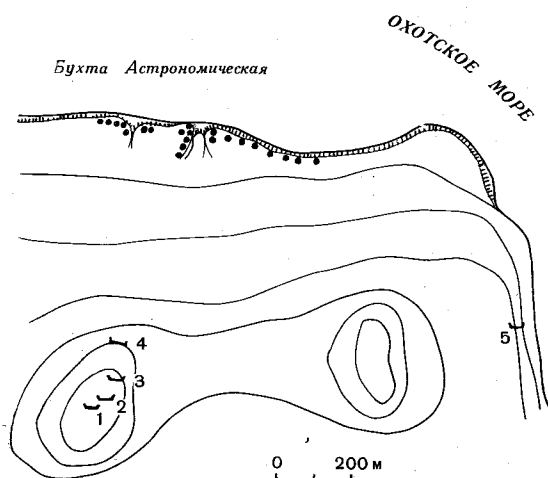

Рис. 1. Расположение древних землянок и могил на берегу бухты Астрономической

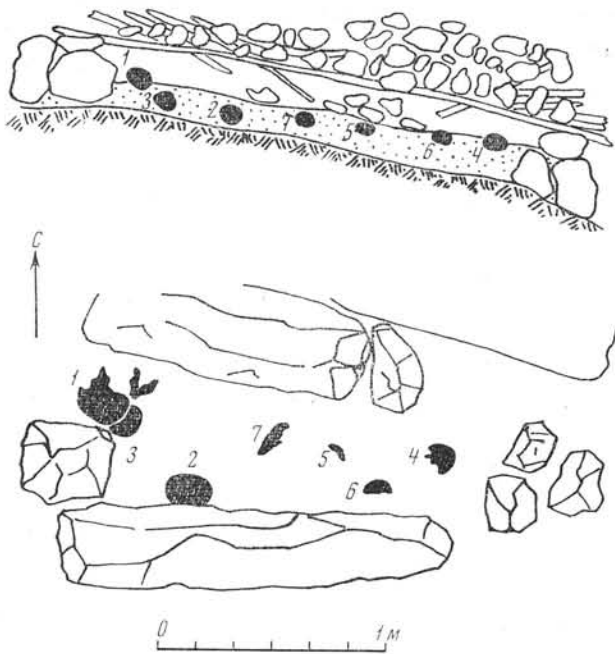

Рис. 2. План и разрез могилы 1 (бухта Астрономическая)

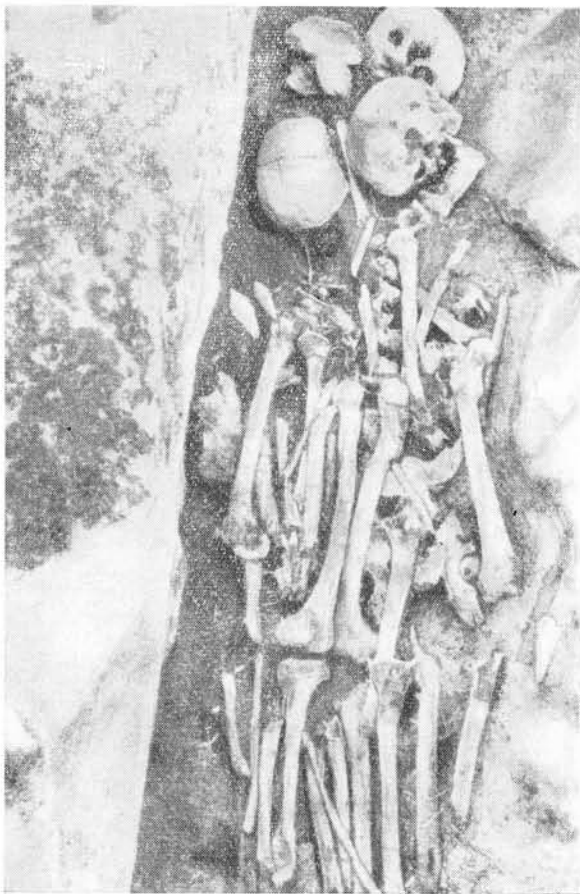

Рис. 3. Погребение 9 (бухта Астрономическая)

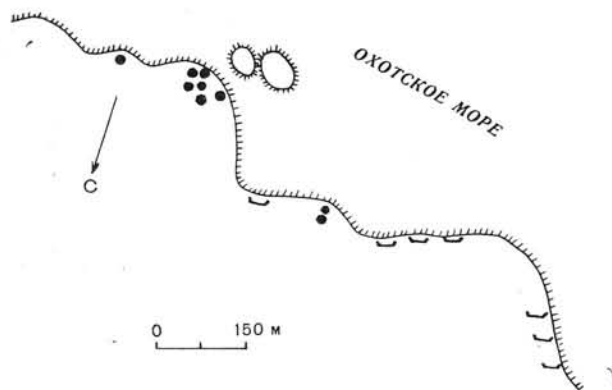

Рис. 4. Расположение древних землянок и могил на мысе Трех Братьев

При дальнейших раскопках могилы найдено еще шесть черепов. В 60 см к юго-востоку от первого черепа в слое гумуса обнаружен второй череп. При расчистке могилы под первым костяком оказались совершенно разрушенные и перемешанные кости второго скелета. В гумусном слое непосредственно под первым черепом был найден третий череп. В противоположной, восточной стороне могилы были раскопаны обломки еще двух черепов, а к востоку от них найден обломок седьмого черепа (рис. 2). Все остальные

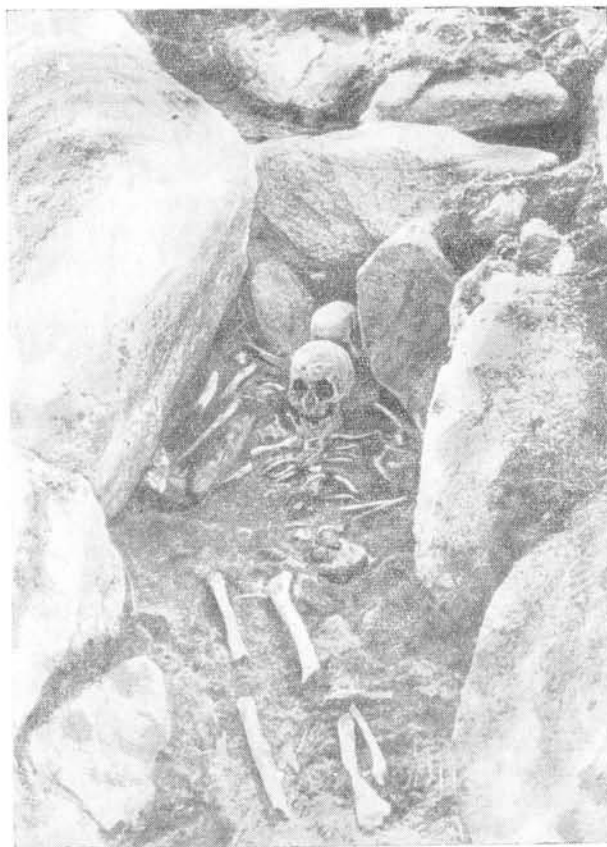

Рис. 5. Могила 17 на мысе Трех Братьев

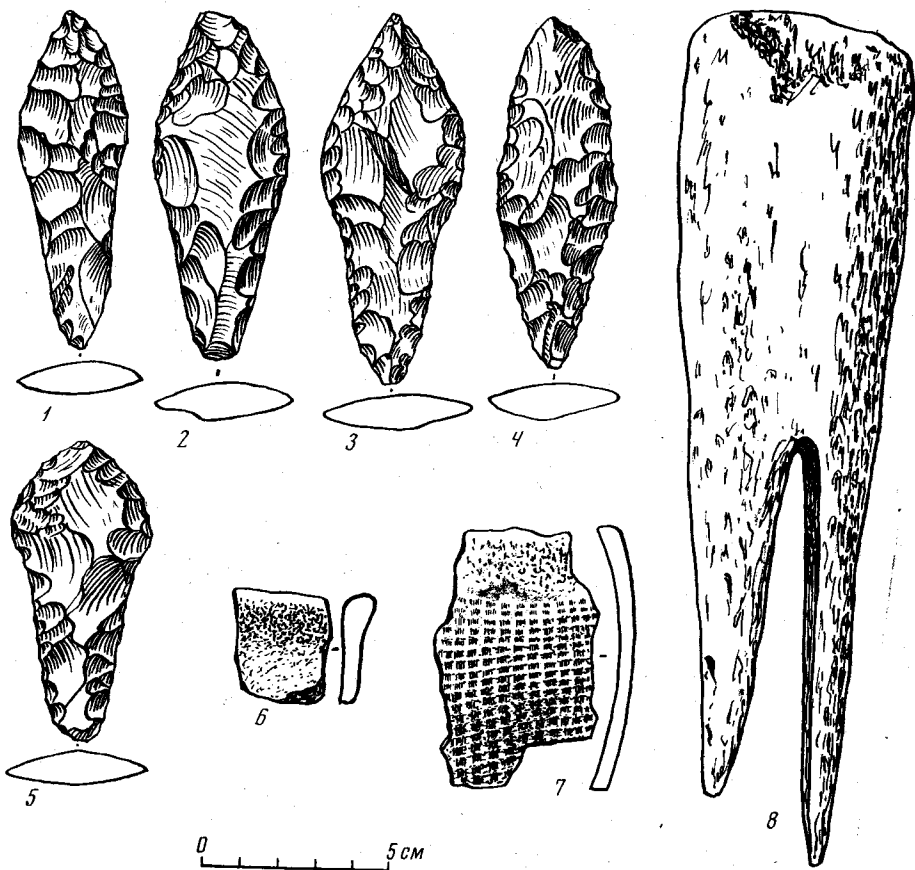

Рис. 6. Каменные наконечники и обломки глиняной посуды из древних погребений на Охотском побережье

кости разрушены и перемешаны в общей куче. В погребениях не было обнаружено никаких вещественных находок, за исключением куска бересты и обломка сгнившего дерева.

Добытые из могилы черепа были изучены научным сотрудником Института антропологии АН СССР Н. Н. Мамоновой, которая определила их половую и возрастную принадлежность. В могиле были погребены мужчина на 55 лет, мужчина до 35 лет, мужчина до 23 лет, женщина 50 лет, женщина на 40 лет и ребенок до 6 лет. Вероятно, это был своеобразный семейный склеп.

Второй могильник был обнаружен на мысе Трех Братьев, а третий — на берегу бухты Средней.

В 1956 г. было раскопано еще три могилы: две — на мысе Трех Братьев (рис. 4) и одна — в районе бухты Астрономической. Могила, раскопанная на мысе Трех Братьев, оказалась двукамерной. В одной камере лежали два скелета без вещей, в другой камере — тоже два костяка (рис. 5). При них были найдены каменный наконечник, копья и втульчатое навершие гарпуна из китовой кости (рис. 6, 8). Во второй могиле был похоронен один человек. В ногах костяка стоял глиняный горшок с «шахматным» орнаментом (рис. 6, 5), по форме и материалу совершенно аналогичный керамике из ближайшего поселения. Были найдены бусины из орехов кедрового стланика.

В третьей могиле — в районе бухты Астрономической было пять костяков (рис. 3), обнаружены три уменьшенных каменных наконечника копий,

один вкладыш для ножа (рис. 6, 1—4), костяной втульчатый наконечник и три стеклянные матовые бусины синего цвета. В каждой могиле много древесных углей. Вероятно, по существовавшему ритуалу при погребении рядом с могильной ямой разводили костер, а затем угли сбрасывали в нее. Вблизи некоторых могил в районе бухты Астрономической сохранились миниатюрные прямоугольные очаги из каменных плит, поставленных на ребро.

Все это свидетельствует о своеобразии погребальных обрядов древних обитателей Охотского побережья. По определению антропологов (Г. Ф. Дебец, Н. Н. Мамонова), обнаруженные в могилах черепа предположительно принадлежат юкагирам или ламутам. Для более точного определения этнической принадлежности могильников нужно продолжить их антропологическое исследование.

A. V. Belyaeva

THE ANCIENT BURIALS ON THE OKHOTSK COAST

In the reports brought the reductions about three burial grounds, found out in 1955—1956 on shore of Astronomical and Middle bays, and also on the cape of Three Brothers. The burial grounds are established in the clefts between the stones. The burials are mainly collective here. There are found in the composition of burial implements: clay pot with textile impressions, stone points of lances, stone muf and three glass mat beads of dark blue colour. On the definition of the anthropologists is supposed, that the skulls belong to the Yukagirs and Lamuts.

ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ АРКТИКИ И ИХ СВЯЗИ С СЕВЕРО-ВОСТОКОМ СИБИРИ (ПО РАСКОПКАМ 1955—1964 гг.)

Н. А. Береговая

Среди гипотез о первоначальном заселении Американского континента наиболее вероятным остается предположение, что древние охотники пришли сюда из Азии в эпоху позднего палеолита по мосту суши, который находился на месте Берингова пролива и части Берингова и Чукотского морей. Многочисленные факты геологии, палеонтологии и биогеографии указывают на то, что Азия и Америка в продолжение почти всего четвертичного периода были соединены обширной сушей, которой американский геолог Д. Гопкинс дал в 1959 г. название «Беринг-Чукотская платформа». Русские и советские исследователи в 20-х годах называли ее Голарктикой (В. И. Юхельсон) и Берингией (А. Я. Тугаринов); академик Д. В. Наливкин в 1960 г.— Беринговой равниной¹. Около 11 000 лет тому назад эта равнина простиралась от острова Св. Лаврентия на юге до Диомидовых островов на севере. По ней текли большие реки — продолжения современных Анадыря, Юкона и других². Суша была покрыта тундровой растительностью и, по мнению А. Я. Тугаринова, именно эта часть континента стала родиной арктической фауны³.

В течение плейстоцена мост суши существовал в то время, когда уровень моря опускался ниже современного, что совпадало с наступающим оледенением. В межледниковые периоды между Старым и Новым Светом возникал пролив. Около 11 000 лет назад этот мост покрылся водами моря в последний раз⁴. Проникновение человека на Американский континент должно было начаться значительно ранее этого времени, в верхнем палеолите, что подтверждается многочисленными находками древнейших поселений в Северной и Южной Америке и радиоуглеродными датировками (дата пещеры Фелл в Патагонии на самом юге континента 10 700 ± 300 лет назад)⁵. Первоначальное заселение Америки ряд исследователей относят ко времени более 37 000—38 000 лет назад⁶.

¹ D. S. Byers. The Bering Bridge. Some speculations.— «Ethnos», vol. 22. Lund, 1957; D. M. Hopkins. Cenozoic history of the Bering Sea Land Bridge.— «Science», vol. 129, № 3362, 1959; W. Jochelson. The ethnological problem of Bering Sea.— «Natural History», vol. XXVI, № 1, 1926; А. Я. Тугаринов. О происхождении арктической фауны.— «Природа», № 7—8, 1929; Д. В. Наливкин. Яркая страница геологической истории Азии.— «Природа», № 8, 1960.

² Г. У. Линдберг. Геоморфология дна окраинных морей Восточной Азии и распространение пресноводных рыб.— «Известия ВГО», т. 78, вып. 3, 1946; он же. Связь европейских рек с реками Северной Америки.— Там же, т. 95, вып. 2, 1963; Д. В. Наливкин. Указ. соч.

³ А. Я. Тугаринов. О происхождении арктической фауны; он же. Опыт истории арктической фауны Евразии.— «Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. V, Л.—М., 1934.

⁴ D. M. Hopkins. Указ. соч.

⁵ S. K. Lothrop. Early migrations to Central and South America: an anthropological problem in the light of other sciences.— «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 91, 1961.

⁶ D. M. Hopkins. Указ. соч.; S. K. Lothrop. Указ. соч.; H. M. Wormington. The problems of the presence and dating in America of flaking techniques similar to the paleolithic in the Old World.— «Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche et protoistoriche. Roma. 1962», Firenze, 1962; A. D. Krieger. Early man in the New World. Prehistoric man in the New World. Chicago, 1964.

В 1958—1960 гг. Ч. Чард высказывал предположение, что Северная Америка была заселена отдельными группами охотничьего населения, двигавшимися из Северной и Восточной Азии двумя путями⁷. Один из них проходил по арктическому побережью обоих континентов и был доступен человеку в течение позднелейстоценового времени. Человеческие группы, перешедшие мост суши, могли двигаться далее по Северному Склону — плато к северу от хребта Брукс на Аляске, которое не было покрыто льдом во время последнего наступления ледника. Другое, более раннее движение, имевшее, по мнению Чарда, наибольшее значение в заселении Америки, шло с юга, по восточному побережью Азии: от устья Амура по берегу Охотского моря и к северу от Камчатки вдоль «Корякского коридора» к устью реки Анадырь, где следует искать следы древнейших стоянок на этом пути⁸. По мнению Д. В. Наливкина, в связи с изменением очертаний берегов Восточной Азии, суша в середине четвертичного времени простиралась значительно дальше на восток, чем в современном геологическом периоде, и остатки древнейших поселений могли быть затоплены морем. Эту же мысль одновременно высказал и археолог Н. Н. Диков⁹. Можно предположить, что дальнейший путь от устья Анадыря в Америку проходил по южной части Беринговой равнины. По мнению Г. Коллинза, группы людей двигались по течению реки Нушагак (Nushagak), которая около 13 000 лет тому назад впадала в Берингово море где-то близ островов Прибылова. Следуя по долине реки, они попадали на территорию между ледниками полуострова Аляски и Аляскинского хребта, богатую дичью и рыбой. Добыча лосося, как главного источника питания, была продолжением древней практики речных и прибрежных морских племен в области между Амуром и Анадырем¹⁰. Далее первые иммигранты распространялись постепенно к югу, двигаясь вдоль предгорий и холмов Аляски и западной Канады, проникая из области тундры в холодные прерии вслед за крупными травоядными¹¹.

В 1962—1964 гг. Н. Н. Диков открыл и исследовал в центральной Камчатке, которая как будто оставалась в стороне от предполагаемого движения древних охотников к северу, в среднем течении реки Камчатки на мысу надпойменной террасы озера Ушки стратифицированную стоянку, верхние (I—IV) культурные слои которой до глубины 1,5 м были разделены горизонтами вулканического пепла. Под IV (мезолитическим) слоем на глубине от 2 до 2,35 м в суглинках с прослойками песка, подстилаемых супесью, были обнаружены еще четыре культурных слоя: V и VI сверху — с клиновидными нуклеусами; VII с грубыми черешковыми наконечниками и остатками погребения (в круглой яме с охрой, угольками, каменными бусами и подвесками, халцедоновыми резцевидными остриями и проколками) и VIII — с угольками. По мнению автора, эти слои могут быть датированы временем от 10 000 до 14 000 — 16 000 лет назад и относятся к позднему палеолиту¹².

⁷ Ch. S. Chard. New World migration routes.— «Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 7, № 1, 1958; он же. New World origins; a Reappraisal.— «Antiquity», vol. 33, № 129; Newbury, 1959; он же. Routes to Bering Strait.— «American Antiquity», vol. 26, № 2, 1960.

⁸ Ch. S. Chard. Routs to Bering Strait.

⁹ Д. В. Наливкин. Указ. соч.; Н. Н. Диков. По следам древних костров. Археологи идут по Камчатке. Магадан, 1960.

¹⁰ H. B. Collins. Bering Strait to Greenland.— «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America. Technical Paper», № 11, 1962.

¹¹ E. N. Wilmsen. Flake tools in the American Arctic. Some speculations.— «American Antiquity», vol. 29, № 3, 1964.

¹² Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— «История и культура народов северо-востока СССР». «Труды СВКНИИ», вып. 8. Магадан, 1964; он же. Новые данные по археологии северо-востока Сибири.— «VII МКАЭН», М., 1964.

В 1952, 1962 и 1963 гг. У. Лафлин и др. исследовали на островке Анангула в 7 км к северо-западу от села Никольского на острове Умнак (Алеутские острова) стоянку, расположенную в 17—20 м над современным уровнем моря. Раскопки последних лет вскрыли несколько горизонтов вулканического пепла и погребенных почв, лежавших на скальном основании. Культурный слой залегал между двумя нижними горизонтами пеплов и представлял собой остатки долговременного поселения с округлым углубленным жилищем. Каменный инвентарь, напомилавший находки Ушковской стоянки, включал конические и цилиндрические нуклеусы (среди которых встречались так называемые нуклеусы-скребки), пластинки и микропластинки, концевые и боковые скребки, резцы, молоты, плитки для растирания и обломки каменных сосудов. Радиоуглеродные даты: от 7660 ± 300 до 8425 ± 275 лет назад, по мнению Лафлина, являются слишком поздними (вследствие присутствия современных корней в образцах), и древность стоянки достигала 12 000 лет. Поселение на острове Анангула, который вместе с островом Умнак представлял в то время западную оконечность полуострова Аляски, лежало на пути предполагаемого движения людей из Азии в юго-западную Аляску, вдоль южного края Беринговой равнины¹³.

После разделения континентов, во время появления на крайнем севере Азии и Америки так называемых микролитических индустрий, связи между Старым и Новым Светом не только не прекратились, но значительно расширились, и, по мнению Чарда, шли теперь в обоих направлениях северным путем через Берингов пролив¹⁴.

Археологические исследования в арктических областях Азии и Америки установили в настоящее время новые важные факты, касающиеся раннего заселения этих областей, подтвержденные в ряде случаев стратиграфией стоянок и геологическими данными.

До последних лет в качестве наиболее древних были известны многочисленные поселения охотников и рыбаков на северо-востоке Азии, в нижнем течении рек Оленека, Лены, Индигирки, Колымы и Амгуэмы, принадлежавшие к концу неолита и началу эпохи металла (к рубежу II и I тыс. до н. э.)¹⁵. В 1959 г. С. А. Федосеева и Э. И. Гоголев открыли стоянку на левом берегу Индигирки, в 13 км от ее дельты и в 1,6 км к югу от поселка Булургин Алаиховского района Якутской АССР, где в обрыве первой надпойменной террасы, на глубине 2,7—3,2 м под торфом и суглинком, в песчаном горизонте были найдены микролитические изделия из кремнистого сланца, халцедона и обсидиана. «Микролиты» и костные остатки (северного оленя, волка или собаки и обломок бивня мамонта) рассеяны вдоль берега, в слое толщиной от 0,3 до 0,5 м. Инвентарь стоянки включал резцы, фрагмент наконечника стрелы треугольной формы с прямым основанием, наконечники с асимметричной выемкой в основании и наконечники из отщепов сегментовидной и ромбической формы без ретуши, вкладыши из

¹³ W. S. Laughlin. Archaeological investigations on Umnak Island, Aleutians. Aleut — Konyag prehistory and ecology 1961.— «Arctic Anthropology», vol. 1, № 1, 1962; W. S. Laughlin, G. H. Marsh. The lammelar flake manufacturing site on Anangula Island in the Aleutians.— «American Antiquity», vol. 20, 1954; R. B. Black, W. S. Laughlin. Anangula: a geological interpretation of the oldest archaeological site in the Aleutians.— «Science», vol. 143, № 3612, 1964; сообщение У. Лафлина на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов в Москве (1964 г.).

¹⁴ Ch. Chard. Routes to Bering Strait.

¹⁵ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству.— «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955, стр. 123—125; А. П. Окладников, А. П. Пуминов. Первые неолитические находки на р. Оленек.— «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 22, стр. 105—106, 1958; П. И. Глашинский, Л. П. Хлобыстин. Буолкалах — новая стоянка древнего человека на крайнем севере Сибири.— «Сибирский археологический сборник», вып. 2, Новосибирск, 1966; Н. Н. Диков. Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 году.— «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. I, Магадан, 1958, стр. 52—55.

тонких ножевидных пластинок и отщепы. Формирование террасы, где найдена стоянка, происходило в начале голоцена, 10 000—9 000 лет назад. Можно предположить, что человек мезолитического времени жил на этой террасе около 8000—7000 лет назад¹⁶.

Большое значение для хронологии и периодизации древних культур Азиатского севера имеют работы Н. Н. Дикова в центральной части Чукотского полуострова и на Камчатке. В исследованной им многослойной Ушковской стоянке каменный инвентарь пятого сверху слоя, перекрывающего на глубине 1,5 м слою верхнего палеолита, включал микропластинки, концевые скребки и «нуклеусы-скребки». Радиоуглеродная дата стоянки 10360 ± 350 лет назад (Mo-345) дает основание автору отнести этот инвентарь к раннему мезолиту или к концу палеолита. Все нижележащие культурные слои Ушковского местонахождения получают, таким образом, убедительную палеолитическую привязку¹⁷.

В Американской Арктике индустрии с микропластинками и резами стали известны в 30-х и 40-х годах в связи с открытием стоянки на территории Университета Аляски и «кремневого комплекса Денби» на мысе Денби в заливе Нортон. Древность этих местонахождений — более 5000 лет¹⁸. Новые находки еще более древних поселений на территории Аляски и Юкона относятся, по предположениям американских археологов, ко времени 9000—8000 лет тому назад¹⁹. Таким образом, в настоящее время установлено существование мезолитических (докерамических) культур на Арктическом побережье Северо-Восточной Азии и Северной Америки и более ранних палеолитических в области Субарктики (Камчатка, Алеутские острова).

Наряду с радиоуглеродным методом определения возраста древних местонахождений и изучением стратиграфии многослойных поселений в Арктике, американские археологи привлекают метод установления хронологической последовательности древних стоянок по береговым валам морских террас (beach ridges). Американские исследователи делают также попытки свести многочисленные древние культуры в Арктике к ряду «традиций», часть которых, по их мнению, происходит с Азиатского материка, другие ведут начало от древнейших культур Северной Америки, развивавшихся первоначально на западе современных Соединенных Штатов²⁰.

По определению У. Ирвинга, традиция — это собрание типичных археологических комплексов, которые имеют общие черты и географическое распространение; кроме того, они характеризуются общей продолжительностью во времени и представляют собой, по-видимому, специфический образ жизни²¹. Р. Мак Ниш предложил в 1959 г. схему из 10 традиций, ох-

¹⁶ С. А. Федосеева. Бурулгинская стоянка на р. Индигирке. Доклад на пленуме Института археологии АН СССР в Минске (1963 г.).

¹⁷ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных, рис. 4, 5; он же. Новые данные по археологии северо-востока Сибири; он же. Открытие палеолита на Камчатке.— «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965.

¹⁸ F. G. Rainey. Archaeology in Central Alaska.— «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. XXXVI, part IV, New York, 1939; он же. Archaeological investigations in Central Alaska.— «American Antiquity», vol. 5, № 4, 1940; J. L. Giddings. A view of Archaeology about Bering Strait.— «Acta Arctica», fasc. XII, «The Circumpolar Conference in Copenhagen, 1958», København, 1960; он же. The Archaeology of Bering Strait.— «Current Anthropology», vol. 1, № 2, Chicago, 1960; он же. Cultural continuities of Eskimos.— «American Antiquity», vol. 27, № 2, 1961.

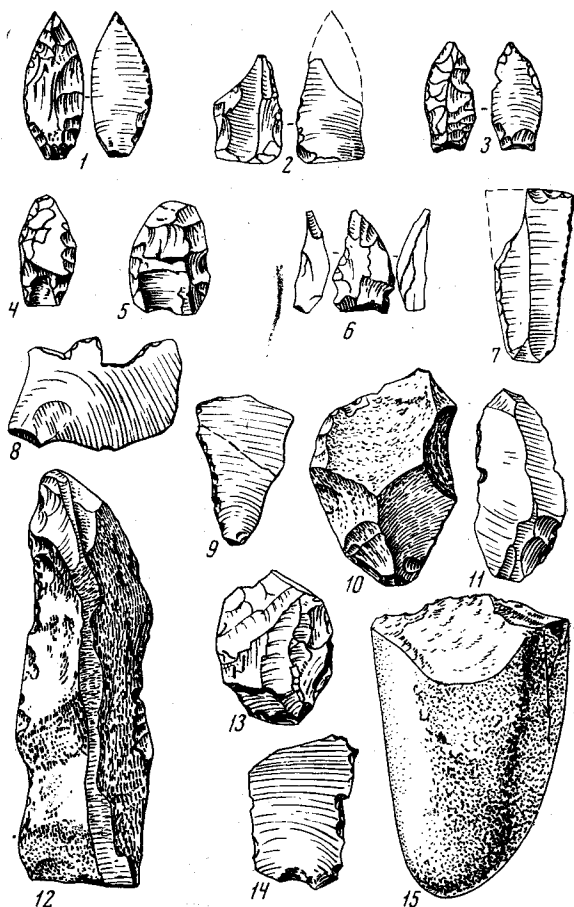
¹⁹ J. M. Campbell. Arctic.— «American Antiquity», vol. 27, № 3, 1962.

²⁰ J. M. Giddings. Cultural continuities of Eskimos.

²¹ W. N. Irving. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stone industries.— «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America. Technical Paper, № 11, 1962.

Рис. 1. Каменный инвентарь горизонта Бритиш Маунтен в поселении Энгигшнак (Юкон, Канада):

1—3 — остря с оббивкой с одной поверхности; 4, 5 — двусторонне обработанные остря с желобом в основании; 6 — резец; 7 — концевой скребок; 8 — орудие с выемками; 9—14 — отщелы с ретушью; 15 — галечный чоппер (0,5 натур. велич., по Мак-Нишу, 1959)

ватывавших за период времени от 9000 до 1000 лет назад север Американского континента²².

Эти традиции, по данным радиоуглеродного метода и по геологическим данным, датируются следующим образом: 1) Бритиш Маунтен — от 9000 до 6000 лет тому назад, 2) Кордильерская — между 8000 и 6000 лет; 3) Пано, или Юма, — между 7000 и 5000 лет; 4) Северо-западная традиция микропластинок — между 7000 и 2000 лет; 5) арктическая традиция малых орудий — между 5000 и 3000 лет; 6) Северо-тихоокеанская — от 5000 лет назад до 1500 г. н. э.; 7) Алеутская — от 4000 лет назад до современности; 8) Инук (эскимосская) — от 3000 лет назад до современности; 9) Дорсет (палеоэскимосская) — около 3000 лет тому назад и до 1300 г. н. э.; 10) Денетасиро (культура предков атабасков) — от начала нашей эры до прихода европейцев.

В данной статье мы рассмотрим четыре наиболее древних из этих традиций, идущих от верхнего палеолита и мезолита.

Традиция Бритиш Маунтен. В последние годы на севере Аляски и Юкона были открыты древние культурные комплексы, сходные между собой в некоторых чертах, но не имеющие пока других аналогий в Америке. Условия залегания позволяют датировать часть из них временем до 9000 лет тому назад²³.

Наиболее ранним является нижний горизонт местонахождения Энгигшнак (Белая гора), которое расположено в 32 км от устья реки Фэрт

²² R. S. Mac Neish. A Speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.—«Anthropologica», n. s., vol. 1, № 2, Ottawa, 1959.

²³ J. M. Campbell. Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska.—«Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America. Technical Paper», № 11, 1962.

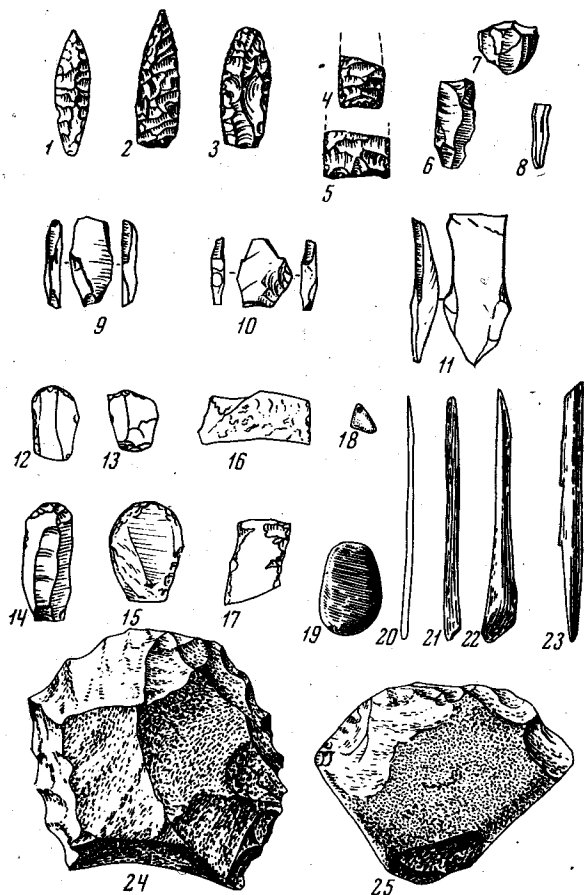

Рис. 2. Инвентарь горизонта Флинт Крик (Энгигшиак):

1—5 — острия типов флинт крик, ангостура, плевню и др.; 6 — ретушированная пластинка; 7 — нуклеус; 8 — микропластинка; 9—11 — резцы, 12—15 — концевые скребки; 16, 17 — ретушированные отщепы; 18—19 — подвески из галек; 20 — игла; 21—23 — изделия из рога оленя (лопаточка, шило, рыбае копье); 24 — грубый скребок; 25 — галечный чоппер (0,5 нат. вел., по Мак Ниш, 1959)

и арктического побережья близ границы Юкона (Канада) и Аляски, на возвышенности около места переправы стада карibu. В 1955—1957 гг. здесь производил раскопки Р. Мак Ниш (Национальный музей Канады). Рядом шурфов была установлена сложная стратиграфия и выявлено девять культурных горизонтов²⁴.

Остатки древнейшего обитания на этом месте горизонта Бритиш Маунтен (British Mountain) залегали в слое ила, который на периферии холма сливался с гравием древнего пляжа²⁵

В это время, по данным пылецевого анализа, на арктическом побережье Юкона существовала растительность с елью, сосной и березой, и климат был более теплым и влажным, чем в наши дни. Среди остатков фауны преобладали кости карibu; кроме того, обнаружено немного костей американского бизона и лошади. Найдено около 200 каменных изделий, главным образом отщепов, отбитых от дисковидных ядрищ (75%) и сделанные из них орудия: листовидные острия с ретушью на одной поверхности, двусторонне обработанное острие с продольным желобком (Irish fluted, по Мак Нишу), двусторонне обработанные лезвия-ножи яйцевидной формы, боковые скребки и скребки с выемками, грубые резцы срединного типа и многофасеточные, крючковидные орудия полулунной формы, служившие для гравировки, пластинчатые отщепы с обработкой и галечные чопперы (рис. 1). Единственные аналоги этому комплексу Мак Ниш находит в инвентаре позднелитических стоянок на Ангаре и Лене: орудия из отщепов, острия или остроконечники, резцы, грубые пластины и концевые скребки в Бурети; пластинки, скребки и выемчатые орудия в Мальте; отщепы, острия и галечные чопперы в Частинской²⁶. Горизонт Бритиш Маун-

²⁴ R. S. Mac Neish. The Engigstciak site on the Yukon Arctic coast.—«Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 4, № 2, 1956; он же. Men Out of Asia, as seen from the Northwest Yukon.—Там же, т. 7, 1959; J. R. Mackay, W. H. Mathews, R. S. Mac Neish. Geology of the Engigstciak archaeological site, Yukon territory,—«Arctic», vol. 14, № 1, 1961.

²⁵ Илстые вечно мерзлые отложения (muck) широко распространены также на севере Аляски. Именно в этих отложениях в районе Фербанкса в 30-х годах были найдены древние типы наконечников копий вместе с ископаемой фауной (F. G. Raipeney. Archeology in Central Alaska).

²⁶ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. Men out of Asia as seen from the Northwest Yukon;

тен датируется по геологическим данным временем около 9000 лет назад²⁷.

В Америке полных аналогий комплексу британш маунтен нет. Однако под нижним слоем вулканического пепла на острове Анангула найдены подобные отщепы, и в юго-западном Юконе и на севере Аляски было открыто несколько сходных, возможно одновременных местонахождений. Близ Даусона и в стратифицированном местонахождении у озера Ключэн были найдены грубые односторонне обработанные орудия, галечные чопперы и листовидные острия типа лерма. В 1961 г. Р. Солецкий открыл в северо-восточной части горной цепи Брукс стоянку, которая была расположена на скальном хребте к юго-востоку от реки Катактурук на 69°35' с. ш. и 145°35' з. д. Каменные изделия, собранные на поверхности, включали чопперы (или большие односторонне оббитые скребки) и несколько грубых отщепов²⁸.

На перевале Анактувук, в широкой ледниковой долине, которая проходит через центр горного хребта Брукс на 68°8' с. ш. и 151°43' з. д., начиная с 1950 г. и до последних лет, работали У. Ирвинг, Р. Хэкмен, Р. Солецкий, Д. Кэмпбелл и др. Вершина перевала достигает высоты 640 м и покрыта тундровой растительностью. Отсюда берет начало река Анактувук, приток реки Колвилл. Граница лесов проходит в 32 км к югу от перевала.

В 1959 и 1961 гг. Кэмпбелл исследовал на вершине перевала к западу от реки Джон древнюю стоянку Когрук (Kogruk). Здесь в гравии камовой террасы было найдено 572 изделия из кремнистого известняка, глинистого сланца и изредка из обсидиана и халцедона. Инвентарь стоянки состоял из крупных и тонких отщепов (некоторые из них ретушированы, другие имеют только следы употребления), ядрищ неправильной формы (в том числе сделанных из крупных отщепов), нуклеидных орудий, двусторонне обработанных ножей, острий с ретушью с одной поверхности, гравировальных острий, пластинок и микропластинок, бокового скребка и одного пилевидного орудия.

По мнению Кэмпбелла, эта стоянка только в некоторых чертах (отщепы и режущие орудия, слегка зазубренные по краям) имеет сходство с горизонт Бритиш Маунтен в северном Юконе. С другой стороны, орудия из Когрук также напоминают каменный инвентарь Мальты (скребки, пластины и проколки)²⁹ и ленского палеолита (пластинки, нуклеусы и отщепы)³⁰. Датируется стоянка Когрук временем около 8000 лет назад на том основании, что орудия здесь были оставлены, по-видимому, сразу после таяния последнего на перевале Анактувук большого ледника, время стаивания которого, предположительно, от 10 000 до 8000 лет назад³¹.

Другое местонахождение, которое наряду с Энгигшиак может служить эталоном развития доэскимосских и эскимосских культур на берегах Берингова пролива и Берингова моря и в центральной Аляске, открыто на мысе Крузенштерна на северо-западе залива Коцебу, где в 1958—1961 гг. Д. Гиддингс производил раскопки поселений, связанных с рядом

он же. Recent finds in the Yukon territory of Canada.—«Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America. Technical Paper», № 11, 1962; М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.).—СЭ, 1958, № 3.

А. П. Окладников. Следы палеолита в долине Лены.—МИА, № 39, 1953, рис. 14, 15.

²⁷ J. M. Campbell. Arctic.

²⁸ J. M. Campbell. The Kogruk Complex of Anaktuvuk Pass, Alaska.—«Anthropologica», n. s., vol. 3, № 1, Ottawa, 1961; он же: Arctic; R. S. Mac Nish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; vol. 6, № 2. Andover, 1964.

²⁹ J. M. Campbell. The Kogruk complex of Anaktuvuk Pass, Alaska; он же. Cultural Succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska.

³⁰ А. П. Окладников. Следы палеолита в долине Лены, рис. 11 (Шишкино).

³¹ J. M. Campbell. Arctic; S. C. Porter. Antiquity of man at Anaktuvuk Pass, Alaska.—«American Antiquity», vol. 29, № 4, 1954. По мнению участника экспедиции

береговых валов. Было прослежено 114 таких валов. На самых нижних располагались жилища современной эскимосской и неозскимосской культуры западной туле; выше были открыты жилища палеоэскимосских культур — ипиутак (валы 30—34), нортон и хорис (валы 41—50); на валу 53 найдены остатки неизвестной до сих пор «древней китобойной культуры»; на верхних валах (101—105) обнаружены орудия кремневого комплекса Денби и на самой вершине мыса на уступах холма — два комплекса находок арханческого облика: Палисады I и II³².

Палисады I — местонахождение на верхнем уступе. Комплекс составляет небольшое количество изделий из кремнистого известняка и халцедона, подвергшихся химическим изменениям. Найдено 38 отщепов продолговатой формы, напоминающих технику леваллуа, 5 грубых орудий, из них один обломок лезвия с плечиком, и обломок галечного чоппера.

Полных аналогий с каменным инвентарем Бритиш Маунтен здесь нет, за исключением галечных чопперов. Кроме того, между нижним горизонтом поселения на реке Фэрт и комплексом Палисады I, несомненно, был большой разрыв во времени.

Основываясь на том, что верхний уступ мыса Крузенштерна, представляющий юго-западную оконечность хребта Брукс, посещался людьми еще до образования береговых валов, Гиддингс датирует Палисады I временем более 6000 лет тому назад³³.

По мнению некоторых американских авторов, эти стоянки отмечают следы миграций из Азии групп охотничьего населения, носителей индустрии с отщепами, которые характерны для древнейших поселений Америки³⁴. Стоянки Бритиш Маунтен и Когрук относятся к позднему времени этого большого движения.

Более 8000 лет тому назад на западном побережье Северной Америки возникла **Кордильерская культурная традиция**, частично распространяющаяся в Арктику, где она существовала между 8000 и 6000 лет тому назад³⁵. Это были поселения охотников, собирателей и рыбаков. Характерные черты инвентаря этой традиции — крупные конические нуклеусы, грубые пластины, боковые и многофасеточные резцы, крупные боковые и концевые скребки, чопперы из каменных плиток и листовидные острия, напоминающие древний американский тип листовидных наконечников копий, заостренных на обоих концах (лерма)³⁶. Этот инвентарь

C. Портера, стоянка имеет возраст не более 7000 лет, так как новые датировки по C¹⁴ показывают, что долина Анакутвук освободилась от льда около 7200 лет назад.

³² J. L. Giddings. The Archeology of Bering Strait; он же. Cultural continuities of Eskimos; он же. Side notched points near Bering Strait.—«Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America». «Arctic Institute of North America, Technical Paper», № 11, 1962. H. B. Collins. The Arctic and Subarctic.—«Prehistoric man in the New World». Chicago, 1964.

³³ J. L. Giddings. Cultural continuities of Eskimos; он же. Side notched points near Bering Strait. Если галечные валы образуются периодически, о чем можно судить по самым поздним из них, то время образования 114 валов составляет около 5500 лет.

³⁴ E. N. Wilmsen. Указ. соч.; A. D. Krieger. Указ. соч. (стоянка Льюисвилл Техас — более 38 000 лет).

³⁵ Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; R. V. Butler. The Old Cordilleran Culture in the Pacific Northwest.—«Occasional Papers of the Idaho State College Museum», № 5. Rocatello, 1961; C. E. Vorden. Dj Ri-3, an early site in the Fraser Canyon, British Columbia. Contributions to Anthropology 1957.—«National Museum of Canada Bulletin», 162, Ottawa, 1960; он же. Some aspects of the pienistic coastal interior relations on the Pacific Northwest.—«Anthropology in the British Columbia», № 4, Victoria, 1960; он же. West coast cross-ties with Alaska.—«Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America, Technical Paper», № 11, 1962.

³⁶ Наконечники типа лерма появляются около 10 000 лет назад в Северной Мексике в Орегоне, позже в Британской Колумбии и Венесуэле; R. E. Bell. Guide to the identification of certain American Ind and projectile points.—«Special Bulletins», № 1, Oklachsoms, 1958, табл. 20; H. M. Wormington. Ancient man in North America.—«The Denver Museum Natural History», № 4, 1957, стр. 97—99.

имеет много общего с каменными изделиями позднепалеолитических и мезолитических местонахождений Сибири: конические нуклеусы, скребки и чопперы в позднем палеолите Лены; листовидные наконечники в мезолитическом поселении Верхоленская Гора на Ангаре и в раннеолитических стоянках на Амуре близ Хабаровска³⁷. Однако Мак Ниш считает, что эти типы орудий в Старом и Новом Свете возникли конвергентно³⁸.

Кордильерская традиция в Арктике имеет особенно большое сходство с так называемой древней кордильерской культурой в Британской Колумбии и Орегоне, которая пришла на Тихоокеанский северо-запад около 12 000 лет тому назад из области Большого Бассейна. Экономика этих поселений была сначала основана на охоте, рыболовстве и собирательстве, а позже — на морском зверобойном промысле³⁹. Начало его прослеживается в нижних слоях поселения Даллес (или Five mile Rapids) на реке Колумбии в Орегоне, исследованного в 1952—1957 гг. Л. Крессмэном. В самом нижнем горизонте, который датирован по методу С¹⁴ временем 9785 ± 200 лет назад, найдены вместе с комплексом режущих и скоблящих орудий и листовидных наконечников в большом количестве позвонки лосося и кости тюленя⁴⁰. Близко к этому местонахождению по экономике и инвентарю стоит многослойное поселение Хоп (или Di, Ri 3) в Британской Колумбии в каньоне реки Фрэзер, в 160 км от залива Джорджия близ горы Хоп, открытое и раскопанное Е. Борден в 1957 и 1959 гг. Нижний слой стоянки, залегающий на глубине 10 м, датирован по методу С¹⁴ временем 8150 ± 310 лет назад⁴¹. Наиболее характерной чертой инвентаря этого горизонта также были листовидные наконечники типа лерма.

Подобные наконечники позже появляются и в нижних горизонтах некоторых поселений Американской Арктики. По мнению Мак Ниша, к кордильерской традиции принадлежит инвентарь горизонта Флинт Крик в поселении Энгигшиак, встреченный в прослойках песка на высоких древних пляжах, над горизонтом Бритиш Маунтен, и относящийся к периоду с более влажным и холодным климатом, чем современный. Фауна: карибу, вымерший вид бизона и арктические виды птиц. Инвентарь этого горизонта составляли изделия из кости и рога (шилья, иглы, зубцы остроги, части рыболовных орудий) и из камня (крупные концевые и боковые скребки, пластинки, отделенные от конических нуклеусов, чопперы и листовидные наконечники). В поздней стадии появляются наконечники с параллельной отжимной ретушью, микропластинки и резцы (рис. 2). Время существования горизонта Флинт Крик от 8000 до 6800 лет назад⁴². К той же традиции принадлежит коллекция из сборов на поверхности в

³⁷ А. П. Окладников. Следы палеолита в долине Лены, рис. 8а, г; 10, 16; он же. Якутия до присоединения к Русскому государству, стр. 44, 45; Г. И. Медведев. Место культуры Верхоленской Горы в археологической периодизации Прибайкалья. — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока» («Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока»), Новосибирск, 1961.

³⁸ R. S. Mac Neish. A Speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

³⁹ R. V. Butler. Указ. соч. Батлер полагает, однако, что кордильерская традиция на севере еще слишком мало изучена, чтобы её можно было генетически связывать как с древней кордильерской культурой, так и с поздним палеолитом Сибири.

⁴⁰ L. S. Cressman. Cultural sequences at the Dalles, Oregon. — «Transactions of the American Philosophical Society», n. s., vol. 50, p. 10, Philadelphia, 1960; D. E. Dumond. Blades and cores in Oregon. — «American Antiquity», vol. 27, № 3, 1962.

⁴¹ C. E. Borden. Dj Ri3, an early site in the Fraser Canyon, British Columbia; он же. West coast cross-ties with Alaska; R. S. Mac Neish. Problems of the circumpolar archaeology as seen from Northwest Canada. — «Acta Arctica», fasc. XII; «The Circumpolar Conference in Kobenhagen, 1958», Kobenhavn.

⁴² R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. Men out of Asia; он же. A discussion of the recent geology and archaeological sites in the northern and southern Yukon. — «Problems of the Pleistocene and Arctic», vol. 2, № 2, Montreal, 1962.

Клондайке близ форта Лайрд (северо-запад Канады), которую Мак Ниш датирует временем около 7500 лет тому назад⁴³.

Стоянка Кайюк I, раскопанная Д. Кэмпбеллом в 1956 и 1959 гг. на перевале Анактувук (близ стоянки Когрук) и залегавшая на глубине 30 см от поверхности каменной террасы, по характеру каменного инвентаря очень близка к горизонту Флинт Крик. Мак Ниш датирует древней комплекс Кайюк временем около 7000 лет тому назад⁴⁴.

Традиция **Плано, или Юма**, которая датируется на севере Американского континента временем от 7000 до 5000 лет тому назад, возникла к востоку от Скалистых гор на плато Прерий около 9000 лет тому назад. Она характеризуется каменными ланцетовидными наконечниками копий с двусторонней параллельной отжимной ретушью (без продольных желобков, как в более древних американских наконечниках типов фолсом и кловис), которые ранее объединялись термином «юма», а в настоящее время чаще всего «плано». Другие характерные черты этой традиции: треугольные концевые скребки, боковые скребки, двусторонние оббитые ножи овальной или полукруглой формы, галечные чопперы и чопперовидные орудия, изредка острия с резцовыми сколами и грубые резцы.

С наступлением сухого альтитермального периода около 7000 лет тому назад группы бродячих охотников на бизона стали продвигаться на север из высыхающих прерий. Возможно, однако, что на север проникли лишь орудия и навыки охоты на бизонов, которые распространились на область охоты на карibu⁴⁵. Таким образом, новая культурная традиция, охватившая Северо-Западные Территории (до Баррен Граундс) и Юкон в Канаде, северную и южную часть Аляски, так же как и кордильерская традиция, была американской, но не имела аналогий в Азии.

К наконечникам копий этой традиции, встречающимся на севере континента, принадлежат следующие типы: пленвью (ланцетовидные острия со слегка вогнутым основанием)⁴⁶; милнсэнд (по форме напоминающие тип пленвью — с прямым или слегка выпуклым основанием, утонченными сколами)⁴⁷; ангостура (ланцетовидные со скошенной параллельной ретушью, прямыми или слегка вогнутыми основаниями)⁴⁸; эгет безин (сходные по форме с типами ангостура, но с горизонтальной параллельной ретушью)⁴⁹; скоттсблаф (вытянутые острия с горизонтальной параллельной ретушью, четырехугольным черенком и небольшими плечиками)⁵⁰.

⁴³ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April, 1959.

⁴⁴ J. M. Campbell. The Kayuk Complex of Arctic Alaska.— «American Antiquity», vol. 25, № 1, 1959, рис. 1; он же. The Kogruk Complex of Abaktuvuk Pass, Alaska; R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Great Lakes and the Barren Lands.— «Prehistoric cultural relations between the Arctic and temperate zones of North America. Arctic Institute of North America, Technical Paper», № 11, 1962.

⁴⁵ E. Antevs. Climat changes and pre white man.— «University of Utah Bulletin», Biological Series, vol. 38, № 20, Chap. III, Salt Lake City, 1948; R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; E. Harp. The Moffat archaeological collection from the Dubawnt country, Canada.— «American Antiquity», vol. XXIV, 1959; он же. The culture history of the Central Barron Grounds.— «Prehistoric cultural relations between the arctic and temperate zones of North America», «Arctic Institute of North America, Technical Paper», No 11, 1962.

⁴⁶ R. E. Bell. Указ. соч., табл. 37, рис. 13 (дата по методу C¹⁴ 9170±500 лет тому назад).

⁴⁷ Там же, табл. 27, рис. B (датируются временем от 9000 до 7000 лет тому назад).

⁴⁸ H. M. Wornington. Указ. соч. (дата по C¹⁴ 9380±500 лет тому назад).

⁴⁹ H. M. Wornington, R. G. Forbis. An introduction to the archaeology of Alberta, Canada. Proceedings of Denver Museum of Natural History», № 11. Denver, 1965 (даты по C¹⁴ от 9000 до 10 000 лет тому назад).

⁵⁰ R. E. Bell. Указ. соч., табл. 43 (датируется временем 9524±450 лет тому назад).

В 1961 г. Д. Кэмпбелл исследовал в верхней части долины реки Анактувук стоянку Найюк. В раннем комплексе этого местонахождения встречены, кроме крупных ретушированных лезвий, концевых скребков и грубых резцов, также двусторонне обработанные ланцетовидные наконечники копий традиции плано⁵¹.

В южной части Аляски на дороге Денали, к югу от Аляскинского хребта, на песчаных выдувах, в местах охоты на карибу, в 1957 г. были найдены остатки стоянки Хосли со следующим инвентарем: грубый нуклеус, отщепы, боковой скребок, острое с односторонней ретушью и двусторонне оббитый наконечник, который Мак Ниш относит к типу плано. Он же датирует стоянку Хосли временем около 6000 лет тому назад⁵². Разведка Г. Моргана в 1963 г. в области Аляскинского хребта в Национальном парке на горе Мак-Кинли обнаружила на открытых стоянках, наконечники копий типа ангостура и овальные двусторонне оббитые орудия⁵³.

На юго-западе Юкона Мак Ниш открыл в 1957—1960 гг. ряд местонахождений, залегающих в различных геологических слоях.

Самый ранний горизонт — Чэмплен в районе озера Ключэн, к западу от горы Уайтхорс. Находки этого горизонта найдены в песке или светлом лёссе, лежавшем на ледниковых отложениях. Немногочисленный инвентарь включал концевые скребки с плоской оббивкой, двусторонне оббитые ножи и наконечники копий типов пленвью, эгет безин и милнсэнд. Дата, полученная по радиоуглеродному методу, — около 7000 лет назад. Мак Ниш датирует этот горизонт временем около 6500 лет назад⁵⁴.

Ланцетовидные острия с параллельной двусторонней оббивкой найдены вместе с костями бизона в двух нижних слоях поселения Ферма Пелли при слиянии рек Юкона и Пелли, раскопанного в 1961 г. Мак Нишем⁵⁵, и в горизонте Флинт Крик в Энгигшиак на реке Фэрт⁵⁶.

На юго-западе Северо-Западных Территорий Канады близ фортов Симпсон и Лайярд У. Блисс в 1938 г. и Р. Мак Ниш в 1950—1952 гг. открыли ряд стоянок, из которых несколько было раскопано. Самой ранней является стоянка на западном берегу озера Сэнди. Для нее характерны лезвия яйцевидной формы, килевидные скребки и наконечники копий типов скоттсблаф, эгет безин и милнсэнд. Мак Ниш датирует это местонахождение временем около 5800—6000 лет назад⁵⁷.

Район Большого Медвежьего и Большого Невольничьего озер исследовал Р. Мак Ниш в 1951—1954 гг. На юго-западной оконечности Большого Медвежьего озера, на высокой прибрежной террасе было раскопано местонахождение Фрэнклин Тэнкс. Под гумусом, где были встречены микропластинки, скребки и овальные лезвия, лежала песчаная прослойка

⁵¹ J. M. Campbell. Arctic 1962; S. C. Porter. Указ. соч.,

⁵² I. Skarland, C. J. Keim. Archaeological discoveries on the Denali Highway, Alaska.—«Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 6, № 2, 1958.

⁵³ J. M. Campbell. Arctic.—«American Antiquity», vol. 29, No 4, Current Research, 1964.

⁵⁴ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. Archaeological projects in Canada 1959.—«Archaeology», vol. 13, No 3, 1960; он же. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon.—«Contributions to Anthropology», vol. 27, No 3, Ottawa, 1960; он же. Recent finds in the Yukon territory of Canada; J. Friedman, K. L. Smith. A new dating method using obsidian: p. I. The development of the method.—«American Antiquity», vol. 25, No 4, 1960.

⁵⁵ J. M. Campbell. Arctic; E. Harp. Arctic.—«American Antiquity. Notes and News», vol. 26, No 4, 1961.

⁵⁶ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. Men out of Asia; он же. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon.

⁵⁷ W. L. Bliss. Early man in western and north-western Canada.—«Science», vol. 89, № 2312, 1939; R. S. Mac Neish. The Pointed Mountain site near fort Liard, Northwest Territories, Canada.—«American Antiquity», vol. XIX, № 3, 1954; он же. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

с наконечниками копий типа пленвью. Поблизости, на границе гумуса и песка, найден комплекс Большой Медвежьей реки, датированный по методу С¹⁴ временем 4650, 4800 и 5000 лет тому назад. На этом местонахождении Мак Ниш выделяет два горизонта: инвентарь одного из них составляют ножи, треугольные концевые скребки, треугольное в сечении сверло, грубый резец, чопперы и наконечники типов эгет безин и милнсэнд. Инвентарь второго: большие выпукло-вогнутые концевые скребки, боковые скребки, двусторонне обработанные ножи, треугольные острия, дисконидные чопперы и наконечники типа пленвью.

На высоком береговом пляже к востоку от Большого Невольничьего озера была исследована стоянка Артиллери Лейк. Здесь найдены килевидные скребки, острия с резцовыми сколами, двусторонне обработанные орудия и наконечники типов эгет безин и милнсэнд. Стоянка Талтели в восточном рукаве Большого Невольничьего озера дала вогнутые концевые скребки, ножи полулуной формы, двусторонне обработанные орудия яйцевидной формы и наконечники, напоминающие тип скоттсблаф⁵⁸.

Один наконечник типа пленвью был найден близ реки Йеллоунайф к северу от Большого Невольничьего озера⁵⁹.

Мак Ниш датирует местонахождения с наконечниками типов пленвью и скоттсблаф (Фрэнклин Тэнкс, Талтели и второй комплекс Большой Медвежьей реки) временем между 7000 и 6000 лет назад, а местонахождения с наконечниками типа эгет безин (Артиллери Лейк и первый комплекс Большой Медвежьей реки) между 6000 и 5000 лет назад. Радиоуглеродные даты местонахождений Большого Медвежьего озера, по мнению Мак Ниша, финальные для традиции плано в этом районе⁶⁰.

В 96 км к юго-западу от залива Коронейшен Э. Харп исследовал стоянку Дисмал I на озере того же названия, где были найдены двусторонне оббитые ланцетовидные наконечники, подшлифованные в основании. Мак Ниш датирует ее временем 4500 лет назад, Харп — 5000 лет⁶¹.

На территории Баррен-Граундс А. Моффат в 1955 г. и Э. Харп в 1958 г. открыли вдоль цепи озер Бэкер, Дубонт и Грант и по соединяющим их рекам более 40 стоянок. На высоких берегах и холмах, в местах, удобных для охоты на карibu, на поверхности встречались округлые концевые скребки, двусторонне обработанные ножи яйцевидной и полулуной формы, боковые скребки, грубые резцы, иногда резцовые сколы на остриях, редкие призматические пластинки, нуклеусы в виде клиньев и наконечники копий типов эгет безина и милнсэнд. Э. Харп датирует эти находки временем около 5000 лет назад⁶². На стоянке к северу от озера Грант (пункт 9) на поверхности холма был собран тот же инвентарь из кварцита, в том числе 15 наконечников копий, напоминающих тип эгет безин⁶³. Разведка У. Ирвинга и Д. Ларсена по рекам Казан и Дубонт в

⁵⁸ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Callison site in the light of archeological survey of southern Yukon; он же. The Great Lakes and the Barren Lands.

⁵⁹ R. S. Mac Neish. Reconnaissance in the Mackenzie river drainage.— «Annual Report of the National Museum of Canada: 1951—1952». № 128. Ottawa, 1953.

⁶⁰ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Great Lakes and the Barren Lands.

⁶¹ E. Harp. Prehistory in the Dismal Lake Area N. W. T. Canada.— «Arctic», vol. 2, № 4, Montreal, 1958; R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

⁶² E. Harp. Prehistory in the Dismal Lake Area N. W. T. Canada; он же. Ecological continuity on the Barren Grounds.— «A preliminary report of the field research supported by the Arctic Institute of North America. Polar Notes. Occasional Publication of the Stefansson Collection», № 1, New Hampshire, 1959; он же. The culture history of the Central Barren Grounds; R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

⁶³ E. Harp. Ecological Continuity on the Barren Grands, рис. 3; он же. The archaeology of the Lower and Middle Thelon Northwest Territories.— «Arctic Institute of North America. Technical Paper», № 8, 1961, рис. 9в, табл., 11, 12.

1963 г. обнаружила древние комплексы каменных изделий с большими ланцетовидными остриями (с прямым основанием или широким черенком) и резцами⁶⁴.

Наконечники типа ангостура были найдены в виде отдельного скопления на 45-м береговом валу на мысе Крузенштерна, между валами, на которых лежали остатки палеоэскимосских культур древней китобойной (около 4000 лет назад) и хорис (около 3000 лет назад). Такие наконечники встречены также на верхнем береговом валу на полуострове Хорис в заливе Коцебу. Таким образом, в отдельных случаях типы наконечников традиции Пано переживают в Арктике до половины II тыс. до н. э.⁶⁵

Традиция Пано — Юма влияет на более поздние — Северо-Западную традицию микропластинок и традицию арктических малых орудий, которые заимствуют технику юма — параллельную отжимную ретушь.

Северо-западная традиция микропластинок (Northwest microblade tradition) существовала в Американской Арктике между 7000 и 2000 лет тому назад. Это была культура охотников и рыболовов, сложившаяся в лесной полосе западной части Северной Америки и включавшая на ранних этапах ряд азиатских черт. Характерные черты инвентаря в стоянках Северо-западной традиции микропластинок: полиэдрические нуклеусы (конические и «языковидные», или «нуклеусы-скребки»), микропластинки с ретушью, служившие вкладышами в роговые наконечники, грубые резцы на отщепах, выпуклые концевые и боковые скребки, двусторонне оббитые наконечники с боковыми выемками, или черенками, ножи, дисковидные скребки типа *tsi-tho*, чопперы, грузила с выемками и — на ранних стадиях — ланцетовидные наконечники типов Пано. Северо-западная традиция микропластинок существовала в центральной Аляске, Юконе, Британской Колумбии, в западной части Северо-Западных Территорий Канады, а также на берегу Берингова пролива и Берингова моря и на перевалах хребта Брукс, в некоторых случаях севернее границ лесов.

Мак Ниш различает три хронологических этапа развития этой традиции. Первый датируется временем около 6000 лет назад, второй — около 5000 и третий — от 4000 до 2000 лет назад⁶⁶.

На первом этапе древнейшие местонахождения сохраняют черты предшествующей традиции Пано (наконечники с параллельной отжимной ретушью) или сосуществуют с ней.

Горизонт Литтл Арм в стратифицированном местонахождении близ озера Ключэн в юго-западном Юконе залегал в основании слоя розоватой почвы, лежавшей на светлом лёссе, который геологи относят к началу послеледникового оптимума (7000—5000 лет назад)⁶⁷. Характерные черты этого комплекса — языковидные и конические нуклеусы, пластинки и микропластинки, маленькие высокие концевые скребки, резцы многофасеточные и на микропластинках, наконечники метательных орудий с боковыми выемками и другие, напоминающие тип эгет безин. Мак Ниш предполагает, что в горизонте Литтл Арм особенно ясно выделяются азиатские черты — сходство с типами орудий Монголии⁶⁸. Техника изготовления ост-

⁶⁴ J. M. Campbell. Arctic, 1962.

⁶⁵ J. L. Giddings. Round houses in the Western Arctic.— «American Antiquity», vol. XXIII, № 2, 1957; он же. Cultural continuities of Eskimos; H. B. Collins. The Arctic and Subarctic; F. G. Rainey, E. Ralph. Radiocarbon dating in the Arctic.— «American Antiquity», vol. 24, № 4, 1959.

⁶⁶ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

⁶⁷ R. S. Mac Neish. The Callison site in the light of archaeological survey of Southern Yukon; он же. Recent finds in the Yukon territory of Canada; он же. The Great Lakes and the Barren Lands.

⁶⁸ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. Archaeological projects in Canada 1959; он же. The Callison site in the light of archeological survey of southern Yukon.

рий с боковыми выемками в основании, по мнению Гиддингса, имеет древность от 8000 до 6000 лет и распространена в разных частях Северной Америки как в лесной, так и в тундровой зоне⁶⁹.

Острия с боковыми выемками, как в горизонте Литтл Арм, встречены в местонахождении Палисады II на мысе Крузенштерна, на уступе холма над мысом, ниже стоянки Палисады I. В 1959 г. Д. Гиддингс собрал здесь на поверхности коллекцию сильно патинизированных изделий из кремнистого известняка, халцедона и обсидиана, покрытых известковым натеком: скребки, двусторонне обработанные широкие лезвия ножей, пластинки, чоппер из гальки, обломок наконечника копья типа милнсэнд и 17 острий с боковыми выемками в основании. Гиддингс датирует стоянку Палисады II временем около 6000 лет назад⁷⁰.

Приблизительно к тому же времени относится местонахождение Кукпаурук к северу от хребта Брукс (Аляска), каменный инвентарь которого составляют нуклеусы, пластинки и концевые скребки⁷¹. Нижний горизонт пещеры Трейл Крик на полуострове Сьюард датирован по методу C¹⁴ временем 5993 ± 280 лет назад. Здесь на глубине 90 см, под слоем с остатками палеоэскимосской культуры, найдены каменные пластинки, наконечники копий из кости и рога с пазами для вкладышей и крупные острия с диагональной оббивкой, напоминающей тип ангостура⁷².

Ко второму этапу относится горизонт Глэдстон в юго-западном Юконе, залегающий в слое розовой почвы выше горизонта Литтл Арм. Кроме мелких орудий, напоминающих инвентарь этого горизонта, в комплексе Глэдстон встречены крупные острия с боковыми выемками, или черенками, скребки яйцевидной формы, чопперы и небольшое количество костяных орудий. В это время, около 4500 лет тому назад, происходит, по мнению Мак Ниша, постепенное изменение и приспособление азиатской культуры к условиям жизни в северных лесах Америки⁷³.

На стоянке Пойнтед Маунтен в 32 км к северу от форта Лайярд в Северо-Западных Территориях Канады и на стоянке Кампус на территории Университета Аляски в Фербенксе культурные слои залегают непосредственно под дерном в красновато-коричневом суглинке. Инвентарь этих стоянок близок к комплексу Глэдстон; кроме того, здесь появляются двусторонне обработанные овальные орудия, боковые скребки и колуны⁷⁴. Обе стоянки датированы временем около 5000 лет назад⁷⁵.

В 1962 г. Р. Аккерман обнаружил во время разведки по побережью между заливами Кускоквим и Бристоль в бухте Секьюрити остатки лагеря охотников на карибу и рыболовов. Каменный инвентарь стоянки включал наконечники с боковыми выемками, близкие к типам Палисады II, двусторонне оббитые ножи, концевые и боковые скребки, чопперы, грузила и от-

⁶⁹ J. L. Giddings. Cultural continuities of Eskimos.

⁷⁰ Там же; он же. Side notched points near Bering Strait. Около 4000 лет назад на одном из верхних береговых валов мыса Крузенштерна в инвентаре палеоэскимосской древней китобойной культуры вновь появляются наконечники с боковыми выемками.

⁷¹ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

⁷² W. F. Libby. Radiocarbon dating. Second Edition. Chicago, 1955.

⁷³ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Collision site in the light of archaeological survey of southern Yukon; он же. Recent finds in the Yukon territory of Canada.

⁷⁴ R. S. Mac Neish. The Pointed Mountain site near fort Liard, Northwest territories, Canada; он же. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959. F. G. Rainey. Archaeology in Central Alaska; он же. Archaeological investigations in Central Alaska; W. N. Irving. Burins from Central Alaska.— «American Antiquity», vol. XX, № 4, 1955. Н. А. Береговая. Находки доэскимосских поселений на Аляске и в прилегающих областях по работам 1945—1954 гг.— СЭ, № 2, рис. 4, 5, 1957.

⁷⁵ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

щепы. Автор датирует это поселение временем между 6000 и 5000 лет назад⁷⁶.

К третьему этапу развития северо-западной традиции микропластинок относятся многочисленные местонахождения на территории северной и центральной Аляски и в Юконе, Северо-Западных Территориях и Британской Колумбии (Канада).

На севере Аляски эти местонахождения встречены на перевале Анактувук в местах сезонных миграций карибу. Стоянка Тукту (Оленья) открыта в 1959 г. Д. Кэмпбеллом на поверхности древней террасы в 4 км к северу от перевала. Здесь в тонком культурном слое с остатками жилища, залегавшем в гравии под тундровым дерном, были встречены, кроме маленьких нуклеусов, пластинок и боковых лезвий-вкладышей, наконечники и ножи с боковыми выемками из кремнистого известняка, халцедона и обсидиана, а также галечные чопперы, топорovidные орудия, грузила и несколько шлифованных орудий (рис. 3). Автор датирует стоянку Тукту временем от 4000 до 3000 лет тому назад⁷⁷.

Каменный инвентарь, близкий к типам Тукту, был открыт в 48 км к юго-западу от перевала Анактувук, на границе лесной зоны (стоянка Тойюк) и в 1963 г. в среднем течении реки Юкон в районе реки Поркьюпайн⁷⁸.

Местонахождение Рэткин, открытое в 1957 г. около 112-го км дороги Денали к югу от Аляскинского хребта и исследовавшееся также в 1963 г., представляет собой несколько стоянок — мастерских каменных орудий в местах охоты на карибу, на границе лесной полосы. Каменный инвентарь, встреченный на глубине 15 см под почвенным слоем, включал много острий с боковыми выемками в основании, наконечники типа милсэнд, скребки и отщепы. Возраст этих находок, по мнению исследователей И. Скэрленда и Ч. Кейм, может быть от 4000 до 2000 лет тому назад⁷⁹.

К тому же времени относится исследованное У. Ирвингом в 1953 г. местонахождение Тайон в 3 км к востоку от озер Тайон, Луиза и Суситна, в бассейне реки Суситны. На поверхности были собраны острия с выемками в основании, боковые лезвия-вкладыши и микропластинки⁸⁰.

Горизонт Тейе-Лейк, в юго-западном Юконе залегал выше горизонта Гладстон, в коричневом суглинке над слоем вулканического пепла, датированного временем около 300 г. до н. э. Каменный инвентарь включал крупные концевые и боковые скребки и лезвия, скребки типа *tsi-tho*, чопперы, грузила, двухсторонне обработанные ланцетовидные острия, наконечники с боковыми выемками и лишь небольшое количество микропластинок. Мак Ниш отмечает, что в этом горизонте исчезают азиатские черты каменного инвентаря и датирует его временем около 2500 лет тому назад⁸¹.

В Северо-Западных Территориях Канады стоянка Н. Т. Докс на юго-западной стороне Большого Медвежьего озера, исследованная Мак Нишем в 1953—1954 гг., была датирована по C^{14} временем от 5000 до 3500 лет назад. Каменный инвентарь стоянки включал микропластинки, лезвия,

⁷⁶ R. E. Ackerman. Prehistory in the Kuskokwin-Bristol Bay region, Southern Alaska.— «Report of investigations», № 26. A final report to the Arctic Institute of North America», Washington, 1964.

⁷⁷ J. M. Campbell. The Tuktuk complex of Anaktuvuk Pass.— «Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 9, № 2, 1961; он же. Arctic, 1962.

⁷⁸ J. M. Campbell. Arctic, 1964.

⁷⁹ I. Skarland, C. J. Keim. Указ. соч., J. M. Campbell. Arctic, 1962.

⁸⁰ W. N. Irving. An Archaeological Survey of the Susitna Valley.— «Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 6, № 1, 1957.

⁸¹ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Callis on site in the light of archaeological survey of southern Yukon; он же. Recent finds in the Yukon territory of Canada; он же. The Great Lakes and the Barren Lands.

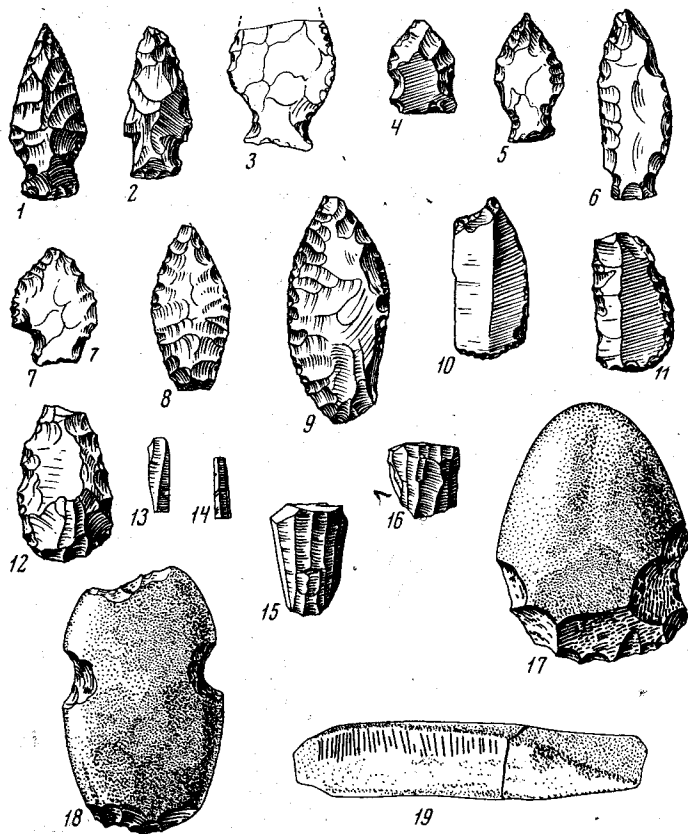

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Тукту (перевал Анактувук, Аляска):

1—7 — остря с боковыми выемками; 8 — листовидное остря; 9 — двусторонне обработанный нож; 10, 12 — концевые скребки; 11 — боковой и концевой скребок; 13, 14 — микропластинки; 15, 16 — микронуклеусы; 17, 18 — топоры из галек, вставлявшиеся в рукоятку; 19 — орудие из шифера (1—8 данна около 6 см; 9, 17—19, около 9 см; 10—16 данна 6 см (по Кэмпбеллу, 1962)

резы, струги, грубые двусторонне обработанные орудия и остря с боковыми выемками⁸².

Такие же остря, напоминающие тип Тукту, имеются в комплексе реки Локхарт к северо-востоку от Большого Невольничьего озера. Мак Ниш обследовал здесь на средних (по высоте) пляжах несколько стоянок с орудиями из кварцита. Кроме острий с боковыми выемками, были встречены крупные лезвия, ножи, концевые и боковые скребки, чопперы и несколько наконечников в виде ромба. Так же как в Рэткин и Палисадах II, здесь нет микропластинок и нуклеусов. Мак Ниш датирует эти находки временем от 3500 до 2500 лет назад⁸³. Тот же характер имеет каменный инвентарь стоянки у озера Кэмут, около 50 км к юго-западу от залива Коронейшен, относящейся ко времени около 3000 лет назад⁸⁴.

Каменный инвентарь стоянки Фишермен Лейк, залегающий в нижней части гумуса в 4 км к югу от Пойнтед Маунтен, по-видимому, развивается из этого комплекса и имеет также сходство с каменными изделиями

⁸² R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon; W. N. Irving. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stone industries.

⁸³ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon.

⁸⁴ R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959; он же. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon.

стоянок Тейе Лейк и Локхарт. Мак Ниш датирует стоянку Фишермен Лейк временем около 3000 лет назад⁸⁵.

Стоянки Британской Колумбии принадлежат к наиболее поздним поселениям Северо-западной традиции микропластинок наряду с комплексами реки Локхарт и Тейе Лейк. Стоянка Кэллисон, исследованная Мак Нишем в 1957 г., находится в северной части Британской Колумбии, у столба 422 по дороге Элкан. Каменные изделия, обнаруженные на поверхности и частью в шурфах в слое красноватой глины под гумусом, включали острия с боковыми выемками и с вогнутым основанием, двусторонне обработанные ножи, дисковидные орудия и чопперы, микропластинки и языковидный нуклеус. По мнению Мак Ниша, время стоянки — около 2500 лет назад⁸⁶. В центральной части Британской Колумбии, в нижнем горизонте многослойной стоянки Наталкуз Лейк, открытой в 1951 г. у одноименного озера, были также найдены микропластинки, конический нуклеус, ланцетовидные острия, лезвия яйцевидной формы, двусторонне обработанные орудия и чопперы. Дата ее по C^{14} — около 400 лет до н. э.⁸⁷ По мнению Мак Ниша, Северо-западная традиция микропластинок могла первоначально развиться в Северной Азии и, возможно, происходит из позднего палеолита Сибири⁸⁸. Еще в 1935 г. Н. Нельсон указывал на сходство каменных орудий стоянки Кампус с монгольскими мезолитическими находками (пустыня Гоби)⁸⁹. Ирвинг полагает, однако, что Северо-западная традиция микропластинок имеет лишь одну черту, связывающую ее с Азией — это «языковидные» нуклеусы, или «нуклеусы-скребки»⁹⁰. Они широко известны в палеолите Сибири (Красный Яр на Ангаре, Афонтова Гора II и Кокорево I на Енисее и др.)⁹¹. Они встречаются в Забайкальских палеолитических и мезолитических местонахождениях⁹² и характерны для мезолита Прибайкалья (Верхоленская Гора, Усть-Белая на Ангаре)⁹³ и Байкала (нижний слой Улан-Хады)⁹⁴. Самыми северными находками «нуклеусов-скребков» являются «клиновидные» нуклеусы в раннеолитическом поселении Туой-Хая на верхнем Вилюе⁹⁵. Нуклеусы этого типа известны также в Приморье (стоянка Тигровая близ Владивостока и на Амуре близ Благовещенска)⁹⁶ и в последние годы были открыты на Камчатке. Н. Н. Диков в публикации раскопок Ушковской стоянки дает карту распространения «нуклеусов-скребков» от Синьцзяна до Аляски, через остров Хоккайдо и Камчатку⁹⁷.

По наблюдениям Д. Гиддингса, самыми ранними типами обработанных каменных изделий в Американской Арктике были грубые рубящие ору-

⁸⁵ E. Hargr. Ecological continuity on the Barren Grounds; R. S. Mac Neish. A speculative framework of Northern North American Prehistory as of April 1959.

⁸⁶ R. S. Mac Neish. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon; J. M. Campbell. Arctic, 1962.

⁸⁷ C. E. Borden. West coast crossites with Alaska.

⁸⁸ R. S. Mac Neish. The Callison site in the light of archaeological survey of southern Yukon.

⁸⁹ N. C. Nelson. Early migrations of Man to America.—«Natural History», vol. 35, 1935; он же. Notes on cultural relations between Asia and America.—«American Antiquity», vol. 2, № 4, 1937.

⁹⁰ W. N. Irving. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stoneindustries

⁹¹ Сообщение Э. А. Абрамовой.

⁹² А. П. Окладников. Палеолит Забайкалья.—«Археологический сборник», I. Улан-Удэ, 1959, табл. IV, VII; Э. А. Абрамова. Памятники палеолита низовьев р. Селенги.— Там же, табл. I.

⁹³ Г. И. Медведев Указ. соч.

⁹⁴ Л. П. Хлобыстин. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый век).— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1964.

⁹⁵ С. А. Федосеева. Древние культуры верхнего Вилюя.— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1964.

⁹⁶ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.

⁹⁷ Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.

дия — чопперы (9000—8000 лет назад); затем остря, оббитые отжимной параллельной ретушью с обеих поверхностей (7000 лет); позже появляются остря с боковыми выемками в основании (6000 лет), за ними — лезвия-вкладыши, резцы, микропластинки и микронуклеусы (5000 лет) и, наконец, как следствие специализации, — каменный инвентарь эскимосской культуры — в I тыс. до н. э.⁹⁸

В монографии, посвященной исследованиям в юго-западном Юконе, вышедшей после завершения данной статьи, Мак Ниш дает новую хронологическую последовательность культурных традиций в северо-западной Америке, основываясь главным образом на данных геологии и стратиграфии поселений: 1) традиция Бритиш Маунтен возникает около 18000 лет тому назад; 2) Кордильерская — развивается между 13000 и 9000 лет назад в западной части горной цепи Брукс под влиянием традиции Бритиш Маунтен и палеолита Северо-Восточной Сибири; 3) северная Платано, пришедшая с юга, существует на севере континента между 9000 и 4000 лет назад; 4) Северо-западная традиция микропластинок, возникшая около 8000 лет назад, существует до начала нашей эры⁹⁹.

Заселение Американской Арктики и связи ее с палеолитом Северо-Восточной Сибири начинаются во время существования Беринговой суши, до разделения континента (около 11000 лет тому назад). Древнейшие поселения на севере Аляски и Юкона (традиция Бритиш Маунтен) сохраняют черты, близкие к позднему палеолиту северо-востока Сибири (чопперы, грубые отщепы, остроконечники, резцы, скребки, выемчатые орудия). Инвентарь поселений Кордильерской традиции, расположенных на той же территории, что и стоянки Бритиш Маунтен, имеет общие черты с каменными изделиями мезолитических стоянок Сибири (особенно характерны листовидные наконечники, близкие к типу Верхоленской Горы на Ангаре).

Северо-западная традиция микропластинок, охватывавшая главным образом лесную полосу в Аляске и Канаде, характеризовалась микропластинками-вкладышами, наконечниками с двумя боковыми выемками в основании и особенно «нуклеусами-скребками». Эти черты сближают ее с каменным инвентарем палеолитических и мезолитических поселений Енисея, Ангары, Забайкалья и с вновь открытыми мезолитическими горизонтами многослойной Ушковской стоянки на Камчатке.

N. A. Beregovaya

THE ANCIENT CULTURAL TRADITIONS OF AMERICAN ARCTIC AND THEIR CONNECTIONS WITH NORTH-EAST OF SIBERIA (ON THE EXCAVATIONS IN 1955—1964)

The present paper is a continuation of two surveys of archaeological work in American Arctic area, carried out in the years 1934—1954, published in 1948 and 1957. An attempt is being made to correlate archaeological findings in American Arctic with the results of archaeological investigations in North-Eastern Siberia, up to 1964. The material in question is being treated as several cultural traditions, covering during the span of time from 9 up to 1 millennium B. P. the whole northern area of American continent (after Mac Neish, 1959, Giddings 1961, Irving, 1962).

The peopling of America and the connections with the North Siberian palaeolithic began at the time of Bering Platform existence, before 11000 B. P. The British Mountain tradition in the northern Yukon and Alaska (9000—8000) was the last stage of this great movement. After the division of Asian and American continents, about 8000—7000 B. P. began the northward movement of hunters and fishermen from American Pacific coast (the Cordillerian tradition) and of bison hunters from the Great Plains area (the Plano-Yuma tradition). These traditions were distributed in Northwest Territories and Yukon (Canada) and in northern and central Alaska.

About 6000—5000 B. P. the new immigrants caribou hunting tribes with so called «micro-lithic» industries, entered the area, going from Asia: the Northwest microblade tradition penetrated into forest regions up to the border of Barren Grounds and the Arctic small tool tradition into tundra regions from Bering strait to the north-east of Greenland.

⁹⁸ J. L. Giddings. Cultural continuities of Eskimos.

⁹⁹ R. S. Mac Neish. Investigations in southwest Yukon.— «Archaeological excavations, comparisons and speculations», vol. 62, № 2, 1964.

ИСТОРИЯ

О ХАРАКТЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛКОМОВ
И НАРРЕВКОМОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА В ПЕРИОД ДВР
(1920—1922 годы)

Б. И. Мухачев

Вопрос о характере деятельности исполкомов и нарревкомов на Северо-Востоке¹ в период существования Дальневосточной республики (ДВР) является предметом дискуссии среди историков гражданской войны на Дальнем Востоке. Большинство авторов (И. Махоркин, Ф. Слободчиков, Н. А. Жихарев, М. В. Соколова, М. М. Свиридова и др.) считают, что исполкомы и нарревкомы Камчатки были органами Советской власти. Однако анализ действий этих органов власти не подтверждает этого. Неправильная оценка характера их деятельности как органов диктатуры пролетариата ведет и к неправильной трактовке их мероприятий, к упрощенному освещению сложной и гибкой тактики коммунистов Приморья и Северо-Востока в период ДВР.

Если согласиться с точкой зрения названных авторов, придется признать, что Камчатская область была единственной на Дальнем Востоке, не подчинившейся директивам ЦК РКП(б) и Совнаркома о необходимости временно воздержаться от восстановления Советской власти в этот период, действовала сепаратно. Но это не так.

В конце мая 1920 г. Камчатский областной совет трудового народа по предложению Владивостокской группы Дальбюро РКП(б) постановил временно отказаться от советизации области, признал революционно-демократическое Временное Приморское правительство (Приморскую областную земскую управу), действовавшее в то время под фактическим руководством коммунистов. Камчатский областной Совет был реорганизован в облизполком Приморской земской управы².

Областной Совет обратился с призывом к Советам области поддержать его решение. В течение июня-июля 1920 г. почти все местные Советы известили облизполком о поддержке его позиции.

Камчатский облизполком перестроил свою деятельность в соответствии с законодательством Приморского правительства. В области было введено всеобщее избирательное право, амнистированы антисоветские деятели, допущена большая свобода деятельности частного капитала (отменено решение о национализации речных рыбопромысловых участков, денационализированы товары фирмы «Хиббард-Свенсон К⁰» в Анадырском уезде). Однако руководство областью продолжало оставаться в руках коммунистов. Камчатский облизполком был по характеру деятельности органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В большинстве мест области (Анадырь, Никольское, Усть-Камчатск и др.) власть сосредоточилась в руках коммунистов или их сторонников, которые отстаивали интересы трудящихся. Исключение составляли органы

¹ Под Северо-Востоком имеется в виду Камчатская область по административно-территориальному делению периода гражданской войны, когда в нее входили Камчатка, Чукотка и Охотское побережье.

² ЦГАДВ, ф. Р.-1378, оп. 1, л. 16, л. 13.

власти в Гижиге, Охотске, Оде и нескольких других селениях, где руководство временно попало в руки зажиточных слоев населения.

Связующим звеном между исполкомами Северо-Востока и Приморским правительством были его уполномоченные, посланные на места. Они обязаны были держать Приморское правительство в курсе всех мероприятий исполкомов и следить за правильным исполнением ими правительственных законов и распоряжений. Назначение на должность уполномоченного производилось под контролем Политбюро Далькрайкома РКП(б). В Камчатскую область были назначены два уполномоченных: уполномоченный по области — кооперативный работник Н. В. Кочергин, и по Охотскому уезду — золотопромышленник А. И. Сентяпов (эсер). Однако Кочергин не желал работать в контакте с облизполкомом, так как пытался провести в жизнь некоторые реакционные мероприятия, выдвигаемые контрреволюционной частью Приморского правительства (например, введение земства на Северо-Востоке), а Сентяпов вообще был ярым врагом Советской власти. Таким образом, Политбюро Далькрайкома РКП(б) недостаточно серьезно отнеслось к назначению уполномоченных в Камчатскую область, что нельзя было оправдать отсутствием кадров.

В ноябре 1920 г. Камчатская область вошла в состав ДВР. Существенных изменений в деятельности исполкомов, реорганизованных в народно-революционные комитеты (нарревкомы), не произошло. Они продолжали оставаться органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Уполномоченные Приморского правительства по Камчатской области должны были прекратить свою деятельность. Правительство ДВР назначило на Камчатку своего эмиссара — бывшего члена Далькрайкома РКП(б) Н. В. Холодова.

Как и облизполком, обларревком допускал свободу действия частного капитала в Камчатской области, установив за деятельностью буржуазии строгий контроль. Согласно постановлению III Камчатского областного съезда, в декабре 1920 — начале 1921 г. были организованы учетно-ревизионные комиссии³, которым было поручено привести в порядок все национализированное и реквизированное имущество, взять на учет все товары и продовольствие торговцев. Уездные нарревкомы получили из Петропавловска распоряжение «действовать всегда с разрешения областной власти. Реквизиции, конфискации и отчуждения, согласно распоряжению Дальневосточного правительства, должны производиться только постановлением Центрального правительства, народно-революционных и политических судов»⁴. Центральным правительством для Камчатской области стало правительство ДВР. В соответствии с законом правительства республики от 20 декабря 1920 г. на вывозимую из области иностранными торговцами пушнину была наложена пошлина в размере 10% натуры⁵.

Ввиду отсутствия на Дальнем Востоке монополии государства на внешнюю торговлю Камчатский обларревком имел право осуществлять и разрешать торговые операции с иностранными купцами непосредственно. Характерно, что в соседнем с Чукоткой Колымском округе, входившем в состав РСФСР, должна была осуществляться монополия государства на внешнюю торговлю. «Сибвнешторг» категорически запретил товарооборот с иностранцами всем лицам, кроме специально уполномоченных на то его представителей⁶. А чтобы не допускать самочинных сделок с иностранцами в дальнейшем, решено было как следует организовать снабже-

³ ЦГАДВ, ф. Р.-1382, оп. 1, д. 19, л. 3.

⁴ Там же, д. 23, л. 16.

⁵ Там же, ф. Р.-1391, оп. 1, д. 19, л. 7.

⁶ ГАНУ, ф. Р.-257, оп. 1, д. 1, л. 6.

ние всем необходимым районов Колымы⁷. Сибирский революционный комитет (Сибревком) приступил к организации Колымской экспедиции. Из Владивостока на Колыму предполагалось отправить пароход «Ставрополь» с товарами и продовольствием. На организацию экспедиции комитет выделил 200 пудов слиткового серебра⁸. 31 марта 1921 г. Якутскому ревкому была послана телеграмма с предложением доставить всю пушнину Колымского края к устью Колымы к моменту прихода парохода⁹. Отправке экспедиции помешал японо-белогвардейский переворот во Владивостоке 26 мая 1921 г.

Большинство уездов Камчатской области поддерживало руководимый коммунистами Камчатский областной народно-революционный комитет. Руководство Чукотским уездом осуществлял бывший уполномоченный облисполкома, а теперь облнарревкома коммунист А. М. Бычков. Во главе Анадырского уездного нарревкома стояли большевистски настроенные матросы Г. Шошин и В. Чекмарев. В Командорском уезде действовала первая среди малых народов коммунистическая парторганизация алеутов, созданная в сентябре 1920 г. Возглавляемый коммунистами уездный комитет поддерживал облнарревком. Руководство Петропавловским уездом осуществлялось непосредственно областным органом власти. На Охотском побережье (в Гижиге, Охотске, Оле и других селениях) власть оставалась в руках зажиточных элементов. Но борьба трудящихся за руководство народно-революционными органами власти не прекращалась. Наиболее острые формы она приняла в Охотске, где имелось значительное количество прискоковых рабочих и была создана коммунистическая парторганизация.

Функции народно-революционного органа власти в Охотске исполняло городское самоуправление во главе с бывшим председателем уездного Совета К. С. Паршенковым. 5 декабря 1920 г. в состав самоуправления был избран председатель Охотского райкома РКП(б) А. К. Ситников. Теперь этот орган власти в большей мере защищал интересы трудящихся. По инициативе Ситникова самоуправление организовало ревизионную комиссию по учету продовольствия и кассы, находящихся в распоряжении Сентяпова, но Сентяпов категорически выступил против контроля его деятельности¹⁰. Самоуправление, не имея сведений о роспуске Приморского правительства, а следовательно и о ликвидации полномочий Сентяпова как его уполномоченного, не стало настаивать на контроле. После получения известия о вхождении Камчатской области в состав ДВР Сентяпов объявил себя уполномоченным правительства республики, узурпировав власть. Камчатский облнарревком по радиотелеграфу известил о необходимости организации ревизионной комиссии и об отстранении Сентяпова от власти как узурпатора. За спиной Сентяпова стояли зажиточные элементы, из них была создана вооруженная банда. Коммунисты стали готовить рабочих к вооруженной борьбе за власть.

22 марта 1921 г. Учредительное собрание ДВР утвердило проект договора между правительствами РСФСР и Дальневосточной республики о границах, согласно которому Камчатская область вновь возвращалась в состав РСФСР. Этого требовали интересы нашей внешней политики.

Встал вопрос об административном подчинении Камчатской области. Как и все губернии Сибири, она была подчинена Сибревкому. 19 марта 1921 г. Сибревком принял решение подчинить Камчатскую область Якутскому губревкому, включив ее в Якутскую губернию в качестве уезда¹¹.

⁷ ГАНО, ф. Р.-257, оп. 1, д. 1, л. 22.

⁸ Там же, ф. Р.-1, оп. 1, д. 641, л. 217.

⁹ Там же, ф. Р.-257, оп. 1, д. 1, л. 57.

¹⁰ ЦГАДВ, ф. Р.-606, оп. 1, д. 2, л. 1.

¹¹ ГАНО, ф. Р.-1, оп. 1, д. 581, л. 338.

Камчатский облнарревком опротестовал это решение перед Совнаркомом, указав, что реальной возможности руководства Камчатской областью из Якутска из-за дальности расстояния не имеется. Камчатская область осталась самостоятельной в непосредственном подчинении Сибревкома.

Советское правительство вначале решило восстановить на Северо-Востоке органы Советской власти. В мае 1921 г. Наркомат внутренних дел назначил комиссию по организации Советской власти на Камчатке во главе с членом Дальбюро ЦК РКП(б) М. И. Губельманом¹². Сведений о деятельности этой комиссии в документальных материалах госархивов и партархивов нами не обнаружено. По-видимому, М. И. Губельман должен был содействовать снаряжению советской экспедиции на Камчатку, которая в это время готовилась. До приезда же этой экспедиции Камчатскому облнарревкому было дано указание продолжать действовать по законам ДВР, так как обстановка на Северо-Востоке оставалась прежней.

23 апреля 1921 г. на Камчатку был направлен из Владивостока уполномоченный ЦК и Дальбюро ЦК РКП(б) А. С. Якум. Он имел предписание «предложить всем правительственным учреждениям г. Петропавловска и других мест впредь до прибытия туда специально командированных полномочных лиц Советской России функционировать на старых основаниях» (курсив наш. — Б. М.)¹³.

Специально командированным полномочным лицам Советской России (экспедиция П. И. Кларка) из-за плохой организации экспедиции и из-за противодействия интервентов и белогвардейцев не удалось попасть на Камчатку. Но благодаря своевременной информации, полученной от А. С. Якума, облнарревком, возглавляемый коммунистом И. Е. Лариным, с самого начала организовал свою деятельность в соответствии с директивами ЦК РКП(б).

В Охотске Сентяпов, несмотря на поступившие сообщения о подчинении области РСФСР, стремился сохранить свои полномочия, игнорируя все телеграммы. Камчатский облнарревком и Якутский губком РКП(б) предложили Охотскому райкому РКП(б) арестовать Сентяпова и его сторонников. В ночь с 17 на 18 апреля 1921 г. отряд рабочих занял здание управления уполномоченного. Сентяпов бежал. Власть принял на себя организованный райкомом Военно-революционный комитет. По характеру деятельности он был чрезвычайным органом диктатуры пролетариата. На помощь охотским рабочим из Якутска был послан красноармейский отряд.

В Анадыре известие о переходе Камчатской области в состав РСФСР было воспринято передовыми рабочими как сигнал к коренной реорганизации работы уездного нарревкома. Г. М. Елизов, В. Ц. Пересвет-Солтан и другие товарищи, стоявшие на большевистской платформе, 15 мая 1921 г. телеграфировали облнарревкому о необходимости улучшения работы уездного нарревкома. Отмечалось, что президиум нарревкома бездействует, медленно проводятся в жизнь директивы из Петропавловска, что до сих пор не организованы ревизионные комиссии. Облнарревком обязал Анадырский уездный нарревком устранить недостатки в его работе¹⁴.

В связи с активизацией деятельности реакционных элементов после японо-белогвардейского переворота во Владивостоке 26 мая 1921 г. Анадырский нарревком принял ряд мер для борьбы с контрреволюционерами. Он запретил высаживаться на берег возвратившимся из Владивостока Чумакову, Бесикерскому, Трневу и Пчелинцеву, которые в феврале 1920 г. участвовали в расстреле членов первого Анадырского уездного ревкома.

Борьбе с контрреволюцией и засилием иностранных капиталистов способствовала организация в Анадыре профсоюза рабочих и служащих. «Во-

¹² Там же, оп. 3, д. 9, л. 40.

¹³ Из личного архива А. С. Якума (Москва).

¹⁴ ЦГА ДВ, ф. Р-1382, оп. 1, д. 78, лл. 88, 94.

время организации союза, — вспоминает В. М. Чекмарев, — во всем уезде не было не только коммунистической ячейки, но даже не было ни одного коммуниста и объединения, а потому уездный нарревком принял на себя инициативу объединить рабочих и служащих в один профсоюз для организованной борьбы за власть Советов»¹⁵. 24 июня 1921 г. нарревком обратился с воззванием к трудящимся, призывая объединиться в профсоюз. «...Посмотрите вокруг, — говорилось в воззвании, — везде и всюду услышите, что иностранные фирмы безжалостно обдирают и эксплуатируют инородцев и за какой-нибудь ящик галет используют труд чукчей... Не пора ли с этим произволом покончить и найти выход из этого тупика!... Выход есть только один: *нужно всем организовать в один рабочий союз*, на обязанности которого будет лежать правильное распределение труда между пролетариями и нормальная установка заработной платы»¹⁶. В этот же день на общем собрании трудящихся Анадыря и его окрестностей был организован профсоюз рабочих и служащих.

Выполняя директивы Камчатского облнарревкома, Анадырский уездный нарревком действовал в рамках народно-революционного органа власти.

Руководство Чукотским уездом продолжал осуществлять уполномоченный облнарревкома А. М. Бычков. В телеграммах облнарревкомом он сообщал об обследовании им Чукотского уезда, о необходимости прислать в уезд учителей, просил выделить средства для ремонта школ и постройки дома уездного управления, прислать милиционеров для борьбы с хищнической торговлей¹⁷. Облнарревком сообщил Бычкову о переходе Камчатской области в состав РСФСР. По вопросу о средствах он указывал на невозможность пока оказать действительную помощь: «В настоящее время областная власть переживает острый финансовый кризис..., поэтому при всем желании выслать Вам что-либо из продовольствия не представляется возможным. Дабы Вам не оказаться в затруднительном положении, областной комитет разрешает Вам кредитоваться там, где найдете кредит...» Указывалось, что, «если Чукотский уезд будут посещать торговые шхуны без разрешения областного комитета», то им «надлежит в очень вежливой форме предлагать... торговлю прекратить и отправиться в г. Петропавловск для совершения таможенных обрядов и выборки торговых документов», а при неподчинении составлять протоколы в присутствии местного населения¹⁸.

Несмотря на недостаток средств, облнарревком оказывал Чукотскому уезду посильную помощь. 19 июня 1921 г. он послал медикаменты фельдшерскому пункту в поселок Провидения. «Нужно пережить настоящий трудный момент для Камчатки, — говорилось в письме комиссара здравоохранения облнарревкома, — чтобы потом с чистой совестью встретить близкое возрождение Камчатки...»¹⁹.

Деятельность Камчатского облнарревкома в этот период очень затруднялась оторванностью от РСФСР (Приморье было захвачено белогвардейцами и японскими интервентами). Облнарревком проводил осторожную политику, не поддаваясь на провокации иностранцев. Он не имел своих пароходов, достаточного количества продовольствия и товаров. Все это предлагали иностранные капиталисты. Особенно активно действовали японцы. В обмен на свои товары они требовали одного: чтобы облнарревком обратился к ним за помощью. Но камчатские коммунисты прекрасно понимали, чем это кончится, и отказывались от подачек.

В то же время облнарревком шел на заключение временных договоров с иностранными капиталистами, когда они не обуславливались какими-

¹⁵ ЦГАДВ, ф. Р.-2414, оп. 1, д. 12, л. 446.

¹⁶ Там же, л. 446.

¹⁷ Там же, д. 78; лл. 84—86.

¹⁸ Там же, д. 68, лл. 6—7.

¹⁹ Там же, д. 10, л. 17.

либо уступками, затрагивавшими суверенитет РСФСР, и не нарушали правила, выработанные областной властью. Примером этому является разрешение, данное облнарревкомом английской фирме «Гудзон-Бей» вести торговлю на территории области; соглашение с американской фирмой «Хиббард-Свенсон К⁰» о снабжении ею Командорских островов и пр.

Трудность деятельности облнарревкома в это время состояла и в том, что пролетарская прослойка в области была очень мала, промышленного пролетариата почти не было. Охотс с его приисками представлял исключение. Большинство населения составляли малые народности, более половины которых вели кочевой образ жизни. В такой обстановке органы власти должны были действовать как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Осенью 1921 г. Охотское побережье, часть Камчатки и Чукотки были захвачены белыми бандами, прибывшими из Приморья.

Камчатский облнарревком ушел в глубь полуострова организовывать трудящихся на борьбу с белогвардейцами. В апреле 1922 г. он созвал Первый чрезвычайный Петропавловский уездный съезд представителей населения Камчатки. Присутствовали на нем и делегаты от Анадырского и Охотского уездов. Петропавловский съезд призвал трудящихся подняться на борьбу за изгнание из области белых банд. В резолюции о власти подчеркивалось, что съезд «признает верховной государственной властью только Всероссийский съезд Советов и назначенный им Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, и политическая власть в области принадлежит исключительно Российской Социалистической Федеративной Советской Республике». Указывалось, что «до получения директив от Советской России или приезда полномочного представителя ее Камчатская область должна управляться по законам Дальневосточной республики (курсив наш.— Б. М.), за исключением изменений, которые диктуются камчатской действительностью»²⁰.

Под руководством нарревкомов трудящиеся Северо-Востока успешно боролись с белыми бандами и не позволили белогвардейцам распространить свою власть в глубь Камчатки.

Разгром белогвардейцев и интервентов в Приморье коренным образом изменил обстановку и на Северо-Востоке. Белогвардейцы и интервенты бежали с территории Камчатки. Дальневосточная республика прекратила свое существование. Дальний Восток воссоединился с Советской Россией. Северо-Восток установил с ней тесную связь. В этих условиях было возможно восстановление органов диктатуры пролетариата, каковыми стали ревкомы, а затем Советы.

Существование в РСФСР в период нэпа органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства ярко характеризует гибкость тактики Коммунистической партии, направленной на сохранение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Крайне важно поэтому не затушевывать этот факт, а дать необходимый анализ деятельности народно-революционных органов в соответствии с действительным характером их работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Жихарев Н. А. В борьбе за Советы на Чукотке. Магадан, 1958.
Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961.
Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед.— Сб. «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)», Петропавловск-Камчатский, 1957.

²⁰ Там же, ф. Р.-1382, оп. 1, д. 108, л. 15.

- Мухачев Б. И. Установление народно-революционной власти на Камчатке в 1920 году.— «Труды ЦГАДВ», т. I, Томск, 1960.
- Мухачев Б. И. Борьба с иностранной экспансией на территории Магаданской области в годы гражданской войны (1918—1923 гг.).— «Краеведческие записки», вып. 4, Магадан, 1962.
- Мухачев Б. И. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по борьбе с иностранной экспансией на Камчатке (1920—1921 гг.).— Сб. «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1963.
- Свиридова М. М. и др. К истории борьбы за власть Советов на Камчатке.— «Вопросы истории КПСС», № 1, 1965.
- Флеров В. С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926 гг.). Томск, 1964.

B. I. Mukhachev

ON THE CHARACTER OF THE ACTIVITIES
OF THE EXECUTIVE COMMITTEES AND PEOPLE'S
REVOLUTIONARY COMMITTEES IN THE NORTH-EAST
IN THE PERIOD OF DVR

The present investigation is devoted to the study of the character of the activities of the executive committees and people's revolutionary committees in the Krayny North-East in the period of DVR.

The consideration of the mentioned question is necessary, that to have the right criterion in the appraisal of the activities of the executive committees and people's revolutionary committees in the fight for the power of the Soviets. And the wrong appraisal of the character of their activities carries on the wrong interpretation of their measures, simplifies the complex and flexible facts of the Communists in the period of DVR.

The author proves, that the executive committees and people's revolutionary committees on the character of their activities were the bodies of the revolutionary democratic dictatorship of the proletariat and peasants.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ У НАРОДНОСТЕЙ ЧУКОТКИ

М. И. Куликов

В данном сообщении делается попытка в самых общих чертах наметить веки основных социально-экономических преобразований у чукчей, эскимосов, эвенгов (ламутов), проживающих на территории Чукотки.

Разумеется, что внутри этих больших этапов имелись более мелкие периоды, которые характеризует, например, И. С. Гурвич (1964 г.). Но это не снимает, на наш взгляд, необходимости периодизации социально-экономических преобразований у народов Севера в более широком историческом плане.

В основу периодизации мы положили коренные изменения в производительных силах и производственных отношениях.

Первый этап охватывает время с начала становления Советской власти (включая период революции и гражданской войны) и до 1930—1932 гг. Это был период искания форм и методов советского управления применительно к местным историко-экономическим, бытовым условиям жизни народностей Чукотки и приобщения их к системе советской организации. «Идея советской организации проста, — говорил В. И. Ленин, — и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»¹.

Эта ленинская идея нашла развитие в решениях X и XII съездов партии, определивших принципы советского строительства у отсталых народов. Вопросами советизации Севера непосредственно занимались подотделы по управлению и охране первобытных племен при Наркомнаце, а затем комитеты содействия народностям северных окраин при ВЦИК РСФСР и президиумах областных, краевых Советов.

Такой комитет существовал и при Далькрайисполкоме, который практически направлял советское строительство на Дальнем Востоке. Советизация Дальневосточного края проводилась на основе «Временного положения об управлении малыми народностями и племенами Севера». «Положение» предусматривало следующие органы туземного управления: общины родовые собрания, родовые советы, районные родовые съезды, районные родовые исполнительные комитеты.

Однако для чукчей и эскимосов это «Положение» не могло быть целиком применено. У них родовые отношения были развиты слабо. Поэтому бюро крайкома ВКП(б) и Далькрайисполком 14 июня 1927 г. определили, что там, где род сохранился слабо и на основе его невозможно построить сеть туземных органов власти, необходимо руководствоваться национально-территориальным принципом при организации туземных Советов². Советизация на Чукотке в этот период проводилась Анадырским и Уэленским уездными (затем районными) ревкомами и их уполномоченными на местах. Среди оседлого населения создавались национальные Советы, среди оленеводов — кочевые Советы и собрания. В 1928 г. на Первом съезде туземных Советов Чукотского района было решено создать два национальных района — Чукотский и Эскимосский. Были избраны туземные райисполкомы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244—245.

² ПАХК, ф. 2, д. 40, св. 5, л. 174.

Выделение национальных районов содействовало более быстрому росту общественно-политической сознательности чукчей и эскимосов, помогло правильнее и оперативнее решать насущные вопросы. Эскимосский туземный райисполком распространял свое влияние на 23 эскимосских селения, объединенных восемью туземными советами. Население этого национального района в 1930 г. составляло 1252 человека. Туземный райисполком провел учет и перепись населения. Стало известным, что в районе имелось 887 оленей и 645 собак. Населению принадлежало 169 нарт собачьих, 47 вельботов, 128 байдар, 21 мотор и 31 деревянный домик. Было выявлено материальное положение каждого хозяйства. В селах были заложены общественные мясные ямы для обеспечения населения на случай голодовок. Путем самообложения создавались, хотя и минимальные, денежные резервы для удовлетворения общественных нужд эскимосского населения. Бедняки-охотники получали оружие. Туземный райисполком занимался производственным кооперированием³.

Национальные собрания и съезды, национальные советы, туземные райисполкомы являлись переходными формами государственного самоуправления малых народов. Партия использовала эти органы власти при переходе народов Чукотки от первобытнообщинного строя к социализму.

Национальные Советы выражали волю всего населения стойбищ и поселений, так как они создавались не только по территориальному принципу, но с учетом родственных и национальных отношений и отражали обычаи и правовые нормы, существовавшие в прежних семейно-территориальных группах. Приоритет в Советах отводился старикам. Около 70% депутатов в национальных кочевых Советах Чукотского района занимали мужчины старше 45 лет⁴. Во главе многих первых Советов оказались шаманы, крупные оленеводы, «переднедомные». Однако это не уменьшало роли первых национальных Советов. В них основное ядро составляли трудящиеся массы северных окраин. В 1931 г. в 37 национальных Советах Чукотского района было: батраков — 1, бедняков — 57, середняков — 56 человек⁵. Главный практический результат деятельности национальных Советов состоял в том, что они приобщали трудящихся Севера к советской жизни. Чукчи, эскимосы, эвенки были пробуждены к самостоятельной политической деятельности.

Характерной чертой этого этапа социальных преобразований на Чукотке было то, что партия и Советское правительство обеспечили значительное улучшение материального и социального положения коренного населения путем изгнания иностранных предпринимателей, ликвидации гнета и эксплуатации со стороны русского торгового и промышленного капитала, организацией советской торговли, кредитов, первичного кооперирования и передачи водоемов и земель в пользование коренного населения. Все эти мероприятия Советского государства убедили малые народности Чукотки в том, что Советская власть является их родным делом.

Второй этап — с начала 30-х годов до начала 50-х годов (1932—1953 гг.). Это были годы перестройки первобытнообщинных отношений путем коллективизации на базе развития исторически сложившихся отраслей хозяйства (оленьеводства, морского зверобойного промысла, рыболовства и т. д.), дальнейшего развития государственности — создания национального округа, Советов трудящихся (сельских поселковых), партийных и комсомольских организаций; перехода значительной части чукчей с кочевого образа жизни на оседлый, перестройки их быта и изживания пережитков в семейно-брачных отношениях. На этом этапе были осуществлены крупные

³ Архив Чукотского окружного комитета партии. Отчеты Чукотского райревкома за 1930—1932 гг. Отчет эскимосского туземного райисполкома от 7 января 1930 г.

⁴ Архив Чукотского окружного комитета партии. Отчеты райревкома за 1926—1927 гг., с. Уэлен.

⁵ Там же. Протокол третьего Чукотского районного национального съезда Советов.

мероприятия по культурному строительству. Организуется сеть национальных школ и культурно-просветительных учреждений. Создается чукотская, эскимосская, эвенская письменность. Происходят коренные изменения в общеобразовательной подготовке коренного населения. Если в 1926—1927 г. грамотных (умевших писать и читать) чукчей было 75 человек, эскимосов — 116, ламутов — 39, то в 1932 г. грамотными стали 80—85% представителей этих народностей.

Центральным звеном в социально-экономических преобразованиях было осуществление коллективизации на основе ленинского кооперативного плана. Весьма интересны специфические черты процесса производственного кооперирования чукчей и эскимосов. При коллективизации были использованы коллективные формы (стойбища типа «ныючын», «месынкы вальын», «байдарная артель»), представлявшие собой социально-экономические клеточки первобытнообщинного строя. Земля (пастбища, водоемы, охотничьи участки и т. д.) находилась в общинном пользовании, олени и ряд других средств производства в большинстве сел и стойбищ представляли собой личную собственность отдельных семей. В распределении продукции было много уравниловки, широко развит принцип взаимной выручки. Это и другие остатки общественного владения и соответствующие им народные обычаи были использованы как могучее средство для перехода народностей Чукотки к социализму.

Были использованы при этом такие формы коллективного хозяйства, как северные смешанные товарищества, которые, сохраняя старые формы производства (стойбища, байдарные артели), постепенно вносили в них элементы социалистических отношений. Этот процесс можно проследить на товариществе «Теркипхат» Чаунского района. Товарищество организовалось в 1933 г. на базе оседлых хозяйств, а в 1940 г. основные средства в нем распределялись так: в общественном секторе было 19 собак, 4 невода, 1 вельбот, 4 неводные лодки, 1 рульмотор, 1 нарта собачья, 1 дом рубленый, а в личном — 122 собаки, 2872 оленя, 5 сетей рыбацких, 21 яранга. В товариществе состояло 59 человек⁶. Доходы товарищества и его членов складывались из доходов общественного сектора и личного хозяйства. Общественный фонд товарищества рос за счет паевых взносов, неделимого фонда, а главным образом за счет ссуд государства, на которые товарищество приобретало оленей, орудия лова, строило производственные и бытовые сооружения. Так, за 1937—1940 г. товариществу «Теркипхат» было выделено государством 272 300 рублей ссуд. Из отпущенных 42 300 рублей было израсходовано 37 300 рублей на приобретение оленей для организации общественного стада и 5000 рублей на строительство кораля.

Производственное кооперирование осуществлялось на базе обобществления старых средств производства — оленей, байдар, вельботов и т. п. Созданные машинно-зверобойные станции (Пloverская и Мечигменская) оказали большую помощь морзверобойным колхозам Чукотского района в техническом оснащении промысла. Но этот процесс почти не коснулся оленеводческих и рыболовецких колхозов, составлявших большинство колхозов округа.

Важнейшая особенность социально-экономических преобразований жизни коренного населения состояла в том, что коллективизация происходила одновременно с переводом кочевого населения на оседлый образ жизни. Это давало возможность рациональнее использовать рабочую силу, создать многоотраслевое хозяйство в колхозах, быстрее решить проблему перестройки быта и повышения культуры населения.

На Чукотке зажиточная верхушка среди оленеводов (чаучу) была незначительной и неоднородной по составу, а среди морских зверобоев ее почти не было. Процесс коллективизации не сопровождался экспроприацией

⁶ ПАХК, ф. 44, п. 3/13.

цией чаучу как класса. Репрессивные меры применялись лишь к тем нетрудовым эксплуататорским элементам, которые выступали против законов Советского государства.

Наконец, процесс коллективизации на Чукотке осуществлялся более медленными темпами, чем в центральных районах страны. Последние единоличные хозяйства Таниуорерской, Осиновской, Амгуэмской тундр были объединены в колхозы только в 1951—1952 гг. На их базе были созданы и укрупнены колхозы «Заря», «Полярник», им. Первого ревкома Чукотки.

Коллективизация навсегда избавила народности Чукотки от эксплуатации, от голодovieк и вымирания. Она создала условия для осуществления революции в быту и семье. За кратчайший срок (два десятка лет) чукчи, эскимосы, эвены прошли тысячелетний путь развития — от первобытно-общинного строя к социализму. Так, практикой социалистического строительства было подтверждено ленинское предвидение о возможности некапиталистического пути развития малых народностей.

Третий этап начинается с 1952—1953 гг., т. е. с момента завершения коллективизации и образования Магаданской области. Он характеризуется организационно-хозяйственным укреплением колхозов на основе новой материально-технической базы старых исторически сложившихся отраслей хозяйства (оленоводства, морского зверобойного промысла, рыболовства), а также путем создания и развития новых отраслей хозяйства (звероводства, домашнего животноводства, птицеводства и т. д.); укрупнения колхозов с учетом экономической эффективности колхозного производства; образования совхозов на базе мелких и слабых колхозов.

На этом этапе происходит дальнейшее совершенствование общественных отношений, ведется коммунистическое воспитание малых народностей, развиваются их культура и быт; повышается руководящая роль партийных, советских и хозяйственных организаций. Теперь социально-экономическое строительство на Северо-Востоке осуществляется в условиях развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Центральным звеном в этом период становится задача развития производительных сил до такого уровня, который бы позволил ликвидировать хозяйственную отсталость малых народностей Севера. Коллективизация проходила в основном на базе старых средств производства. Оленеводческие колхозы создавались на основе обобществления оленей, морзверобойные — вельботов, байдар и т. д. В наши дни усилия партийных, советских и хозяйственных организаций направлены на внедрение в колхозное производство современных средств труда, достижений науки и техники.

В морзверобойных колхозах этот процесс проявляется в организации промысла морского зверя с помощью шхун, сейнеров, гарпунных пушек, механизации обработки добычи, развитии звероводства на отходах морского зверобойного промысла и рыболовства.

Крупные изменения происходят в оленеводческом производстве. Суть их сводится к внедрению научно-технических средств в процессе организации спокойного выпаса оленей, к рациональному использованию и переработке оленеводческой продукции, к улучшению быта и условий труда пастухов. Самого серьезного внимания и поддержки заслуживает инициатива колхоза им. Ленина Чукотского района по внедрению технических средств в организацию выпаса оленей, ибо последняя открывает практический путь для устранения противоречия между уровнем развития производительных сил и принципами распределения продукции в оленеводческих колхозах.

Коренным образом изменяется техническая оснащенность колхозов, занимающихся выращиванием овощей и картофеля. Первые гектары земли в селе Марково поднимали плугами, в которые запрягали собак, а сейчас, как и в других селах Чукотки и Колымы, колхозы имеют мощную современную технику — тракторы, бульдозеры, кусторезы, почвообрабатываю-

щие орудия. Колхозы приобретают технику в свою собственность. Они завозят тракторы, катера, автомашины, строят электростанции. Это стало под силу лишь современным колхозам, которые представляют собой крупные коллективные хозяйства, имеющие высокие общественные доходы. Только за пять первых лет этого периода денежные доходы колхозов Чукотки возросли на 10 млн. рублей, а неделимые фонды на 1 января 1958 г. составили более 89 млн. рублей.

Осуществление культурной революции среди малых народностей Севера было важнейшим условием, обеспечившим успех дальнейшего развития производительных сил. В настоящее время народности Чукотки идут к сплошной грамотности. Здесь создана сеть школ и культурно-просветительных учреждений, имеются профессиональные учебные заведения — педагогические и медицинские училища, сельскохозяйственный техникум, школы торговых работников и строителей.

Малые народы Севера выдвинули из своих рядов учителей, врачей, поэтов, писателей, художников. Грамота помогла местному населению осознать суть произошедших изменений. Наличие грамотных людей создало основу для овладения новыми научными и техническими средствами и внедрения их в практику колхозов. Создается широкий слой технически грамотных кадров колхозного производства.

Благотворное влияние на развитие малых народностей Северо-Востока оказывает наличие промышленных предприятий, широкое развитие авиационных, водного и автомобильного транспорта, радио-почтовой и телеграфной связи и учреждений метеорологической службы. Государственные предприятия и учреждения находятся по соседству с национальными колхозами, рабочие и служащие активно участвуют в переустройстве экономики, быта и культуры коренного населения. С помощью промышленных предприятий в колхозах области только за 1953—1957 гг. построено 7640 домов для колхозников, а также зверофермы, базы по приему и переработке продукции зверобойного промысла и т. д.

Главным и решающим условием, обеспечивающим перестройку материальной базы северных колхозов и совхозов, является помощь Советского государства, что является выражением братской помощи всех народов нашей страны малым народностям Севера на их большом и сложном пути от первобытного строя к коммунизму.

ЛИТЕРАТУРА *

- Гурвич И. С. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму. — «Вопросы истории КПСС», № 2, 1964.
Гущин И. В., Афанасьев А. Н. Чукотский национальный округ. Магадан, 1956.
Малыгин В. М. На Чукотке. — «Дальний Восток», № 5—6, 1946.
Сергеев М. А. Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936.
Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

M. Kulikov

THE BASIC STAGES OF THE SOCIAL-ECONOMIC TRANSFORMATIONS BY THE PEOPLES OF CHUKOTKA

In the article is making the attempt to show in general outline the basic (great) stages of the socialist transformations by the peoples of Chukotka. There was expressed by the author the considerations about the general regularities and specific features of the transition of Chukchi, Eskimo, Even from the primitive communal system to the socialism with the help of Socialist State.

ПЕРЕХОД К ОСЕДЛОСТИ И УКРУПНЕНИЕ ПОСЕЛКОВ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР

И. С. Гарусов

При изучении процесса социалистического переустройства экономики, культуры и быта малых народов Севера сложились две точки зрения об оседании кочевого населения: 1) что оседание является предпосылкой и основой переустройства хозяйства кочевых народов и 2) что оседание — не предпосылка, а следствие хозяйственных мероприятий. В 30-е годы велась острая полемика между приверженцами этих двух точек зрения. После работ А. Е. Скачко, И. Ф. Скачкова, П. Е. Терлецкого в исторической литературе прочно утвердилось положение, что «переход северных кочевников на оседлость обусловлен возникновением в результате коллективизации и внутриколхозного разделения труда новой производственной основы хозяйства»¹.

В последнее время вновь появились исследования, в которых наметился возврат к старому мнению, опровергнутому самой жизнью, практикой социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта малых народов Севера. Так, Л. М. Седельников утверждает, что быстрый перевод на оседлость кочевого населения был одной из причин высокого процента коллективизации в районах Охотского побережья Магаданской области². В отрыве от коллективизации рассматривается и концентрация коренного населения Севера. И. С. Гурвич (1961 г.) считает, что «падение роли морской охоты и речного рыболовства привело к тому, что береговые чукчи, коряки, эвены из мелких поселений стянулись в крупные электрифицированные и радиофицированные поселки»³.

Мы рассматриваем процессы оседания кочевого и концентрации оседлого населения как результат социалистического переустройства хозяйства на основе коллективизации, этой общей закономерности перехода малых народов Севера к социализму и коммунизму.

Малые народности Северо-Востока прошли сложный путь развития, создали своеобразную экономику, культуру и быт. Формы их расселения и своеобразие быта определились в далеком прошлом в зависимости от хозяйственной деятельности. Приручение дикого оленя и становление оленеводства привели к постоянному кочеванию одной части малых народов Северо-Востока. Другая часть населения нашла не менее обильные средства существования — за счет рек, озер, морей и океана. Эта часть положила начало оседлому образу жизни. «У всех восточных племен,— писал К. Маркс,— можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части и продолжающимся кочевничеством другой части»⁴. Среди малых народов Северо-Востока такое соотношение

¹ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, стр. 455.

² Л. М. Седельников. Источники по изучению социально-экономической истории народов Севера.— «Вопросы архивоведения», № 1, 1965, стр. 81.

³ И. С. Гурвич. Пути дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера.— СЭ, 1961, № 4, стр. 47.

⁴ К. Маркс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 73.

сохранилось вплоть до социалистической реконструкции их хозяйства, культуры и быта.

Согласно переписи 1926/27 г. на территории Северо-Востока (бывший Камчатский округ) проживало 26 601 человек алеутов, ительменов, коряков, эвенов, чукчей, юкагиров, эскимосов, из которых оседлых было 12 174 человека, кочевых — 14 437 человек⁵. На огромной территории тайги и тундры, по долинам рек, на побережье морей было множество мелких и мельчайших поселений, стойбищ, урочищ. Например, в Анадырском, Чукотском, Пенжинском, Карагинском и Ольском районах в границах 1926/27 г. было 495 населенных мест: оседлых — 237, кочевых стойбищ и урочищ — 258.

У различных народностей наблюдалось различное соотношение между оседлой и кочевой частью населения. Например, кочевых эвенов было 92,3%, чукчей — 71,5%, коряков — 54,8%⁶; эскимосы и алеуты были оседлыми. В среднем на территории Северо-Востока кочевало 55% состава малых народов.

Следует отметить относительный характер оседлости значительной части берегового населения. При существовавшем уровне техники в индивидуальном хозяйстве с его низкой товарностью рыболовство и морской промысел не давали постоянной круглогодичной основы для существования. В результате хищнического истребления морского зверя и рыбы иностранными предпринимателями возникали систематические голодовки берегового населения.

Всякий раз, когда промысловый сезон оказывался неудачным, население относительно крупных поселков рассредоточивалось мелкими группами по огромной территории морского побережья или уходило к кочевникам-оленеводам в поисках средств существования. Небольшая часть населения и в прошлом концентрировалась в более крупных населенных пунктах, расположенных на больших мысах морского побережья, в устьях рек, где имелся постоянный источник существования — морской зверь и рыба. К таким поселкам можно отнести Дежнев, Наукан, Уэлен, Эмелен, Лоринно, Марково, Анадырь.

Мелкие поселки и поселения одиночными семьями спорадически возникали в одних местах и ликвидировались в других. Эта часть населения считалась оседлой потому, что не имела оленей и не была связана с непрерывным кочеванием. Но оседлость таких хозяйств морских зверьбоев и охотников была неустойчивой. Они часто меняли местожительство в поисках благоприятного места промысла. Лишь незначительная часть поселков эскимосов и чукчей, ительменов, алеутов имела в местах довольно прочного оседания постоянные жилища из плавника, костей морского зверя, дерна, торфа, камня. Основная же масса жилищ этих «оседлых» жителей состояла из яранг переносного типа, приспособленных к частой перемене места. Некоторые аборигены, считавшиеся оседлыми, летом жили в домах по долинам рек Камчатки, Чукотки и на морском побережье, а зимой уходили в тундру, в тайгу, кочевали, занимаясь охотой и оленеводством. Среди малых народов Севера-Востока имелась и другая группа — временно оседлого населения. Хозяйства таких кочевников-оленеводов, хотя и сохраняли самостоятельность, но не могли существовать за счет своего небольшого стада оленей и отдавали его на выпас более мощному оленеводческому хозяйству. Сами же поселялись на побережье и жили там, пока оленьи стада не вырастали до необходимых для существования размеров. Затем эти хозяйства вновь переходили в разряд кочевых.

⁵ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края, 1929», стр. 200.

⁶ П. Е. Терлецкий. Население Крайнего Севера. — «Советский Север», 1929, № 1, стр. 19.

Таким образом, расселение и формы быта малых народов Северо-Востока до социалистического переустройства их экономики, культуры и быта складывались стихийно.

С началом социалистической реконструкции оседание и концентрация малых народов Севера стали предметом целенаправленной деятельности Коммунистической партии и Советского правительства, местных партийных и советских органов.

В первые годы социалистического строительства малых народностей Крайнего Севера предпосылкой всех экономических и культурных изменений, в том числе и коллективизации сельского и промыслового хозяйства, зачастую считалось оседание. Один из руководителей Государственного земельного треста в своем выступлении заявил: «В круг задач Севустройства должна быть введена проблема оседания как мощного фактора в поднятии хозяйственного и культурного уровня бедняцко-батрацкой части населения и стимула коллективизации»⁷. Такое мнение было неправильным и практически вредным. Например, в Чукотском районе местные советские и партийные органы давали установку работникам земельной экспедиции 30-х годов лишить пастбищ кочевников-оленевонов и таким образом принудить их к оседанию и коллективизации. Эта установка могла привести к подрыву основы северного хозяйства — оленеводства и восстановить основную массу кочевников против мероприятий Советской власти. В ряде мест Севера, в том числе и на Северо-Востоке, всех, кого нельзя было перевести на оседлость в силу специфики их хозяйства, объявляли противниками и врагами колхозного строя. Эти ошибки дискредитировали идею коллективизации, давали почву для антисоветской и антиколхозной агитации крупным оленеводам и шаманам, что затрудняло общий процесс социалистического переустройства экономики и культуры малых народов Севера.

Центральный Комитет партии резко осудил нарушения принципа добровольности, администрирование, допущенные при осуществлении социалистической реконструкции хозяйства и быта малых народов Севера, как явно противоречащие политике партии в колхозном строительстве.

В действительности оседание и концентрация малых народов Севера — не предпосылка, а следствие целого комплекса мероприятий Советской власти — экономических, политических, культурно-бытовых. Ключ к осуществлению всех мероприятий Советской власти на Севере был в решении экономических задач, в подъеме хозяйства и жизненного уровня трудящихся масс малых народов.

Одним из главных социально-экономических мероприятий среди малых народов была коллективизация. Основой оседлости и концентрации малых народов Севера стал колхоз. Такова была установка партии, правительства. Она неоднократно была подтверждена рядом решений пленумов Комитета Севера при Президиуме ВЦИК.

Партия всегда требовала учета местных особенностей разных районов страны, учета интересов масс трудящихся при проведении коллективизации. В период реконструкции хозяйства народов Севера никогда не ставился вопрос о прекращении кочевания вообще. В постановлении ВЦИК «О работе Витимо-Олекминского окружного исполнительного комитета» от 20 июля 1932 г. говорилось: «Обеспечить выполнение директивы партии и правительства об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, правильное разрешение задачи перехода кочевников в связи с коллективизацией на оседлость и рациональную организацию производственного кочевания с постепенным вытеснением бытовых его форм»⁸.

⁷ А. Е. Скачко. Решения 17-й партконференции в их применении к Северу. — «Советский Север», 1932, № 1, 2, стр. 10.

⁸ Кантор Е., Суслов И. (сост.). Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934, стр. 59.

Коллективизация создавала возможность социалистического разделения труда, открывала широкую дорогу развитию новым отраслям хозяйства и на этой основе приобщала все трудоспособное население к общественно полезному труду. Коллективизация не прекратила производственного кочевания, а только вытеснила бытовое кочевание, создала основу для изменения быта малых народов Севера.

Первые мероприятия Советской власти: развитие госторговли и кооперации, строительство школ, больниц и культурно-просветительных учреждений, промышленное и транспортное освоение Крайнего Северо-Востока — все это привело к концентрации некоторой части полуседлого населения в крупных населенных пунктах, вокруг промышленных очагов, предприятий Главного управления Северного морского пути и административных центров.

Особую роль в процессе концентрации малых народов сыграла кооперация, поскольку она была здесь не только торгово-заготовительной организацией. Кооперация снабжала население охотничьим и промысловым инвентарем, кредитами, создавала бригады и артели, содействовала развитию новых отраслей производства. Кооперация подготовила коллективизацию сначала оседлого, а затем и кочевого населения.

По мере создания и укрепления коллективных форм хозяйства концентрация населения принимала все больший размах и массовый характер. Центры колхозов стали притягательной силой для населения мелких поселков и некоторой части кочевников. Например, к 1938 г. оседлое население Чукотки было коллективизировано на 63,7%. За период с 1926 г. 68% оседлых хозяйств Чукотского района переселились в более крупные колхозные поселки. Образовались новые крупные колхозные поселки Тунгытен, Тойгуен, численно выросли Котрыткино, Уэлен, Ванкарем, Лорино. И, наоборот, многие селения, упоминающиеся в переписи 1926/27 г., перестали существовать⁹.

В Марковском районе к 1938 г. увеличилось население сел Еропол и Марково, возникли новые колхозные поселки Ваеги и Ламутское. Одновременно ликвидировались мелкие селения: Оселкино, Солдатово, Вакарينو, Утесики, Чикаево и др.

Концентрация населения шла непрерывно, вплоть до окончательной победы колхозного строя среди малых народов Северо-Востока. Еще в послевоенный период (в 1948 г.) некоторые колхозы объединяли два-три населенных пункта, отстоявшие на 10, 15, 20 км друг от друга. Решающую роль в концентрации оседлого и кочевого населения сыграли мероприятия партии и правительства по укрупнению колхозов, в результате чего большое число мелких и мельчайших колхозных поселков было ликвидировано, за счет этого выросли и благоустроились центры новых укрупненных колхозов.

Вместе с коллективизацией кочевого населения Северо-Востока начался и процесс его оседания. Вот что писал об этом член Комитета Севера И. Ф. Скачков: «Процесс оседания, который я наблюдал в Пенжинском районе Корякского округа, а также в Олюторском и Северо-Эвенском районах, как правило, проходит на базе колхозного строительства. Я не встречал случая, когда оседание происходило помимо колхозного строительства. Большинство товариществ и артелей оседают на базе рыболовства, а береговые северные артели Пенжинского района — на базе рыболовства и морского зверобойного промысла»¹⁰.

В 1934 г. X пленум Комитета Севера отмечал, что на основе национального районирования расширилась и окрепла сеть Советов среди малых народов Севера, собравших вокруг себя батрачко-бедняцкий актив. Это в

⁹ ГАМО, ф. Р-94, оп. 1, д. 21, л. 125.

¹⁰ И. Ф. Скачков. Колхоз — основа оседлости. — «Советская Арктика», 1936, № 11, стр. 93.

значительной степени облегчило и ускорило процесс коллективизации среди кочевников и их переход на оседлый образ жизни.

Первое Всесоюзное совещание интегральной кооперации, состоявшееся в 1934 г., в своем решении записало: «Всемерно содействовать освобождению от кочевания со стороны членов колхозов и товариществ, труд которых является излишним при обслуживании стад, путем переключения на оседание других видов тундрового хозяйства (охота, рыболовство), содействовать внедрению новых видов хозяйства..., а также содействовать производственному и бытовому строительству на местах оседания кочевников»¹¹.

Оленеводческие колхозы на Северо-Востоке в основном стали возникать в 1932—1937 гг. Их организационно-хозяйственное укрепление шло по пути развития других отраслей хозяйства. Многоотраслевое хозяйство колхозов потребовало проведения землеустройства, выделения пастбищ и водоемов каждому колхозу. Земельная экспедиция Наркомзема РСФСР в 1934—1938 гг. провела первоначальный учет и распределение пастбищ, водоемов, охотничьих угодий для каждого кочевого и оседлого колхоза. Экспедиция определила и места оседания для кочевых колхозов. Таким образом, оседание кочевников происходило уже на базе коллективизации: кочевники вступали в колхоз и оседали в определенных местах — на центральных усадьбах колхозов.

С 1939 г. начинается планомерная работа по переводу кочевых колхозов на оседлость. В Чукотском национальном округе в 1939 г. впервые был составлен план оседания 10 колхозов и определена стоимость строительства колхозных поселков в 2 286 656 рублей¹².

С учетом стремления самих колхозников было решено перевести на оседлость колхозы «Передовик» и «Новая жизнь» Анадырского района, Корякский, Чуванский и Ваежский колхозы Марковского района, «Турваургин» — Восточной Тундры¹³. Пятилетним планом оседания и концентрации населения Чукотского района было предусмотрено слияние разбросанных бригад колхозов в одном месте, определены места оседания колхозов: Яндракинот, Пинакуль, Аляево, Лорино, Кукун, Чегитун, Нэтен, Кенушкен, Нешкан, Тойгунен, Нутепельмен, Ванкарем, Кивак и др. Оленеводческие колхозы «Четпокаиргин», «Инымней», «Советский оленевод», «Новый путь», им. Ленина должны были перейти на оседлость до 1942 г. Для них намечалось построить 500 домов с учетом дальнейшего роста колхозов.

При Корякском окрисполкоме, в районах окружного подчинения и Быстринском райисполкоме были созданы специальные комиссии по оседанию кочевых колхозов. Комиссии разработали план на 1940—1941 гг., согласно которому предусматривалось перевести на оседлость 13 колхозов. Хабаровский крайисполком утвердил план оседания и выделил Корякскому национальному округу для строительства колхозных поселков 4 520 000 рублей¹⁴. На кредиты государства в 1940 г. в Корякском округе было построено 45 домов для членов артелей «Полярная звезда», «Новая жизнь», «Вперед». В округе работали 12 строительных бригад колхозов, количество строителей в которых составляло 71 человек¹⁵.

Внимание всех хозяйственных и общественных организаций было приковано к строительным работам. Вышедшая 10 июля 1940 г. газета «Корякский большевик» в передовой статье осветила ход строительства для оседания колхозов округа. Колхозы Корякского округа в основном

¹¹ Кантор Е. Д. Проблема оседания малых народов Севера. — «Советский Север», 1934, № 5, стр. 7.

¹² ПАМО, ф. 22, оп. 7, д. 1, л. 43.

¹³ Там же, л. 44.

¹⁴ ПАКО, ф. 4, оп. 1, д. 97, л. 89.

¹⁵ Там же, лл. 24, 28.

были уже подготовлены к переходу на оседлость. Их доходы складывались не только от оленеводства, но и от земледелия, животноводства, как базы для занятости оседающего населения¹⁶.

Гораздо активнее по сравнению с Чукотским и Корякским округами шло оседание в районах Колымы, что было обусловлено, во-первых, более быстрыми темпами коллективизации и, во-вторых, наличием на Колыме промышленных и строительных предприятий. Ускоренным темпам оседания здесь способствовала близость строительного леса, а также возможность более быстрого создания экономической основы для оседания в виде развития дополнительных отраслей, особенно огородничества и животноводства, в этих районах.

В 1931—1932 гг. мелкие артели и товарищества уже сливались в более крупные, многоотраслевые хозяйства, концентрируя население. Например, в Ямскую артель в 1931 г. волилась Тахтоямская, Сопочная слилась с Гадлинской¹⁷. Сами колхозы в это время уже определяли себе места оседания: Маяканский колхоз — в Бараборке, куда планировалось в 1933 г. свести всех колхозников, оставив в тундре только оленеводческую бригаду; Сигланский колхоз — в Оротуке, близ Олы, где были лес, рыбные водоемы, пастбища и огороды¹⁸.

Непосредственный свидетель этих событий А. А. Кочеров в своих воспоминаниях пишет, что в 1932 г. были уже определены места оседания кочевников: гижигинской группы — Камешки, наяханской и гармандинской — Гарманда, таватумской — Таватум, вилигинской — Меренга¹⁹. К 1937 г. в местах оседания на средства колхозов и государственные кредиты в Северо-Эвенском районе было построено 39 домов для колхозников²⁰.

Однако процесс оседания шел медленно. Недостаток средств в колхозах, отсутствие кадров строителей еще сказывались на ходе оседания колхозов.

С 1939 г. в связи с успехами коллективизации в районах Колымы начался новый этап работы по оседанию колхозов. К этому времени колхозы Среднеканского, Северо-Эвенского и Ольского районов стали получать большие доходы не только от рыболовства, но и от огородничества, луговодства и животноводства.

По поручению партии и правительства экономическим и культурным строительством среди малых народов Колымы и Охотского побережья занимался Дальстрой. При Дальстрое был создан административно-гражданский отдел, который ведал работой непосредственно среди малых народов. Заместителем начальника АГО был назначен представитель коренного населения А. А. Кочеров.

Удовлетворяя потребности кочевых колхозов Ольского, Среднеканского и Северо-Эвенского районов в связи с переходом их на оседлость, Дальстрой в 1941 г. выделил 3 394 000 рублей на строительство жилых домов, производственных и культурно-бытовых объектов. Предприятия и организации промышленности направили 300 рабочих строительных специальностей для строительства колхозных центров²¹. А. А. Кочеров разработал памятку о строительстве национальных центров в районах Колымы и на Охотском побережье, в которой определялись пункты строительства новых поселков согласно просьбам населения.

По плану в 1941 г. было предусмотрено построить только в Тальском, Оротукском, Эчанском, Вилигинском и Кунтукском сельсоветах 60 домов. Предусматривалась дальнейшая концентрация населения вокруг колхоз-

¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 2, д. 995, л. 67.

¹⁷ ГАМО, ф. Р.-17, оп. 1, д. 246, л. 34.

¹⁸ Там же, д. 286, лл. 68, 84.

¹⁹ А. А. Кочеров. Колхозное строительство в 30—50-х годах. — «Краеведческие записки», вып. III, Магадан, 1960, стр. 49.

²⁰ Там же, стр. 53.

²¹ ГАМО, ф. Р.-43, оп. 1, д. 23, л. 161.

ных центров. С этой целью планировалось дополнительно построить в указанных выше сельсоветах 41 жилой дом для переселения в центры колхозов ямской и утарской кочевых групп²².

Строительством в колхозах руководили райкомы и райисполкомы, подчиненные в те годы Политуправлению Дальстроя и крайисполкому Хабаровского края. Председатель Ольского райисполкома Н. П. Кусанин докладывал на совещании АГО Дальстроя в марте 1941 г. о ходе строительства в колхозах. Из 75 домов, планируемых на 1941 г., было построено 24; на строительстве колхозных центров в Тахтоямске, Тауйске, Армани, Бараборке работало 149 плотников и столяров от промышленных предприятий Дальстроя²³.

В связи с переходом эвенов Эчанского сельсовета к оседлости Среднеканский райисполком просил АГО Дальстроя предоставить эчанскому колхозу «Красный Бухчан» долгосрочную ссуду на 10 лет для закупки лошадей, коров и сельхозинвентаря в сумме 75 тыс. рублей²⁴.

Хабаровский крайисполком для ускорения оседания коренного населения, строительства в национальных районах жилья и производственных объектов выделил колхозам колымских районов 11 340 000 рублей. Оседание предполагалось завершить в 1944 г.²⁵

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии значительно замедлила строительство новых колхозных поселков и переход кочевых колхозов на оседлость. Однако процесс коллективизации, оседание кочевых колхозов продолжались и в период войны. Колхозы Северо-Востока, несмотря на трудности военного времени, получали от государства кредиты на строительство производственных, жилых и культурно-бытовых объектов. В 1944 г. Корякскому национальному округу было отпущено 605 000 рублей государственных средств для оседания колхозов²⁶.

Накануне войны коллективизация была полностью завершена лишь в Среднеканском, Ольском и Северо-Эвенском районах. За время войны колхозы этих районов приняли уставы сельхозартелей и перешли на оседлый образ жизни²⁷, сохранив лишь производственное кочевание пастушеских бригад.

После войны партия и правительство выделили большие средства на развитие экономики и культуры национальных округов Севера. Например, в Чукотском национальном округе в 1947 г. было предусмотрено строительство производственных объектов и жилья на общую сумму 17 862 000 рублей²⁸. На 1 января 1948 г. на Чукотке было построено производственных объектов на 640 000 рублей, жилых домов для колхозников — на 877 000 рублей²⁹.

Коллективизация в Чукотском национальном округе в основном завершилась в 1949 г. К этому времени в округе было 1514 оседлых хозяйств колхозников. Однако 1001 хозяйство колхозников и единоличников еще вели кочевой образ жизни³⁰. Строительство колхозных домов явно отставало от потребностей в них для перехода колхозников на оседлость. Колхозники самостоятельно, без всякой техники и технической помощи начали строить себе постоянные жилища на центральных участках. Некоторые колхозы Анадырского района построили удобные землянки из плавника, обложили их дерном и торфом³¹.

²² ГАМО, ф. Р.-43, оп. 1, д. 7, л. 68.

²³ Там же, д. 43, л. 94.

²⁴ Там же, д. 25, л. 42.

²⁵ Там же, ф. Р.-38, оп. 1, д. 13, лл. 171, 208.

²⁶ ГАКО, ф. Р.-222, оп. 1, д. 13, л. 43.

²⁷ ГАМО, ф. Р.-43, оп. 1, д. 17, л. 1.

²⁸ Там же, ф. Р.-97, оп. 1, д. 22, л. 1.

²⁹ ПАМО, ф. 22, оп. 7, д. 2, л. 64.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, оп. 8, д. 8, л. 89.

В 1950 г. при райисполкомах были образованы специальные отделы по сельскому и колхозному строительству³². С этого времени начался систематический подвоз строевого леса, строительного бруса, других стройматериалов и готовых сборно-разборных домов для колхозников. В 1950 г. государство отпустило ссуд на перевозку домов на Чукотку и по колхозам в сумме 277 500 рублей.

Среди колхозников широко велась разъяснительная работа о необходимости ускорения строительства в колхозах. Как всегда, комсомольцы и беспартийная молодежь откликнулись на призыв партийных организаций. Комсомольцы и молодежь колхоза им. Стаханова (мыс Шелагский) Чаунского района в мае 1950 г. обратились к молодежи района с призывом взять шефство над колхозным строительством³³. Их почин был одобрен бюро окружкома КПСС и получил распространение.

Чукотская молодежь оказалась зачинателем хорошего движения за культурный быт в округе. С мая по декабрь 1951 г. силами комсомольцев и молодежи построено 15 жилых домов, 7 школ, 9 бань, 1 ледник, 7 собачников, капитально отремонтировано 16 жилых домов³⁴.

В колхозах округа было создано 17 комсомольско-молодежных строительных бригад с количеством строителей в них 184 человека, 22 комсомольца было направлено для обучения строительным специальностям в поселок Провидения и бухту Угольную³⁵. Позже на базе Провиденстроя было создано строительное училище, которое обучает и сегодня строительному делу молодежь Чукотки и Камчатки.

Девушки заменяли мужчин в колхозном производстве. Комсомолки Тайпина и Катываль из поселка Нунлингран за летний период 1951 г. овладели специальными мотористов вельботов, стрелков-охотников, выстроив трех мужчин для учебы на курсах строителей. Комсомолки Тынархтына и Аренаут из Мечигмена, бывшие чумработницы, стали пастухами и заменили двух мужчин, которые занялись строительством домов³⁶.

Вопросы оседания и строительства жилых домов обсуждались в бригадах оленеводов, на комсомольских, общих и партийных собраниях, в сельских Советах, в правлениях колхозов³⁷.

Особое значение в деле завершения перехода колхозников Чукотки на оседлый образ жизни имело образование Магаданской области. С этого времени строительство во всех без исключения колхозах приняло систематический и плановый характер. Государство в 1955 г. выделило дополнительно на индивидуальное жилищное строительство колхозников Чукотки 8 060 000 рублей³⁸.

Промышленные предприятия оказали колхозам шефскую помощь в жилищном строительстве, направив туда кадры строителей, стройматериалы.

К десятилетию Магаданской области для колхозов построено около 4 000 жилых домов, что позволило в основном перевести кочевников на оседлый образ жизни, улучшить их жилищные и культурно-бытовые условия.

Если в 1935 г. добротными деревянными домами были обеспечены только 1% колхозников Чукотки, то в 1963 г. — 93%. Государство затратило на обеспечение жильем колхозников Чукотки 12 млн. рублей, из них 9 млн. рублей составляют безвозвратные ссуды. Строительство колхозных домов продолжается и в настоящее время. Председатель Чукотского окрисполкома А. Д. Нутэтэргынэ в докладе на V сессии областного Совета в марте

³² Там же, ф. 12, оп. 1, д. 29, л. 54.

³³ Там же, ф. 22, оп. 1, д. 10, л. 125.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 126.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, д. 163, л. 84.

³⁸ Там же, ф. 39, оп. 3, д. 7, л. 60.

1964 г. отмечала, что на Чукотке необходимо построить 227 домов в 20 колхозах, и тогда оленеводы будут обеспечены жильем на центральных усадьбах.

В округе и в районах области созданы колхозные и совхозные поселки, построены школы, интернаты, клубы, библиотеки, электростанции, развита сеть лечебных учреждений.

Социалистическая реконструкция хозяйства и культуры малых народов Севера вызвала повсеместное массовое стремление оседлого населения к концентрации в крупных электрифицированных и радиофицированных поселках и стремление кочевников-оленьеводов к переходу на оседлый образ жизни. В условиях социалистического строительства процесс оседания и концентрации малых народов Севера был планомерно организованным и глубоко продуманным мероприятием Коммунистической партии, Советского правительства, местных партийных и советских органов. Процесс оседания и концентрации явился частью общей закономерности перехода малых народов к социализму и коммунизму — коллективизации их сельского и промыслового хозяйства.

Оседание и концентрация малых народов Советского Севера в корне отличны от такого же процесса на зарубежном Севере, где он проходил за счет хищнического разрушения традиционных отраслей хозяйства и привел к трагедии коренного населения.

ЛИТЕРАТУРА *

- Агранат Г. А. Положение коренного населения Крайнего Севера Америки.— СЭ, № 4, 1961.
- Гурвич И. С. Пути дальнейшего переустройства экономики и культуры народов Севера.— Там же.
- Гурвич И. С., Кузакон К. Г. Корякский национальный округ. М., 1960.
- «За линию партии в колхозном строительстве на Крайнем Севере» (редакционная статья).— «Советский Север», № 4, 1933.
- «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края», Благовещенск, 1929.
- Скачко А. Е. Национальный вопрос и реконструкция хозяйства народов Севера.— «Советский Север», № 3, 1932.
- Скачко А. Е. О социальной структуре народов Севера.— «Советский Север», № 3, 1933.
- Сб. «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера». (ТИЭ, новая серия, т. 56, 1960).
- Таксами Ч. М. Селения, жилье и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина.— ТИЭ, новая серия, т. 64, 1961.
- Терлецкий П. Е. Оседание по Большакову.— «Советская Арктика», № 9, 1936.
- Терлецкий П. Е. Состав населения Крайнего Севера.— Там же.

I. S. Garusov

THE TRANSITION TO SETTLED WAY OF LIFE AND ENLARGEMENT OF THE SETTLEMENTS BY THE SMALL PEOPLES OF THE NORTH OR THE FAR EAST OF THE USSR

Under the victory of the Great October revolution the spontaneous in the past process of the settling of the small nationalities of the North became as a subject of the purposeful activities of the Communist Party and Soviet Government.

The socialist reconstruction — the industrial exploitation of the North collectivization of agriculture, cultural evolution — are brought to the settlement and concentration of the small nationalities of the North in the great workers towns, that were electrified and installed radio.

The historical process of the settled way of life and enlargement is a part of the general regularity of the transition of the small peoples of the Krainy North from socialism to communism.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

МЕРОПРИЯТИЯ ПАРТИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР

В. Г. Балицкий

Ни одно государство, независимо от его общественного устройства, не могло и не может обойтись без своей интеллигенции. Социалистическое государство не только не составляет исключения, а наоборот, как указывал В. И. Ленин, ему требуются «в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода»¹.

Однако огромная потребность в интеллигенции не может быть удовлетворена в первые месяцы и даже годы после завоевания пролетариатом политической власти, поскольку социалистическая интеллигенция, в отличие от буржуазной, не может сформироваться в недрах предшествующего социализму капиталистического строя. Она формируется после завоевания пролетариатом политической власти из представителей ранее эксплуатирувавшихся трудящихся масс, а также посредством перевоспитания части старых буржуазных специалистов. Формирование социалистической интеллигенции партия рассматривает как одну из самых важных задач культурной революции, постоянно подчеркивая, что без наличия квалифицированных специалистов различных отраслей знаний переход к социализму невозможен. В. И. Ленин в программной работе «Очередные задачи Советской власти» указывал, что после завоевания политической власти самым сложным и самым важным является управление страной. А это возможно только при наличии достаточного количества подготовленных кадров. И В. И. Ленин отмечал, что только после того, как мы научимся управлять, «можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой»².

Решение этой задачи было затруднено тем, что народы, населяющие нашу страну, находились на крайне различных уровнях экономического, социального и культурного развития. Церусские народы, которые составляли 57% населения России и заселяли в основном ее окраины, были почти совершенно лишены доступа к образованию. В особенно тяжелом положении находились народности северо-восточных окраин, находившиеся на докапиталистическом этапе и не имевшие не только своей интеллигенции, хотя бы из числа богатой части населения, но и грамотных вообще.

Дело просвещения народов Севера до революции целиком было отдано на откуп церкви. Накануне Октябрьской революции в школах Камчатской области обучалось всего лишь 38 детей местных народностей и то из богатых семей³. Оправдывая отсутствие национальных школ для местных народностей Камчатской области, губернатор Мономахов цинично докладывал царю: «Сей народ не способен к грамоте».

Партия еще в своей первой программе, принятой II съездом РСДРП, требовала введения всеобщего бесплатного и обязательного обучения на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 312.

² Там же, т. 36, стр. 173.

³ ПАМО, ф. 22, оп. 7, д. 174, л. 3.

родном языке⁴. Но пока у власти находились помещики-крепостники и буржуазия, за порогом школы оставалось большинство трудящихся масс России. Коренное население Северо-Востока, как точно охарактеризовал его Тан-Богораз, «забитое до потери человеческого образа и вечно умирающее от страха то перед начальством, то перед заразой, то даже перед проезжим казаком, везущим почту»⁵, к моменту установления советской власти было сплошь неграмотным. Так, в 1923 г. было только шесть грамотных чукчей⁶, а в целом грамотность коренного населения Чукотки и Камчатки не превышала 1%⁷, в том числе кочевого — от 0,04 до 0,4%⁸.

Вследствие невероятной экономической и культурной отсталости народов Северо-Востока, партия не могла сразу, непосредственно после установления Советской власти, решать вопрос о национальных кадрах, способных деятельно и со знанием дела управлять краем и развивать на новой социалистической основе его экономику и культуру.

Коммунистическая партия исходила в вопросе формирования национальных кадров ранее отсталых народов окраин России из ленинского указания, что «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»⁹. Вовлечь в активное социалистическое строительство самые широкие и самые отсталые слои населения партия считала возможным только через осуществление всеобщей грамотности, ибо только это, как указывал В. И. Ленин, откроет ранее угнетенному народу «доступ к тому, чтобы он сам управлял теми неслыханными богатствами, которые капиталисты составили и сложили, чтобы направить их не на угнетение трудящихся, а на развитие благосостояния и рост культуры всех трудящихся»¹⁰, а также на то, чтобы «поднять наименее низы к историческому творчеству»¹¹.

К практическому осуществлению этой задачи как предварительного и необходимого условия на пути создания национальных кадров Коммунистическая партия и Советское государство приступило сразу же после победы Великой Октябрьской революции. Народный комиссариат просвещения 31 октября 1918 г. принял постановление о школах национальных меньшинств. Тогда же при областных, губернских, уездных отделах народного образования там, где имелись национальные меньшинства, были организованы подотделы просвещения национальных меньшинств, ведавшие местными культурно-просветительными учреждениями и учебно-воспитательными заведениями.

Однако на Крайнем Северо-Востоке затянувшаяся интервенция и гражданская война, продолжавшаяся до 1923 г., задержали осуществление мероприятий партии по развитию национальных школ и ликвидации неграмотности вплоть до 1925 г. В этот период прекратили свое существование и те несколько школ, которые функционировали до 1917 г., а созданные заново четыре школы для народностей Камчатки не работали из-за отсутствия учителей¹².

Кроме того, огромным препятствием на пути развития школы на Севере являлось не только отсутствие учительских кадров, но и отсутствие письменности у народов Севера.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 40.

⁵ «Спутник агитатора», журн. ЦК ВКП(б), № 18, 1940, стр. 14.

⁶ ПАМО, ф. 22, оп. 7, л. 174, л. 3.

⁷ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 653, л. 8.

⁸ Там же, д. 378, л. 27.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

¹⁰ Там же, т. 35, стр. 300—301.

¹¹ «Ленинский сборник», XI, стр. 10.

¹² «Народное просвещение на Дальнем Востоке к 1925/1926 учебному году», Владивосток, 1926, стр. 70.

«Мы знаем как уродливо, непедagogично учить детей на русском языке, — говорил нарком просвещения А. В. Луначарский на IV пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, — но здесь ничего другого сделать нельзя, ибо учителей, которые говорят на местном языке, почти совершенно нет; интеллигенцией эти мелкие народности не обладают...

При условии такой невероятной скудности подлинной интеллигенции, которую испытывают эти отсталые народности, наблюдается тот кризис, который там испытывают в этом отношении отсталые народности, и та громадная потребность создать интеллигенцию возрастает до таких огромных размеров, что приобретает катастрофический характер»¹³.

Партия, сознавая всю важность народного образования и приобщения малых народов к культуре, не могла пойти на механическое перенесение на Север форм и методов работы и организации школ, характерных для центра России. ЦК партии поставил задачу конкретного руководства народным просвещением народов Севера, исходя из их национально-бытовых и языковых особенностей. С этой целью коллегия Наркомпроса вынесла специальное постановление об организации при Совете национальных меньшинств бюро просвещения северных народностей — координирующего центра по культурно-просветительной работе среди малых народов.

В соответствии с этим решением на Дальнем Востоке были учреждены при отделах народного образования Советы национальных меньшинств, задачей которых было приспособить как к бытовым, так и к языковым особенностям народностей Севера мероприятия Наркомпроса по народному образованию и руководить национальными органами просвещения, а также осуществлять редакционно-издательскую работу¹⁴. Дальревком, учреждая Совет национальных меньшинств и временное положение о его работе по просвещению, указывал: «Совершенно очевидно, что поскольку речь идет о действительном раскрепощении национальных меньшинств и настоящем их просвещении на родном языке и о должном развитии их культуры, дело просвещения нацмен следует признать одной из важнейших и труднейших задач органов просвещения»¹⁵.

Деятельность Советов национальных меньшинств была постоянно в поле зрения ЦК нашей партии. В январе 1923 г. по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии был созван в Москве Первый Всероссийский съезд губернских Советов национальных меньшинств, который высказался за необходимость практического обобщения опыта работы школ среди малых народов с целью выработки рекомендаций о характере школьно-просветительных учреждений и методике их работы. Этот съезд явился одной из многих мер партии накануне ее XII съезда, на котором национальный вопрос был всесторонне обсужден и получил дальнейшее развитие.

XII съезд РКП(б) в своей резолюции «По национальному вопросу» указал, что Октябрьская революция, закрепив правовое национальное равенство, еще не добилась этого равенства в хозяйственном и культурном отношении, ибо «ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне. Преодолеть это неравенство... можно лишь путем действительной и длительной

¹³ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 192, л. 97.

¹⁴ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 382, л. 10.

¹⁵ Там же, л. 1.

помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»¹⁶.

Сразу же после XII съезда Центральным Комитетом был составлен план конкретных мероприятий по претворению в жизнь решений съезда по национальному вопросу. В них наряду со многими другими мерами признавалось необходимым:

«7. Организовать специальные курсы — школы для подготовки национальных кадров из числа туземцев...

49. Создать во Владивостоке 1 школу политграмоты для наименьшинств...

64. Организовать соответствующие институты для подготовки и переподготовки учителей на языках национальных меньшинств...

69. Увеличить число мест в вузах и рабфаках страны для малых народов»¹⁷.

В плане мероприятий ЦК РКП(б) поддерживался вывод Первого Всероссийского съезда губернских Советов национальных меньшинств о необходимости более гибких форм и методов культурно-просветительной работы среди малых народов, исходя из их бытовых условий и уровня развития. Эти рекомендации Центрального Комитета были положены Далькрайкомом партии в основу своей деятельности по приобщению малых народов к социалистической культуре и воспитанию из их среды национальных кадров.

Для всестороннего изучения методов и форм школьно-просветительной работы среди малых народов Дальнего Востока по решению Далькрайкома и Далькрайисполкома в 1924 г. была создана при ДальОНО специальная комиссия, которая, учитывая основные особенности экономики и быта аборигенов, их многоплеменность и разбросанность, кочевой образ жизни, отсутствие письменности и культурных работников среди них, признала, что обычный метод школьно-просветительной работы и школа обычного типа не подходят для малых народов Севера. «Наиболее подходящим и жизненным типом просветительного учреждения, могущим поднять не только культурный уровень туземцев, но и повысить экономическое положение их, комиссия считает тип училищно-медико-кооперативный, при котором должны быть: общежитие для детей, заезжий дом для родителей, фельдшерский пункт, склады для огнеприпасов и мехов, лавка с предметами инородческого обихода и небольшие кузнечные, столярные и бондарные мастерские»¹⁸.

Училищно-медико-кооперативные учреждения должны были стать не только культурными центрами, но и учреждениями, объединяющими и согласовывающими деятельность различных организаций и ведомств, ведущих работу среди местного населения разрозненно и располагающих незначительным количеством квалифицированных кадров. Эти учреждения должны были вести не только обучение детей, но и всестороннюю работу со взрослым населением — их родственниками. Родители, навещающие детей, могли здесь сдавать пушнину, покупать необходимое, лечиться, слушать радио, лекции и т. д.

Учитывая низкий уровень развития, незнание детьми (да и взрослыми) русского языка, а большинством учителей — местных языков, отсутствие письменности и учебных пособий на родном языке, комиссия ДальОНО пришла к выводу о необходимости увеличения срока обучения в начальной школе с четырех до пяти лет. При этом в первый год занятия предполагалось вести так же, как в детском саду, — в виде игр, большей частью на

¹⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. стр. 713—714.

¹⁷ ПАХК, ф. 44, оп. 1, д. 351, лл. 11—15.

¹⁸ «Народное просвещение на Дальнем Востоке к 1925/26 учебному году», стр. 66.

открытом воздухе. За этот год дети должны были свыкнуться с новой для них обстановкой и овладеть необходимым минимумом знаний разговорного русского языка.

Предложения эти были рассмотрены Далькрайкомом ВКП(б) и переданы в СНК СССР. В начале 1925/26 учебного года Советом национальных меньшинств было отпущено 46 тыс. рублей на организацию двух таких школ на Дальнем Востоке¹⁹.

Особое значение партия придавала и программам школ для малых народностей Севера. Нужно было разработать такие программы, которые бы максимально приблизили систему образования к быту и нравам этих народов, не внося в них на первых порах резких изменений, и которые основывались бы «на элементах всех жизненных потребностей северного человека, были практикой культурного домоводства и давали навыки... технического опыта»²⁰, делали бы понятной политику партии по отношению к остальным народам, пробудили бы их интерес к образованию. В основу для составления таких программ легли вытекающие из опыта работы среди малых народов и указаний партии следующие принципы:

«а) туземная школа должна давать только такого рода образование, которое не оторвет туземца от его хозяйственной обстановки, не отучит от обычной его трудовой промысловой деятельности, а в значительной степени облегчит ему тяжелую ежедневную борьбу с суровыми условиями северной природы; б) система обучения и воспитания в туземной школе должна быть строго согласована с местными обычаями в укладе экономической жизни кочевого и охотничьего хозяйства без нарушения сезонных промыслов»²¹.

Так, шаг за шагом, сначала определив форму, а затем разработав программу применительно к конкретным условиям работы школы в среде отсталых кочевых и полукочевых народов, находящихся на самых различных уровнях развития, партия начиная с 1925/26 учебного года развернула на Северо-Востоке огромную работу по просвещению коренных народов, без чего немыслимо было формирование не только национальной интеллигенции, но и квалифицированных кадров массовых профессий. К новому 1926/27 учебному году Далькрайком и Камчатский окружком партии совместно с советскими органами открыли 17 школ, в которых стали обучаться 506 детей девяти народностей Северо-Востока²².

Недостаток учителей являлся тормозом на пути школьного строительства. Партии приходилось ввиду острого недостатка людей с педагогическим образованием проводить краткосрочные курсы переподготовки работников просвещения и направлять их на работу в школы. Так, в 1926/27 учебном году из 18 учителей национальных школ Камчатского округа только 9 имели специальное педагогическое образование (из них 2 — высшее), а остальные — торговое²³. Кроме того, ни один из учителей не владел языками малых народов. Это были энтузиасты, которые по зову партии отправлялись в отдаленные места и в невероятно трудных условиях просвещали народы Севера.

Имея в виду первостепенное значение для Севера своих национальных учителей и выражая мнение Советского правительства по вопросу подготовки интеллигенции для национальных меньшинств СССР, первый советский нарком просвещения А. В. Луначарский писал, что наряду со многими мерами экономического характера, осуществляемыми партией на Севере, «необходимо также приступить к выработке каждой национальностью сво-

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 225, л. 202.

²¹ Там же.

²² Там же, д. 227, л. 146.

²³ Там же, д. 254, л. 264.

ей собственной интеллигенции и, прежде всего, своего собственного учителя»²⁴. Однако сплошная неграмотность народов Северо-Востока надолго задерживала осуществление этой задачи. На пути же ликвидации неграмотности в короткий срок стояли огромные трудности, главными из которых были слабое распространение русского языка среди народностей Севера и отсутствие своей письменности. Поэтому ЦК партии дал установку органам Наробраза и ученым в кратчайший срок разработать письменность для каждой народности Севера.

Созданная с этой целью в 1922 г. специальная комиссия ученых к началу 1931 г. разработала для всех северных народностей унифицированный алфавит на латинской основе.

После Первой Всероссийской конференции по развитию северных языков и письменности, состоявшейся в начале 1932 г. и обсудившей перспективы национально-литературных языков, СНК СССР создал специальный орган — Комитет нового алфавита народов Севера — для более детального изучения языковых особенностей каждой народности и для выработки для каждой из них наиболее подходящего алфавита. Исследовательская работа Комитета нового алфавита убедила советских ученых в необходимости перейти на русскую письменность.

Переход народов Севера на новый русский алфавит явился закономерным явлением развития письменности у них. Он открыл новую страницу в истории развития экономики и культуры народов Севера и облегчил развитие литературы, создал благоприятные условия для подготовки национальной интеллигенции. К 1934 г. для 14 из 26 народностей Севера была создана своя письменность²⁵.

В результате получения народами Севера своей национальной письменности Лингвистическая секция Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера приступила к изданию букварей, книг для чтения и учебников на языках этих народов.

В 1933 г. было завершено издание букварей на 15 языках северных народов и начался массовый выпуск учебников, словарей, методических пособий, политической, научно-популярной, детской и художественной литературы.

В тот период Коммунистическая партия наряду с переводом обучения народностей Севера на родной язык поставила перед местными партийными и советскими органами задачу организовать издание газет на языках этих народностей, без чего немислимо было воспитание национальной интеллигенции. 13 октября 1932 г. Далькрайком ВКП(б), реализуя эту директиву ЦК, принял постановление, определившее сроки издания газет во всех национальных округах ДВК. В постановлении указывалось, что окружные комитеты партии, Комитеты Севера и Нового алфавита совместными усилиями должны «по мере утверждения алфавитов организовать в течение 1933 г. во всех округах печатание газет на языках народов Севера, поставив перед ними на первом этапе ликвидацию неграмотности и создание кадров читателей газет из народов Севера»²⁶.

Это постановление имело огромное значение для развития периодической печати в национальных районах ДВК. Издание газет на родном языке, создание широкого читательского актива укрепляло связи партии с широкими массами народов Севера, облегчало проведение в жизнь мероприятий партии и Советского правительства по приобщению малых народов к практике социалистического переустройства хозяйства, быта, а также формирование национальной интеллигенции. Газета на родном языке не только не-

²⁴ А. В. Луначарский. Проблемы образования в автономных республиках и областях.— «Жизнь национальностей», кн. 1, 1924, стр. 32.

²⁵ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 993, л. 38.

²⁶ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 261, л. 349.

сла передовую культуру, но и втягивала эти народы в общий поток социалистических преобразований в стране, способствовала укреплению дружбы народов Севера с русским народом, воспитывала советский и партийный актив.

Газета быстро получила признание, о чем свидетельствует следующий факт: если в Корякском национальном округе в 1926 г. подписка на газеты и журналы составила всего 117 экземпляров, то в 1936 г. она выросла до 3180.²⁷

Получение народами Севера своей письменности и издание на родном языке учебной литературы дали толчок расширению сети общеобразовательных школ. Охват школой детей школьного возраста с каждым годом возрастал, приближаясь к стопроцентному.

В результате работы, проведенной партией в области народного образования в 1929/30 учебном году, накануне образования национальных округов, охват школой детей народностей Дальневосточного Севера в среднем равнялся 21%²⁸, в 1933 г. он поднялся до 64%, а в 1934 г. составлял уже 84,7%²⁹.

Центральный Комитет Коммунистической партии ставил задачу перед органами народного образования, Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК, партийными, государственными и массовыми общественными организациями, ведущими работу среди малых народов, наряду с обучением детей принять все меры к ликвидации неграмотности взрослого населения, развивать политическое просвещение и на этой основе, воспитывая сознательных строителей новой жизни, развивать культуру, выковывать национальные кадры.

Исходя из указаний ЦК, Первая чукотская окружная партийная конференция поручила окружному комитету ВКП(б) в 1932 г. составить пятилетний план культурного строительства в округе, уделив особое внимание подготовке кадров из коренного населения³⁰. Вопрос о подготовке национальных кадров получил отражение в решениях окружного съезда Советов Корякского округа³¹.

Проведение в жизнь намеченных партийными органами мероприятий значительно повышало культурный уровень народностей Крайнего Северо-Востока, способствовало росту школ и числа учащихся в них, ликвидации неграмотности у основной массы взрослого населения, что облегчало работу по формированию национальной интеллигенции. Так, если в 1926/27 учебном году в границах нынешнего Чукотского округа грамотных аборигенов, включая детей, обучающихся в школах, было всего 364 человека, то в 1934 г. их число возросло до 1900, что составляло 20% от взрослого населения³².

Наряду с работой политико-просветительных учреждений исключительно большую роль в деле ликвидации неграмотности среди взрослых на Севере сыграли культпоходы. Основная задача культпоходов, как отмечалось в решении Чукотского окружкома ВКП(б) от 25 ноября 1932 года, состояла в том, чтобы «мобилизовать советскую общественность, бедняцко-батрацкие колхозные и середняцкие массы округа на борьбу с безграмотностью, за повышение качества учебы во всех школах, за максимальное развертывание массовой работы среди трудящихся, в особенности среди кочевников, борьбу за кадры из трудящихся местного населения»³³.

²⁷ «Революция и национальности», № 6—7, 1937, стр. 67.

²⁸ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 653, л. 103.

²⁹ Е. В. Яковлева. Малые народности Приамурья после социалистической революции. Хабаровск, 1957, стр. 50.

³⁰ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 1933, л. 23.

³¹ М. А. Сергеев. Корякский национальный округ. Л., 1934, стр. 122.

³² ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 2306, л. 68.

³³ Там же, д. 1925, лл. 7—8.

Райкомы партии взяли под особое наблюдение работу культпоходов. В итоге за 1932/33 учебный год была ликвидирована неграмотность у 1560 человек³⁴.

Начавшееся социалистическое строительство на Крайнем Северо-Востоке СССР требовало не только большого числа грамотных людей, но и огромного количества специалистов различных специальностей из числа лиц коренных народностей. Обойтись только теми специалистами, которые направлялись в северные районы из центральных областей СССР, было уже невозможно. Нужно было готовить национальные кадры, без которых невозможно было дальше успешно решать вопросы хозяйственного и культурного развития северных окраин СССР, тем более что работа по постанвке народного образования и ликвидации неграмотности создавала для этого необходимые условия.

Создание национальной социалистической интеллигенции у народов, не прошедших капиталистическую стадию развития, — дело новое и очень трудное. Коммунистической партии пришлось первой в мировой практике решать эту задачу, идти по неизведанной дороге.

Прежде всего была установлена потребность в кадрах различных специальностей и степени квалификации на ближайшие годы, исходя из народнохозяйственных планов развития северных окраин страны. По главным специальностям эти потребности на 1931—1933 г. определялись в следующих размерах³⁵:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Педагогические кадры (всего)	1950	1676	2161
Работники колхозно-кооперативного строительства	915	248	233
Медицинские кадры	593	768	1184
Промышленные специальности (без лесной)	142	191	385
Специалисты лесной промышленности	170	178	213
Специалисты интегральной кооперации и колхозного сектора	3578	3026	3279
Итого по основным специальностям для всего Крайнего Севера	7348	6087	7455

Чтобы подготовить специалистов средней и высшей квалификации для народностей Севера, нужно было создать сеть учебных заведений. С этой целью VII расширенный пленум Комитета Севера при ВЦИК (апрель 1930 г.) решил «создать сеть комплексных техникумов народов Севера (в составе советско-партийного отделения, включающего также подготовку судебных работников, кооперативно-колхозного, включающего и специальности по организации земельных территорий и кустарно-промыслового дела, педагогического отделения со специальностями — школьной, дошкольной, политпросветительной и инструкторов труда и подготовительных курсов), считая такой техникум основным типом среднего туземного учебного заведения»³⁶. Первые такие техникумы были открыты в Хабаровске и Томске. Несколько позже по решению VIII пленума Комитета Севера при ВЦИК (апрель 1931 г.) такие же комплексные техникумы для народов Севера были открыты в Ненецком национальном округе, Мурманске и Иркутске. Контингент учащихся по шести комплексным техникумам был определен на 1931 г. в 1366 человек, на 1932 г. — в 1968 человек, на 1933 г. — в 2716 человек³⁷.

Средний медицинский персонал готовили Тобольский, Якутский, Усть-Сысыйский, Бурят-Монгольский, Новосибирский, Архангельский.

³⁴ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 1925, л. 25.

³⁵ Таблица составлена по материалам VIII пленума Комитета Севера.

³⁶ «Седьмой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК». М., 1930, стр. 34.

³⁷ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 644, л. 177.

1-й и 2-й Ленинградский, Владивостокский, Читинский и Московский центральный национальный техникумы. При целом ряде техникумов страны, например при Архангельском ветеринарном, Красноярском и Хабаровском медицинских, Новосибирском рыбном, Московском техникуме кролиководства и пушного звероводства, Иркутском охотоведческом, Уссурийском сельскохозяйственном и Томском кустарно-промысловом, были открыты специальные северные отделения³⁸.

Но было совершенно очевидным, что обеспечить огромные потребности в кадрах, которые испытывали национальные районы Севера, исключительно за счет самих малых народностей практически невозможно. Главным препятствием на пути подготовки национальных кадров средней и особенно высшей квалификации являлось ограниченное количество лиц той или иной северной народности с достаточным уровнем подготовки. Поэтому партия наряду с подготовкой специалистов из числа малых народностей поставила задачу привлечь на северные отделения техникумов и институтов молодежь русской, украинской и других наций. Особое внимание было уделено также привлечению нужных специалистов для работы на Севере на договорных началах, несмотря на то, что затраты на их доставку были велики. Так, в 1939 г. приезд 82 учителей в Чукотский национальный округ обошелся государству в 411 тыс. рублей, а в 1940 г. на приезд 79 учителей было израсходовано 484 тыс. рублей и на возвращение на материк учителей по окончании срока договора — 481 тыс. рублей³⁹. Кроме того, в национальные районы Севера направлялись выпускники различных вузов страны в порядке планового распределения на работу, а также по путевкам комсомольских организаций.

Огромное значение играл Институт народов Севера в Ленинграде, который явился первой кузницей национальных кадров для северных окраин. В 1931 г. в нем училось 195 мужчин и 58 женщин от всех народов Севера⁴⁰. В 1934 г. число студентов выросло до 400⁴¹.

На подготовку специалистов из числа народов Севера ежегодно государством выделялись огромные денежные суммы. Достаточно сказать, что учеба одного студента в Институте народов Севера обходилась в 2240 рублей в год, по институту эта сумма составляла 560 тыс. рублей в год⁴². Планом финансирования подготовки кадров для национальных районов Севера предусматривалось израсходовать в 1931 г. 1 390 000 рублей, в 1932 г. — 3 719 000 рублей и в 1933 г. — 4 918 000 рублей⁴³.

Особое место в подготовке национальной учительской интеллигенции принадлежит открытым в 1939 г. в Анадыре и несколько раньше в Петропавловске педучилищам, которые готовили учителей для Чукотского и Корякского национальных округов. Так, только Анадырское педучилище за 20 лет своей работы подготовило 169 специалистов народов Севера, в том числе: 77 чукчей, 18 эскимосов, 25 чуванцев⁴⁴. Коряки, чукчи, эскимосы и другие народности направлялись на учебу в техникумы и в вузы Владивостока, Хабаровска, Ленинграда, Москвы, Новосибирска. При Хабаровском пединституте в 1953 г. было создано отделение народов Севера, которое готовило учителей из народностей Севера, а также открыты годичные курсы переподготовки учителей для северных окраин.

Но не только врачей, учителей, зоотехников и других специалистов нужно было готовить. Огромная нужда была в счетоводах, продавцах, санитарках, секретарях сельсоветов и многих других, ранее неизвестных

³⁸ Там же, д. 496, лл. 21—22.

³⁹ ПАМО, ф. 22, оп. 8, д. 108, л. 23.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 644, л. 191.

⁴¹ «Дальний Восток за 40 лет Советской власти», стр. 89.

⁴² ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 644, л. 190.

⁴³ Там же, л. 184.

⁴⁴ «Краеведческие записки», вып. III. Магадан, 1963, стр. 28.

северному человеку профессиях. С целью подготовки кадров массовой квалификации организовывались всевозможные курсы при культбазах, совхозах, медпунктах и т. д. В них готовили ветеринаров, санитаров, секретарей туземных советов, мотористов, киномехаников и т. д. Кроме того, были созданы специальные школы профобразования: школы торгово-кооперативного ученичества, охотничко-рыбацкие школы, кустарно-промысловые школы-мастерские и др. Всех окончивших эти школы немедленно выдвигали на практическую работу в советские, кооперативные и промышленные организации.

Немаловажную роль в подготовке кадров играли и школы-интернаты. Обучение в них носило ярко выраженный учебно-производственный характер соответственно особенностям каждого национального района. Быстрый рост промышленности и реконструкция промыслового хозяйства предъявили требования на кадры специалистов для колхозного хозяйства. С учетом важности подготовки национальных колхозно-кооперативных кадров в окружных центрах Палане и Анадыре по решению Далькрайкома ВКП(б) были открыты двухгодичные сельскохозяйственные школы, которые готовили председателей колхозов, бригадиров, счетоводов. Кроме того, через сеть различных курсов из числа кочевников было подготовлено большое число мотористов, радистов, связистов, капитанов, старшин катеров, механиков, метеорологов, плотников и других специалистов, необходимых для промыслового хозяйства. Только в Чукотском округе в 1932 г. было 5 различных курсов, которые выпустили 70 курсантов из местных народностей, в 1933 г. — 13 курсов со 184 курсантами из местных народностей, в 1934 г. — 16 курсов с 291 человеком курсантов⁴⁵. Работников для культурно-просветительных учреждений готовила Биробиджанская краевая культпросветшкола, при которой было создано отделение народов Севера.

Немаловажную роль в создании национальной интеллигенции сыграла такая форма работы партии, как выдвижение на руководящую хозяйственную, партийную, советскую, комсомольскую работу активистов, проявивших себя способными организаторами, создание краткосрочных курсов переподготовки, семинаров, школ партийно-советского и хозяйственного актива. Так, в 1940 г. только по Чукотскому району было выдвинуто на руководящую партийную, советскую, комсомольскую и хозяйственную работу более 180 человек коренной национальности. Для подготовки квалифицированных партийных и советских кадров в 1934 г. в Анадыре и Палане были открыты совпартшколы.

Подготовка национальных кадров была повседневной заботой местных партийных организаций. Партийные комитеты на своих заседаниях обсуждали разносторонне вопросы, касающиеся национальных кадров. Особенно большое внимание этой работе было уделено в послевоенный период. Хабаровский крайком партии на своем XIX пленуме и Чукотский окружком на своем II пленуме в 1947 г. обсудили вопрос о воспитании национальной интеллигенции и выдвижении кадров местных национальностей. В январе 1948 г. было проведено расширенное совещание при Чукотском окружкоме ВКП(б), которое выработало ряд конкретных мер, направленных на улучшение всей работы по подготовке национальных кадров. Главными из них были: решение уже в 1948 г. довести число слушателей в школе колхозных кадров до 100 человек вместо имевшихся 76, число студентов увеличить до 80 вместо 52 и создать при педучилище подготовительное отделение, а при школе колхозных кадров — годичные курсы переподготовки на 20 человек⁴⁶.

⁴⁵ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 2306, л. 69.

⁴⁶ ПАМО, ф. 22, оп. 2, д. 94, лл. 36, 38.

Таким образом, для подготовки специалистов разных профессий и создания собственной национальной интеллигенции использовались различные формы обучения как в вузах и техникумах, так и в специально созданных учебных заведениях и на курсах. Эта разносторонняя по формам и методам работа партии позволила уже к началу 50-х годов в основном обеспечить потребности округов в национальных кадрах, воспитать собственную национальную интеллигенцию: учителей, врачей, работников культурно-просветительных учреждений, советских и хозяйственных работников, писателей, поэтов и т. д. В 1950 г. более 100 чукчей, эскимосов, эвенов и чуванцев (Чукотский национальный округ) работали учителями, врачами, культпросветработниками, около 2000 представителей народностей Севера находились на руководящей работе в местных Советах, в колхозах, народных судах, в партийных, комсомольских и других общественных организациях⁴⁷. В 1960 г. в Корякском национальном округе в 55 школах работало 465 учителей, в том числе 56 представителей коренных народностей; в 36 больницах и 56 фельдшерских пунктах было занято 110 врачей и 315 средних медицинских работников; в 159 культпросветучреждениях округа работало 238 специалистов, из которых 80 человек были представителями местных народностей⁴⁸.

Произведения чукотского писателя Ю. Рытхэу известны далеко за пределами нашей Родины, а литературно обработанные чукотские (чукчей Тынэтэгыным) и корякские (коряками И. Баранниковым и Л. Жуковым) сказки издаются в стране массовыми тиражами. Музыкально-хоровой национальный ансамбль Чукотского округа принимал участие в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Молодежь Камчатки и Чукотки учится во многих вузах и техникумах страны, приобретает самые разнообразные специальности, пополняя молодую, но уже многочисленную армию национальной интеллигенции народов Северо-Востока СССР. Так, в 1960 г. только из Корякского национального округа в высших и средних специальных учебных заведениях страны обучалось более 200 юношей и девушек коренной национальности⁴⁹.

Опыт нашей партии по обеспечению некапиталистического пути развития малых народов Севера и достигнутый ими высокий уровень развития экономики и культуры в условиях социализма являются наглядным примером для многих отсталых стран и народов, стоящих перед выбором пути своего дальнейшего развития.

Величие успехов партии в возрождении к новой жизни народов ранее глухих и диких северо-восточных окраин более рельефно видно в сравнении с американским Севером. В 1867 г. на Аляске было 12 тыс. эскимосов и чукчей, 20 тыс. индейцев и около 10 тыс. алеутов. По официальной американской статистике 1939 г., там сохранилось лишь 6 тыс. эскимосов и чукчей, 11,5 тыс. индейцев и около 6 тыс. алеутов. За 70 лет господства американских колонизаторов на Аляске численность местного населения сократилась вдвое⁵⁰.

Не лучше положение эскимосов — подданных Канады. Известный английский журналист Ральф Паркер в своем письме чукотскому писателю Ю. Рытхэу в связи с выходом в свет его первой книги написал следующие строки об одном из эскимосских племен Северной Канады: «...я пишу о мертвых... Смертельное дыхание капитализма сделало то, что не может сделать ледяной холод Арктики. Оно убило целый народ — честный, трудолюбивый, со своеобразной национальной культурой»⁵¹.

⁴⁷ Газета «Тихоокеанская звезда», 26 января 1950 г.

⁴⁸ Газета «Камчатская правда», 1 декабря 1960 г.

⁴⁹ Там же, 10 декабря 1960 г.

⁵⁰ Э. Херрон. Аляска — Сб. «Американский Север». М., 1950, стр. 145.

⁵¹ Газета «Магаданская правда», 10 декабря 1960 г.

Таковы факты. Они являются ярким доказательством мудрости ленинской национальной политики, проводимой КПСС в отношении не прошедших стадию капитализма народов, с обеспечением всех условий для их всестороннего развития на основе социалистического переустройства экономики и культуры и вовлечением этих народов в активное созидание социализма и коммунизма. Одной из важных вех в этом процессе является формирование национальной интеллигенции.

Партия, выполняя заветы великого Ленина, проводит и, как указано в Программе КПСС, будет впредь «проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии»⁵².

Учитывая, что размах коммунистического строительства в национальных районах требует огромного количества высококвалифицированных кадров самых различных профессий, Программа КПСС предусматривает постоянный обмен кадрами между всеми нациями и народностями, населяющими нашу страну⁵³. Это создает благоприятные условия для дальнейшего сближения всех наций и раскрывает перед всеми, даже самыми малыми народностями новые возможности для более широкого размаха подготовки высококвалифицированных национальных кадров.

ЛИТЕРАТУРА *

- Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? — Полн. собр. соч., т. 24. «Материалы по статистике Камчатской губернии (приложение к Статистическому бюллетеню № 14—15 1925 г.)», Хабаровск, 1926.
- «Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке», вып. 1. «Современное состояние туземных племен ДВ», Чита, 1924.
- «Отчет Камчатского окружного революционного комитета Первому Камчатскому окружному съезду Советов», Петропавловск-Камчатский, 1928.
- «Резолюция VIII расширенного пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК». М., 1931.
- Севильгаев Г. Ф. Торжество ленинской национальной политики. К 35-летию Первого туземного съезда Дальнего Востока. — «Краеведческие записки, вып. III. Магадан, 1963.
- Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — ТИЭ, новая серия, т. XXVII, М.—Л., 1955.
- Сергеев М. А. Малые народы Советского Севера. Магадан, 1957.
- Соляровский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916.

V. G. Balitsky

THE MEASURE OF THE PARTY ON THE FORMING OF THE NATIONAL INTELLIGENTSIA ON THE KRAYNY NORTH — EAST OF THE USSR

Under the victory of the Great October Socialist Revolution many peoples of our country, including the numerous nationalities of the North, are passed to the socialism, omitting the capitalist phase of the development. It is not spontaneous process, but it is the result of the creative activities of the Communist Party of the Soviet Union on the realization to a life of the Marxist-Leninist study about the possibility uncapitalist development of earlier backward peoples and countries.

The author of this article is not setting the task of the interpretation of the whole complex of the measures of the CPSS, secured the transition of the small peoples of the Krayny North-East of the USSR from the pre-capitalist relations immediately to the socialism. He dwells only on the problem of the forming of the national intelligentsia, which hasn't received the wide enough interpretation in the historical-party literature.

⁵² «Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 114.

⁵³ Там же, стр. 16.

* Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

С. П. Нефедова

Населению Чукотки в эпоху социалистического строительства в СССР необходимо было сделать сложный переход от вековой отсталости, минуя капитализм, к высшим формам общественного развития — к социализму и коммунизму. В. И. Ленин подчеркивал, что только «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹. Индустриализация, коллективизация и культурная революция были составными частями ленинского плана строительства социализма. Одним из узловых вопросов культурной революции В. И. Ленин считал развитие народного образования в стране.

На Чукотке наиболее трудным вопросом культурного строительства был вопрос о формах и методах обучения. Большая часть населения Чукотки, связанная с основной отраслью хозяйства — оленеводством, кочевала по тундре. В 1934 г. в Анадырском районе кочевало 53% населения, в Марковском — 77,5%, в Чаунском — 63,4%, в Восточно-Тундровском — 92,4%². Специфика ведения хозяйства, обусловившая кочевание, вызвала необходимость создания особой формы обучения детей кочевников. Наиболее удобными оказались кочевые школы. Они явились специфической формой народного образования в отсталых районах страны. Они стали очагами просвещения кочевого населения.

В литературе имеются лишь упоминания о кочевых школах³. Между тем материалы партийного архива Магаданской области, Государственных архивов Магаданской области и Хабаровского края позволяют достаточно полно осветить их деятельность и показать, что кочевые школы были необходимым этапом в развитии народного образования на Чукотке.

Вопрос об обучении кочевого населения был поставлен на повестку дня после принятия закона о всеобщем обязательном начальном образовании всех детей в возрасте 8—12 лет. В связи с этим Хабаровским крайисполкомом было принято специальное постановление об обязательном начальном обучении детей, и в июне на Чукотку была послана телеграмма: «Крайисполком постановил ввести с 1930/31 учебного года обязательное начальное обучение детей всего населения края. Немедленно разверните путем культпохода широчайшую агитацию за всеобщее обучение, привлекайте партийные, советские, общественные организации...»⁴.

Для подъема культурного уровня кочевников прежде всего необходимы были учителя кочевых школ. Однако часть местных работников просвещения сопротивлялась созданию кочевых школ, считая, что организация их в тундре невозможна. Были случаи отказа от работы в кочевых школах, всячески тормозилось их открытие. Но большинство партийных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

² ПАМО, ф. 22, оп. 8, д. 14, л. 50.

³ Г. Ф. Севильгаев. Из истории выполнения закона о всеобщем обучении в Чукотском национальном округе. — «Краеведческие записки», вып. 4, Магадан, 1962; Ф. Ф. Кронгауз. К истории школы на Крайнем Севере. — «Просвещение на советском Крайнем Севере», вып. 8, Л., 1958.

⁴ ГАМО, ф. Р-91, оп. 1, д. 1, л. 204.

и советских работников проявили настойчивость в создании кочевых школ.

Вести работу среди кочевого населения было особенно трудно ввиду того, что отсутствовал какой-либо опыт. Приехавшие сюда советские работники порой не знали, с чего начать. Приходилось искать и прокладывать совершенно новые пути в организации системы образования. Именно здесь проявилась гибкость работы партийных и советских организаций на местах.

Задача партийных организаций состояла в том, чтобы перенести центр тяжести работы с местным населением в тундру. На очередном заседании Чаунского бюро райкома партии в 1933 г. было принято постановление, в котором отмечалась необходимость школьного строительства для обучения детей не только оседлого населения, но и кочевников.

Для разъяснительной работы среди кочевого населения в глубинные районы тундры посылались партийно-комсомольские бригады. Эти бригады состояли на 70—90% из членов и кандидатов партии. Некоторые товарищи на длительное время закреплялись для работы в тундре. Все эти меры помогали пополнить контингент учащихся. Так, например, в Чукотском районе в 1937 г. в результате массовой разъяснительной работы среди населения число учащихся в Лоринской кочевой школе увеличилось с одного до десяти человек⁵.

Только после длительной, кропотливой работы среди кочевого населения правительство смогло выработать типовое положение о кочевой школе народов Севера (от 27 марта 1934 г.)⁶. В «Положении» отмечалось, что кочевая школа является филиалом школы-интерната. В то же время она должна организовывать свою работу применительно к условиям данного района, передвигаться с определенной группой кочевого населения или обслуживать несколько групп,двигающихся в одном направлении на близком расстоянии друг от друга.

Еще до появления типового положения о кочевых школах на Чукотке во всех ее районах в 1931 г. насчитывалось шесть кочевых школ⁷. В 1932/33 учебном году по районам предполагалось открыть уже 15 кочевых школ⁸.

Вместе с количественным ростом школ необходимо было повысить и качество обучения. Поскольку преподавание в кочевой школе проводилось в основном на родном языке, то возникала трудность другого рода: не хватало учителей, знающих местный язык. Знание языка малых народов Севера было необходимо не только в преподавательской работе. Учитель кочевой школы, работая в стойбище кочевников, должен был воспитывать все население в советском духе, поднимать его культурный уровень, он был проводником политики Советской власти в тундре. Чем лучше учитель знал язык и обычаи местного населения, тем больше к нему было доверия, уважения и тем ошутимее оказывались результаты проводимой им работы. Такими учителями были молодые коммунисты и комсомольцы, приехавшие сюда из разных концов страны: Н. М. Мех, Д. И. Артюхов, Д. К. Корж, В. П. Наглый, И. И. Земсков, Г. Н. Гулак. Все они проводили широкую массово-разъяснительную работу среди кочевого населения.

В 1933/34 учебном году в школы пришли первые учителя из местного населения. Активное участие в работе с кочевым населением принимали чукчи Ольга, Ральтуги, эскимосы Кинок, Карнагон, Майна. За особо выдающиеся заслуги в учебной и воспитательной работе Майна в 1939 г. был

⁵ ПАМО, ф. 22, оп. 8, д. 3, л. 23.

⁶ «Типовое положение о кочевой школе народов Севера». — В кн.: «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере». Л., 1934, стр. 92—93.

⁷ «Материалы Первой Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера». Л., 1934, стр. 93.

⁸ ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 196, л. 18.

награжден орденом Трудового Красного Знамени⁹. В кочевых школах начали работать также первые выпускники стационарных школ — общественные ликвидаторы неграмотности.

Самоотверженный труд учителей давал результаты: все больше детей кочевников обучалось в школах. Однако нередко были случаи, когда дети школьного возраста не учились. Причиной этого явилось преждевременное преобразование кочевых школ в стационарные. Так, например, открытые в 1933/34 учебном году 10 кочевых школ были переведены в 1935/36 учебном году в стационарные. Малый процент охвата детей кочевников школами объяснялся также и тем, что детский труд использовался в оленеводстве. Даже в тех стойбищах, где удавалось вовлечь детей оленеводов в учебу, родители забирали школьников, когда приходила пора сезонных работ.

В конце 1934 г. бюро окружкома партии рассмотрело вопрос о работе среди детей. Было принято решение продвинуть кочевую школу в тундру для обслуживания кочевого населения. В решении указывалось на необходимость создания Советами и органами народного образования лучших условий для работы кочевых школ и обеспечения их квалифицированными учителями, специальными ярангами, мебелью и учебными пособиями¹⁰. Однако несмотря на принятые меры осуществление всеобуча проходило еще медленными темпами. В 1939/40 учебном году в целом по округу посещало школу 74,4% детей школьного возраста. Дети кочевников составляли только 10% этого числа¹¹.

Такое положение с осуществлением всеобуча в тундре объяснялось, в частности, следующими причинами. Во-первых, произошло некоторое затухание особенно нужной в это время массово-разъяснительной работы среди местного населения о необходимости всеобщего обязательного обучения. Во-вторых, слишком медленно шло укрупнение селений. Только в процессе оседания и концентрации кочевого населения можно было переходить к обучению детей кочевников в стационарных школах. В Чаунском районе число кочевых школ и численность учащихся в них росли следующим образом¹²:

	Численность учащихся во всех школах	Число кочевых школ
1938/1939 г.	162	9
1941/1942 г.	222	5
1944/1945 г.	245	2

Данные свидетельствуют о том, что сокращение мелких кочевых школ вызвало не уменьшение численности учащихся, а значительное их увеличение. Это происходило за счет перехода части учащихся в стационарные школы. В связи с этим мы считаем неправильным вывод Г. Ф. Севильгаева, что «необходимость сохранения кочевых школ сохранялась вплоть до полного перехода населения на оседлый образ жизни»¹³.

С этим мнением нельзя согласиться, так как сама специфика ведения хозяйства, связанная с производственным кочеванием, не могла привести к полной оседлости. Вместе с этим следует отметить, что бытовое кочевание коренного населения в основном прекратилось к 1955—1956 гг., а кочевые школы были ликвидированы в 1950 г. Осуществление всеобуча было возложено на школы-интернаты.

Кочевые школы сыграли не только просветительную роль в тундре, оказывая огромное влияние на культурный рост кочевого населения. Учи-

⁹ ГАЧНО, ф. 16, оп. 1, д. 23, л. 54.

¹⁰ ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 86, л. 43.

¹¹ Там же, ф. 137, оп. 4, д. 537, л. 46.

¹² Там же, ф. 704, оп. 2, д. 99, л. 172.

¹³ Г. Ф. Севильгаев. Указ. соч., стр. 10.

теля кочевых школ принимали участие в организации колхозов, оказывали помощь в работе кочевых Советов. Они в значительной степени подготовили условия для вовлечения детей кочевников в стационарные школы. Кочевые школы в период осуществления всеобуча на Чукотке были необходимой и наиболее приемлемой формой народного образования и способствовали развитию экономики, культуры и быта коренного населения.

S. P. Nefedova

THE NOMADIC SCHOOLS OF THE CHUKOTKA
(1931—1950)

The author elucidates in the article the question, connected with the development of the people's education in the Chukotka. In the period of the realization of the law of the universal education, of the main link in the process of the cultural construction, came to light the new form of the school education—the nomadic school, that was completely adapted to the conditions of life and economic conditions of the development of the peoples of Chukotka. The realization of the law of the universal education was secured considerably with the creation of the nomadic schools.

The article is written on the documentary materials, exposed in the archives of the Magadan region.

И. И. Лукин

Веками стояла нетронутой суровая тайга Крайнего Северо-Востока. До Октябрьской революции районы Колымы, Чукотки и Индигирки были дикими, малоизвестными окраинами России. Редкие кочевья местных жителей да несколько поселений русских ссыльных были затеряны в бескрайних просторах Дальнего Севера. Не было никаких дорог, не говоря уже о почте или телеграфе. Лишь тропы соединяли город Якутск с Охотским побережьем, Верхне-Колымском и Анадырем. В этом обширном районе не было ни одной школы, не издавалось ни одной газеты. Единственными «культурными» учреждениями были православные церкви. Не было никакой промышленности.

История далекой окраины Советского Союза как одного из важных горнопромышленных районов нашей Родины началась в конце 20-х годов, после становления Советской власти. Население Северо-Востока в современных границах Магаданской области в 1923 г., по данным Камчатского губревкома, составляло 24 тыс. человек. Около 8 тыс. человек проживало в поселках, состоящих из яранг и лачуг. По решению Коммунистической партии и правительства с 1926 г. были организованы геологические экспедиции С. В. Обручева, установившие золотоносность бассейнов рек Колымы и Индигирки. Открытия геологов послужили базой для создания на Северо-Востоке нашей Родины крупной горной промышленности и капитального строительства в осваиваемых районах.

Геологи под руководством Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского и гидрографическая партия И. Ф. Молодых по заданию Геологического Комитета СССР исследовали побережье Охотского моря с целью выбора наиболее удобной бухты, которая обеспечивала бы возможность строительства морского порта для приема океанских пароходов.

В 1929—1930 гг. стали проводиться изыскания для строительства автодороги от бухты Нагаева, куда прибыли в 1929 г. первые пароходы, доставившие работников культбазы, комплекты для сборки стандартных домов, продовольствие и снаряжение для геологов и работников культбазы. В районе Нагаева в 1929 г. были собраны первые три одноэтажных жилых дома, здания больницы и школы. В 1930 г. Акционерное Камчатское общество построило на берегу бухты склады фактории и магазин. Так был заложен новый рабочий поселок, который впоследствии превратился в крупный морской порт на Охотском побережье и административный центр — город Магадан.

В 1931 г. в районе верхней Колымы были организованы первые прииски и геологоразведочный сектор, а в ноябре создан Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе верхней Колымы (Дальстрой).

Первые постройки на берегу бухты Нагаева и реки Магаданки заложили основу двух будущих поселков. В одном из них обосновалось руководство вновь организованного треста Дальстрой. В последующем он стал городом Магаданом.

С ростом горной промышленности в глубинных районах Колымы возникла необходимость обеспечить доставку грузов на рудники. Поэтому

одновременно с развитием приисков стали строить шоссейные дороги.

В 1932 г. было проложено 6 км автодороги от бухты Нагаева до реки Магаданки. К осени 1933 г. закончилось строительство дороги до 35-го километра, а проезд автомашин по незаконченным дорогам обеспечивался до 150-го километра. В конце 1939 г. автотранспорт работал уже до Аркагалы, где вступила в эксплуатацию первая угольная шахта.

С начала деятельности Дальстроя в освоении Северо-Востока вместе с геологами, горняками, обогатителями и другими специалистами работал большой отряд строителей. Многие из них вступили на колымскую землю еще в 1932—1933 гг. и посвятили свою жизнь освоению богатств этого безвестного, пустынного прежде края.

Для первых строителей северный край представлял загадку: никто прежде не вел капитального строительства в таких суровых условиях. В отечественной и зарубежной литературе не освещались вопросы мерзлотоведения, которые помогли бы первостроителям на колымской земле избежать ошибок при возведении зданий и сооружений. Только благодаря совместной работе всех коллективов строителей удалось решить такие сложные, совершенно новые для инженерной практики того периода задачи, как определение влияния вечномерзлых грунтов на возводимые здания и сооружения, выбор наиболее экономичного типа фундаментов, предотвращение наледных образований и многие другие.

С 1933 г. под руководством инженера В. Д. Мордухай-Болтовского — начальника Управления капитального и дорожного строительства — началось интенсивное строительство промышленных, жилых и культурно-бытовых объектов на территории современного города. Немалая заслуга в развитии города принадлежит инженерам М. А. Заборонок, А. Е. Ашанину, А. В. Буталаеву, Л. О. Гарибову, В. В. Лашкову и др., возглавлявшим первые строительные организации в поселке Магадан. Особую заботу о нем проявлял первый начальник Дальстроя Э. П. Берзин. Возводились преимущественно двухэтажные дома сборно-щитовой конструкции. К концу 1934 г. в Магадане было построено 167 жилых зданий общей площадью 17 тыс. кв. м. Многие из этих домов сохранились до наших дней — на улицах Коммуны и Советской. По своему техническому состоянию они теперь непригодны и подлежат сносу.

К юго-востоку от улицы Коммуны была отведена зона для строительства капитальных каменных зданий, которые начали возводить с 1934 г. В 1935 г. были введены в эксплуатацию первые из них — телеграф и здание пограничного отряда (ныне Политехнический техникум — на углу проспекта Ленина и Пролетарской улицы). 1 мая 1936 г. магаданцы впервые услышали радиопередачу из Москвы: к этому времени поселок был радиофицирован. Завезенные первые 750 репродукторов были установлены на заводах, в учреждениях и квартирах.

К этому времени Магадан стал боевым центром трудового фронта, на котором шла упорная борьба за освоение недр Северо-Востока. В составе Дальстроя уже насчитывалось 12 производственных, строительных и хозяйственных управлений и 52 предприятия. Интенсивное развитие горнодобывающей промышленности, механизация горных работ, развитие сопутствующих отраслей хозяйства Дальстроя, нужда в новом горнообогатительном оборудовании, в запасных частях для него, а также для автомобильного транспорта, парк которого пополнялся ежегодно сотнями автомашин и пароходов, обеспечивающих морские перевозки, оторванность нашего края от остальных районов страны требовали организации механической базы. Это и определило многопрофильность первых заводов, в том числе Магаданского авторемонтного (теперь механического) завода.

В годы Великой Отечественной войны, когда механические заводы страны выполняли заказы фронта, наши заводы превратились в крупные пред-

приятия, производящие для горняков, транспортников, моряков, энергетиков и строителей новое оборудование и его ремонт. В 1942 г. в Оротукане ввели в действие мартеновский цех, который обеспечивал заводы Магадана качественным стальным литьем. В конце 1946 г. на авторемонтном заводе ввели в эксплуатацию электросталеплавильный цех, работающий до настоящего времени.

Вместе с ростом горной промышленности и многоотраслевого хозяйства Дальстроя рос рабочий поселок. На работу ежегодно прибывали новые отряды комсомольцев, демобилизованных воинов и специалистов. Застройка без проекта могла привести к ошибкам. Возникла настоятельная необходимость в составлении схемы застройки Магадана. Схема была выполнена в 1934 г. работниками отдела капитального и дорожного строительства. Для сооружения зданий из дерева с ограниченной этажностью был отведен район от улицы Коммуны до Транспортной улицы. В последующие годы строительство административных и жилых зданий из кирпича стало преобладающим. В 1936 г. была сдана в эксплуатацию первая четырехэтажная школа-десятилетка на 1300 учащихся. Эта стройка составляла гордость строителей. Здание было построено полностью из местного материала, за исключением металлической кровли.

В июле 1935 г. был организован проектно-изыскательский отдел, и руководство Дальстроя поручило проектировщикам разработку генерального плана Магадана. Проектом планировки численность его населения к 1955 г. определялась в 30 тыс. человек. Все жилье и общественные здания обеспечивались водопроводом, канализацией и центральным отоплением. Первоначальная система водоснабжения, построенная в 1933 г., состояла из насосной станции, расположенной на реке Магаданке за центральной котельной авторемонтного завода, километрового водопровода и напорной башни с водоразборной колонкой (башня размещалась на месте дизель-ремонтного цеха Магаданского механического завода). Воду развозили также конным транспортом и автомашинами. В сентябре 1936 г. водопровод продолжили до поселка Нагаево. Для обеспечения нужд капитального строительства в стеновом материале на левом берегу Магаданки был построен кирпичный завод производительностью 3 млн. штук кирпича в год. Сырьем для него служили суглинки, карьеры которых находились в непосредственной близости от завода. К 1940 г. месторождение суглинков было полностью отработано, и завод прекратил свое существование.

Тяжелые климатические условия Нагаево-Магаданского района (частые туманы и холодные, сырые бризы) побудили руководителей Дальстроя в 1935—1936 г. рассмотреть возможность размещения административного центра в других районах, с более благоприятным климатом.

Были проведены изыскания в районе впадения реки Таскан в Колыму и в долине реки Уптар, где в начале 40-х годов был построен поселок 47-го километра. По технико-экономическим причинам предпочтение было отдано 47-му километру. Строительство здесь не требовало затрат на осушение площадки; грунты, распространенные в этой зоне, позволяли значительно меньше заглублять фундаменты зданий; их ограждающие конструкции (стены, перекрытия) были бы практически равнозначны конструкциям зданий Магадана и требовали бы меньших расходов материалов и денежных средств по сравнению с Тасканом, где расчетные температуры равны -56° .

Огромное плато позволяло удобно разместить административный центр, близость к морскому порту и базисным складам также обеспечивали преимущество по сравнению с Магадано-Нагаевским районом

Однако к 1936 г. объем капитальных вложений только по Магадану составлял более 60 млн. рублей. Переходя на новую площадку строительства, приходилось оставить на месте все, что было построено за предыдущие четыре года: 21 тыс. кв. м жилой площади, магазины, коммунально-бытовые

здания, складские помещения, электростанцию, первую очередь системы водоснабжения и многое другое, что обеспечивало нормальную жизнь поселка. Поэтому несмотря на лучшие климатические и грунтовые условия района 47-го километра руководство Дальстроя и НКВД, в систему которого входил Дальстрой, в начале 1937 г. отказались от мысли передислоцировать Магадан.

В 1938 г. Колымпромпроекту была поручена корректировка схемы генерального плана строительства Магадана, причем численность населения на 1955 г. по-прежнему определялась в 30 тыс. человек. В новой схеме генерального плана (авторы проекта архитекторы А. М. Межибовский, П. В. Поляков и Н. Н. Юргенсон) предусматривалось развитие города в центральной части по улицам Ленина, Парковой, Карла Маркса, Советской и др. Строительству двухэтажных зданий из дерева отводилось значительное место, так как намечавшиеся объемы капитального строительства не обеспечивались в то время стеновыми материалами из минерального сырья. Одновременно был составлен проект развития инженерных сетей (автор проекта инженер А. С. Смирнов). Некоторые участки магистральных сетей водопровода и канализации, проложенные в 1939—1940 гг. на основных улицах города, эксплуатируются до сих пор.

10 февраля 1939 г. один из авторов проекта застройки Магадана архитектор А. М. Межибовский докладывал об основных положениях проекта расширенному техническому совету при начальнике Дальстроя. Проектом предусматривалось расширение авторемонтного завода, цехов промкомбината, хлебозавода и морского порта. По этому проекту велась застройка до 1947 г.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июля 1939 г. поселок Магадан был преобразован в город. После этого особое внимание стали обращать на строительство капитальных зданий. Началось строительство зданий Главного управления Дальстроя (авторы проекта — Н. Н. Юргенсон и В. Г. Дроздов), театра им. М. Горького (авторы проекта — А. А. Лысенко, Е. В. Симов и В. Г. Дроздов), комплекса больничного городка, первой поликлиники, 57-квартирного жилого дома на углу проспекта Ленина и улицы Карла Маркса. В 1941 г. они были сданы в эксплуатацию. Город рос и благоустраивался; деревянные, каркасно-засыпные здания с каждым годом все более уступали место капитальным строениям.

В первые годы Великой Отечественной войны объем строительства сократился, но уже в 1943 г. на северном берегу Нагаевской бухты была введена в действие первая паротурбинная электростанция мощностью 2 тыс. квт. Электростанция работала на местном угле из бухты Мелководной. В 1944 г. на проспекте Ленина одновременно стали строить шесть четырехэтажных жилых зданий, фундаменты которых были впервые выполнены не из дорогостоящего и трудоемкого бутобетона, а из сборных крупных бетонных блоков (старший производитель работ М. П. Головин). Строители возводили и другие здания: детских садов, яслей и жилых домов.

Трудности в доставке топлива с Сахалина заставили Дальстрой начать с 1939 г. эксплуатацию Хасынского угольного месторождения. Эти угли обладали большой зольностью и давали при сжигании значительные выходы шлака, который использовался при изготовлении шлакобетонных блоков, прекрасного стенового материала. Стены зданий по проспекту Ленина и Портовой улице, дома обкома профсоюза и многих других зданий, возведенные с 1940 г., выполнены из шлакоблоков. Ввиду того, что цемента не доставало, было организовано производство раствора из шлака и извести. Проектировщики и работники Центральной научно-исследовательской лаборатории, строители в тяжелые военные годы проявляли много инициативы, изобретательности, позволивших не прекращать строительных работ в городе. При строительстве 87-квартирного жилого дома по проспекту

Ленина (№ 22), дома по Портовой улице (№ 4) и др. по предложению проектировщиков, в целях сокращения затрат на сооружение фундаментов зданий, были применены песчано-галечные подушки высотой 0,8—1,2 м или каменная наброска с расщебенкой. Сокращение объема фундаментов за счет таких подушек в 1945 г. снизило стоимость строительства на 450 тыс. рублей (в ценах 1945 г.). Много сделали для внедрения на стройках песчано-галечных и каменных подушек главный инженер конторы Жилстрой М. П. Головин, главный инженер Дальстройпроекта И. И. Лукин, старший конструктор Дальстройпроекта В. Г. Дроздов и др.

В послевоенные годы повысилась добыча полезных ископаемых в горнодобывающих районах. Возрос и объем капитального строительства Дальстроя. В 1947 г. схема генерального плана города подверглась уточнению. Коллектив Дальстройпроекта в новой схеме предусматривал более плотную застройку жилой территории и повышение этажности каменных зданий в центре города. Однако и по этой схеме значительную часть застройки составляли двухэтажные деревянные дома. Зона на юго-востоке и на западе отводилась под индивидуальное строительство.

С 1948 г. предусматривалось строительство в системе Дальстроя пяти теплоэлектростанций, в том числе Магаданской — мощностью 18 тыс. квт.

На 1 января 1954 г. общественный жилой фонд города составлял 144 тыс. кв. м. Более 90 тыс. кв. м было представлено одно- и двухэтажными деревянными строениями. Население города не превышало 30 тыс. человек.

Интенсивное развитие Магадана началось после образования области (в декабре 1953 г.). Это подтверждается цифрами ввода жилой площади в городе (без домов, находящихся в личной собственности): в 1951 г. — 8 тыс. кв. м; в 1953 г. — 7,8 тыс. кв. м; в 1955 г. — 9 тыс. кв. м; в 1960 г. — 25 тыс. кв. м; в 1963 г. — 27 тыс. кв. м.

Магадан строится и благоустраивается быстрыми темпами, развивается его промышленность, пригородное хозяйство. В 1962 г. была введена в действие городская ТЭЦ. Стало возможным устойчивое снабжение электроэнергией промышленных предприятий города и жилых домов, централизованное отопление зданий. Только за пять лет семилетки введено 138 тыс. кв. м благоустроенной жилой площади, т. е. столько же, сколько было построено за 22 года, предшествовавших образованию области. К концу 1963 г. общественный жилой фонд города возрос до 357 тыс. кв. м. С 1963 г. начато строительство 56 жилых домов общей жилой площадью в 62 тыс. кв. м. Выросли объемы культурно-бытового строительства: ежегодно вводятся 2—3 детских сада на 140—280 мест, школы на 1000—1200 учащихся, 25—30 тыс. кв. м жилой площади. Построены Дворец культуры профсоюзов и Дом радио, Дом политического просвещения, телецентр, музыкальное училище, строятся плавательный бассейн, магазин, бытовой комбинат и многие другие здания.

Большое влияние на ускорение строительства в Магадане оказали постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о развитии строительства в Союзе, принятые в 1954—1957 гг. Начиная с 1955 г. городу выделялись средства на создание предприятий строительной индустрии. Началось строительство Магаданского завода сборного железобетона производительностью 12 тыс. куб. м год. Завод еще не был сдан в эксплуатацию, а потребность в сборных железобетонных конструкциях (панелях перекрытий, колоннах, балках и других изделиях) неизмеримо возросла. Недостроенный завод реконструировали и в 1962 г. довели его мощность до 25 тыс. куб. м. Одновременно строился цех ячеистых бетонов. Эксплуатация его началась с 1958 г. Цех выпускает теплоизоляционный газобетон с объемным весом 500 кг/куб. м марки 20. Освоен также выпуск конструктивного газобетона в виде крупных блоков с объемным весом 1000 кг/куб. м марки 40—50. Применение стенового материала с таким объемным весом позво-

лило сократить толщину наружных стен промышленных зданий примерно на 30—35% и снизить стоимость наружных стен на 40%.

Газобетон стал широко применяться в гражданском и промышленном строительстве как утеплитель, а также как изоляционный материал для инженерных сетей города. В конце 1959 г. было освоено керамзитовое производство, что позволило с 1960 г. вести строительство зданий из крупных керамзитобетонных блоков и сократить его сроки более чем в два раза. В 1963 г. 60% введенной жилой площади построено из таких блоков.

В городе создан завод крупнопанельного домостроения мощностью в 35 тыс. кв. м жилой площади в год. Когда завод станет работать на полную мощность, в городе будут ежемесячно вводиться в эксплуатацию три 40-квартирных дома.

Областной и городской исполкомы Советов депутатов трудящихся проявляют постоянную заботу о развитии строительной индустрии. Ленинградскому институту по проектированию городов («Ленгипрогор») в 1957 г. было дано задание разработать генеральный план строительства Магадана, рассчитанного на 25 лет. Задаaniem обусловлен рост нормы обеспеченности жилой площадью, которая составит на одного человека к концу первого периода до 9 кв. м (1970 г.), а к концу расчетного срока — 12 кв. м.

При заданной обеспеченности и расчетном населении 100 тыс. человек к концу 70-х годов жилой фонд города достигнет 1,2 млн. кв. м, в том числе более 900 тыс. кв. м нового строительства.

В феврале 1959 г. был утвержден генеральный план, но вскоре потребовалось его изменить в соответствии с новыми градостроительными требованиями и планировочными нормативами, отказом от строительства одно- и двухэтажных домов, которое первым генеральным планом предусматривалось в размере 35% от общего нового строительства, и изменением планировочной организации города по принципу город — жилой район — микрорайон. Новый генеральный план города был утвержден облисполкомом 11 марта 1963 г. Новым проектом планировки Магадана предусмотрено увеличить территорию городской застройки в более чем полтора раза — с 890 до 1460 га. Жилая часть города возрастет с 450 до 770 га, а норма обеспеченности жилой площадью повысится до 12 кв. м на одного человека. В основу планировочного приема структурной организации городского плана принят принцип компактной застройки, что обеспечивает размещение 3400 кв. м жилой площади на 1 га территории микрорайона. Такое решение является рациональным как по общим масштабам намеченного роста города, так и по условиям строительства на Севере. Компактность застройки повлияет на улучшение микроклимата во внутриквартальных пространствах и сократит расходы на инженерные сети. Проектом предусматривается завершение застройки центра города, а также организация новых жилых районов.

Архитектурно-планировочная характеристика Магадана определилась его географическим положением и природными условиями. Въезд в город со стороны Колымского шоссе осуществляется по проспекту Ленина. В настоящее время это наиболее благоустроенная магистраль. Он расположен на значительном уклоне и замыкается телевизионной мачтой на Комсомольской площади с пятиэтажными зданиями. Проспект озеленен хвойными деревьями и вместе с соседними улицами, перспектива которых замыкается сопками, имеет своеобразный, запоминающийся вид.

Кварталы многоэтажных жилых и общественных зданий, прилегающие к проспекту Ленина с северо-запада и юго-востока, — наиболее благоустроенные в городе.

С юго-восточной стороны проспекта Ленина начинается городской центр. Площадь Ленина образуется зданием горкома КПСС, двумя зданиями объединения Северовостокзолото и строящимся зданием почтамта. За главным зданием объединения открывается перспектива скверов, располо-

Рис. 1. Проспект Ленина в Магадане

женных на разных уровнях, которая замыкается Дворцом культуры профсоюзов. За ним расположен бульвар, тянувшийся от проспекта Ленина до Парковой улицы. С юго-запада за бульваром раскинулся городской парк со стадионом и Дворцом спорта, вблизи которого начато строительство плавательного бассейна.

Принцип очередности строительства предусматривает максимальное использование всех свободных территорий в центральной части города, завершение реконструкции расположенных в ней кварталов, архитектурную организацию городского центра, а также застройку новых микрорайонов.

В ближайшие два-четыре года будет завершена застройка пятиэтажными зданиями улиц Пролетарской, Коммуны, Гагарина, Карла Маркса и Комсомольской площади; началась застройка Юго-Западного (приморского) района.

В Нагаевском районе проектом детальной планировки предусмотрено создание четырех микрорайонов, в которых будет построено 114 пятиэтажных жилых домов общей жилой площадью около 180 тыс. кв. м. с населением в 20 тыс. человек. Проектом намечены создание общерайонного центра, организация Приморского бульвара, новых улиц, строительство широкоэкранного кинотеатра на 600 мест, трех школ на 2950 учащихся, детских садов и яслей на 2000 мест и других зданий. Осуществление капитальной застройки Нагаевского района решает задачу планировочного раскрытия города к морю, создание композиционной связи его с морским портом и существенно изменит «морской фасад» города со стороны бухты Нагаева. В недалеком будущем те, кто будут прибывать морем, смогут любоваться новыми жилыми массивами, зеленью бульваров, скверов и улиц, выросших в Западном районе города.

Восточный жилой район размещается за улицей Якутской. Здесь будет построено шесть микрорайонов с общественным центром и садом жилого района, расположенными в его геометрическом центре.

Рис. 2. Магаданский Дворец культуры Профсоюзов

В Восточном районе намечается строительство 250 сорокквартирных жилых домов, обеспечивающих расселение 30 тыс. человек. На юге этот район сомкнется с промышленными предприятиями.

На левом берегу Магаданки начнется застройка территории, где размещены теперь временные строения. Здесь предполагается организация двух микрорайонов: 4-го километра и юго-западного склона сопки. Все старые и новые жилые районы города будут соединены между собой системой магистральных улиц. При застройке новых районов сведено к минимуму внутрирайонное движение транспорта, особенно там, где магистрали подходят близко к школам, детским садам и больницам. Грузовой поток из порта на трассу вынесен за пределы жилых районов.

Проектом предусматривается создание развитой системы зеленых насаждений. Городской парк культуры и отдыха будет разбит на благоустраиваемой левобережной пойме Магаданки. Площадь зеленых насаждений будет доведена до 94 га, т. е. к расчетному сроку на одного жителя в городе будет приходиться 9,4 кв. м насаждений против 2,8 кв. м в настоящее время.

Между промышленными предприятиями и жилыми кварталами создается озелененная зона санитарного разрыва. В новых жилых районах, как и в центральной части города, будут строиться пятиэтажные дома со всеми видами благоустройства. Одновременно с этим разрешаются вопросы повышения внешнего благоустройства. Протяженность городских дорог возрастет с 89 до 100 км. Теперь имеется лишь 18 км асфальтированных дорог, проектом предусматривается устройство 62 км асфальтированных дорог. Остальные дороги будут иметь твердое покрытие проезжих частей.

Потребление воды в городе увеличится с 12 тыс. куб м до 23,5 тыс. куб. м в сутки к 1970 г. и до 40 тыс. куб. м в сутки — в расчетный срок за счет строительства второго водохранилища на реке Каменушке емкостью

6 млн. куб. м, а затем — 11 млн. куб. м. Протяженность водопроводных сетей в первой очереди строительства возрастет с 60 до 90 км.

Суммарный расход сточных вод, поступающих в канализационную систему, составит для первой очереди 19 тыс. куб. м, а для проектного срока — 36 тыс. куб. м в сутки. По принятой схеме канализации города сточные воды намечено выпускать за мысом Восточным. Сброс сточных вод Нагаевского района будет осуществляться по построенному теперь коллектору через донный сброс, сооружаемый в бухте Нагаева.

Магадан сегодня промышленный город. Особенность промышленности, как и всей жизни города, в том, что все здесь призвано обслуживать нужды горных районов, где решается судьба государственного плана добычи драгоценных металлов.

Город наш юн, он возник как воплощение мечты и идей большого коллектива архитекторов-проектировщиков. Строительство у нас превратилось теперь в крупную самостоятельную отрасль народного хозяйства, в которой занято много молодежи. Это молодежь вместе со старшими товарищами, проектируя и строя жилые дома, культурно-бытовые здания, детские и лечебные учреждения, изменяет облик города. Имена лучших строителей с гордостью называют товарищи по работе, молодежь учится у них жить и работать по-коммунистически. Звание заслуженных строителей РСФСР получили бригады Николай Савельевич Косач, Виктор Федорович Подгайский, Василий Васильевич Гунько, Иван Иванович Лукин.

Для условий Магадана планируемая продолжительность строительства 40-квартирного жилого дома из кирпича — 12 месяцев, а бригада коммунистического труда из 10 человек, возглавляемая Виктором Федоровичем Подгайским, работая на сборке такого дома из крупных блоков в две смены, монтирует дом за месяц. Добрая слава идет и о бригадах Лидии Григорьевне Калашниковой, Николае Алексеевиче Москвичеве, Георгии Дмитриевиче Алифанове, Ярославе Тимофеевиче Масевиче и многих других.

Магадан по красоте и благоустройству уже теперь может конкурировать со многими городами зрелого зодчества, что признают посещающие нас специалисты-градостроители. В недалеком будущем город станет еще красивее. Порукой этому вдохновенный труд большого коллектива проектировщиков и строителей.

I. I. Lukin

TO THE HISTORY OF THE CREATION OF MAGADAN

More than 30 years have passed from that day, as on the uninhabited coast of the bay of Nagaev was installed the first tent of geologists and were built the small storehouses and the house of the trading station. Now there put into commission in the town every year more than thousand comfortable flats and many-storeyed buildings, schools, kindergartens and day nurseries shops, dining-rooms.

On the place of the waste lands, by-streets and blind alleys are built streets, the roads and pavements are asphalted, trees and shrubs are planted in the town, the new parks, avenues, streets and public gardens are grown.

Stating the practice of the housing construction for the last five years, it is necessary to note the realization of the building of the town with relatively large complexes, and also wide industrialization of the building, the introduction of large-panel house-building.

РОЛЬ ЧАУНСКОЙ РАЙОННОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ ЧУКОТКИ (1936—1942 ГОДЫ)

Г. Г. Рошупкин

В истории социалистического строительства на Чукотке важнейшее место занимает промышленное освоение этой ранее отсталой и пустынной окраины. Благодаря осуществлению ленинской национальной политики и огромной, всесторонней помощи Советского государства, Чукотка в годы первых пятилеток вступила на путь индустриального развития. В результате упорной борьбы советских людей под руководством Коммунистической партии на суровой Чукотке в предвоенные годы была создана сырьевая база для горной промышленности, а в 1941 г. вступили в строй первые оловодобывающие предприятия Дальстроя¹.

Большая заслуга в промышленном освоении Чукотки принадлежит местным партийным организациям, однако их деятельность и роль в создании промышленных предприятий не нашла освещения в исторических работах и до сих пор остается невыясненной. В статье, на основе архивных документов, делается попытка показать деятельность Чаунской районной партийной организации по оказанию помощи геологоразведочным экспедициям и роль райкома партии в развертывании массово-политической работы на предприятиях горнодобывающей промышленности.

Образованный в 1930 г. Чаунский район занимал территорию в 150 тыс. кв. км. Его протяженность по побережью Ледовитого океана от Чаунской губы до Колючинской превышала 700 км. Район выделялся среди других пустынностью и необжитостью. По данным окружной плановой комиссии, на 1 января 1932 г. в нем проживало 1293 человека, из которых 70% вели кочевой образ жизни. Плотность населения была в три раза ниже, чем средняя по округу, и составляла 8 человек на 1000 кв. км. Приезжих жителей, не являвшихся выходцами из коренных национальностей, насчитывалось всего 10 человек². Поселков в районе не было. Районный центр Певек состоял из одного домика фактории, землянки и двух яранг.

10 августа 1933 г. стало знаменательной датой в истории Чаунского района. В этот день прямо на берегу моря, только что закончив выгрузку парохода, небольшая группа партийных и советских работников, присланных Хабаровским краевым комитетом партии, провела первое районное партийное собрание. Секретарем Чаунского райкома партии был избран Н. Ф. Пугачев. Об условиях, в которых начала свою работу партийная организация, Н. Ф. Пугачев писал: «Негде жить, плохо знаем друг друга, совсем не знаем района, не знаем нравов, обрядов, обычаев коренных жителей, не знаем чукотского языка, нет переводчиков, нет в районе ни одного грамотного человека. По существу, нет райисполкома, нет нацсоветов»³.

¹ О создании и деятельности партийных организаций Дальстроя см. Н. А. Жихарев. Очерки истории Северо-Востока РСФСР. Магадан, 1961; П. Я. Афанасьев. Коммунисты в борьбе за освоение богатств Северо-Востока. — Сб. «10 лет Магаданской области», Магадан, 1964.

² ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 196, л. 10.

³ Н. Ф. Пугачев. Чаун стал передовым районом. — «Советская Арктика», № 3, 1938, стр. 106.

Талантливый организатор, неутомимый труженик, человек большой души и высокой идейности, Наум Филиппович Пугачев был настоящим ленинцем. Его искренне доброжелательное отношение к чукчам, честность, требовательность к себе и всем партийным и советским работникам района очень быстро снискали ему огромный авторитет и уважение местной бедноты. Н. Ф. Пугачев смог направить работу районной партийной организации так, что уже через несколько лет были завоеваны симпатии и доверие абсолютного большинства населения. Новая жизнь, ради которой в чукотскую тундру пришли большевики, стала делом всех трудящихся оленеводов и охотников. Они поняли ее преимущества и всем, чем могли, оказывали поддержку и помощь райкому партии.

В годы второй пятилетки, благодаря успешному осуществлению ленинской политики индустриализации всей страны, была создана возможность централизации работ по изучению и социалистическому освоению северных окраин. Постановлением СНК СССР 17 декабря 1932 г. создается Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), а с 1933 г. экспедиции Всесоюзного Арктического института Главсевморпути (ВАИ) приступили к планомерному геологическому изучению территории Чукотского национального округа. По воле партии на суровую и пустынную Чукотку пришли геологи. Им принадлежало решающее слово в определении путей хозяйственного развития огромного края.

XV съезд ВКП(б), предусматривая в своих решениях более высокие темпы развития экономики и культуры отсталых национальных окраин, указывал на необходимость сочетания нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями страны⁴. Задача, поставленная XV съездом ВКП(б), могла быть наиболее успешно решена в результате открытия крупных месторождений наиболее дефицитных для страны цветных металлов и создания на местных источниках сырья предприятий горнодобывающей промышленности.

В Чаунском районе в 1933—1934 гг. проводились работы экспедиции под руководством С. В. Обручева, В. И. Серпухова, В. Г. Дитмара. Им удалось выявить ряд проявлений олова. Первое промышленное месторождение чукотского олова было открыто Марком Исидоровичем Рохлиным. Талантливый геолог и настоящий большевик, он отдал освоению Северо-Востока всю свою жизнь. В 1935 г. М. И. Рохлин во время камеральной обработки материалов экспедиции С. В. Обручева обнаружил в нескольких образцах мелкие зерна оловянного камня — касситерита. Несмотря на крайне скудные сведения об оловоносности Певекского полуострова, известный уже в те годы ученый Сергей Сергеевич Смирнов придал большое значение находке касситерита и стал одним из инициаторов организации первой Чаунской экспедиции 1936—1937 гг. Насколько остро страна нуждалась в олове, видно из выступления Э. П. Берзина на третьей партийной конференции Дальстроя 18 апреля 1937 г.: «На Дальстрое возложена задача найти и добыть олово на Колыме... Наша страна нуждается в олове, за границей нам его не продают, а если и продают, то в мизерных количествах... Нам дорога каждая тонна... В других местах Союза, где сейчас добывается олово, его так мало, что это слезы. Стране нужно много, очень много олова, ибо его в Союзе нет»⁵.

Работа первой Чаунской экспедиции имела большое государственное значение. 12 августа 1936 г. экспедиция прибыла в Певек. Начальником ее был Н. И. Сафронов, парторгом И. С. Семенов, геологами — М. И. Рохлин и М. Л. Молдавский. Весь состав экспедиции насчитывал 16 человек.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. 2, М., 1954, стр. 463.

⁵ ПАМО, ф. 1, оп. 2, д. 76, л. 380.

Уже работами 1936 г. была доказана оловоносность Певекского полуострова и промышленное значение месторождения Валькумей. При этом выходы большинства оловорудных жил оказались сконцентрированными в непосредственной близости к морю. Это создало надежды на их освоение в более короткие сроки по сравнению с другими участками Чаунского района. Дальнейшее изучение геологии района в 1937 г. и открытие М. А. Молдавским оловоносности бассейна реки Куйвиеем позволило сделать важный практический вывод о наличии здесь оловянной провинции, территориально захватывающей сотни квадратных километров. Удачными оказались поиски 1937 г. и в районе Иультина, где работала экспедиция в составе Ю. А. Одицца, А. Г. Шпилько, В. Н. Миляева. В июле 1937 г. В. Н. Миляевым было открыто знаменитое Иультинское оловянно-вольфрамовое месторождение.

Успешной работе геологов во многом способствовала постоянная помощь, оказываемая Чаунской районной партийной организацией. С большим уважением и искренней теплотой говорил в своих воспоминаниях М. И. Рохлин о руководителе чаунских коммунистов: «Немалую помощь нам, геологам, оказал секретарь Чаунского райкома партии Наум Филиппович Пугачев — замечательный русский человек, коммунист высокой идейности, исключительной скромности и неутомимой энергии»⁶. Н. Ф. Пугачев прекрасно понимал, что главным препятствием в хозяйственном и культурном развитии района является отсутствие промышленности. Поэтому он самым тщательным образом собирал сведения о полезных ископаемых⁷. А когда в 1936 г. в Певеке начала работу первая Чаунская экспедиция, то районная партийная организация приложила все усилия к тому, чтобы не только обеспечить ее местным транспортом, проводниками, теплой одеждой, но и привлечь местных жителей к сбору интересующих геологов образцов. Как своеобразный вид учебы в экспедиции проводились индивидуальные и групповые беседы, во время которых показывались образцы минералов. Чукчи старательно собирали «тяжелые камни» и привозили их в экспедицию. Отдельные образцы вызывали большой интерес геологов, тем более что они были доставлены из мест, где геологи еще не бывали. Из района горы Лотайпын привез образцы чукча Таврат. Учитель школы при Чаунской культбазе Рольтынват доставил кусок кварца из русла ручья Майнапаньльвыгыргин. Образец оказался исключительно ценным, содержание олова в нем составило более 10%. Из района бухты Нольде работниками Чаунского райисполкома Рынтыргынным, Литвиновым и Беляевым были доставлены образцы, содержащие от 0,1 до 1% олова. Н. Ф. Пугачев во время поездок по району в верховьях реки Алькаквунь нашел образец «белого кварца с крупными кристаллами темного, почти черного касситерита».

«Эти факты показывают, — отмечал в своем отчете М. И. Рохлин, — что помощь местного населения, определенным образом направленная, может быть весьма существенной даже при разрешении узкоспециальных задач»⁸.

В августе 1937 г. в Певек для продолжения работ прибыла вторая Чаунская экспедиция ВАИ. Она состояла из 86 человек. На ее работы были ассигнованы значительные средства. Экспедиция имела буровое оборудование для тяжелой разведки и механический транспорт. По тем временам это была крупная экспедиция. Руководил ею один из наиболее опытных

⁶ М. И. Рохлин. Чукотское олово. Магадан, 1959, стр. 35—36.

⁷ Н. Ф. Пугачевым в 1936 г. составлена схематическая карта природных ресурсов Чаунского района для Далькрайкома ВКП(б). Она хранится в Партийном архиве Хабаровского крайкома КПСС (ф. 44, оп. 1, д. 726, л. 30).

⁸ М. А. Молдавский, М. И. Рохлин. Предварительный отчет о деятельности первой Чаунской экспедиции 1936—1937 гг.

разведчиков страны Г. А. Вазбуцкий, парторгом был назначен И. М. Шаутин. В состав экспедиции входили геологи А. В. Андрианов, Н. И. Тихомиров, В. И. Малиновский, Я. С. Зубрилин, В. П. Подольский, Н. И. Кириас, геодезист-топограф Н. Я. Овечкин, геофизик А. П. Соловов.

Силами экспедиции в Певеке было построено несколько жилых и рабочих помещений. Появилось два дома на участке будущего рудника «Валькумей». В результате геологических и геологоразведочных работ, проведенных экспедицией, был сделан твердый вывод о большом удельном весе района по запасам олова в масштабе страны⁹. Этот вывод подтверждался тем, что кроме Валькумейского месторождения было определено промышленное содержание олова в долине реки Куйвиевем, а геологом В. И. Малиновским собраны богатые образцы в россыпях речек Пыркакай, Майна и Кайна. Окружная и районная партийные организации придавали работе второй Чаунской экспедиции первостепенное значение. Парторг экспедиции Иван Михайлович Шаутин был избран кандидатом в члены Чаунского райкома ВКП(б) и кандидатом в члены бюро Чукотского окружкома ВКП(б).

19 апреля 1938 г. на III пленуме Чаунского райисполкома был заслушан доклад Г. А. Вазбуцкого «О работе экспедиции и перспективах развития оловянной промышленности в Чаунском районе». О перспективах развития района в докладе говорилось вполне определенно: «Следует считать предрешенным, что года через два в Чаунском районе развернется оловянная горная промышленность. Промышленное население составит по меньшей мере несколько тысяч человек, попадающих в почти совершенно нежилой район»¹⁰.

Обсуждение доклада показало большой интерес и внимание к работам экспедиции коренных жителей района — чукчей. Мы почти не встречаем в литературе упоминаний о том, как относились жители района к промышленному освоению, поэтому уместно будет привести несколько высказываний на пленуме делегатов-чукчей.

Тументум: «Мы на местах обязаны помогать экспедиции, так как это наше общее дело».

Тайо: «Мы раньше и представления не имели о том, что в Чаунском районе есть месторождения олова. А теперь каждый год приносит все новые и новые богатства району».

Нененкай: «Работа экспедиции очень тяжелая, особенно зимой, на холоде, в камнях. Все это требует хороших условий».

Таурат: «Коллектив ВАИ хороший, как и прошлогодний. Чукчи хотят, чтобы экспедиция осталась работать еще на год. Мы уже знаем людей, и нам и им легче будет работать вместе. Кенето и Лейвукай знают месторождение очень тяжелых камней в Эльвунее, надо было бы посмотреть их специалистам экспедиции, наверное, там есть олово».

Утерылгин: «Меховую одежду надо готовить летом, это легче будет сделать. Население поможет»¹¹.

Эти простые и немногословные выступления говорят о готовности оказать посильную помощь работам экспедиции и свидетельствуют о том, что промышленное освоение вызывало интерес у местного населения и проходило при его поддержке.

В своем постановлении пленум отметил большие успехи геологов и «дружную работу коллектива экспедиции с районными организациями»¹². Всем национальным советам было предложено «разъяснить населе-

⁹ Г. А. Вазбуцкий. Краткий предварительный отчет о деятельности второй Чаунской экспедиции.

¹⁰ ГАЧР, ф. 1, оп. 1, д. 1, лл. 42—43.

¹¹ Там же, лл. 44—45.

¹² Там же, л. 30.

нию большое значение работ экспедиции не только для Чаунского района, но и для всего Советского Союза в деле укрепления обороны страны, обеспечения успехов мирного труда и подъема экономического и культурного уровня народов Севера»¹³.

В восточной части Чаунского района на Иультинском месторождении в 1938 г. геологами А. П. Никольским и Г. Г. Володенковым было определено, что найденное месторождение отличается богатым содержанием, а район в целом имеет большое значение по наличию дефицитных руд.

Таким образом, экспедициями Арктического института в 1936—1938 годах в Чаунском районе были открыты и частично разведаны крайне необходимые для страны месторождения олова и вольфрама. Это определило основное направление развития экономики Чукотского национального округа на все последующие годы. Острая потребность народного хозяйства страны в олове и необходимость создания промышленности как основы развития отсталой национальной окраины взаимно сочетались. Для освоения в короткие сроки выявленных Чаунских и Иультинских месторождений все геологоразведочные работы на Чукотке в конце 1938 г. были переданы Дальстрою.

Дальстрой — государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы — был создан решением правительства в конце 1931 г. С марта 1938 г. Дальстрой перешел из ведения Совета Труда и Обороны в подчинение НКВД и был реорганизован в Главное управление строительства Дальнего Севера. Это была мощная промышленная организация, располагающая большими материальными и людскими ресурсами. Добычу олова на Колыме Дальстрой вел с 1937 г. и имел опытные высококвалифицированные кадры специалистов-оловянников. С передачей геологоразведочных работ на Чукотке Дальстрою подготовка месторождений к эксплуатации пошла быстрыми темпами.

В августе 1939 г. на базе Чаунского и Чукотского разведрайонов ГУСМП было создано Чаун-Чукотское районное геологоразведочное управление Дальстроя. Начальником РайГРУ назначается опытный геолог, один из первооткрывателей олова на Колыме И. Н. Зубрев, его заместителем Н. Н. Сочеванов. Разведучастки возглавили: Пыркакайский — Н. К. Гулария, Валькумейский — Н. С. Лычкин. Руководство партийно-политической работой возлагалось на заместителя начальника РайГРУ по политчасти.

Структурой политорганов Дальстроя предусматривалось подчинение замполитов начальникам политотделов, а там, где не было политотделов, непосредственно начальнику политуправления Дальстроя. Перед территориальными партийными органами замполиты предприятий Дальстроя за свою работу не отчитывались.

Организация партийно-политической работы на предприятиях Дальстроя, расположенных в Чаунском районе, существенно отличалась от общепринятой в Дальстрое. Чаунский РК ВКП(б) до создания политотдела осуществлял непосредственное партийное руководство коммунистами, работавшими в системе Дальстроя, утверждал создание первичных партийных организаций, заслушивал на бюро райкома заместителей по политчасти, начальников предприятий и служб. Вопросы состояния политического воспитания коллектива горняков и производственной деятельности предприятий часто обсуждались на районных и кустовых партийных собраниях. Все коммунисты Дальстроя состояли на партийном учете в РК ВКП(б).

Партийная организация Чаунского РайГРУ была немногочисленной, в марте 1940 г. она насчитывала всего 17 коммунистов¹⁴. Коллектив РайГРУ, прибыв на Чукотку, оказался в чрезвычайно сложных и тяжелых ус-

¹³ ГАЧР, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 30 об.

¹⁴ ПАМО, ф. 355, оп. 4, д. 119, л. 28.

ловиях. Суровый климат, необходимость района, отсутствие транспортных связей с объектами геологоразведочных работ при необходимости строительства в самые короткие сроки буквально на голом месте жилых, складских и производственных помещений составляли почти непреодолимое препятствие для ведения широких работ по подготовке месторождений к эксплуатации. Положение усложнялось отсутствием нужного количества квалифицированных кадров. К тому же, большинство работников ГУСМП, имевших опыт работы в условиях Чукотки, выехало на «материк». На Иультине осталось всего 10% старого состава¹⁵.

Коллектив геологов и горняков работал с предельным напряжением всех физических и моральных сил. Было сделано почти невозможное: в короткие сроки объемы геологоразведочных работ увеличились в несколько раз.

В 1939—1940 гг. особенно форсировалась разведка Пырकाкайской россыпи, найденной поисковой партией Б. Н. Ерофеева и С. А. Крутякова в 1938 г. Богатое содержание олова и перспектива добычи большого количества этого металла в минимальные сроки ставили освоение Пырकाкайского месторождения в центр всех работ. Это было особенно важно, так как в связи с реальной угрозой войны партия и правительство предпринимали все меры для максимального обеспечения сырьем оборонной промышленности.

В 1940 г. Дальстрой получил задание увеличить добычу олова в несколько раз. Выполнение плана по олову было признано VI партийной конференцией Дальстроя в январе 1940 г. такой же ответственной задачей, как и добыча золота¹⁶. Большие надежды возлагались на Чукотку. В навигацию 1940 г. в Певек было доставлено 8 тыс. т грузов на сумму 30 млн. рублей¹⁷. Разгрузка пароходов велась круглосуточно, в ней участвовало все взрослое население Певека. Одновременно прибыли специалисты и рабочие. В числе прибывших в 1940 г. были заслуженные ветераны, продолжающие ныне работать на Чукотке — Ф. А. Свентицкий, А. Г. Фомин, И. В. Кравченко. Пополнились и ряды партийной организации горняков, к концу года она насчитывала 39 коммунистов¹⁸.

Увеличение численности коллективов, работающих в разведрайонах, совершенно изолированных друг от друга, и месяцами не имеющих связи с районным центром, делало необходимым создание и укрепление партийных организаций непосредственно на объектах горных работ. 22 мая 1940 г. РК ВКП(б) утвердил создание партийно-комсомольской группы на Валькумее. Парторгом был избран И. Н. Федин¹⁹. Первичная партийная организация Пырकाкайского разведучастка была создана по инициативе работающих там двух коммунистов Гулария и Платонова, которые обратились в РК ВКП(б) с просьбой укрепить наиболее перспективный участок коммунистами²⁰. 12 декабря 1940 г. на участке была создана первичная партийная организация. Состояла она всего из трех коммунистов, секретарем был избран Н. К. Гулария.

Создание первичных партийных организаций и партийных групп непосредственно на объектах работ положительно сказалось на политической и производственной жизни коллективов. В оживлении партийно-политической работы на предприятиях Дальстроя самое непосредственное участие принял Чаунский райком ВКП(б). Им было широко использованы права, предоставленные территориальным партийным организациям XVIII Всесоюзной конференцией ВКП(б). В решениях конференции указывалось,

¹⁵ Там же, д. 73, л. 51.

¹⁶ ПАМО, ф. 1, оп. 2, д. 157, л. 226.

¹⁷ ПАМО, ф. 355, оп. 4, д. 46, л. 93.

¹⁸ ПАМО, ф. 22, оп. 8, д. 67, лл. 112—113.

¹⁹ ПАМО, ф. 355, оп. 4, д. 59, л. 48.

²⁰ Там же, л. 2.

что территориальные партийные организации несут всю полноту ответственности за состояние дел в промышленности независимо от ведомственной принадлежности предприятий и должны использовать возможность «... непосредственно на месте, наиболее объективно, не считаясь с узковедомственными интересами, разобраться в положении дел на предприятии, определить, в чем кроются недостатки в его работе, и помочь руководящим работникам предприятий и наркоматам устранить их»²¹.

Первые горнодобывающие предприятия появились на Чукотке весной 1941 г. Исключительно напряженным трудом коллектива геологов и горняков Чаун-Чукотского РайГРУ менее чем за два года Пыркакайское и Валькумейское месторождения были подготовлены к эксплуатации. Подобных сроков практика промышленного освоения Заполярья еще не знала. 1 апреля 1941 г. был создан прииск «Пыркакай», переименованный позднее в «Красноармейский», а 12 апреля 1941 г. рудник «Валькумей»²².

Первенцы горной промышленности стали основой индустриального развития всего Чукотского национального округа. Работа коммунистов Чаунского района сосредоточилась на обеспечении первого промывочного сезона. На бюро райкома партии 22 мая 1941 г. был заслушан доклад заместителя начальника РайГРУ по политчасти «О состоянии партийно-политической работы». Обсуждение этого вопроса явилось проверкой райкомом партии хода перестройки работы РайГРУ в соответствии с решениями XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). В своем решении бюро райкома указало на недопустимое увлечение администрированием и явную «недооценку политического воспитания рабочих и служащих, ИТР в духе большевистской ответственности за развитие горной промышленности в районе»²³. Резкой критике были подвергнуты отдельные руководители, которые ссылками на специфику работы Дальстроя пытались оградить себя от партийного контроля со стороны РК ВКП(б).

Первичным партийным организациям предлагалось «полнее использовать право контроля хозяйственной деятельности администрации, улучшить работу с кадрами, развернуть социалистическое соревнование, взять под неослабный контроль учет и расходование материальных ценностей, больше проявлять заботы о создании нормальных условий труда и быта.

Райком партии проявил настойчивость в деле улучшения партийно-политической и хозяйственной работы на предприятиях Дальстроя. Он обязал руководителей РайГРУ «тщательно подготовить и провести совещание партийно-хозяйственного актива, на котором обсудить выполнение решений XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) по РайГРУ Дальстроя»²⁴.

Проведенное в конце мая кустовое партийное собрание коммунистов Дальстроя и партийно-хозяйственный актив обсудили вопросы, рекомендованные райкомом партии. Чаунское РайГРУ вступило в социалистическое соревнование за лучшие производственные показатели с Индигирским геологоразведочным управлением, прииск «Пыркакай» стал соревноваться с прииском «Хета» Юго-Западного горнопромышленного управления. Развернулось соревнование между участками, шахтами, сменами. Число стахановцев и ударников выросло до 72 человек²⁵.

Коллектив Чаунского РайГРУ с большим подъемом готовился к знаменательному событию — первому промывочному сезону. Добыча песков велась двумя шахтами. Строились два первых промывочных прибора.

²¹ «КПСС в резолюциях...», изд. 7, ч. III, стр. 429.

²² Авторами ряда работ создание горных предприятий на Чукотке датируется неправильно, Н. А. Жихарев (указ. соч., стр. 222 и стр. 239) датирует создание прииска «Красноармейский» 1940 г., а рудника «Валькумей» 1947 г. Л. Е. Киселев (Л. Е. Киселев. Север раскрывает богатства. М., 1964 г., стр. 33) относит к 1941 г. создание прииска «Куйвием» в действительности созданного в 1948 г.

²³ ПАМО, ф. 355, оп. 4, л. 82, л. 82.

²⁴ Там же, л. 84.

²⁵ Там же, ф. 22, оп. 12, д. 59, л. 122.

В самом начале промывочного сезона пришло известие о нападении на Советский Союз фашистской Германии. Началась Великая Отечественная война. Горняки Чукотки старались внести свой вклад в общее дело разгрома фашизма максимальным увеличением добычи необходимого для оборонной промышленности металла. Планы и нормы мирного времени были пересмотрены. Временно сократились строительные и геологоразведочные работы. На прииске сосредоточивались немногочисленные механизмы и вся рабочая сила РайГРУ. На Валькумее для монтажа обогатительной фабрики было оставлено всего шесть человек специалистов²⁶. Работы по проходке шахт, добыче и доставке песков почти полностью велись вручную. Ф. А. Свентицкий вспоминает: «Основным горным инструментом были кайло и лопата. В некоторой степени помогли взрывные работы и примитивные конвейеры из так называемых грабарок. Основными же транспортными средствами при горных работах являлись тачки и та же грабарка — своеобразные санки с коробом, в которые впрягалось по несколько человек»²⁷.

Недостаток механизмов восполнялся физическим трудом сотен рабочих. Условия труда и быта были исключительно тяжелыми. Прииск испытывал острую нехватку жилья, материалов, горючего, топлива. Бездорожье не позволило перевезти на прииск доставленный в 1941 г. первый экскаватор. Несмотря на трудности, фронт работ постоянно расширялся, нарезались новые шахты, значительное количество песков стало добываться открытым способом, промывка велась тремя промывочными приборами. Месячные планы добычи металла перевыполнялись. Эксплуатационные работы, проведенные коллективом РайГРУ, были отмечены приказом по Дальстрою как «успешная попытка, открывающая широкие перспективы превращения дикого края в индустриальный район»²⁸. В августе 1941 г. на базе РайГРУ был создан Чаун-Чукотский горнопромышленный комбинат (ЧЧГПК). Начальником комбината был назначен В. И. Дятлов.

В Певек прибыло большое количество оборудования, механизмов, транспортных средств, строительного леса и 1500 рабочих²⁹.

Вся хозяйственная структура Чаунского района преобразилась. Он стал первым районом Чукотки, в котором число занятых в горной отрасли составляло большинство населения.

К 8 сентября 1941 г. прииск «Пыркакай» досрочно выполнил годовой план и, продолжая добычу металла, начал подготовку к сезону 1942 г. 29 сентября Чаунский РК ВКП(б) на своем заседании обсудил итоги работы прииска, а 1—2 ноября состоялось районное партийное собрание с вопросом «О выполнении плана добычи металла Промкомбинатом и задачах на 1942 г.». На собрании присутствовало 72 коммуниста.

В своем выступлении первый секретарь Чаунского РК ВКП(б) Н. Ф. Пугачев говорил: «Чукоткой в этом году впервые дан металл Родине. Появление горной промышленности свидетельствует о большой неустанной заботе нашей партии и правительства о народах Чукотки. Чукотка стала теперь быстро превращаться из потребляющей в производящую, из отставшей в передовую»³⁰. Останавливаясь на недостатках в работе районной партийной организации, Н. Ф. Пугачев отметил, что еще не все коммунисты правильно поняли решения XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), встречались «... неправильные утверждения о том, что поскольку горнопромышленный комбинат входит в систему Дальстроя, он якобы не должен

²⁶ ПАМО, ф. 355, оп. 4, д. 75, л. 56.

²⁷ Ф. А. Свентицкий. От кайла до автоматик. — Газета «Чаунская правда», № 39 (1840), 31 марта 1961 г.

²⁸ ПАМО, ф. 23, оп. 3, д. 40, л. 59.

²⁹ ПАМО, ф. 22, оп. 12, д. 59, л. 206.

³⁰ ПАМО, ф. 1, оп. 2, д. 256, л. 11.

контролироваться местной партийной организацией и местными органами советской власти... Мы должны,— говорил Н. Ф. Пугачев,— всю дальнейшую работу построить так, чтобы вся районная партийная организация активно участвовала в выполнении плана по добыче металла, чтобы план был выполнен досрочно»³¹.

В принятом решении районное партийное собрание наметило конкретные меры по улучшению организации производства, укреплению дисциплины и мобилизации всего коллектива на работу под лозунгами «Все для фронта», «Работать по-фронтовому». Собрание обязало первичные партийные организации активнее помогать руководителям предприятий, используя для этого право контроля деятельности администрации.

Итоги социалистического соревнования было решено подводить ежемесячно и широко их пропагандировать. Обращалось особое внимание на развертывание трудового соревнования в лагерях и его стимулирование мерами морального и материального поощрения. Собрание обязало руководителей комбината регулярно два раза в месяц проводить производственные совещания, создать курсы повышения квалификации для инженерно-технических работников и краткосрочные курсы для подготовки специалистов массовых профессий³².

Решение партийного собрания стало программой работы коммунистов района. Окончание промывочного сезона позволило ускорить строительство жилых и производственных помещений, портовых причалов, аэродрома. 3 декабря 1941 г. на Валькумее вступила в строй обогатительная фабрика № 16. До конца года рудник добыл первые тонны олова. Уже первый год эксплуатационных работ определил значительный удельный вес предприятий Чаунского района в общей добыче олова Дальстроя. Плановые задания на 1942 г. были увеличены в несколько раз. Выполнение их находилось в полной зависимости от работы транспорта. Весной 1942 г. началось строительство первой на Чукотке автодороги Певек — Пыркакай. На прокладке дороги работало 700 рабочих и в порядке воскресников многие жители Певека. «Это был поистине героический труд,— вспоминает А. М. Дубров, ныне председатель Чаунского райисполкома,— в Певеке закрывались все учреждения. Все население с тачками и лопатами уходило на строительство дороги. Работники райкома партии, райисполкома, горного управления были раскреплены ответственными за участки дороги»³³.

Районный партийный актив 20 июня 1942 г. рассмотрел ход выполнения обязательств, взятых коллективами, включившимися во всесоюзное социалистическое соревнование. Лучших результатов добился коллектив рудника «Валькумей», который выполнил майский план на 310%, и коллектив первого участка прииска «Пыркакай», выполнивший в июне годовой план добычи песков. На строительстве морского порта и автодороги получило распространение движение двухсотников и трехсотников³⁴. Партийный актив поставил задачей вовлечение во всесоюзное социалистическое соревнование всей массы рабочих, в особенности отстающих.

В порядке помощи горным предприятиям Дальстроя кадрами Чукотский окружком ВКП(б) направил на работу в промышленность 50 коммунистов и комсомольцев³⁵.

Во время промывочного сезона коммунисты и комсомольцы местных организаций Чаунского района работали на основном производстве в качестве заместителей начальников участков, промывочных приборов и смен, а в свободное от работы время проводили ежедневные беседы о положении

³¹ ПАМО, ф. 1, оп. 2, д. 256, лл. 11—13.

³² Там же, лл. 14—16.

³³ А. М. Дубров. Рассказ о тридцатилетии Чаунского района. — Архив СВКНИИ.

³⁴ ПАМО, ф. 355, оп. 4, д. 122, лл. 13—14.

³⁵ Там же, л. 2.

на фронте и острой необходимости максимального увеличения оборонной продукции³⁶.

К осени 1942 г. прииск «Красноармейский» (Пыркакай) и рудник «Валькумей» оформились в мощные оловодобывающие предприятия, а горнопромышленный комбинат был реорганизован в Чаун-Чукотское горнопромышленное управление (ЧЧГПУ). 10 августа был дан первый проезд по автодороге Певек — «Красноармейский». Грузы на прииск стали поступать регулярно. С прииска вывезли добытые сотни тонн олова. Благодаря высокому трудовому подъему планы и взятые обязательства были перевыполнены. Коллектив прииска взял обязательство выполнить план 1942 г. к 15 сентября, а выполнил досрочно, к 30 августа³⁷. До конца года прииск дал сверх плана 24% металла, из них 9% были добыты путем чрезвычайно трудоемкой осенне-зимней промывки. По количеству добытого металла прииск «Красноармейский» уверенно занял ведущее место среди оловодобывающих предприятий страны³⁸. Досрочно 19 августа выполнил годовой план рудник «Валькумей». Увеличение мощности фабрики № 16 вдвое по сравнению с проектной и окончание строительства фабрики № 17 обеспечили выполнение плана к концу года на 156%³⁹. Каждый процент перевыполнения плана означал дополнительные тонны олова, добытые для нужд фронта тяжелым напряженным трудом горняков и геологов Дальстроя. Только в 1942 г. удельный вес чукотского олова в общей добыче Дальстроя увеличился в три раза. Горные предприятия Чаунского района, объединенные в горнопромышленное управление, превратились в мощный очаг индустриального развития Чукотского национального округа.

В связи с нарастанием масштабов эксплуатационных работ коллективы горных предприятий получили большое пополнение кадрами, в том числе коммунистами. В ноябре 1942 г. в горной отрасли работало 102 коммуниста из 176 коммунистов района⁴⁰. Такое распределение партийных сил при специфических условиях работы Дальстроя вызвало изменение организационной структуры партийного руководства промышленностью. В ноябре 1942 г. был создан Политический отдел, который возглавил всю дальнейшую партийно-политическую и партийно-организационную работу на горных предприятиях Чаунского района. Партийная организация Чаунского района в трудные военные годы мобилизовала все население на успешное выполнение производственных планов, на обеспечение бесперебойной работы горнорудных предприятий Чукотки.

G. C. Roshchupkin

THE COMMUNISTS IN THE FIGHT FOR THE CREATION OF THE MOUNTAIN EXTRACTIVE INDUSTRY IN THE CHUKOTKA

The author considers the earlier not investigated question about the leading role of the Chukotsk district and Chaunsk region Party organizations in the fight for the creation of the mountain extractive industry as a main condition of the whole economic cultural development of the Chukotsk national district.

The difficulties, that were overcome by the creation of the first mountain enterprises in the conditions of Transpolar, were showed on the considerable fact materials. The central place is given to the activities of the Chaunsk Region Comitee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), that was at the head of the whole work in the political education of the miners and control for the economic activities of the industrial enterprises, before the creation in the december in 1942 the political department of Ch. Ch. G. P. U. of Dalstroy.

The most documents are introduced in the scientific turn for the first time.

³⁶ ПАМО, ф. 355, оп. 2, д. 18, лл. 64, 74, 101.

³⁷ Там же, д. 20, л. 65.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 375, лл. 9—11.

³⁹ Там же, л. 13.

⁴⁰ ПАМО, ф. 355, оп. 2, д. 20, лл. 14, 59, 59 об., 109.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Э. Б. Ахназаров

История народного хозяйства Магаданской области представляет яркий пример осуществления на практике ленинских принципов развития производительных сил, наглядно демонстрирует огромные преимущества социалистического способа производства. В необычно короткий исторический срок — немногим более тридцати лет — самая отсталая окраина России превращена в индустриальный район с мощной горнодобывающей промышленностью, рыбной промышленностью, развитыми обслуживающими отраслями хозяйства и сельским хозяйством.

В единой социалистической системе народного хозяйства страны Магаданская область представляет собой регион, ярко выраженные особенности развития которого обусловлены действием двух основных факторов. Это, во-первых, природные факторы: богатство природных ресурсов, особо суровые климатические условия, удаленность от основных промышленно-транспортных комплексов центральных районов страны. И, во-вторых, социально-экономические факторы: пионерный характер промышленно-транспортного освоения края, особые условия формирования населения и трудовых ресурсов, т. е. все те условия и факторы, которые К. Маркс называл общественными комбинациями производственного процесса.

Промышленное освоение природных ресурсов районов Крайнего Севера, осуществляясь как практическое воплощение ленинского плана подъема экономики отсталых районов, экономического и культурного развития малых народов, служило одновременно важным средством эффективного решения актуальных проблем народнохозяйственного развития всей страны в целом. Исторически сложившаяся весьма узкая специализация области во всесоюзном разделении труда была обусловлена на определенном этапе требованиями закона планомерного и пропорционального развития общественного хозяйства в масштабах страны. Вместе с тем в период деятельности бывшего Дальстроя хозяйство Магаданской области развивалось весьма односторонне, в руководстве хозяйственным и культурным строительством допускались серьезные недостатки, отмеченные партийно-правительственными решениями по вопросам дальнейшего развития хозяйства и культуры народностей Севера.

Особенности исторического развития производительных сил края и обусловленный в значительной степени этими особенностями характер современного состояния хозяйства могут быть показаны только при разделении всего рассматриваемого тридцатилетнего периода на ряд этапов формирования и развития общественного хозяйства области. Не задаваясь целью разработки детальной и строгой периодизации истории народного хозяйства области, в настоящей работе мы используем, в основном, главные положения такой периодизации, предложенные ранее советскими историками и экономистами, в частности профессором С. В. Славиным¹

Представляется возможным отчетливо выделить следующие три основных этапа.

¹ С. В. Славин. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961.

1. 1932—1942 годы — первоначальное освоение природных ресурсов края в промышленном масштабе. Развитие горнодобывающей промышленности (в основном золотодобычи) характеризуется преимущественным и подавляющим применением ручного труда, крайне низким уровнем техники на горных предприятиях. Обслуживающие отрасли хозяйства (под ними имеются в виду топливно-энергетическая промышленность, транспорт, машиностроение и металлообработка, промышленность строительных материалов и строительная индустрия и т. п.) находятся в зачаточном состоянии, они обслуживают горнодобывающую промышленность лишь в той степени, в какой не удастся удовлетворить ее нужды с помощью внешних межобластных и межрайонных связей.

2. 1943—1958 годы. Этот этап характерен высокими темпами роста производительности труда во всех отраслях хозяйства, что было связано с повсеместной и интенсивной заменой ручного труда механизированным и автоматизированным. Многочисленные данные показывают резкое повышение механо- и энерговооруженности труда в горнодобывающей промышленности, широкое внедрение передовой техники и технологии. Особое значение имеет характерный для второго этапа новый уровень развития обслуживающих отраслей хозяйства, рост выпуска валовой продукции, повышение удельного веса местного производства в обеспечении потребностей областного хозяйства. Выпуск валовой продукции промышленности строительных материалов в 1961 г. вырос по сравнению с 1950 г. в 64,5 раза, легкой промышленности соответственно в 3,2 раза, пищевой — в 14,6 раз. Таким образом, произошел качественный сдвиг в отраслевой структуре народного хозяйства Магаданской области.

3. Современный этап формирования хозяйства Магаданской области характеризуется еще более возросшим уровнем производительности общественного труда как в отраслях специализации, так и в отраслях обслуживания, продолжающимся сдвигом отраслевой структуры хозяйства в сторону рационализации с повышением комплексности хозяйства, определенными перспективами расширения специализации области во всесоюзном разделении труда путем введения в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых.

Вместе с тем следует учитывать, что реконструкция народного хозяйства области, приведение отраслевой структуры промышленности к рациональному комплексу еще далеки от завершения, а отставание темпов развития топливной, энергетической, пищевой, легкой промышленности, промышленности строительных материалов, в особенности в Чукотском экономическом районе, еще не преодолено.

Современный этап развития производительных сил Магаданской области характеризуется следующими основными особенностями и народно-хозяйственными диспропорциями: в формировании населения и трудовых ресурсов — сохранением неустойчивого характера стабилизации кадров в хозяйстве и населения и возрастающим недоиспользованием собственных резервов трудовых ресурсов; в горнодобывающей промышленности — дальнейшим рассредоточением предприятий золото- и оловодобычи при сокращении сроков отработки месторождений, отставанием в развитии минерально-сырьевой базы от темпов ее промышленного освоения, несоответствием старых традиционных методов приискового строительства новому характеру минерально-сырьевой базы; в обслуживающих отраслях хозяйства — отставанием в развитии энергетического хозяйства от потребностей отраслей специализации и обслуживающих отраслей; недостаточным развитием транспортной сети и транспорта, в особенности в Чукотском национальном округе; отставанием в развитии промышленности строительных материалов и строительной индустрии; отставанием в развитии сферы обслуживания населения от роста его численности, в особенности в Чукотском национальном округе.

Устранение этих диспропорций должно означать, по существу, реконструкцию всего хозяйства области. Именно такая реконструкция, начавшаяся в указанный период и являющаяся важнейшей целью современного этапа развития хозяйства, должна и может обеспечить новый расцвет производительных сил области на новом этапе.

Если, как было сказано выше, развитие производительных сил Магаданской области до 1958 г. представляло пример социалистических культурно-хозяйственных преобразований и было отмечено характерными чертами периода социалистического строительства, то период семилетки и перспектива развития экономики области в 1966—1970 гг. являются периодом развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране, и развитие народного хозяйства области в этот период должно характеризоваться важнейшими чертами коммунистического строительства.

При определении основных направлений развития народного хозяйства области в генеральной перспективе следует исходить из объективной оценки современного уровня экономического развития края и сложившихся основных пропорций его экономики.

Магаданская область входит в состав Дальневосточного крупного экономического района как развитый индустриальный район, основные фонды которого превосходят основные фонды Якутского, Амурского, Сахалинского экономических районов. В области проживает на 1 января 1966 г. 318 тыс. человек, причем свыше 85% составляет городское население. Область характеризуется самым высоким на Дальнем Востоке уровнем занятости населения в общественном хозяйстве, значительно превышающим средний по РСФСР показатель занятости населения в промышленности, строительстве и транспорте. Удельный вес специалистов с высшим и средним образованием более чем в полтора раза превышает соответствующий показатель по Дальнему Востоку, энерговооруженность труда более чем в два раза превосходит среднюю по СССР.

Природные ресурсы области изучены слабо. Детальными геологическими съемками покрыто немногим более 40% территории Колымо-Магаданского экономического района и 5% Чукотского экономического района. Исключая золото и олово, поискам и разведке других полезных ископаемых уделялось до настоящего времени совершенно недостаточно внимания. Отсутствуют достоверные и достаточно полные сведения по гидроэнергоресурсам, земельным и лесным ресурсам, термальным источникам, рыбным запасам. До настоящего времени в хозяйственный оборот вовлечена чрезвычайно незначительная часть природных богатств края. О широких возможностях вовлечения в хозяйственный оборот дополнительных природных ресурсов свидетельствуют данные о наличии в недрах Магаданской области значительной части прогнозных запасов вольфрама, ртути, кобальта и других цветных, редких и рассеянных металлов и элементов, солидные запасы бентонитовых глин и нерудных ископаемых².

Основные пропорции и соотношения, сложившиеся в хозяйстве области к настоящему времени, могут быть охарактеризованы следующими данными о структуре основных фондов хозяйства, валовой продукции и распределении населения, занятого в отраслях общественного хозяйства (на 1 января 1964 г.)

Отрасли хозяйства	Численность занятых рабочих и служащих, в %	Основные фонды, в %	Валовая продукция, в %
Промышленность	32,2	31,6	98,5
Рыбная промышленность	2,0	2,9	11,3
Сельское хозяйство	4,3	3,5	1,5

² С. А. Шайдуrow, Н. А. Шило. Основные направления развития производительных сил Магаданской области.— «Труды СВКНИИ СО АН СССР», вып. 7, Магадан, 1964.

Отрасли хозяйства	Численность занятых рабочих и служащих, в %	Основные фонды, в %
Строительство, капитальный ремонт и проектно-изыска- тельные работы	10,0	0,8
Транспорт	10,0	22,5
Связь	3,0	2,4
Торговля и общественное пи- тание	7,4	4,4
Прочие отрасли материально- го производства	4,8	2,3
Жилищно-коммунальное хозяй- ство	3,8	26,0
Здравоохранение	5,6	1,3
Просвещение	6,6	1,9
Наука, культура и искусство	8,8	0,5
Прочие отрасли нематериаль- ного производства	3,5	2,8

Не анализируя детально структуру основных фондов и валовой продукции отраслей хозяйства, рассматриваемых ниже, обратим внимание на состав и распределение в отраслях населения и трудовых ресурсов области.

Высокие темпы хозяйственного освоения природных ресурсов области и пионерный характер освоения ее территории определяют быстрый рост населения, с преобладанием в его составе трудоспособных возрастных групп — 20—39 лет. По сравнению с 1939 г. население области на 1 января 1964 года выросло на 70%, а Магадана — втрое.

В течение 1959—1964 гг. определился опережающий рост населения Чукотского национального округа, которое за этот период возросло на 55%, тогда как население области в целом — на 25%. При этом наибольшее увеличение численности населения за этот период имели новые районы освоения Чукотского национального округа — Билибинский и Чаунский, население которых выросло соответственно в четыре и полтора раза. Всего на втором этапе формирования народного хозяйства Магаданской области прирост населения составил 120,7 тыс. человек. Таким образом, прирост населения Магаданской области опережает прирост населения РСФСР более чем в два раза.

Возрастно-половая структура населения области также отражает особенности формирования населения районов пионерного освоения Крайнего Севера. В отличие от других районов страны, например Целинного края, где характер производства обеспечивает достаточно равномерное распределение ресурсов мужского и женского труда по сферам их преимущественных занятий уже на стадии пионерного освоения этих районов, а природно-климатические условия не создают ограничений для применения женского труда и труда подростков, в районах пионерного освоения Крайнего Севера эти условия, благоприятствующие нормализации населения по полу и возрасту, отсутствуют. Процессы нормализации состава привлеченного населения здесь происходят значительно медленнее, по мере обживания этих районов и оседания населения.

На первом этапе освоения новых, необжитых районов Крайнего Севера преобладание мужского населения и трудоспособного населения возрастных групп до 35 лет не может рассматриваться как диспропорция. Эти соотношения на первом этапе освоения рациональны и оправданы³. На

³ Здесь, по-видимому, уместно уточнить, что, представляя примерную периодизацию развития народного хозяйства Магаданской области в виде трех этапов, автор предполагает, как само собой разумеющееся, что указанные этапы не отделены друг от друга узкими временными границами, отдельные районы области могут и должны проходить их в различное время. Они характеризуют собой не только хронологическую последователь-

последующих этапах освоения экономического района указанные соотношения в составе населения превращаются в диспропорции, вызывающие нерационально интенсивную миграцию населения, замедление темпов его стабилизации. Это связано с тем, что основой оседания населения является семья, для формирования которой необходимы известные пропорции в составе населения по полу и возрасту. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Магаданской области на 100 мужчин в возрасте 20 и более лет приходится 78 женщин, тогда как в целом по Северу на 100 мужчин — 114 женщин, на Дальнем Востоке — 105 женщин.

К числу показателей крайне медленных темпов нормализации состава населения и его закрепления в области относится и показатель среднего состава семьи, который по городскому населению Магаданской области составил в 1959 г. 3 человека против 3,5 человека по РСФСР, 3,6 человека по Сахалинской области. Наименьший в СССР размер среднего состава семьи городского населения области, оправданный на предшествующих этапах формирования хозяйства, на современном этапе свидетельствует о низком уровне стабилизации населения.

Отрицательное влияние рассмотренной группы факторов, отражающих недостаточную стабилизацию населения и закрепления кадров, на планомерное и эффективное развитие областного хозяйства усиливается региональными особенностями расселения. Население, занятое в горнодобывающей промышленности, расселено преимущественно в участковых поселках горных предприятий, имеющих численность жителей от 50 до 300 человек.

Вследствие низкой людности поселений (средний радиус рассредоточенности населенных пунктов с числом жителей свыше 50 человек относительно административных центров районов составляет 270 км), очагового характера размещения промышленности (территория освоения составляет 12—15% территории области), чрезвычайно низкой плотности населения (2,4 человека на 100 кв. км против 43 человек в Мурманской области) относительно полным комплексом коммунально-бытового, культурного, медицинского и других видов обслуживания пользуются не более 250—270 тыс. человек населения области, сосредоточенного в городах и крупных районных центрах и занятого преимущественно в обслуживающих отраслях хозяйства, в то время как население, занятое в профилирующих отраслях, обеспечивается всеми видами обслуживания значительно хуже.

Эффективное решение, соответствующее требованиям Программы Коммунистической партии по вопросам перспективного развития экономики страны вообще и развития экономики и культуры районов Крайнего Севера в особенности, должно состоять не только в дальнейшем расширении сети обслуживания населения, увеличения численности занятых в сфере обслуживания населения, но и в выборе целесообразной схемы размещения и использования сферы обслуживания, в изыскании и внедрении новых, более мобильных, более эффективных форм удовлетворения постоянно растущих потребностей трудящихся.

Представляется наиболее рациональным, что при освоении новых районов, при небольших сроках службы месторождений и связанной с этим нерациональности крупных капиталовложений в создание непроизводительных объектов кратковременного пользования, освоение района должно базироваться на сочетании постоянных поселков — опорных промышленно-транспортных узлов и баз — с временными поселениями в районах тяготения этих баз. Размещение и ранг опорных баз будут при этом определяться, в первую очередь, их транспортно-географическим положением и перспективной численностью населения районов тяготения. Размещение и

ность развития областного хозяйственного комплекса, но и необходимый и неперенный этап формирования хозяйства каждого района на определенном уровне развития его производительных сил.

ранг временных поселений будут определяться размещением и балансом ресурсов полезных ископаемых. В основу формирования населения новых районов должен быть положен принцип стадийности: надо ориентироваться на переменный состав населения на первой стадии освоения и на формирование постоянного населения на последующей стадии.

Итак, решение проблемы закрепления кадров и стабилизации населения Магаданской области может и должно решаться по следующим основным направлениям:

1) выравнивание и последующее опережение темпов повышения уровня жизни населения области по отношению к районам выхода пришлого населения путем улучшения территориальной организации заработной платы и системы материального обеспечения в целом, а также развития сферы обслуживания населения в соответствующих масштабах и формах;

2) обеспечение полного использования трудовых ресурсов семьи;

3) учет семейного и профессионального состава континентов рабочей силы, завозимой в новые районы, планомерное формирование миграционных потоков мерами экономического и правового регулирования;

4) создание оптимальных санитарно-гигиенических условий жизнедеятельности населения.

Именно в создании оптимальных условий для стабилизации населения, для эффективного размещения и использования в общественном хозяйстве трудовых ресурсов видим мы важнейший путь и решающий показатель эффективности решения проблемы выравнивания уровня экономического развития района, особенно применительно к такому специфическому экономическому региону, как Магаданская область. Пути же и темпы выравнивания уровня экономического развития области определяют, в свою очередь, основные черты и особенности развития ее народного хозяйства.

При сохранении сложившейся специализации хозяйства на весь период генеральной перспективы (а это положение является основой всех разрабатываемых ныне народнохозяйственных планов и схем развития) проблема выравнивания уровня экономического развития Магаданской области будет решаться по следующим основным направлениям:

1) повышение уровня жизни населения, доведение его по основным показателям до уровня жизни, определенного программой коммунистического строительства в стране, устранение диспропорций в развитии сфер мужского и женского труда, создание условий для эффективного использования внутренних ресурсов семьи, как основы оседания пришлого населения на Севере;

2) создание оптимальных пропорций в развитии и размещении отраслей специализации и обслуживающих отраслей хозяйства;

3) повышение уровня механизации и автоматизации производства, постепенное сведение физического труда до минимума, определяемого условиями передовой и специально приспособленной к северным условиям техники и технологии;

4) устранение социально-экономических и культурно-бытовых различий между промышленными и сельскохозяйственными районами области — индустриализация сельскохозяйственного производства⁴.

Одним из ключевых вопросов при решении рассматриваемых проблем является вопрос об определении рационального уровня специализации и комплексности развития хозяйства района. Вопрос об определении круга отраслей хозяйства, развитие которых является эффективным с точки зрения выпуска продукции на всесоюзный или мировой рынок, по существу неразрывно связан с вопросом об определении круга отраслей, составляющих рациональный комплекс народного хозяйства данного региона.

⁴ В. В. Яновский. Некоторые особенности формирования населения и трудовых ресурсов Северо-Востока СССР. — «Известия СО АН СССР», вып. 10, 1965.

Выравнивание уровня экономического развития районов, будучи одной из важнейших закономерностей развития экономики в период развернутого коммунистического строительства, совершенно не предполагает выравнивания показателей производства на душу населения основных видов промышленной продукции, равно как и показателей комплексности освоения ресурсов и развития хозяйства для крупных территориально-хозяйственных областей. Выравнивание уровней экономического развития, приуроченное даже к очень большим экономико-географическим районам при крупнейших сдвигах в размещении и структуре народного хозяйства и для достижения максимальной экономии общественного труда будет осуществляться таким образом, чтобы комплексность и межотраслевые пропорции хозяйства районов на каждом этапе соответствовали уровню развития производительных сил в стране на этих этапах. Именно существующий уровень развития производительных сил в стране определит рациональную специализацию данного региона, экономическую структуру и межотраслевые пропорции районного хозяйственного комплекса.

Вместе с тем, хотя рациональное использование материальных, природных и трудовых ресурсов является общей задачей развития экономики каждого района, пути и средства для осуществления этих целей, естественно, различны для разных районов. Социально-экономические и исторические особенности развития района, его природные условия и ресурсы обуславливают специфику его освоения.

Каким образом должен быть решен вопрос о рациональной специализации района во всесоюзном разделении труда?

Отрасли рациональной специализации района будут развиваться при следующих условиях.

1. Если они выпускают продукцию с меньшими удельными затратами, чем другие районы страны (по расчету для потребителя). К таким производствам в Магаданской области по современной оценке относятся рыбная промышленность, добыча олова.

2. Независимо от экономических показателей, если речь идет о продукции, аналогичной добываемой в других районах страны, но остродефицитной по балансу производства и потребления в СССР (добыча олова, ртути, пушное звероводство). Для этих отраслей особенно важны вопросы снижения себестоимости продукции.

3. Если речь идет о продукции не только остродефицитной, но и уникальной либо особо ценной, используемой для укрепления валютной или оборонной мощи страны (золото, редкие и рассеянные металлы и элементы).

Указанные признаки не исчерпывают все стороны вопроса о рациональном уровне комплексности развития хозяйства района, они только раскрывают прямую связь между состоянием уровня развития производительных сил в стране и рациональной специализацией региона во всесоюзном разделении труда. Эффективность же развития обслуживающих отраслей хозяйства, создание и уровень комплексности экономики региона определяются задачами максимальной эффективности хозяйства района в единой социалистической системе хозяйства страны. Поэтому пути и темпы развития обслуживающих отраслей определяются в региональном хозяйстве не только эффективностью развития отраслей специализации, но и всеми региональными особенностями и перспективами развития регионального хозяйственного комплекса. Такая концепция положена в основу разрабатываемых в настоящее время основных направлений развития и размещения производительных сил области на 1966—1970 гг.

Отличительной особенностью развития народного хозяйства края в этот период будет опережение темпов развития обслуживающих отраслей хозяйства по сравнению с отраслями специализации. Выпуск валовой продукции легкой и пищевой промышленности в 1970 г. должен вырасти в семь раз.

Важнейшая задача этих бурно развивающихся отраслей в 1966—1970 гг. — комплексное использование местного сельскохозяйственного сырья, организация производства нетранспортабельных товаров народного потребления для обеспечения полной потребности населения в его перспективной численности.

Следует отметить, что прямой счет экономической эффективности капиталовложений в развитие упомянутых отраслей хозяйства не может в данном случае быть показательным. Как указывают С. А. Шайдунов и Н. А. Шило в цитированной выше работе, узость местной сырьевой базы и потребительского спроса лимитирует развитие легкой и пищевой промышленности, но при решении рассматриваемого вопроса исключительное значение имеет проблема использования женского труда и установления оптимальных пропорций между отраслями специализации и обслуживания, так как расширение сферы применения женского труда — одно из основных направлений решения проблемы закрепления кадров и стабилизации населения.

До настоящего времени формирование кадров происходит в условиях интенсивной миграции населения и высокой текучести. Только прямые потери рабочего времени в хозяйстве области, связанные с текучестью, составляют ежегодно до 900 тыс. человекодней. В стоимостном исчислении народнохозяйственные потери и непроизводительные затраты, являющиеся прямым следствием текучести, составляют ежегодно свыше 25—30 млн. рублей.

Сокращение потерь, вызванных текучестью кадров, связано также с повышением уровня жизни трудящихся. Необходимо создать на Крайнем Севере полный комплекс материальных и культурных благ, не только отвечающих современным нормативам и фактическому состоянию в центральных районах страны, но и компенсирующих вредное влияние суровых природно-климатических и экономико-географических условий Севера.

Производство нетранспортабельных или скоропортящихся товаров народного потребления на душу населения должно быть уравнено с достигнутым в других районах страны.

В этом отношении показательны данные о производстве продукции пищевой промышленности на душу населения (по данным 1962 г., в %)

В среднем по СССР	100
В среднем по РСФСР	105
По районам Дальнего Востока	88
По Магаданской области	57

Резкое отставание Магаданской области в производстве жизненно необходимых видов продукции народного потребления не может быть оправдано нерациональностью развития областной пищевой промышленности, так как в конечном счете приводит к значительному удорожанию всего регионального хозяйственного комплекса в общем народном хозяйстве страны. Поэтому преимущественное (по темпам) развитие таких отраслей обслуживания, как пищевая и легкая промышленность, является обязательным условием и характерной особенностью развития народного хозяйства области в перспективе 1966—1970 гг.

В связи с рассмотрением вопроса о создании достаточно высокого жизненного уровня населения и особенно в связи с вопросом повышения эффективности всего хозяйственного комплекса области находится вопрос о реконструкции и расширении, а по существу о создании заново областной промышленности строительных материалов и строительной индустрии.

В 1966—1970 гг. жилищное строительство в Магаданской области должно развернуться в темпах, опережающих средние по СССР, РСФСР и Дальнему Востоку. Это положение находит свое подтверждение в сопо-

ставлении данных об обеспеченности жильем городского населения разных районов Дальнего Востока (в кв. м на душу населения).

	На 1.1 1960 г.	На 1.1 1962 г.	Расчеты Дальплана на 1970 г.
Дальний Восток (без ЯАССР)	5,9	6,3	8,2
Хабаровский край	5,9	6,3	8,0
Сахалинская область	6,0	6,7	8,5
Магаданская область	5,4	5,7	9,0

Рассматривая перспективы расширения жилищного строительства в области и возникающие в связи с этим важные задачи строительной индустрии, следует иметь в виду трудности эффективного освоения капитальных вложений, в частности в жилищное строительство, связанные с острым дефицитом рабочей силы, чрезвычайно высокой стоимостью строительства в целом (в 3—5 раз выше, чем в центральных районах) и ее составляющей по трудовым затратам в особенности, с региональными природно-географическими особенностями (короткий строительный сезон, транспортная удаленность области и разобщенность районов) и крайне низким уровнем развития практически только создаваемой базы строительной индустрии и промышленности строительных материалов.

Таковы факторы, обусловившие необходимость опережающих темпов обслуживания отраслей хозяйства в области в 1966—1970 гг.

Выше было отмечено, что перед горнодобывающей промышленностью области в настоящее время стоит ряд важных задач, главные из которых — ликвидация диспропорции между темпами развития горной промышленности и ее минерально-сырьевой базы, а также диспропорции между темпами освоения месторождений полезных ископаемых и темпами капитального строительства и освоения капиталовложений в непроектные основные фонды. Обе эти проблемы взаимосвязаны общими задачами поисков новых организационно-хозяйственных способов и форм освоения природных ресурсов края. Речь идет о коренном пересмотре взглядов на способы организации труда в горной промышленности Северо-Востока, об организации мобильных и максимально приспособленных к природным условиям россыпей предприятий-участков с высококвалифицированными кадрами, со специально приспособленной к конкретным условиям Севера техникой и технологией, с соответствующими формами оплаты труда, зачастую значительно отличающимися от ныне применяемых, унифицированных для всех районов страны и не соответствующих специфическим региональным и отраслевым особенностям горной промышленности Крайнего Севера. Эти изменения в организации труда и системе распределения материальных благ должны происходить по следующим основным направлениям.

1. Внедрение в практику экспедиционного метода освоения месторождений с организацией мобильных участков-предприятий, обслуживаемых максимально ограниченным контингентом работников, владеющих широким кругом профессий и связанных единым комплексом работ с единой комплексной системой оплаты.

Под экспедиционным способом освоения россыпных месторождений золота нами понимается такой способ, при котором: а) горно-эксплуатационные участки оборудуются промышленными и жилищно-бытовыми зданиями и сооружениями сборно-разборного и передвижного типа, которые можно перенести и повторно использовать при освоении новых месторождений; б) станы приисков или межприисковые центры, приобретая характер крупных жилищно-бытовых и производственно-технических баз большого радиуса действия, привязываются к промышленно-транспортным комплексам с широкими возможностями круглогодичного эффективного использования трудовых ресурсов.

При новом характере использования участковых зданий и сооружений изменяются основные направления в проектировании конструкций построек и выборе соответствующих материалов, методов строительства, способов снабжения и транспортировки и т. д. Резкое сокращение объема капитального строительства открывает пути сокращения удельных капиталовложений и эффективного использования высвобождающихся средств в народном хозяйстве. Централизация и укрупнение жилищно-промышленных комплексов имеют важнейшее значение для приведения в соответствие темпов роста капиталовложений в жилищно-бытовое строительство и темпов абсолютного прироста используемого жилого фонда области.

Следует особо отметить вытекающие из широкого внедрения экспедиционного способа изменения в характере деятельности смежных и сопряженных с золотодобывающей промышленностью отраслей народного хозяйства области и структуры соответствующих капиталовложений. Возрастет в связи с этим значение затрат из общественных фондов потребления в общей системе материального стимулирования и распределения материальных и культурных благ.

2. Повсеместное и всемерное внедрение механизации и комплексной автоматизации производства, как единственно возможного и действенного (особенно для горной промышленности Крайнего Севера) способа повышения производительности общественного труда, стирания противоположности между умственным и физическим трудом. Производственные расчеты показывают, что для предприятий, разрабатывающих россыпи Северо-Востока, простое увеличение общего объема механизмов и машин, повышение фондовооруженности труда, рост численности трудящихся, занятых механизированным трудом, вопреки ожидаемому на первый взгляд не вызывает повышения уровня механизации труда. Это кажущееся противоречие объясняется отсутствием комплексной механизации всех производственных процессов, что является причиной опережающих темпов роста численности работников, занятых на вспомогательных операциях ручным и полуручным трудом. Действительно, по укрупненным расчетам, ввод в действие 100 бульдозеров на прииске с открытой разработкой песков и, следовательно, увеличение численности машинистов бульдозеров на 300—350 человек вызывает увеличение численности рабочих вспомогательных профессий, занятых ручным и полуручным трудом на 450—600 человек; т. е. уровень механизации труда в своем численном выражении уменьшается. Тем самым подтверждается особенно важное для Магаданской области значение комплексной механизации и автоматизации производственных процессов и необходимость ускоренного развития этого направления технического прогресса в области даже по сравнению с соответствующими показателями по центральным районам страны.

3. Особое значение приобретает и вопрос об использовании в производстве специально приспособленной для региональных условий техники и технологии. В настоящее время использование неприспособленной техники и технологии наносит народному хозяйству огромные потери, составляющие только по Дальнему Востоку ежегодно свыше 50 млн. рублей. Задачей первоочередной важности становится создание и широкое внедрение в практику специально приспособленной техники и технологии, так как это направление технического прогресса, характерное для развития производства и по стране в целом, для районов Крайнего Севера является необходимым средством сокращения огромных народнохозяйственных потерь, связанных с освоением и вовлечением в хозяйственный оборот богатейших природных ресурсов Севера, с созданием в районах Севера всего необходимого оптимального хозяйственного комплекса, для повышения производительности общественного труда и эффективности капитальных вложений.

4. Перечисленные в пунктах 1 и 2 условия определяют резкое возрастание в планируемом периоде по сравнению с предыдущим десятилетием

и при сопоставлении с данными по стране степени обобществления труда, что является характерной и важнейшей чертой развития производительных сил в период развернутого строительства коммунизма.

Магаданская область в настоящее время представляет собой район, в хозяйстве которого нематериальная сфера занимает важное место как по своему значению для эффективного развития производительных сил области, так и по абсолютной величине используемых в этой сфере областного народнохозяйственного комплекса материальных и трудовых ресурсов. Так, численность занятых в нематериальной сфере (жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, просвещение, наука, культура, искусство и т. д.) составляет свыше 25% общей численности занятых в общественном производстве, а основные фонды — свыше 30% общей суммы основных фондов. По многим показателям такие отрасли нематериальной сферы, как здравоохранение, просвещение, коммунально-бытовое хозяйство, по Магаданской области в прямом счете превосходят соответствующие показатели по РСФСР и отдельным экономическим районам. Так, число мест в детских учреждениях, приходящееся на 1000 человек населения, в Магаданской области выше, чем в среднем по РСФСР почти в два раза. То же и в отношении числа мест в больницах и поликлиниках на 10 000 человек населения, численности врачей и т. д. Однако приведенные данные могут служить критериями только для количественной, но ни в коем случае не качественной оценки действительного положения.

Как указывалось выше, специфические условия области весьма затрудняют обеспечение населения необходимым минимумом стационарного коммунального, медицинского, торгового, культурного обслуживания, несмотря на увеличение численности трудящихся, занятых в сфере обслуживания. Для районов пионерного промышленно-транспортного освоения вообще и для районов Крайнего Севера с их чрезвычайно низкой плотностью и большой рассредоточенностью населения в особенности не могут быть пригодны применяемые в настоящее время нормативы исчисления потребления общественных фондов.

Если в настоящее время удельные капитальные вложения в общественные фонды потребления в Магаданской области значительно превышают соответствующие показатели по РСФСР, то в генеральной перспективе при условии формирования рациональной структуры занятости населения в отраслях народного хозяйства величина капитальных вложений в общественные фонды потребления и важность их эффективного использования будут непрерывно возрастать.

Сравнительные данные за 1960 и 1965 гг. показывают, что сложившиеся отраслевые пропорции занятости населения сохранятся и в дальнейшем при возрастании численности занятых в обслуживающих отраслях хозяйства и в нематериальной сфере⁵.

Численность работников, занятых в отраслях специализации, на 1000 человек

	1960 г.	1965 г.
Топливная промышленность	115	82
Энергетическая промышленность	140	109
Машиностроение и металлообработка	319	385
Промышленность стройматериалов	86	119
Лесная промышленность, лесное хозяйство	130	212
Легкая промышленность	110	135
Пищевая промышленность	79	139
Сельское хозяйство	299	312
Транспорт и связь	887	873
Торговля и общественное питание	491	662
Просвещение, культура, наука	965	1183

⁵ В. В. Яновский. Указ. соч.

Численность работников, занятых в отраслях специализации, на 1000 человек

Здравоохранение, физкультура, соцобеспечение	402	415
Жилищно-коммунальное хозяйство	133	195
Управление	217	227

Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что если дальнейшее увеличение численности занятых в обслуживающих отраслях хозяйства по отношению к занятым в отраслях специализации служит показателем определенной нерациональности, неэффективности существующих хозяйственных пропорций в распределении численности занятых, то перспективное возрастание численности занятых в нематериальной сфере как один из признаков опережающих темпов развития этой отрасли общественного хозяйства определяется спецификой Магаданской области, недостаточным развитием непроизводственной сферы хозяйства в современный период, большой рассредоточенностью населения и является одной из важнейших особенностей развития народного хозяйства области в 1966—1970 гг.

Подведем итоги.

Основные особенности развития народного хозяйства Магаданской области в 1966—1970 гг. определяются региональными природно-географическими и климатическими условиями области, пионерным характером промышленно-транспортного освоения края, исторически сложившейся и экономически оправданной в современный период и на близкую перспективу весьма узкой специализацией области во всесоюзном разделении труда, специфическими условиями формирования населения и трудовых ресурсов области, характером технического прогресса и особенностями технологии и организации производственных процессов в профилирующих отраслях промышленности, уровнем развития производительных сил страны и региона в современный период.

Основные социально-экономические особенности развития народного хозяйства Магаданской области на 1966—1970 гг. состоят в следующем.

1. Обслуживающие отрасли хозяйства (топливно-энергетическая промышленность, легкая и пищевая промышленность, промышленность строительных материалов и строительная индустрия, транспорт, материально-техническое снабжение и сбыт, торговля и общественное питание т. д.) в Магаданской области должны развиваться быстрее профилирующих (цветная металлургия, рыбная промышленность), причем особенно интенсивно будут развиваться отрасли народного хозяйства, производящие разнообразные товары народного потребления.

2. При развитии старых и размещении новых хозяйственных объектов в указанный период будет приниматься во внимание необходимость рационального использования трудовых ресурсов, закрепления кадров и оседания населения на Крайнем Севере СССР.

3. Обеспечивается всемерное и максимально приспособленное к региональным особенностям хозяйства развитие нематериальной сферы общественного хозяйства путем дополнительного вовлечения природных, материальных и людских ресурсов и совершенствования форм и методов обслуживания.

4. Специфика развития минерально-сырьевой базы и производственно-технические особенности профилирующих отраслей обуславливают широкое внедрение в практику новых организационно-хозяйственных форм и методов освоения природных ресурсов и связанные с этим значительные изменения в существующей системе распределения материальных и духовных благ.

5. Повсеместное и всемерное развитие комплексной механизации и автоматизации производства, обусловленное новым уровнем развития производительных сил и особенно для условий Крайнего Севера специфическим характером технического прогресса, имеет для Магаданской области решаю-

щее значение в деле повышения производительности общественного труда и получит в перспективном периоде темпы, во многих случаях опережающие соответствующие показатели по СССР в целом.

6. Указанный характер развития производства и связанные с ним серьезные изменения в системе распределения материальных благ являются проявлением важнейшей особенности развития народного хозяйства Магаданской области в период развернутого строительства коммунизма — значительного роста степени обобществления труда.

ЛИТЕРАТУРА *

- А лам п и е в П. М. Новые черты размещения производства в период развернутого строительства коммунизма.—«Известия АН СССР» 1961, № 5.
- А х н а з а р о в Э. Б. Пути повышения эффективности использования основных фондов золотодобывающей промышленности.— В кн. «Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР» («Труды СВКНИИ СО АН СССР», вып. 7), Магадан, 1964.
- А х н а з а р о в Э. Б., Ваулин В. Г. О новых направлениях развития приискового строительства на Северо-Востоке СССР.—«Известия СО АН СССР», 1963, вып. 3.
- А х н а з а р о в Э. Б., Кулагин В. И. Приисковое строительство на Крайнем Севере.—«Колыма», № 11, Магадан, 1964.
- Б а т а е в а Т. И. К вопросу об уровне жизни населения Магаданской области.— В кн. «Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР» (Тр. СВКНИИ СО АН СССР, вып. 7), Магадан, 1964.
- Г р а н и к Г. И. Вопросы освоения природных ресурсов Северо-Востока СССР.—«Известия СО АН СССР», 1961, вып. 7.
- Г р о м о в Е. А. О факторах повышения эффективности общественного производства. М., 1964.
- «Капитальное строительство в СССР», М., 1962.
- К о л д а м а с о в Ю. И. Экономические связи в народном хозяйстве СССР, М., 1963.
- Н е м ч и н о в В. С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил.—«Вопросы экономики», 1961, № 6.
- «Проблемы развития производительных сил Магаданской области», М., 1961.
- П р о б с т А. Е. Размещение социалистической промышленности. М., 1962.
- «Резолюции регионального научного совещания по развитию производительных сил Магаданской области», Магадан, 1959.
- «Рост общественного производства и пропорции народного хозяйства СССР», М., 1962.
- «Учет природного и географического факторов в ценообразовании», М., 1964.
- Ч и с т я к о в И. П. Вопросы подъема культуры, хозяйства и быта малых народов Магаданской области. М., 1959.
- Ш а п а л и н Б. Ф., Ягодин Ю. Н. Лесные ресурсы и лесная промышленность Магаданской области и перспективы ее развития. М., 1959.
- Ш и л о Н. А. Итоги внедрения новой техники, новых технологических процессов и законченных научных исследований на горных предприятиях Дальстроя. Магадан, 1955.
- «Экономическая конференция Северо-Восточного совнархоза. Доклады и резолюции», Магадан, 1964.
- Я н о в с к и й В. В. Особенности формирования и использования трудовых ресурсов Северо-Востока СССР.—«Колыма», № 9, Магадан, 1964.
- Я н о в с к и й В. В., Орловская Л. И. Формирование кадров народного хозяйства Магаданской области в современный период.—«Колыма», № 7, Магадан, 1962.
- * Кроме работ, упомянутых в сносках, по данной теме рекомендуется литература, приведенная в этом списке.

Е. В. Akhnazarov

ON SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF MAGADAN REGION IN THE PERIOD OF THE COMPREHENSIVE COMMUNIST BUILDING

The development of the national economic of Magadan region is characterized on the modern stage and in the general perspective of 1965—1980 with the outstripping rates of growth of the gross output and the level of technical armament of labour in the attending staff branches of the economic, with increasing of the complex economic, with growth of the output of national consumption, with wiping off of the basic disproportions in the distribution and use of the working resources, of the region. On the major indices of growth of standart of life of the workings the development of the national economic of the region must be characterized with the definite outstripping in the comparison with other regions of the country.

ЭТНОГРАФИЯ

О ПЕРЕЖИТКАХ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ (УРКАЧАК) СРЕДИ ЭВЕНОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

У. Г. Попова

У эвенов Магаданской области в числе других пережитков прошлых первобытно-родовых представлений и обычаев сохранился до наших дней древний обычай коллективного поедания мяса убитого медведя с особым ритуалом угощения — уркачак, известный в обиходе как медвежий праздник, который в индоевропейской форме называют «старикова (старухина) свадьба».

В Ольском районе такой обряд над убитым медведем был совершен в одной из отдаленных оленеводческих бригад колхоза «Рассвет» в 1953 г. Сообщил об этом колхозник Н. А. Канаев. Последний отголосок былых «медвежьих праздников» был отмечен в Билибинском районе в 1961 г. около реки Омолон в бригаде совхоза «Аньюйский». Об этом рассказала учительница-эвенка У. В. Дельянская.

Отдельные элементы этого ритуального обряда с магическими формулами, произносимыми над убитым медведем, сохранились еще в памяти старшего поколения представителей эвенской народности, о чем сообщено автору во время этнографических поездок в 1961—1963 гг. в Ольский, Северо-Эвенский и Билибинский районы.

Наиболее подробные сведения об обычае ритуального поедания медвежьего мяса были получены в Ольском и Северо-Эвенском районах от колхозников П. В. Трохалева, 60 лет; Г. П. Громова, 48 лет; пенсионера И. И. Олькина, 69 лет; П. Н. Щербакова, 67 лет; И. П. Громова, 45 лет.

Пережитки былых запретов в быту эвенов автор этого сообщения наблюдала сама. Дополнительные факты, связанные с прошлыми особенностями охоты на медведя, дали беседы со многими пожилыми колхозниками и колхозницами в колхозах «Рассвет», «Путь Ленина», «Новый путь», в совхозе «Аньюйский». Среди основной массы пожилых эвенов, особенно женщин, в Ольском и Северо-Эвенском районах еще бытуют запреты, выражающиеся одним словом — «тонгкэкич», которое переводится как «нельзя», «запрет», «грешно».

«Тонгкэкич» летом лишней раз упоминать о медведе. На вопрос — почему тонгкэкич? — ответа обычно нет. Один раз при близком знакомстве в виде особого доверия было дано объяснение: «летом-то он (медведь) повсюду ходит, все слышит. Вдруг при встрече рассердится?». Старые женщины не рассказывают сказок о медведе, потому что нельзя, грешно, тонгкэкич. Вообще женщинам нельзя говорить о медведе.

В Ольском районе распространено и другое слово, которое переводится тоже как «грех», «грешно» — нёне. Говорят «нёне» в связи с запретами, налагаемыми православной моралью, чаще всего детям и молодым людям. Поступать дурно по отношению к старикам, родителям — нёне. Ругаться плохими словами, жениться на родственнице — все это грех, нёне. Но много говорить о медведе, бахвалиться успехами, обижать людей, смеяться над человеком — об этом обязательно говорят «тонгкэкич».

С охотой связано еще два слова, которые переводятся как «нельзя», «запрет» — хинимкин и нуручин. Слово «медведь» (по эвенски «накат») у

эвенов было табуированным, вместо него в речи употребляли различные эвфемизмы. Старые и пожилые эвены в разговоре между собой всегда именуют медведя в иносказательной почтительно-иронической форме. В Ольском районе вместо «накат» употребляли следующие названия: «амика» (батушка), «мэмэкэ» (страшный), «кэки» (старшенький или крестный), «этыкэн» (старик), а то и «русское» слово «дедускэ». В Северо-Эвенском районе медведя именовали «этыкэн» (старик), медведицу — «атыкан» (старуха), в Билибинском районе — «мамэчан» — свежати́на (свежее мясо). В других районах существовали следующие наименования медведя: «ялрандя» (темный, черный), «абага» (дядюшка), «агды» (гром издающий), «хигамнгэ» (свежевальщик), «хэвъя» (вылезаящий), «дэрикэн» (удирающий), «кобалан» (трескучий), «хукэчэн» (шатун), «окисэн» (шатающийся). Все эти эвфемизмы находятся в прямой связи с запретом тонгкэкич.

Изучение этих запретов, пережитков прошлой идеологии, прошлого комплекса представлений, сохранившихся в быту и сознании народа, представляет большой интерес, так как дает конкретный материал и ценный источник при разработке проблем генезиса первобытного общества, проблем происхождения религиозных верований, а также факты для пропаганды научно-естественных и атеистических взглядов среди населения. Эвенские обряды над убитым медведем — пережиток древнейшего культа медведя, существовавшего у многих народов северного полушария. Большинство исследователей первобытных религиозных верований относят происхождение культа медведя к эпохе матриархальной родовой организации¹.

В сравнении с обрядами, связанными с культом медведя у других народов, обряды эвенского медвежьего праздника имеют большое сходство с идентичными обрядами эвенков, близких к эвенам по происхождению².

Эвены, как и эвенки, охотились на медведя в определенное время года — поздней осенью, при выпадении первого снега, и в конце зимы, когда снег не начинал еще таять. В это время охотиться на медведя считалось «хорошо», было правомерным. Случайная находка медвежьей берлоги в эти периоды почиталась за счастье, тем более, что к зиме мясо медведя было жирным, вкусным, а к весне при окончании запасов продуктов, оно приходилось весьма кстати. Поздней весной и летом старались всячески избежать встреч с медведем. Идя на охоту за другой добычей, заботились о том, чтобы не встретить медведя, а если знали, что медведь близко, про себя повторяли заклинание-просьбу: «Эмикэн ичугрэн, хоми хи бисынры, бу эсу хину осэйры, эмнгэли бигрэнэнри, эсып хину коемсы», что означает: «Не показывайся, ты, чародей (волшебник), мы тебя не дразним, ты отправился (жить, обитать) в приволье (на простор), мы не хотим тебя видеть» (переводы даны К. А. Новиковой). Если летом была необходимость добыть медведя ради мяса, охотник искал его и произносил другую магическую формулу: «айла горла бигрэнэнри» (ты отправился в прекрасную даль).

Особенности охоты на медведя в начале зимы в Ольском районе состояли в следующих обрядах. Охотник, нашедший берлогу, обойдя ее кругом, подходил к ней и приговаривал, обращаясь к медведю, спящему в берлоге, с просьбой: «Хи эмикэн игдэчкырэр» (не подавай голоса).

Возвращаясь домой, охотник отмечал вехами-зарубками дорогу на деревьях, чтобы на следующий день найти ее. Придя домой, он принимался за приготовление к охоте, никому вслух не сообщая о ней: приводил в порядок лыжи, точил ножи, прочищал ствол ружья и т. д. Молчание было предосторожностью, чтоб не узнали женщины. Сосед, зашедший его навестить

¹ В. Г. Богораз. Миф об умирающем и воскресающем звере. — «Художественный фольклор», М., 1926, № 1; В. А. Анисимов. Религия эвенков. М.—Л., 1958. Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. Красноярск, 1963.

² В. А. Анисимов. Указ. соч.

после охоты, как положено по традиции, увидев его в юрте за тщательными приготовлениями, догадывался, что тот нашел медвежью берлогу. Ничего не говоря, он уходил и тоже принимался за приготовления.

На следующий день на рассвете охотник, нашедший берлогу, уходил обратно в тайгу. К нему при его молчаливом согласии присоединялись в помощь его товарищ и еще двое-трое, тоже ближайших друзей. Захватив кроме ружья, острые ножи и крепкие ремни-арканы, они шли к найденной берлоге на широких лыжах с опорными палками по вехам-зарубкам, проложенным накануне тем, кто нашел берлогу. Подойдя осторожно к берлоге, они еще раз осматривали ее со всех сторон, а один из них взбирался на верх берлоги и, проделав в тонкой крыше небольшое отверстие опорной палкой трогал, «шевель» медведя, залегшего в спячку. Таким способом определялись размеры, возраст и пол медведя.

Затем охотники рубили большими ножами две крепкие и длинные ливенницы, делали колья и втыкали их крест накрест перед самым входом в берлогу, чтобы поднятый медведь не мог быстро выскочить. Для прочности крестовину закрепляли ремнем-арканом. Затем встав полукругом перед входом в берлогу, они ожидали выхода медведя. Старший из них, снова взобравшись на верх берлоги, начинал лыжной опорной палкой сильно беспокоить медведя. Если в берлоге была медведица, то ожидание длилось дольше обычного. Медведь просыпался и, разъяренный неожиданным беспокойством, выскакивал. Крестовина из жердей его несколько задерживала, медведь просовывал голову под нее и тут раздавался выстрел — один, второй. Убитый медведь падал головой вперед при выходе из берлоги, а туша оставалась в самой берлоге. Убедившись в том, что медведь убит, старший из охотников расширял отверстие в крыше, спускался в берлогу и накидывал на шею убитому медведю крепкий аркан-маут. Общими усилиями охотники выволакивали убитого зверя из берлоги. Старший строгал тонкую палку, длиной не более 40 см и, раскрыв пасть убитого зверя, вставлял эту палку поперек рта. Добычу укрывали и уходили до следующего дня. Возвратившись с охоты домой, старались ничем не выдать своего успеха женщинам. Об убитом медведе громко не сообщали, это запрещалось. Охотник, нашедший берлогу, немного отдохнув, заходил к старейшему в стойбище мужчине. Улучшив подходящий момент, он со всеми предосторожностями сообщал ему о добыче и предлагал принять в дар («в нимат») убитого медведя. Отказываться от такого дара не полагалось, считалось грешным, неприличным, не достойным старого человека. Предложение в нимат добытого медведя было оказанием большой чести старшему со стороны более молодого охотника. Принявший в нимат добытого зверя именовался нимак, он был обычно наиболее опытным из соседей, чаще всего из сватов. Нимак и все участники охоты на следующее утро отправлялись к месту добычи для разделки туши убитого медведя. Нимак снимал шкуру и руководил всей работой по обработке туши.

Разделка туши убитого медведя сопровождалась традиционным приговариванием и пением.

Шкуру снимали, разрезав ее вдоль живота. В зависимости от каких частей туши снималась шкура, нимак произносил соответствующие звуки. Вырезая шкуру около глаз, он каркал «кох-кох», около ушей — издавал короткий, отрывистый свист «ффью», снимая шкуру с конечностей, отрывисто стонал «нгы!», около заднего прохода — издавал звук, имитируя выход газов: «пук-пук!» На снятой шкуре глазные отверстия зашивались красной материей. Нимак строго следил за тем, чтобы ни одной капли крови не упало на землю. Рубить, дробить кости не полагалось, а следовало отделять их по суставам. Отделяя мясо от костей, нимак пел: «Чамакчана киргаддын, дилики киргаддын, киргаддын...» (мышы грызут, горностаи грызут (и) грызут). Остальные хором подхватывали припев: «киргаддын, киргаддын». Когда отделяли голову от туши, приговаривали: «Экмэкэчиддыкун экин-

гур» (нашу общую, самую старшую сестру давайте считать своей сестрой). Внутренности, сухожилия с конечностей, сало, печень, сердце собирали вместе и приговаривали: «Удимчингканти» (потрошки наши). Ломая по суставам конечности, нимак стонал: «Рэ-тэ-тэ бодылыт тилтаркиттын, чиликаякан оламканни» (рэ-тэ-тэ, нога наша подвернулась, бурундучишка испугал). Отделяя сало от мяса, говорили: «Дуды», т. е. мужская и женская нательная рубаша из шкур молодого оленя шерстью вниз, которую надевали под верхнюю меховую одежду, вроде жилета. Часть добычи: голову, внутренности, переднюю часть туши, конечности после разделки убитого медведя увозили в стойбище в тот же день, когда разделяли, а остальную часть — на следующий день. По возвращении домой после разделки нимак готовился к устройству общему мужского пира — праздника уркачак.

Менщины, заметив все эти приготовления и догадавшись о добыче, уходили из юрты нимака. Первыми догадывались старухи и, ничего никому не объясняя, уводили всю женскую половину в другую часть стойбища и сидели в дальней юрте, пока происходил уркачак. При этом они строго следили за тем, чтобы никто из женщин, особенно молодых, не проявлял любопытства. «Тонгкэкич» — нельзя. Никому из посторонних об убитом медведе не сообщалось, о празднике поедания медвежьего мяса не объявлялось. Уркачак был внутренним праздником мужчин одного стойбища, одного рода. Охотнику, нашедшему берлогу, нимак отдавал желчь медведя, которая использовалась как лекарство, желая ему терпения и стойкости. Все медвежье мясо полагалось съесть за три дня. Впрок медвежатина не заготавливалась. Собакам грызть кости и лизать капли крови медведя строго запрещалось. Всех их уводили подальше и привязывали. В юрте куски мяса из передней части туши медведя развешивались на поперечных, выше очажных вешалах. На улице перед юртой разжигали костер и на воздухе варили голову, язык и сердце, а в юрте — легкие, грудь, внутренности и лапы. Лапы перед варкой поддевали на рожны и грели, поставив подошвами к огню, чтобы кожа отставала. Затем, сняв кожу, как перчатки, клали лапы в котел вместе с внутренностями и варили. Голову перед варкой аккуратно разрезали ручной пилой.

Когда мясо было готово, все мужчины собирались в юрте нимака. Усаживались вокруг очага строго по старшинству. На почетном месте рядом с самым старшим, нимаком, справа от него садился охотник, нашедший берлогу. Нимак вынимал мясо, разрезал его на кусочки и подавал всем по очереди на кончике ножа. Откусывать от кусков медвежьего мяса не полагалось, надо было отрезать ножом по маленькому кусочку и есть; нельзя было дробить кости, а надо было осторожно их отделять по суставам и сочленениям.

В первую очередь ели мясо с грудных костей. Вынимая его, из котла на блюдо, приговаривали: «Эрэк туркичингканти» (это нарточка наша).

Нимак, медленно отрезая по кусочку, подавал всем по очереди, соблюдая старшинство. Мясо из передней туши было наиболее священным, его ели не спеша, благоговейно. Когда ели язык, приговаривали: «Эрэк калдыкичингканти» (наш язычок, высовывающийся при тяжелом дыхании). И каждый, начиная со старшего, прежде чем съесть кусочек языка, издавал два раза звук хрипящего дыхания «ыых-ыых». Вынимая из котла сердце и разрезая его на кусочки, приговаривали: «Дёлынгканти» (камешки наши). Маленькие кусочки сердца бросали в рот как камешки и проглатывали. Затем нимак вырезал ножом из сваренной головы глаза, а охотник, нашедший берлогу, в это время каркал по-вороньи: «Кохх-кохх-кохх!» Разрезая глаза по крохотному кусочку, приговаривали: «Эрэк осикатынгканти» (это звездочки наши). Каждый, прежде чем съесть кусочек глаза два раза издавал карканье. Держа череп медведя левой рукой, нимак просовы-

вал правую руку под левое колено и таким образом вырезал височное мясо. Затем, положив этот кусок мяса на блюдо, держа его левой рукой, нарезал правой на крошечные кусочки, потом, просунув правую руку с кусочком мяса на кончике ножа под правым коленом, подавал всем по очереди. Если попадался кусочек мяса с клыком, нимак, подавая его кому-либо, приказывал: «Нёрыкадали» (приблизительно: проведи острием лыжного посоха по земле, по снегу). Кому попадалась нижняя челюсть, тот приговаривал: «Нёрыкангты» (наша лыжная палка для спуска с гор). Расчленения кости, нимак издавал отрывистый стон: «Нгы»!

Легкие медведя ели все из одной чашки. Каждый отрезал себе по кусочку и съедал. Беря кусочек мяса с передних конечностей, прежде чем отправить в рот, приговаривали: «Манангыт» (передние лапки наши). Когда ели мясо с живота, произносили: «Эрэк нэлынгытэ» (это передничек наш).

По окончании обряда поедания мяса убитого медведя устраивали спортивные состязания, боролись и веселились. В это время закладывали вторую очередь мяса для варки. Варили все куски, оставшиеся от передней части туши, и остатки мяса, снятые со шкуры. Во второй раз вместе со взрослыми мужчинами за еду садились и мальчики-подростки. Нимак, прежде чем угостить их медвежьим мясом, рисовал им сажей, смешанной с медвежьим жиром, усы. Тем мальчикам, которые ели медвежатину впервые, ко рту прикладывали кольца из прутьев карликовой березы, и кусочек мяса надо было отправлять в рот через них.

Мальчиков предупреждали, что мясо нельзя откусывать, а надо отрезать по небольшому кусочку. Смеяться, шалить и вольничать строго запрещалось. Старики говорили, что медведь не терпит неуважения, а кто грызет его мясо, ест со смехом, вольничает, того «он», медведь обязательно накажет при случае.

На второй день привозили с места охоты оставленную там часть туши убитого медведя. Варили его в юрте. На этот раз обряд поедания был уже общеколлективным: в нем принимали участие и женщины. Некоторые женщины отказывались есть медвежатину. Остальные садились в общий круг у очага в порядке старшинства.

Вынимая мясо от задней части туши на блюдо и разрезая его на кусочки, приговаривали: «Тэгынингкэнти» (наши нижние части покрывашек для юрты).

Старшая из женщин, получив кусок мяса, отрезала от него маленький кусочек и кидала в костер очага, принося благодарственную и искупительную жертву. Остальные женщины проделывали то же самое. Это общеколлективное пиршество заканчивалось общим танцем «хэде». Танцевали до рассвета. На рассвете женщины расходились по домам, а мужчины, оставшись в юрте нимака, устроителя праздника уркачак, готовились к заключительной его части — похоронам черепа и скелета медведя.

Женщинам присутствовать при этом строго запрещалось. Кости убитого и съеденного медведя собирались в анатомическом порядке. Бросать их, небрежно кидать не полагалось. Хоронили медведя так, как в старину хоронили людей: на деревьях, стоящих близко друг к другу, устраивали специальный помост-площадку, куда складывали весь скелет и череп.

Сначала устраивали обряд наряджения — ангадык. Если убитый медведь был самец, на глазные впадины черепа делали подобие очков из коры, на ушные отверстия прикрепляли деревянные серьги. Запястья обертывали браслетами из коры. Если это была медведица, то череп, кроме серег и очков украшался чем-то вроде ленты из коры, к затылку привязывалась коса из той же коры. Запястья обертывали корой-браслетами. Фаланги пальцев лап медведицы украшали кольцами из того же материала.

Украшая конечности браслетами и кольцами пели: «Гуло, гуло» (непереводимо). При «наряжании» черепа пели песню, смысл которой сводился к рассказу о том, что медведя (или медведицу) наряжают, провожая в далекий путь. Информатор И. И. Олькин передал эту песню по-русски. «Наряжаем тебя в красивые одежды, очки тебе одели и серьги, и браслеты», ссылаясь на то, что по-эвенски ее слова забыли.

Все кости скелета на помосте укреплялись отесанными палками-рогулками, чтоб они держались в анатомическом порядке. Обращаясь к медведю, называли его обязательно «эткэ» (тесть), а к медведице — «атка» (теща).

Большая часть советских ученых считает, что медвежий праздник, существовавший у многих народов Сибири вплоть до недавнего времени, имеют генетическую связь с тотемом эпохи матриархата. Тотемические черты эвенского культа медведя были замечены еще Богоразом-Таном, впервые наблюдавшим его среди эвенов бассейна реки Омолон в конце прошлого века³.

Как известно, тотемизм — одна из древнейших форм первобытной религии. Он был связан с магией, многочисленными запретами, заботой о размножении тотемического животного и отличался характерным обрядом — приобщением к телу тотема, т. е. коллективным ритуальным поеданием мяса тотемного животного, заканчивающегося общими танцами и т. д.

Эти тотемические черты выступают и в данном обряде. Первобытная охотничья магия пронизывает весь обряд праздника уркачак. Она сказывается в обращении-заклинании к медведю, чтоб не повредить ему и не убить его в неполаженное время.

Охота на медведя, разделка туши убитого зверя, обряд пиршества и прочее — все это сопровождается магическими действиями и иносказаниями, направленными на то, чтобы отвести от охотников ответственность за убийство животного-«родственника». Запреты, выражающиеся словом «тонгкэкич» так же типичны для тотемизма.

Наиболее показательно в обряде уркачак запрещение убивать медведя в период размножения: летом во время гона и весной, во время рождения медвежат. Это можно объяснить ничем иным, как проявлением тотемической заботы о размножении медведя, являвшегося в далеком прошлом тотемным животным эвенов и эвенков.

Эвенский медвежий праздник уркачак весьма архаичен⁴. Его генетическая связь с матриархальной родовой организацией прослеживается и на данном обряде, во-первых, в факте краткого участия в пиршестве женщин, когда старейшая из них приносит искупительную жертву духу-покровителю домашнего очага, бросив в огонь кусочек медвежатины с просьбой, чтоб он принял дар от старейшей, и, во-вторых, в заключительной части пиршества, заканчивающегося общеродовым, коллективным танцем «хэде». Самое яркое свидетельство связи этого обряда с матриархальным родом — похороны черепа и костей убитого медведя и медведицы, особенно их кульминационный пункт — обычай наряжения («ангадык») в сопровождении хоровой песни. В древности этот обычай был, вероятно, более сложным, чем в настоящее время.

Богораз-Тан приводит ценные факты из фольклора колымских эвенов, свидетельствующие о том, что они верили в свое родство с медведем, считая его младшим братом матери — дантра (дангта). А роль братьев матери в эпоху матриархата была очень велика, особенно в воспитании подрастающего поколения. Поэтому и не удивительно, что предком-прароди-

³ В. Г. Богораз. Миф об умирающем и воскресающем звере; он же. Ламуты. — «Землеведение», кн. 1. М., 1900.

⁴ В. Г. Богоразов. Миф об умирающем и воскресающем звере.

телем мог быть брат матери, поэтому важно было останки предка прародительницы-медведицы нарядить и проводить.

О вере в родство медведя с человеком в описанном празднике уркачак свидетельствует обращение к медведю в звательной форме «тесть-дедушка» (эткэ), «теща-бабушка» (атка).

По нашим материалам о медвежьем празднике уркачак, женщинам в нем никакой роли не отводится, они только гости. Более того, почти все запреты, связанные с охотой на медведя, относятся прежде всего к женщинам.

Описывая эвенкийский обряд медвежьего праздника, весьма близкого к эвенскому, А. Ф. Анисимов выделяет одну из наиболее ярких его черт: при сообщении о находке берлоги медведя разыгрывается красочная и выразительная сценка общего вороньего карканья, издаваемого охотниками.

В эвенском обряде эта начальная «воронья» сценка отсутствует. Исключение ее объясняется тем, что необходимо известие о находке берлоги скрыть от женщин.

Современный эвенский фольклор объясняет исключение женщин из основных действий праздника уркачак тем, что женщина, будучи матерью медведя, стыдилась его рождения, поэтому она и вдохновила второго своего сына — человека — на убийство брата-медведя. Поэтому она не имеет права справлять праздник уркачак⁵, который устраивается в честь магического родственника-медведя. В главном обряде — ритуальном поедании головы и священной передней части туши медведя — женщины не участвовали. Обычай запрещал. Заключительная часть всего обряда — похороны черепа и костей медведя — происходили в тайне от женщин, подалее от стойбища. Песня с припевом «гуло, гуло», сопровождавшая обряд надевания браслетов и колец на запястья и пальцы медведя, считается сугубо мужской, охотничьей. Для женщин она была запретна.

Все эти особенности общего обряда позволяют сделать вывод, что уркачак был праздником только мужчин, охотников. Таким образом, несмотря на архаичность, он носит отпечаток патриархально-родового строя.

Социалистическая действительность коренным образом изменила жизнь эвенов, изменилась и их психология. Изменилось и отношение к охоте на медведя, к медвежьему празднику. Запреты охотиться на медведя в определенное время года уже давно не существуют. Изменение отношения к самому празднику сказывается в том, что его не считают уже магическим, запретным для чужих, посторонних.

Когда в 1961 г. около реки Омолона, в местах, где раньше бывал В. Г. Богораз-Тан, летом в одной из бригад совхоза «Ануйский» был убит медведь, бригада устроила пир. В нем приняли участие и специалисты-ветеринары, русские мужчины и женщины. Эвенку-студентку, приехавшую на летнюю практику для работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди пастухов, русский зоотехник, очень уважаемый человек, настаивал, как нужно есть медвежье мясо: «Откусывать, грызть нельзя, а надо отрезать маленькими кусочками и глотать». Старая женщина, мать одного из пастухов, угощала учительницу. Прежде чем подать ей кусок мяса, она, отрезав от него крошечный кусочек, кинула его в огонь со словами: «Прими этот дар от образованной эвенки такой-то». Молодежь, присутствовавшая на этом празднике, никаких магических правил не соблюдала, ела мясо в свое удовольствие. Но кости от съеденной медвежатины старики выбросить не позволили, их зарыли в землю. После этой пирушки была проведена беседа о международных событиях, о новостях из жизни нашей страны. Так выглядел современный эвенский медвежий праздник.

⁵ К. А. Новикова. Эвенский фольклор. Магадан, 1958, стр. 89—97.

Как праздновали медвежьи праздники прежде, помнят только глубокие старики. Но кое-какие пережитки прежних запретов, связанных с охотой на медведя, еще сохраняются в сознании старшего поколения, особенно в глубинных, таежных районах. Их сохранение можно объяснить тем, что основная масса народностей Крайнего Севера вступила на путь социалистического развития из первобытно-общинного строя, вследствие чего почти весь комплекс первобытных, патриархально-родовых обычаев, представлений, верований и предрассудков сохранялся до недавнего времени.

I. G. Порова

SOME NEW DATA ABOUT THE CULT OF BEAR AMONG THE EVENS

Among the elder generation of the Evens of Magadan region is preserved else here and there the ceremony above the killed bear — survival of the past cult of the bear, that was conceived in the epoch of matriarchal tribal organization, as one of the tribal totemical cults.

In comparison with the ceremonies, connected with the cult of the bear by the other peoples, the ceremonies of the Even ursine holiday «Уркачак» are very similar to the ceremonies of the Evenks, that are close to the Evens by the origin, language and material culture.

The ritual ceremony above the killed bear by the Evens carries the bright imprint of the patriarchal — tribal system.

«Уркачак» — is first of all the masculine holiday. It was not allowed to the womans to know about the find of the ursine den, to eat the most «sacred» fore — part of the carcass of the bear, to present on the «burials» of skull and crossbones of the bear. The womans were not present in the first and last days on the holiday of this «senile wedding», as it is called in Russian.

ЧУКОТСКО-ЭСКИМОССКИЙ ПРОМЫСЕЛ РЕЗНОЙ КОСТИ И ПУТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

А. Е. Тимашева

Резьба и гравировка по кости — один из древнейших видов декоративно-прикладного искусства народов, населяющих Чукотский полуостров. Уже около трех тысяч лет им занимались оседлые чукчи и эскимосы. Возникло и развивалось это искусство в результате охоты на морского зверя, так как материалом для резчиков служил и до сих пор служит клык моржа. Наибольшее количество моржового клыка издавна добывалось в районе мыса Дежнева, поэтому чукотские и эскимосские селения, расположенные в этом районе, и особенно поселок Уэлен, стали центром развития искусства художественной обработки кости.

Произведения, создаваемые резчиками, в большинстве своем не выходили за пределы круга сюжетов, связанных с производственной практикой и религиозными верованиями береговых чукчей и эскимосов. Таким образом, искусство резьбы по кости, развиваясь на основе общественно-трудового опыта чукчей и эскимосов, отражало мировоззрение этих народностей. Естественно поэтому, что основной темой произведений этого искусства стал животный мир, с которым резчики постоянно сталкивались в своей производственной практике. Дошедшие до нас из глубины веков замечательные своей выразительностью образы животных свидетельствуют о тонком восприятии резчиками природы. Эти произведения поражают правдивостью, умением их создателей глубоко проникнуть в мир животных, передать наиболее характерные для каждого вида животных черты, несмотря на схематичность и условность исполнения, с наибольшей силой проявившиеся в гравировке.

Если скульптурная резьба носила не только прикладной характер, но и декоративный, так как часть произведений этого вида не являлась непосредственно бытовыми предметами, то гравировка по кости первоначально была тесно связана с различными предметами бытового назначения — утварью, посудой, охотничьими принадлежностями и т. д. В начальный период своего развития гравировка носила чисто орнаментальный характер, затем в ней появились сюжетные элементы, которые достигли наибольшего разнообразия уже в XIX в. В произведениях, относящихся к этому периоду, перед нами раскрывается хозяйственная деятельность чукчей и эскимосов, их домашние занятия, праздники и т. д. Уже в этих произведениях вырабатываются ставшие впоследствии традиционными основные композиционные принципы решения выбранных сюжетов. Основным из них является строгая повествовательность. Следует отметить, что в работах XIX в. образ человека еще очень обобщен. Это в основном примитивные однолинейные и силуэтные изображения.

С середины XIX в. в северной части Берингова моря стали хозяйничать торговые и китобойные суда американцев, а на Чукотском полуострове обосновались русские промышленники и скупщики. Команды с американских судов и русские промышленники завязывали с чукчами и эскимосами регулярные торговые отношения, в которых определенное место от-

водилось и произведениям косторезного искусства. Многие из покупателей не отличались хорошим вкусом, поэтому они не довольствовались образцами народного чукотско-эскимосского искусства, а заказывали резчикам изделия сообразно своим эстетическим запросам. Так среди замечательных произведений народных умельцев появились ножи, вилки, ложки, трубки, цепочки для часов, различного вида украшения и другие предметы, как правило, лишенные каких-либо художественных достоинств и чуждые традициям косторезного искусства чукчей и эскимосов. Но эти отмеченные печатью безвкусицы вещи не смогли остановить развитие народного искусства, оно продолжало развиваться, сохраняя свои лучшие традиции. Уже в конце XIX — начале XX в. в искусстве резчиков появляется стремление к более подробной и индивидуальной передаче образов людей и животных, к более эмоциональному и динамичному их решению. Так, на рубеже XX в. в чукотско-эскимосское искусство резьбы по кости на смену наивному реализму приходит подлинно реалистическое восприятие действительности.

Бурный рост косторезного искусства начинается после установления на Чукотке Советской власти и особенно после организации в 1931 г. Уэленской косторезной мастерской, сыгравшей огромную роль в создании профессионального творческого коллектива мастеров, могущего решать большие и сложные задачи дальнейшего развития национального искусства народов Чукотки. С первых лет создания мастерской в ее коллектив влились лучшие мастера, такие как Айе, Аромке, Онно, Хальмо, Кенитегин, а также погибший в дни Отечественной войны талантливый художник Вуквол. Очень большую роль в развитии искусства резьбы по кости сыграли и продолжают играть заслуженный художник РСФСР Вуквутагин (один из организаторов и руководителей мастерской), заслуженный художник РСФСР Хухутан, мастера Туккай и Эмкуль.

30-е годы характеризуются значительным творческим ростом мастеров-резчиков. Искусство резьбы по кости обогащается новыми техническими приемами. Кроме скульптурной резьбы и монохромной гравировки, появляются цветная гравировка и рельефная резьба. В развитии этих новых технических приемов мастерам-резчикам оказал помощь направленный в Уэлен художник А. Л. Горбунков. В 30-е годы расширяется тематический круг произведений, появляются сложные композиции, отражающие новую жизнь Чукотки. Такова, например, композиция мастера Вуквола «В. И. Ленин на Чукотке», датируемая 1937 г. Композиция выполнена на целом клыке в традиционной для чукотско-эскимосской резьбы манере. Характер ее повествовательный, действие разворачивается постепенно на одной стороне клыка, а затем продолжается на другой. Вуквол великолепно связал изображение с плоскостью клыка и его формой.

Действие начинается с показа группы людей со знаменем, которая символизирует установление на Чукотке Советской власти. Далее художник рассказывает о трудовых буднях чукотского народа. Этот рассказ переходит в изложение родившейся в народе легенды о пребывании Ильича на Чукотке. Вот Ленин беседует с чукчами, затем едет на оленьей упряжке от стойбища к стойбищу и вновь беседует с людьми. На другой стороне клыка автор снова рассказывает о повседневной жизни чукчей и показывает, как изменилась эта жизнь после установления Советской власти. Мы видим, как учится чукотский народ, как он веселится, как трудится. Самолет, направляющийся на далекую Чукотку, пароход, везущий грузы, символизируют заботу государства о малых народностях Севера.

Произведение Вуквола глубоко реалистично. Правдив и жизненен образ В. И. Ленина. Чувствуется, что над этим образом мастер работал долго и серьезно. Интересно стремление автора наделять индивидуальными чертами каждого героя своего произведения. Заслуживает внимания цветное решение данной композиции, выполненное с большим вкусом.

Владение рисунком позволило Вукволу свободно строить и компоновать фигуры, давать их в сложных ракурсах, что намного увеличило выразительность гравюры.

Если сравнить эту работу с первыми целыми гравированными клыками, датированными 1904, 1909 и 1912 гг., на которых изображения носят еще очень условный характер, то станет ясно, что за очень короткий срок, всего за двадцать с небольшим лет, чукотско-эскимосское искусство резьбы по кости сделало огромный шаг вперед.

В 40-е и особенно 50-е годы продолжалось развитие косторезного искусства, которое шло по пути дальнейшего преодоления схематизма, отхода от стандартных форм, поиска новых тем, стремления к передаче движения, создания многофигурных скульптурных композиций, улучшения техники исполнения за счет механизации труда косторезов. К сожалению, далеко не все творческие поиски мастеров увенчались успехом. В 40-е годы из мастерской наряду с интересными и глубокими по содержанию работами, такими как, например, барельефный портрет В. И. Ленина работы Вуквутагина, выходили и малоудачные, а порой и просто чуждые данному искусству вещи. Серия чернильных приборов из кости была явно неудачной. Дело в том, что этими приборами нельзя было пользоваться, ибо кость впитывает чернила.

В 40-х и начале 50-х годов мастерская работала в очень сложных условиях. Передача ее в Промкомбинат, руководителей которого интересовали не столько художественные качества выпускаемых произведений, сколько выполнение плана, очень мешала работе резчиков и привела к тому, что некоторые ведущие мастера ушли из творческого коллектива. И все же мастерская работала и из ее стен выходили высокохудожественные произведения. Заслуга в этом принадлежит тогдашнему руководителю мастерской, инициативному и энергичному человеку, горячо любящему народное искусство В. М. Леонтьеву (ныне покойному), сумевшему сохранить творческое ядро мастерской и всячески помогавшему мастерам в их работе.

Середина 50-х годов характеризуется освоением новых способов обработки кости при помощи электрических боров, фрез и шлифовальных машин. Механизация труда мастеров плодотворно сказалась на качестве произведений. Прекрасно чувствуя материал, резчики путем тщательной полировки смогли добиться тонкой моделировки, что сделало их произведения более выразительными. Но именно в эти годы косторезное искусство фактически почти перестало быть прикладным, сделавшись чисто декоративным.

Улучшению работы Уэленской мастерской способствовали серьезные меры, принятые по решению правительства и направленные на укрепление и дальнейшее развитие косторезного искусства. Осенью 1955 г. в Уэлен были привезены два сборных дома для мастерской и интерната (до этого времени мастерская размещалась в яранге), электростанция, новое электрооборудование. Для руководства мастерской в Уэлен был направлен знаток чукотско-эскимосского искусства художник и искусствовед И. П. Лавров, который много внимания уделял и общему художественному развитию мастеров, знакомя их с лучшими произведениями русского народного искусства. Эти занятия многое подсказали мастерам и очень помогли им в работе. И. П. Лавров сразу начал заботиться о подготовке новых кадров мастеров из учащихся уэленской средней школы. Большую помощь мастерской оказали областные организации, направившие в Уэлен необходимые инструменты и, главное, создавшие мастерам все условия для их творческой работы. Областной Дом народного творчества установил связь с резчиками.

Наиболее интересные произведения в рассматриваемый период создали мастера-резчики Вуквутагин, Хухутан, Туккай, Сейгутегин и граверы-жен-

щины Эмкуль и Янку. Кстати, резьбой по кости женщины начали заниматься лишь после установления Советской власти, раньше косторезное искусство считалось чисто мужским делом. В настоящее время резьбой занимаются мужчины, а гравировкой — женщины.

Говоря о произведениях, созданных в середине 50-х годов, хотелось бы отметить, что на смену одиночным фигурам промысловых зверей пришли композиции, в которых эти звери соединились с фигурами охотников. Такое соединение позволило мастерам создавать выразительные и содержательные скульптурные группы. Более выразительными стали и фигурки животных.

В эти годы несколько интересных скульптурных работ было создано Туккаем — мастером многофигурных композиций. Рассмотрим, например, его работу «Возвращение с охоты» (1956 г.).

Художник строит композицию двухфигурной группы по диагонали сверху вниз. Верхней точкой является голова охотника. Такое решение дало ему возможность хорошо передать движение. Скульптура очень динамична. В пластике ее большую роль играет выразительность силуэта и широкое смелое обобщение. Группа хорошо связана с подставкой, на которой гравером Янку исполнены сцены охоты на нерпу. Скульптура является как бы заключительным эпизодом повествования, развернутого на подставке.

В 1955 г. мастером Хухутаном была выполнена двухфигурная скульптурная композиция «Борьба медведей». Она решена в плане круглой скульптуры. Фигуры медведей вписаны в овал и просматриваются одинаково хорошо с любой точки. Данное произведение обращает на себя внимание очень свободной передачей движения и умением автора передать скрытую силу и ловкость животных, пластичность их движений. Характерное для Хухутана стремление к передаче экспрессии и динамики, прекрасное владение мастерством компоновки ярко проявились в этой работе.

В эти же годы шестнадцатилетний Ваня Сейгутегин создает свою «Оленью упряжку», в которой динамичность фигурок оленей еще более подчеркивается внешней статичностью фигуры каюра. Первая серьезная работа молодого автора, несмотря на отдельные недостатки (рыхлость формы, нечеткость силуэта), свидетельствовала о его незаурядных способностях.

В цветной гравюре этих лет охотничьи эпизоды и сценки, обогащаясь новыми современными и фольклорными сюжетами, развиваются в сложные по содержанию жанровые композиции и графические повествования. В них нашло отражение все многообразие производственной деятельности охотников и оленеводов, культурное преобразование прибрежных поселков и удивительный, фантастический мир сказок и легенд, хранящихся в памяти народа.

В гравюрах на клыках «Сказка о добром великане» и «Празднование третьей годовщины Великого Октября в Уэлене» мастера Эмкуль и Янку сумели создать яркие выразительные образы, добились дальнейшего развития изобразительных средств путем применения перспективы, выявления основного в композиции и своеобразия цветового решения.

Наибольшего подъема искусство резьбы по кости достигло к концу 50-х — началу 60-х годов. Именно в эти годы большинство мастеров за создание высокохудожественных произведений, были приняты в члены Союза художников СССР. На областных, республиканских и всесоюзных выставках этих лет экспонировались многофигурные скульптурные композиции, отдельные скульптурки, сюжетные гравюры на клыке и другие произведения декоративного характера. Лучшими среди них были работы: «Охота на моржа» и «Охота на медведя» Хухутана, «На охоту в море», «Аргиш» и «Северный танец» Туккая, «Бой быков» Сейгутегина, «Медве-

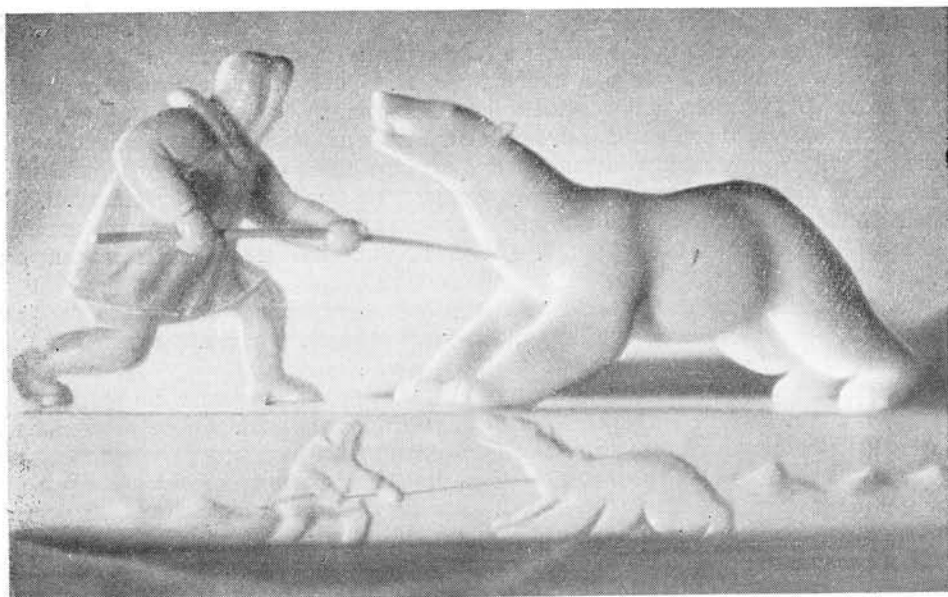

Рис. 1. Заслуженный художник РСФСР Хухутан. «Охота на медведя». (1961)

ди» Хувата и гравюры на кости «Уэлен строится» Эмкуль, «Спортивные соревнования» Янку, «Спортивные соревнования» Тынатваль и др. Остановимся на некоторых из них.

В двухфигурной скульптурной композиции «Охота на медведя» Хухутану удалось создать яркий образ мужественного охотника, ловкостью и умением побеждающего слепую звериную силу. Композиция великолепно уравновешена, движение в ней направлено к центру, ибо в центре находится кульминационная точка действия. Фигуры в этой работе обобщены, художник старательно избегает детализации с тем, чтобы не отвлекать внимание зрителя от главного. Прекрасное техническое исполнение, тонкая моделировка, создающая игру света и тени делает это произведение глубоко правдивым и жизненным. Интересно, что на подставке композиции «Охота на медведя» художник в рельефе повторяет тот же сюжет, что и в скульптуре, как бы говоря зрителю еще раз о мужестве охотника и в то же время об обычности происходящего перед зрителем события.

В своей работе «Охота на моржа» Хухутан использует, кроме обычной кости, еще и ископаемую. Фигура моржа, выполненная из золотисто-коричневой по цвету кости блестяще сочетается с розовой костью всей работы и в то же время сразу же приковывает к себе внимание. Данная работа — первая попытка использования этого очень красивого материала в большом произведении (до создания «Охоты на моржа» ископаемая кость использовалась лишь для отдельных небольших деталей). В 1961 г. Хухутану, одному из ведущих мастеров Чукотки, было присвоено звание заслуженного художника РСФСР.

Для творчества мастера Туккая характерен поиск, стремление к выбору новых тем, новых композиционных решений, новых изобразительных приемов. Наиболее ярко это стремление проявилось в двух работах рассматриваемого периода, в скульптурных многофигурных композициях «На охоту в море» и «Северный танец». Действующими лицами этих произведений являются только люди, животных в этих работах нет. Художник показывает нам людей, занятых трудом, и людей отдыхающих. Следует сразу же сказать, что далеко не все в данных работах художнику удалось.

Рис. 2. Туккай. «Северный танец» (фрагмент; 1960 — 1961 гг.)

Если первая из них композиционно решена довольно интересно (в ее композиции мастер использовал полюбившийся ему прием построения по диагонали, направленной сверху вниз), то композиция второй вызывает возражения. Стоящие отдельно и как бы являющиеся самостоятельными произведениями фигуры на самом деле существовать самостоятельно не могут, ибо они связаны единством действий. Вероятно, их следовало связать уже ставшей традиционной для многофигурных композиций общей подставкой, на которой рельеф или гравюра дополнили бы и закончили бы композицию. Автор же пошел по другому пути и сделал подставки под каждую фигуру, причем выбрал для них весьма неудачную форму. Смотриятся эти подставки как какие-то пьедесталы под монументы, они утяжеляют фигуры и разобщают их. Не удалось автору и отдельные образы композиции «Северный танец», особенно образ танцовщицы, решенный однопланово, невыразительно и статично. И все же эти первые попытки решения многофигурных композиций, посвященных только людям, — явление очень интересное.

Примером великолепного композиционного и пластического решения явилась двухфигурная скульптурная группа молодого мастера Ивана Сейгутагина «Бой быков», датированная 1958 г. Уравновешенность композиции, построение ее по треугольнику, ясность и четкость силуэта, экспрессия и динамика помогли автору создать очень впечатляющее произведение. Художник сумел решить и сложные технические задачи. Тяжесть вздыбившихся фигур быков, сцепившихся рогами, держится лишь на задних ногах, а известно, что кость — материал хрупкий, и автору нужно было так рассчитать постановку фигур, чтобы ноги выдержали тела.

Интересно ритмическое построение «Медведей» Хувата. Плавность и размеренность движения медведей, ритмика их шага создает у нас впечатление силы и мощи животных.

Динамична и экспрессивна композиция гравюры на клыке «Спортивные соревнования» мастера Янку. Автору удалось передать настроение соревнующихся между собой каюров оленьих упряжек и настроение зрителей. Композиция носит повествовательный характер. Действие начинается с узкой части клыка, нарастает к его средней части, где находится кульминационная точка. Движение также постепенно нарастает к средней части и хорошо уравновешивается ритмическими повторами в рисунке яранг. Янку хорошо связала гравюру с плоскостью клыка.

О новом Уэлене, о его строительстве рассказала гравер Эмкуль в своей работе «Уэлен строится». Для этого мастера характерно стремление к точности в передаче действительности, точности, которая помогает ей выявлять самое главное и основное в ее произведениях. Эта точность и правдивость помогли Эмкуль передать ощущение радости, доставляемой людям трудом, передать романтику трудовых будней чукотского поселка.

Для работ молодого гравера Тышатваль характерны лиризм, мягкость и поэтичность.

Рассмотренные нами работы свидетельствуют о расширении круга тем, о стремлении мастеров наиболее полно отразить в своих произведениях окружающую их действительность, по-своему ее осмыслить в соответствии с своей индивидуальностью.

Но говоря о достижениях мастеров, следует сказать и о недостатках, появившихся в их творчестве в конце 50-х — начале 60-х годов и особенно о вызывающем тревогу положении, в котором оказалось чукотско-эскимосское искусство в последнее время. Уже в конце 50-х годов, с приходом к руководству мастерской тов. Выборного, человека мало разбирающегося в вопросах дальнейшего развития этого искусства, не знающего его традиций, в некоторых произведениях мастеров стал появляться ярко выраженный натурализм, а порой и безвкусица. К числу таких натуралистических произведений относится скульптурная группа «Неудача», безусловно, очень способного мастера Килилоя. В ней изображена гибель людей и оленей, провалившихся под лед. Натуралистичность и ложная патетика этой работы, явно рассчитанные на «щекотание нервов», оставляют у зрителя тяжелое впечатление.

О неправильном понимании законов декоративно-прикладного искусства, об отсутствии вкуса свидетельствуют работы Выборного «Первый ревком» и «Перекуем мечи на орала». В первой натуралистически передана сцена расстрела ревкомовцев, вторая же просто копирует произведение станковой скульптуры. Отсутствие вкуса у руководителя мастерской сказалось и в появлении огромного количества ножей, ручек для перьев, пудрениц и других предметов, носящих чисто ширпотребовский характер. Эти работы исполнялись лишь в расчете на получение прибылей, на что теперь направлено в основном внимание руководителей организации, в ведении которой находится Уэленская косторезная мастерская. Весьма прискорбно, что, несмотря на неоднократную постановку областными организациями вопроса о передаче ее в систему предприятий Художественного фонда РСФСР, вопрос этот так до сих пор и не решен.

Правда, областные организации приняли ряд мер по улучшению работы мастерской. Постановлениями облисполкома 1960 и 1961 гг. при мастерской создан художественный совет, руководящий всей творческой работой, решен вопрос с подготовкой кадров из числа учащихся уэленской школы, улучшено снабжение мастерской сырьем и инструментами. При облисполкоме создан художественный совет, координирующий творческую работу мастеров и окончательно утверждающий созданные резчиками образцы. Для оказания помощи народным мастерам в Уэлен периодически направляются художники. Все это, безусловно, принесло свою пользу, но работа в мастерской оставляет желать лучшего. В работах ведущих мастеров почти перестали появляться новые темы, а техническая сторона исполнения далеко не всегда находится на высоком уровне.

В 1961 г. областное управление торговли пригласило для руководства мастерской холмогорского резчика А. Д. Тышева, а он, в свою очередь, пригласил для работы в Уэлене двух мастеров-холмогорцев. С одной стороны, подобное содружество представителей двух очагов искусства резьбы по кости принесло некоторую пользу, так как холмогорцы ознакомили уэленцев с новыми механическими приемами обработки, но одновременно оно принесло и вред. Мастера-уэленцы попали под влияние холмогорцев,

и многие их работы стали эклектичными. Характерная для чукотско-эскимосской резьбы лаконичная и обобщенная манера стала заменяться мелочной детализацией, реалистическое восприятие действительности — надуманностью, строгость, ясность и четкость композиции — поисками эффектной постановки. Таковы, например, двухфигурные скульптурные композиции «Собака и утка», «Охота на утку», «Медведь и морж», «Разделка нерпы» и др. В работах уэленцев, всегда отличавшихся простотой и выразительностью, пластичностью формы, появилось стремление к передаче отдельных натуралистических деталей (травы, льдин, кустов, снежных застругов и т. д.), измельченность и разбитость формы и попытки механического, а не осмысленного введения в произведения новых, не характерных для чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости приемов обработки, например ажурной резьбы, очень распространенной в Холмогорах. Очевидно, А. Д. Тышев, сам еще не изучив традиций косторезного искусства Чукотки, решил переделать это искусство на свой лад. Такой подход не мог принести и не принес хороших плодов. Декоративные и прикладные вещи, созданные в 1961—1963 гг., при хорошем техническом исполнении были явной творческой неудачей, и главное, почти ничего общего не имели с национальным искусством чукчей и эскимосов. Такова, например, многофигурная скульптурная композиция молодого и очень способного автора О. Никитина «Дети, катающиеся на санках», Фактически здесь живописная и весьма банальная композиция была механически перенесена в мелкую пластику. Форма в этой работе очень разбита, силуэт ее расплывчат и нечеток, а мелочная детализация мешает целостности восприятия.

Попытки создания чисто прикладных вещей, предпринятые руководством мастерской, не привели к успеху. Это объясняется тем, что на прикладные вещи Тышев смотрит лишь как на какой-то довесок к творчеству, помогающему мастерской выполнять план, и только. Чернильные приборы, ручки для перьев, гребни, шпильки, трубки, броши, браслеты и т. п. по своей форме чужды народному искусству, чужды материалу — моржовому клык, и поэтому традиционная резьба и гравировка смотрятся на них, как нечто совершенно инородное. В 1963 г. областной художественный совет дал А. Д. Тышеву подробнейшую консультацию по вопросам дальнейшего развития косторезного искусства Чукотки на основе народных традиций. Однако некоторые ошибки в работе мастерской так и остались неисправленными. Например, в очень интересной по теме многофигурной скульптурной композиции «Китобойный промысел», созданной А. Никитиным, мелочная проработка лиц китобоев, детализация гарпунной пушки, снастей вельбота, морских волн и т. п. разбивает всю композицию, рассеивает внимание зрителя, отвлекает его от главного, снижает выразительность произведения, делает его натуралистичным. Вряд ли стоило мастеру подменять традиционное для чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости обобщение подробной проработкой множества деталей. Очевидно, в этом проявилось влияние холмогорских резчиков. Но несмотря на некоторые недостатки в работе мастерской за 1962—1964 гг. резчиками был создан и ряд очень интересных работ. Остановимся на одной из них, работе мастера Туккая «Ловля оленей». В этом произведении художнику удалось передать очень сложное движение фигур людей и животных. Все действующие лица великолепно связаны между собой единством действия. Композиционно мастер построил свою работу по принципу постоянного спада движения. Это дало ему возможность сразу же приковать внимание зрителя к основной, главной группе, решенной очень динамично. Силуэт работы очень четок, ясен и хорошо читается. Прекрасное техническое ее исполнение, тонкая моделировка фигур создает интересную игру света и тени и повышает общую выразительность. Интересна работа И. Сейгутегина «Встреча», гравюры Эмкуль и другие произведения.

Рис. 3. Туккай. «Олов оленей» (1964 г.)

Каковы же пути дальнейшего развития декоративно-прикладного искусства народов Чукотки? Прежде всего, необходимо добиться, чтобы чукотско-эскимосское искусство вышло за пределы уэленской мастерской и стало по-настоящему массовым, как это было на заре его развития. Для этого необходимо в самое ближайшее время серьезно заняться подготовкой кадров мастеров и педагогов, которые смогли бы вести во всех школах прибрежных поселков занятия по резьбе. Отделу народного образования следовало бы серьезно подумать о введении в программу политехнического обучения занятий косторезным искусством в тех районах, где добывается моржовый клык. Необходимо также в прибрежных колхозах создать сеть филиалов Уэленской мастерской. Таким путем можно будет в короткий срок добиться действительно массового развития этого вида декоративно-прикладного искусства. Массовость косторезного искусства очень поможет в деле эстетического воспитания трудящихся, в быту которых широко используются произведения чукотско-эскимосского искусства. Ведь в настоящее время трудящиеся Чукотки не имеют возможности приобрести произведения национального искусства. Почти все, что создается резчиками, сразу же покупается музеями страны и торгующими организациями Москвы и Магадана. В поселках Чукотки остаются лишь те изделия массовой продукции, которые оставляют желать много лучшего, да и их в продаже очень мало. Итак, вопрос подготовки кадров — одна из основ развития искусства резьбы по кости народов Чукотки.

Самым же основным в этом вопросе является выбор пути, по которому это искусство будет развиваться. Думается, что наиболее правильный путь — это создание современных вещей прикладного характера (украшений, туалетных принадлежностей, курительных приборов и т. п.) на основе традиций чукотско-эскимосского искусства. Не следует забывать о том, что в свое время это искусство носило прикладной характер.

В настоящее время, основываясь на серьезном изучении имеющихся в нашем распоряжении исторических и археологических памятников, можно создать огромное количество современных прикладных вещей, которые органически войдут в наш быт. В создании подобных произведений особенно широки возможности гравюры. Помочь резчикам в изучении и переработке традиционных для Чукотки бытовых вещей и предметов может специальная экспедиция. Ее материалы будут отправной точкой для мастеров в их работе над современными бытовыми вещами.

Это, разумеется, не означает, что нужно прекратить выпуск чисто декоративных произведений. Нет, декоративные произведения, раскрывающие большие интересные темы жизни наших современников, нужны, но нужны они в основном для музеев и выставок. Нам же в быту нужны красивые, полезные и дешевые произведения этого вида искусства. Как и перед всем советским искусством, перед искусством резьбы по кости народов Чукотки стоит поставленная партией и правительством задача — ши-

роко ввести искусство в быт советского народа. И решать эту задачу нужно как можно быстрее.

Подводя итоги всему сказанному, хотелось бы отметить, что дошедшее к нам из глубины веков чукотско-эскимосское искусство резьбы и гравировки по кости бурно расцвело в советское время, что в нем отразились те преобразования, которые совершились на далекой окраине нашей страны, что обогатившись новым содержанием и новыми техническими приемами, это искусство поднялось до больших высот, о чем свидетельствует постоянный успех произведений мастеров-резчиков на международных, всесоюзных, республиканских и областных выставках. В настоящее время это искусство должно решить задачу создания высокохудожественных бытовых вещей, которые украсят жилища советских людей и научат их понимать прекрасное.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость—МАЭ, т. XV, 1953.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX веков. М.—Л., 1954.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири. М., 1963.
- Лавров И. П. Уэленская косторезная мастерская.— «Краеведческие записки», вып. 1. Магадан, 1957.
- Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959.
- «Народы Сибири». Этнографические очерки. Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР С. П. Толстого. М.—Л., 1956.
- Соболевский Н. Художница с Чукотки.— «Декоративное искусство», 1960, № 7.

L. E. Timasheva

CHUKCHI-ESKIMO FRETWORK AND THE WAYS FOR ITS DEVELOPMENT

One of the most ancient kinds of the decorative applied art of the peoples, inhabited the Chukotsk Peninsula—the Chukchi-Eskimo fretwork and the engraving on the walrus fang is rapidly flourished in the soviet time, especially in the middle of 50 years, at the beginning of 60 years.

It has enriched in his development with new content and became to envelop the more considerable wide range of the themes. Besides this, the methods of the processing of the bone, especially after the introduction of the mechanization were considerably diverse. It all allowed the traditional art of the Chukchi and Eskimo to reach the great elevations. The success of the works of the Honoured Artist of the RSFSR Chuchutan, of the masters-bone-engravers Tukkay and Seygutegin, of the masters engravers Emkul, Yanku, Tynatval on the International, All-Union and Republican exhibitions has testified about it. But the art of the fretwork on the bone didn't avoid the shortcomings in his development, the main of them is the passion for the creation of the works of the cleanly decorative character to the detriment of the applied works. Therefore the basic task, being before the engravers and demanded the quickest decision is the task of the creation of the applied works, on the base of the deep study of the traditions of this kind of the art, of the works, which shall decorate not only the museum halls, but also the dwellings of the peoples and the peoples themselves.

ПИСЬМЕННОСТЬ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ ЧУКЧЕЙ

В. В. Леонтьев

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. на Крайнем Севере было создано восемь национальных округов, в том числе Чукотский национальный округ. Создание национальных округов означало осуществление советской автономии для малых народностей Севера. Оно оказало огромное влияние на их политическое и культурное развитие.

Проведение в жизнь национальной политики Коммунистической партии, борьба за подъем хозяйства и культуры ранее отсталого чукотского народа выдвинули задачу всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности среди взрослого населения как одну из первоочередных задач. Выполнение этой большой и ответственной задачи затруднялось целым рядом обстоятельств и прежде всего отсутствием письменности на северных языках при том, что русский язык знали, да и то примитивно, лишь единичные представители народностей, населявших территорию округа. Вследствие этого возникла острая необходимость в создании письменности на их родных языках.

В состав Чукотского национального округа вошли три основные северные народности, имевшие свои языки: чукотская, самая многочисленная, расселенная по всей территории округа; эскимосская, расселявшаяся по побережью Берингова моря (села Уэлькаль, Чаплино, Сиреники, Урелики, Кивак, Эстигет, Наукан и остров Ратманова); эвенская — по среднему и верхнему течению реки Анадырь (озера Красное, Ерополь, Ламутское, Чуванск), по нижним течениям Большого и Малого Аниоев и реке Омомон.

До прихода Советской власти и введения письменности языком общения для всех этих народностей был чукотский. У эскимосов, эвенов и коряков, живших по соседству с чукчами, существовало двуязычие: эскимосский — чукотский, эвенский — чукотский, корякский — чукотский. Влияние американцев и русских на языки этих народностей было крайне незначительным и ограничивалось лишь заимствованием небольшого числа слов.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

До 1932 г. у чукчей и эскимосов не существовало своей письменности, но были зачатки так называемого картинного письма. Это письмо состояло из ряда охотничьих и бытовых сцен, предметных рисунков, которые изображались на досках, кости или клочках бумаги. Эти рисунки отличались четкостью и подлинным реализмом, что свидетельствовало о большой художественной одаренности чукчей и эскимосов.

В первые годы Советской власти с развитием торговли и вовлечением в нее лиц из числа местного коренного населения первые продавцы чукчи и эскимосы пользовались в своей производственной деятельности картинным письмом. Так, в 1935 г. старый торговый работник Леонтьев В. М. в стойбище Ынырылин, а в русском произношении Индилин (Дженретлен), встретился с продавцом Антымавле. Этот продавец, будучи совершенно неграмотным, избобрел оригинальную отчетность. Сыпучие продукты он обозна-

чал контурами мешков с одним-двумя ушками, чай — квадратиками, заготовки — контурами зверей. Такими же приемами пользовались продавцы Аймет (село Энурмино), Гемауги (село Нунямо), Чаре (село Сешан), Ренто (село Чегитун) и др., пока они были неграмотными. Интересно отметить, что система русского счета усваивалась представителями малых народностей значительно быстрее и легче, чем грамота — это связывалось с практической жизненной необходимостью.

Известна попытка одного одаренного чукчи создать свою самобытную письменность.

Пастух Тыневиль, живший в районе верхнего Анадыря на среднем течении реки Белой, примерно в 1927—1928 гг. изобрел очень любопытное письмо¹. Этому письму Тыневиллю удалось обучить своих детей, родственников и знакомых. В районе его производственной деятельности это письмо начинало входить в употребление. 14 таблиц, написанные Тыневилем и привезенные в 1933 г., хранятся в Ленинградском Арктическом институте. Записи последнего периода, сделанные на обрывках бумаги и картона, собраны И. П. Лавровым у жены Тыневилля и хранятся в его личном архиве. Тыневиль умер перед войной. Перед смертью он завещал жене передать свои записи человеку, который придумал чукотскую письменность (Тыневиль имел в виду В. Г. Богораза). Жена Тыневилля приняла Лаврова И. П. за Богораза, выкопала из гальки ящик, обитый жестью, и передала его Лаврову².

Система письма, изобретенная Тыневилем, происходит от картинного письма. Некоторые из его графем были рисунками, но это письмо далеко ушло от картинного и являлось условным, символическим. Письменность Тыневилля, картинное письмо — это новые явления в жизни чукотского народа, результат тех грандиозных преобразований, которые стали совершаться на Чукотке. Использовать эти зачатки письма для создания чукотской письменности не было возможным, так как они носили примитивный характер и не отвечали требованиям времени.

К 1930 г. уже были собраны большие материалы по грамматике и фонетике чукотского языка. Основоположителем изучения чукотского языка был Владимир Германович Богораз. В соответствии с фонетическим строем чукотского языка в 1930 г. был разработан чукотский алфавит на основе единого северного алфавита (ЕСА), который был утвержден Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита в декабре 1930 г.³ Первый чукотский алфавит так же, как и алфавиты других народностей Севера, был составлен на латинской основе и содержал 27 знаков.

По вопросу латинской основы для письменности народов Севера были большие споры. Многие партийные и советские работники на местах, а также некоторые филологи и языковеды резко возражали против этого положения, опасаясь, что латинизированный алфавит будет затруднять усвоение народами Севера русского языка, замедлит их приобщение к социалистической культуре, закрепит их отсталость и фактическое неравенство, а в северной школе применение двух алфавитов и двух орфографических систем затруднит общее обучение. «В Чаунском районе, — вспоминает А. М. Дубров, ныне председатель Чаунского райисполкома, — первые коммунисты вели настойчивую борьбу против латинизации чукотской письменности. И мы удивляемся, насколько прозорливы были они в 1933 г., они как бы предвещали, что в 1937 г. будет постановление партии и правительства о введении русского алфавита». Первый секретарь Чаунского райкома партии Н. Ф. Пугачев в 1933 г. говорил по поводу латинизации: «Мне кажется

¹ В. Г. Богораз. Ауораветланский (чукотский) язык. — Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III. М.—Л., 1934, стр. 8—10.

² Из сообщения И. П. Лаврова автору этих строк.

³ В. Г. Богораз. Ауораветланско-русский словарь. М.—Л., 1937.

ся, что над этим нужно подумать. Практика в школах показывает, что латинизация пользы не дает, он только отдаляет людей от русского алфавита, а следовательно от советского. И я искренне сочувствую комсомольцу Кергитагину, который говорил, что он хочет учить советскую азбуку (советский алфавит), а азбуку буржуазную не будет (он латинские буквы называет буржуазными). А почему так? Потому что на всех товарах купца Свенсона латинизированные подписи по-американски, а он торговал, как вам известно, до 1930 г. Правы комсомольцы, когда требуют изучать русский алфавит. Я дал указание школам — пусть изучают русский алфавит»⁴.

Вполне понятна такая постановка вопроса на местах. Для того чтобы советизировать отдаленные районы, вести политическую пропагандистскую работу, нужно было знание местным населением русского языка как языка государственного, межнационального. Однако несомненно удивляет ссылка Н. Ф. Пугачева на практику работы в школах. Первые школы на территории Чаунского района были организованы в 1930 г. на мысе Шмидта и Шелагском непосредственно краевым центром и руководились райисполкомом Чукотского района из поселка Уэлен. И только в 1933—1934 учебном году в районе организуется еще четыре кочевых школы⁵. Следовательно, практики работы в школах на чукотской письменности не было, а письменность на местах стала вводиться только в 1933—1934 гг.

В те годы успели проявиться различные отклонения от генеральной линии партии в национальном вопросе. Так, в бывшей Архангельской губернии и на Урале ряд зараженных великодержавным шовинизмом товарищей предлагали решить эту задачу весьма просто: ускорить проникновение русского языка к туземцам Севера с тем, чтобы этим была снята и сама национальная проблема Севера, а вместе с нею и вопрос о создании национальной письменности. В автономных областях и республиках больших народов Севера (Коми, Якутской и Бурят-Монгольской) наблюдались отдельные проявления местного шовинизма, требующего комизации, якутизации и бурятизации тунгусов, ламутов и т. д. и тем самым перехода на комийскую, якутскую и бурятскую письменность⁶.

В Чукотском национальном округе не было проявлений местного шовинизма, чукчи не пытались чукчиизировать эскимосов и эвенов, не пытались создать одну единую письменность для этих народностей, но остатки великодержавного шовинизма проявлялись. В этом отношении на правильной позиции стояли чаунские коммунисты во главе с Н. Ф. Пугачевым. Они не отрицали необходимости создания письменности и всячески содействовали ее введению, но были против латинизации.

Президиум научно-исследовательской ассоциации, отстаивая латинизацию, исходил из следующего.

1. Единый северный алфавит предназначен для обслуживания литературных языков (письменности) малых народов Севера, бывших до настоящего времени бесписьменными.

2. ЕСА выработан алфавитной группой научно-исследовательской ассоциацией (НИА) при Институте народов Севера на основе нового тюркского алфавита (НТА).

3. Для ЕСА, как и для НТА, принята латинская графическая система по следующим соображениям:

а) латинский алфавит приобретает все более и более интернациональный

⁴ Н. Ф. Пугачев. Тезисы доклада на первом пленуме Чаунского райисполкома 19 ноября 1933 года «О предстоящих задачах по советизации района» (переводчики на чукотский язык Тевлянто, Мальков, Вуквукай, Тыккай). Хранится в Чаунском райисполкоме.

⁵ Материалы о народном образовании в Чаунском районе по состоянию на 14 ноября 40 г. (личный архив автора).

⁶ Я. П. Алькоор (Кожкин). Письменность народов Севера.— «Советский Север», 1931, № 10, стр. 108.

характер, на что указывает и переход народов Востока (турецких и монгольских) на латинскую графику;

б) с принятием латинского алфавита турецкими и монгольскими племенами латинский алфавит (через якутов и бурятов) получает распространение и в областях Советского Севера;

в) принятие латинского алфавита содействует культурно-политическому влиянию со стороны некоторых малых народов Севера на их зарубежных соплеменников (лопари, эскимосы, тунгусо-маньчжуры);

г) латинский алфавит представляет больше возможностей для графической передачи звуков туземных языков, чем алфавит русский;

д) указания сторонников русского алфавита на трудности усвоения двух систем письменности опровергаются четырехлетним опытом преподавания национальных языков в Институте народов Севера, показавшим, что никаких затруднений при усвоении двух графических систем не возникает, наоборот, наличие двух систем письменности для двух различных фонетических систем помогает более четкому восприятию особенностей русского и родного языка;

е) к этому необходимо прибавить, что с русской графикой иногда до сих пор продолжает связываться представление о руссификаторской политике просвещения инородцев в царской России⁷.

Несмотря на возражения сторонников русской основы письменности на местах единый северный алфавит был составлен на латинской основе, а следовательно, чукотский и эскимосский так же.

В 1932 г. был издан первый чукотский букварь, составленный В. Г. Богоразом при участии И. С. Вдовина. Букварь назывался «Celgkalekal» (красная грамота). Изданием первого букваря было положено начало чукотской национальной литературе.

Для внедрения нового чукотского алфавита и распространения букваря в том же году на Чукотку выехала бригада студентов северного отделения Института им. А. И. Герцена в составе П. Я. Скорика (Чукотский район), И. С. Вдовина (Чаунский район) и Г. Н. Мельниковой (Усть-Белая). На местах были созданы районные пятимесячные курсы Комитета нового алфавита по подготовке ликвидаторов неграмотности на родном языке. В Чукотском районе курсы, которыми руководил П. Я. Скорик, закончили свою работу 20 февраля 1933 г. В тундру и в отдаленные приморские поселки для ликвидации неграмотности было направлено 24 человека из коренного населения, среди них 19 комсомольцев. Это была первая ударная бригада за родную грамоту. Появились пропагандисты, владеющие чукотским языком⁸.

ВВЕДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ — СКАЧОК В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Введение письменности шло в основном по пути обучения детей чукчей на родном языке и ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Создание первого чукотского букваря положило начало печатной литературе на чукотском языке, как переводной, так и самобытной. «До момента создания письменности на Севере считалось естественным явлением, если ученик-северянин проводил 6—7 лет в школе-трехлетке для того, чтобы спустя 3—4 года опять стать неграмотным, умеющим только расписаться по-русски. Если подходить строго к вопросу определения грамотности народов Севера, т. е. считать грамотными людей, умеющих написать письмо, заявление или записку, умеющих в понятной форме излагать простые мысли, то нужно прямо сказать, что грамотных по-русски

⁷ Я. П. Алькор (Кошкин). Указ. соч., стр. 108.

⁸ ПАМО, ф. 22, оп. 8, д. 3, л. 73.

представителей народов Севера к моменту советизации не было совсем, а к моменту создания письменности они насчитывались в небольшом количестве»⁹.

Советские учителя на первых порах организации школ испытывали огромные трудности, они работали методами мимики и жестов. Во многих школах применялось запоминание графических образов с помощью самодельных рисунков, изображавших знакомые детям предметы и их русские названия. Некоторые учителя сочетали «обучение формальным навыкам» со свободным рисованием, списывали русские слова с одновременным переводом их на родную речь. На местах составлялись рукописные буквари на языках народов Севера.

Введение чукотской письменности значительно облегчило и ускорило обучение детей и взрослых. Первоначальное обучение грамоте начиналось на родном языке (автор этой статьи тоже учился в 1936 г. в Уэлене в начальной школе на чукотском языке, хотя родным языком был русский). Дети улавливали на слух звуки в знакомых словах, запоминали начертания букв, приобретали первейшие навыки техники чтения. Научившись читать и писать на родном языке, дети и взрослые легче усваивали и русскую грамоту. С развитием письменности совершенствуются и методы обучения детей-чукчей. Родной язык стал помогать в деле усвоения русского языка.

«К 1 января 1935 года ликбезработа по чукотскому Комитету нового алфавита представлялась в следующем виде: подготовлено 109 ликвидаторов неграмотности на чукотском и эскимосском языках. Ликвидировало неграмотность 1115 человек, из них 852 чукчи, 244 эскимоса и 19 эвенов. Преподавание на родном языке велось в 29 школах»¹⁰.

Многие учащиеся, поступившие в школу в 1933 г., успешно переходили из класса в класс. С отличием окончили начальную школу в Уэлене Рыкваткот Маргарита, Эттой, Эрметегин, Эйнес, в Наукане — Кагак Валентина, Нутескин Василий, в Нунлингране — Каргау Петр, Айневтегин Михаил. Все они затем успешно закончили семилетку и поступили в Анадырское педагогическое училище. Айневтегин М. В. и Рыкваткот-Номгыргина М. И. стали заслуженными учителями РСФСР. Они продолжают работать в школах.

Успешному внедрению чукотской письменности способствовало и то, что в отличие от эскимосской, эвенской, корякской народности, у чукчей в языке нет резко отличающихся диалектов. В. Г. Богораз отмечает восточный и западный диалекты, П. Я. Скорик указывает еще на эмленский, нунлингранский и хатырский, а также высказывает предположение о наличии других говоров¹¹. Действительно, есть некоторые различия в уэленском и энурминском говорах, ванкаремском и энурминском. В диалектах имеются некоторые фонетические и морфологические различия, но они настолько несущественны, что на создании и внедрении письменности не сказались. В свою очередь, чукотский литературный язык стал объединяющим для всех диалектов, которые взаимообогащали словарем: терминология оленных чукчей пополнилась морзверобойной тематикой, терминология приморских чукчей — оленеводческой, установились общие, более правильные принципы правописания и норм чукотского языка.

Положительно сказалась на внедрении письменности также компактность расселения чукотской народности, близкое и тесное общение между отдельными ее группами. Нам приходилось встречать чукчей в Билибинском районе, которые хорошо знали многих из уэленцев, инчоунцев и наоборот.

⁹ Е. Орлова. Десять лет социально-культурного строительства на севере ДВК.— «Советский Север», 1935, № 3—4, стр. 48—55.

¹⁰ Е. Орлова. Указ. соч., стр. 48—55.

¹¹ П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. М.—Л. 1961, стр. 13.

С момента введения письменности на латинской основе непрерывно шла борьба за перевод алфавита на русскую основу, на русскую графику. Действительно, изучение двух алфавитов затрудняло обучение русскому языку как детей, так и взрослых, а без знания русского языка невозможно было приобщить малые народности к великой русской культуре, сделать их равноправными членами советского общества. В результате письменность народов Севера в 1937 г. была переведена на русскую орфографическую основу. С этого времени начинается новый этап в развитии письменности народов Севера. Создаются новые буквари, учебники на родных языках, специальные учебники русского языка для народов Севера с учетом особенностей их обучения. На местах окончательный перевод обучения на русскую основу был завершен в 1939—1940 гг.

Новый чукотский алфавит содержал 35 знаков, вместо 27 прежних при 20 фонемах-звуках чукотского языка:

А, Б, В, Г, Д, Е, Е, Ж, З, И,
Й, К, К', Л, М, Н, Н', О, П, Р,
С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ,
Ъ, Ы, Э, Ю, Я

Кроме 33 знаков-букв русского языка, в чукотский алфавит введены два знака: носовой заднеязычный Н', и глухой увулярный К', соответствующие только звукам чукотского языка. В последующие годы была сделана попытка вывести эти знаки из алфавита чукотского языка для упрощения графики и уменьшения объема алфавита, что оказалось неправильным, так как нарушался смысл ряда чукотских слов. Несколько позже вводится дополнительный диакритический знак для обозначения гортанного смычного согласного. Кроме того, в чукотский алфавит были введены буквы-знаки Б, Д, Ж, З, Ф, Ц, Ш, Щ для обозначения звуков в словах, заимствованных из русского языка.

С момента введения нового алфавита проделана большая работа в области унифицирования чукотского правописания. Главная заслуга в этой работе принадлежит доктору филологических наук Петру Яковлевичу Скоричу.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

Человеческая речь состоит из отдельных языковых единиц. Прежде всего она расчленяется на предложения, каждое из которых является более или менее законченным высказыванием мысли. Предложение, в свою очередь, распадается на отрезки, представляющие собой группу слов, объединенных по смыслу, или же отдельные слова. Слова обозначают определенные понятия о предметах, действиях и качествах. Слова распадаются на более мелкие звуковые единицы — слоги, которые делятся на отдельные звуки речи, или фонемы. Звуки, или фонемы, являются простейшими единицами языка.

Каждый язык имеет свою фонетическую (звуковую) систему, свои грамматические особенности. Так, северные языки, в отличие от русского, не имеют грамматической категории рода, предложной системы управления, отличаются по способам словообразования и т. д.

В основу создания алфавитной письменности того или иного языка берется его фонетическая система. Так, например, в английском языке имеется 44 звука (24 согласных и 20 гласных). На основе этих звуков и составлен алфавит английского языка, который состоит из 26 букв. В русском литературном языке имеется 41 звук, из них 6 гласных и 35 согласных. Для обозначения этих звуков на письме взято 33 знака-буквы. Как правило, в любом языке букв значительно меньше, чем звуков. Это объясняется тем, что некоторые звуки на письме передаются сочетанием букв. Напри-

мер, Ц в русском языке состоит из двух звуков Т и С, Ч из Т' и Ш', для обозначения мягких согласных используется мягкий знак Ь и т. п.

Последний чукотский алфавит составлен на основе русской графики с учетом некоторых особенностей чукотского языка, т. е. русская графика, основанная на фонетической системе русского языка, полностью перенесена на чукотский язык, фонетическая система которого значительно отличается.

Как известно, близкое общение друг с другом тех или иных народов дает толчок к взаимному обогащению языков, особенно сильно влияние сказывается в области терминологии. Так, словарь чукотского языка значительно обогатился эскимосскими словами (ақын — закидушка; пуврэк — белуха и др.) и русскими (чақар — сахар, чай; манэт — деньги и др.) Более быстрыми темпами обогащается чукотский словарь за годы тесного дружественного общения с русскими. Такие слова, как колхоз, трактор, катер, председатель, совет и многие другие прочно вошли в чукотский язык. Образовались с изменением характера производственной деятельности и культурным ростом чукотского народа новые слова (риңэнэң — самолет; тылечын — мотор; пэгляро — автоматическая винтовка, пулемет; гитээн — бинокль и др.). Заимствовал некоторые чукотские слова и русский язык. Например, кэта от чукотского слова «кэтақэт», репальгин от «рэпалгын», яранга от «яраңы». Содружество чукотского народа с русским оказало благотворное влияние на развитие чукотского языка.

Влияние русского языка на чукотский в некоторой степени распространяется и на фонетику и морфологию, но это более длительный и трудный процесс, он в основном проявляется в «письменной» речи. Все слова, заимствованные из русского языка, чукчи произносят согласно нормам произношения своего родного языка. Казалось бы, слово «колхоз» за тридцатипятилетний срок должно было подвергнуться фонетическим изменениям, но в чукотской речи оно по-прежнему произносится «колкоч». То же самое происходит и с другими словами. Мы не говорим английские слова «демонстрация», «машина» в английском произношении, а произносим их по-русски, как привычно для наших органов речи.

ПРИЧИНЫ, ПОРОЖДАЮЩИЕ НЕПОНИМАНИЕ ЧУКОТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Нас всегда интересовал вопрос, почему чукчам трудно понять чукотскую грамоту, почему они не могут легко и бегло читать газеты и книги на родном языке. Многие делают ссылку на различие говоров. На наш взгляд, дело не в этом. Говоры есть, но они не настолько различны, что могут порождать непонимание одних чукчей другими. Чукча Чукотского района может свободно общаться с марковским оленеводом и не испытывать никаких затруднений.

Беседуя с чукчами по вопросам письменности, мы получали примерно следующие ответы:

— Чукотские книги тяжело читать потому, что в них много трудных, непонятных слов.

— Очень длинные слова. Начнешь читать начало и пока дойдешь до конца, забываешь, с чего начал.

— Чукотская грамота непонятна. Тяжелая. Лучше читать на русском языке.

За 25 лет со дня перевода чукотской письменности на русскую основу, обучения на родном языке в школах и ликвидации неграмотности, издания своей национальной, переводной и художественной литературы, на основе новых научных данных о фонетическом и морфологическом строе чукотского языка можно сделать подробный анализ всех положительных и отрицательных сторон чукотской письменности.

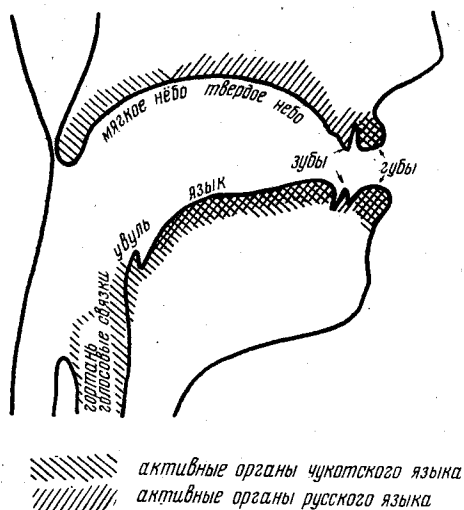

Схема расположения активных органов речи чукотского и русского языков

Причины, порождающие непонимание чукотской грамоты, заключаются в следующем:

- 1) общность графики, основанной на двух различных фонетических системах;
- 2) комплексное написание слов (инкорпорация);
- 3) разрыв между народно-разговорной речью и чукотским литературным языком, который проявляется в синтаксических особенностях чукотского языка.

Разберем каждую причину в отдельности.

1. В области изучения фонетики чукотского языка проделана большая работа. Впервые краткое описание фонетического строя чукотского языка было сделано профессором В. Г. Богоразом на слух. Описание фонетического состава чукотского языка экспериментально обосновано и уточнено ныне покойным лингвистом-палеоазиатом Г. И. Мельниковым. Более полный и подробный очерк фонетического строя дает П. Я. Скорик¹².

В чукотском языке 20 звуков-фонем: 6 гласных и 14 согласных. Это в два с лишним раза меньше количества звуков русского языка.

Звуки речи, как известно, образуются речевым аппаратом (органами речи). В произнесении тех или иных звуков участвуют дыхательные органы, гортань с голосовыми связками и надгортанные полости. В различных языках активно участвуют в произношении разные органы речи. Так, например, активными органами произношения звуков русского языка являются язык и губы, в произношении же звуков чукотской речи, кроме губ и языка, активно участвуют также мягкая часть неба, маленький язычок (увуль) и даже голосовые связки. Следовательно, чукотский язык отличается от русского не только количеством звуков, но и их произношением,

¹² Здесь и ниже сравнительные данные по фонетике чукотского языка приводятся по работам: П. Я. Скорик. Различия в фонетических системах русского и чукотского языков, вызывающие ошибки в русской устной и письменной речи учащихся; Л. А. Варковицкая, П. Я. Скорик. Система упражнений по русскому произношению и орфографии в чукотской школе. Магадан, 1957; П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка, ч. I. Фонетика и морфология именных частей речи.

Сравнительные данные по фонетике русского языка приводятся по «Грамматике русского языка», ч. I. Фонетика и морфология. М., 1960.

Сравнение гласных фонем чукотского и русского языков

Подъем	Ряд					
	передний		средний		задний	
	чукотские	русские	чукотские	русские	чукотские	русские
Верхний	И	И		Ы	У	У
Средний	Э ₁	Э	Ы ₁	А	О	О
Нижний	Э ₂		Ы ₂ А			

степенью участия в произношении звуков тех или иных органов речи. Лишь небольшая часть звуков чукотского языка соответствует звукам русского языка.

Приведем некоторые сравнительные данные.

Гласные звуки чукотского и русского языков в основном (условно) сходны и они не оказывают взаимного отрицательного влияния при изучении чукотского и русского языков. Сходны с русским языком и буквенные обозначения йотированных гласных Е, Е, Я, Ю (табл. 1).

Большие и существенные различия имеются в системах согласных фонем (табл. 2), которые различаются как по количеству, так и по произношению и степени участия речевых органов.

Близкое сходство можно провести между шумными глухими согласными П, Т, К и сонорными смычными носовыми М, Н в таких словах, как

СРАВНЕНИЕ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

По способу произношения		По органу произношения	Губные					
			губные		губно-губные		губно-зубные	
			чукотские	русские	чукотские	русские	чукотские	русские
Шумные	Смычные	Глухие	П ← → П, П ^Ь					
		Звонкие			—	Б, Б ^Ь		
	Щелевые	Глухие						Ф, Ф ^Ь
		Звонкие					—	В, В ^Ь
Сонорные	Смычные носовые		М ← → М, М ^Ь					
	Щелевые ртовые		В					
	Дрожащие							
Аффрикаты								

ымемы — мама; ате — папа; нымным — село; кымгыт — моржовое мясо, ушитое в шкуру и др. В произношении этих звуков-букв в чукотском языке участвуют те же органы речи, что и в русском.

Небольшие различия имеются в произношении чукотского сонорного щелевого Р и русского сонорного дрожащего Р (рырки — морж; рытын — оленин рог); в произношении чукотского шумного щелевого среднеязычного Й (чай — чай; нинкей — мальчик); чукотский щелевой согласный Г слышится как русский Х в словах отход, ветхая (гатле — птица; нылгыл — дом), в некоторых положениях согласный Г огубляется и часто звучит как В.

Из сопоставления чукотских согласных с русскими можно вывести, что согласные К, М, Н, П, Т в общем сходны с соответствующими звуками-буквами русского языка, но только в твердом положении. Согласные В, Г, Л, Р, Ч по звучанию близки к соответствующим русским согласным, но все-таки значительно отличаются от них и имеют разные варианты произношения в зависимости от положения в слове. Чукотские согласные К и Н и гортанный-смычный не имеют себе подобных в русском языке. Отсутствуют в чукотском языке звонкие согласные Б, Д, З, Ж, Г, В, а также нет противоположения твердых согласных мягким. Совершенно другое значение имеют в чукотском языке твердый (ᵇ) и мягкий (ᵝ) знаки — они обозначают гортанный смычный согласный.

Таковы общие различия в составе фонем чукотского и русского языков. В чукотский букварь как школьный, так и взрослый, для обучения неграмотных введены все знаки русского и чукотского алфавита. Учащийся или взрослый, обучающийся грамоте на чукотском языке, должен усвоить произношение 56 звуков-фонем, против 20 чукотских и 41 русских.

Таблица 2.

ЧУКОТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Переднеязычные		Среднеязычные		Заднеязычные		Язычковые (увулярные)		Гортанные	
чукотские	русские	чукотские	русские	чукотские	русские	чукотские	русские	Чукотские	русские
Т ↔	Т, Тᵇ			К ↔	К, Кᵇ	К	—	?	—
—	Д, Дᵇ			—	Г, Гᵇ				
ЧЛ	С, СᵇШ				Х, Хᵇ				
—	Э, ЭᵇЖ		Й						
Н ↔	Н, Нᵇ			Н	—				
Р	Л, Лᵇ	Й		Г					
	Р, Рᵇ								
	Ц, Ч								

Выше мы взяли различия фонем языков в чистом, оторванном виде. Но ведь из звуков складываются слова, фонемы в потоке речи изменяются, приобретают другое звучание и оказывают влияние друг на друга. Так, звонкие согласные русского языка оглушаются в конце слов (завоТ, столП, полоС), перед глухими согласными в середине слова (лоТка, поТставить), глухие согласные перед звонкими озвончаются (коЗьба, Зделать, одБросить). Для русского языка возможно стечение нескольких согласных в начале, в середине и в конце слова (ЗДраВСТвуй, ШКОла).

Претерпевают определенные изменения в потоке речи и согласные чукотского языка в зависимости от положения в слове. Так, чукотский Л в начале и в конце слова, а также в сочетании с другими согласными глухой пекул — женский нож) и сходен несколько с русским Л в таком же положении (бинокль). Между двумя согласными чукотский Л иногда полностью озвончается и несколько приближается к русскому Л в таком же положении (поляна; галяк — миновать). Различное звучание приобретают в потоке речи и другие чукотские согласные. В чукотском языке невозможно стечение двух-трех согласных в начале и в конце слова, стечение трех-четырех согласных в середине слова, имеются различия и в слогах.

Мы привели для наглядности лишь некоторые общие различия и изменения фонем-звуков в потоке речи, на самом деле этих изменений гораздо больше.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что большие различия двух фонетических систем, основанных на одной общей графике, и порождают непонимание чукотской письменности человеком, который начинал обучение грамоте на русском языке, хотя он и владеет чукотской разговорной речью, или же порождают безграмотность в области русского языка, когда ребенок начинает первоначальное обучение на родном чукотском языке. В большинстве случаев дети к четвертому классу приходят с такими результатами. Для примера приведем диктант ученика IV класса нунымской начальной школы.

«В лагерь

В школе консились санатия. Пионеры и скольники насали ко-
товится к поестке в лагерь. Наступил ратосный тен от еста. С
ранего утра репята салались на скольным тваре. Вот растаются
свуки корна. Старсий вosatый велел репятам построится. Внисли
панеское снамя...»¹³.

При первоначальном обучении грамоте на чукотском языке дети, органы речи которых еще не установились, невольно подчиняют нормам произношения чукотского языка звуки, заимствованные из русского. Например, семилетний ребенок не может правильно прочитать предложение: «Женя игыр дежурнильу нитКин»¹⁴.

Чтобы правильно произнести два русских заимствованных слова «Женя» и «дежурный», ребенок должен перестроить свои неустойчивые органы речи (язык должен принять ложкообразную форму, приподняться кончиком языка по направлению к альвеолам) к переднему краю твердого неба (и образовать щель). Для произнесения чукотских слов игыр и нитКин ребенок опять должен перестроить свои органы речи и, как результат, он начинает это предложение произносить полностью по-русски, если учитель старательно отрабатывает правильное произношение русского звука Ж, или же, наоборот, все подчиняет нормам чукотского языка, заранее закладывая навыки неправильного произношения звука.

¹³ Л. А. Варковицкая, П. Я. Скорик. Указ. соч., стр. 12.

¹⁴ И. С. Вдовин. Букварь для подготовительного класса чукотской начальной школы. Учпедгиз, 1958, стр. 84.

В букваре встречаются также слова со звуками, звучащими по-разному в зависимости от положения в слове, дети сталкиваются со стечением нескольких согласных в заимствованных словах — все это вызывает большие трудности. Как, правило, обучение грамоте на родном языке идет успешно до тех пор, пока буквы соответствуют в какой-то степени звукам родного языка, и наталкивается на большие трудности при изучении букв, соответствующих звукам русского языка в заимствованных словах.

Проводили мы эксперименты и среди взрослых. Причина непонимания чукотской грамоты заключалась лишь в том, что все из присутствующих переносили нормы произношения русского языка на чукотский или же чукотского на русский.

2. Одной из особенностей чукотского языка, в отличие от русского, является инкорпорация, т. е. способность включать несколько основ в одно целое слово. В комплексное образование могут входить глагольные или именные основы, одна из которых (последняя) является ведущей, по ней и определяется принадлежность к той или иной части речи. Соответственно этому глагольные или именные комплексы могут включать в себя наречия или прилагательные, числительные или местоимения и т. п. Например, тороттыран (новый деревянный дом) — комплекс именной, состоит из трех основ — тор (новый), отты (деревянный), ран (жилище, дом); йытылельын (быстро едущий) — глагольный комплекс, состоит из двух основ: йы (быстро), тыле (идти, ехать). В комплексное образование может включаться три, четыре, пять и более основ.

Инкорпорация — это характерная особенность чукотского языка, часто в нем применяемая. Она «... представляет собой специфическое явление, не сводимое ни к словообразованию, ни к словосочетанию. Однако грамматическое значение инкорпоративного комплекса соответствует не предложению, а словосочетанию. И само инкорпорирование представляет собой не пережиточно сохранившееся явление, а присущий данному языку, широко применяющийся в нем способ выражения особых грамматических отношений... Отличительной особенностью такого комплексного образования является то, что входящие в него основы сохраняют свою обособленность и отношения между ними по своему характеру аналогичны отношениям между компонентами обычного словосочетания»¹⁵.

О том, что это явление устойчивое, говорит и тот факт, что в комплексные образования свободно входят и вновь заимствованные слова. Например, майны-колхоз — большой колхоз, тор-пароход — новый пароход и др.

В чукотской письменности невозможно обойтись без комплексных словообразований, как типичного явления чукотского языка, но написание комплексов вызывает определенные трудности при чтении. В некоторых комплексах насчитывается до сорока — пятидесяти букв-знаков.

3. Третьей причиной непонимания чукотской письменности является разрыв, существующий между народно-разговорной речью и литературным языком, который проявляется в синтаксических особенностях чукотского языка.

В чукотском языке глаголы делятся на две большие группы: переходные и непереходные. В связи с этим имеются две отличающиеся друг от друга конструкции предложений. Структура предложения зависит от характера глагольного сказуемого. При сказуемом — непереходном глаголе подлежащее всегда стоит в исходном (абсолютном) падеже. Сказуемое-глагол специальными частицами отражает в своей форме лицо и число подлежащего: нымигчирэтигым — работаю (я); нымигчирэткиннэт — работают (они). При сказуемом — переходном глаголе подлежащее стоит в эргативном (творительном) падеже, а в исходном падеже выступает прямое

¹⁵ П. Я. Скoрiк. Грамматика чукотского языка, ч. I, стр. 97.

дополнение. Сказуемое-глагол специальными частицами отражает как подлежащее, так и прямое дополнение. В результате наличия ярко выраженных, специальных субъектно-объектных показателей в формах переходного глагола в чукотской речи изобилуют характерные «неполные» предложения. Достаточно один только раз назвать действующее лицо или предмет, о которых идет речь, и потом на протяжении всего повествования они совершенно не называются, их заменяют субъектно-объектные показатели¹⁶.

В переводной художественной литературе под влиянием русского синтаксиса и неопытности переводчиков не учитываются особенности чукотского синтаксиса, и письменная речь получается громоздкой и трудночитаемой.

Приведем несколько примеров, приводя дословный перевод с русского на чукотский:

«Советкэн Советское	государство государство	эрму. руководителем	ынинн на	вальык таком
предприятияк предприятия	нэнайпаткэн назначает	директор, директора,	микынэ который	нинэнлеқин ведет
ымыльыхозяйственныкэн общехозяйственную	мигчир работу	предприятиякэн, предприятия,	оча следует	нытвакэн указаниям
государствогы, государства,	минкэмил следит, как	нымэльэв хорошо	ынкьам и	качеты правильно
ныяақэнат используют	тылечьыт, машины,	станокыт, станки,	минкэмил как	нылеқин мигчир, идет работа,
яаткогыргын расходование	манэк финансов	ынкьам и	энанковратаквыргын выполнение	

мэгчерпланык»¹⁷.
рабочих планов.

Или: «Эмгынун элек
В середине лета

Ояна Оле	ынкьам и	Женяна, Жене,	ытлэн он	кэлиннивэтгы послал письмо	ңаакагы дочерям
ныпацьэвынтопалытконат отдыхать	кэнчалы	ченэтпацьэвынторак на своей даче	миңкы в котором	ивнинэт, сообщал,	иңкун чтобы они

Москвак қача»¹⁸
Москвы около.

Как в первом, так и во втором примере полностью сохранен синтаксический строй русского языка. Предложения громоздки и насыщены малопонятными словами (только в первом примере из 31 слова 9 заимствованных), что, безусловно, не вызывает никакого интереса у читающего, и конечно, ему удобнее читать такой же текст на русском языке.

Приведем другой пример из народно-разговорной речи, записанной на магнитофонную пленку в поселке Уэлен от сказителя Таната, тоже с дословным переводом:

Армачинийңа Силачище	ымыльо у всех	ивинильин охотящихся	нэнантаглаткэнат отбирает	мэмылтэ. нерп.
О'равэтлыат Люди	ивиникинэт, идут на охоту,	кутти другие	волкэк поздно	нылеқинэт. идут.
Атав лы Просто так	гэн энмык у скал	ныпэлякэнат оставляют	мэмылтэ, нерп,	

¹⁶ П. Я. Скорик. Очерки по синтаксису чукотского языка, стр. 111—112.

¹⁷ «Винрэттичгын калеткольэты политшколах». («В помощь слушателям политшкол»). Магадан, 1957, стр. 9.

¹⁸ А. Гайдар. Тимур ынкьам ынин тумгырат (Тимур и его команда). Учпедгиз, 1953, стр. 5.

ского языка в поселке Инчоун, где процент приезжего населения крайне незначителен²⁰.

В большинстве случаев неправильно подходят к определению степени знания русского языка при приеме в школу и при переписи. Знать хорошо другой язык значит думать на нем. Но знающим русский язык считается житель села Уэлен Армоль (начальное образование), который при разговоре, если он видит, что собеседник знает чукотский язык, предпочитает пользоваться родным чукотским языком и, конечно, думает тоже на чукотском языке. Приведем отрывок из его письма: «Я получил от вас письмо я отвечаю на это письмо у тебя просил для акина капрон если нет кэлуким минкры вот что Владик я уже постарел у меня белые волосы появились так что пол старик ну что как нибудь атау буду работать опять я еще механиком работаю морзверобою уже почти я работаю наверно 15 лет...»²¹.

Никак нельзя считать, что человек, написавший это письмо, владеет русским языком. Если можно так выразиться, он говорит на русско-чукотском жаргоне. Конечно, для него более понятна и доступна чукотская литература. Армоль читает газеты и журналы на русском языке, но половину прочитанного не понимает.

Нам удалось побывать в оленеводческих бригадах совхоза «Певек» Чаунского района. По определению районного руководства, все оленеводы, за исключением нескольких, хорошо владеют русским языком. К сожалению, это не так. Большинство из них владеет русским в такой же степени, как и Армоль из Уэлена.

Чукчи стремятся к изучению русского языка, хотят его знать. Об этом очень хорошо сказал старый зверобой Тевлягыргин из поселка Лорино Чукотского района: «Очень плохо, когда не умеешь разговаривать по-русски. Многие мы не понимаем и не слышим, что делается вокруг...»²². Чукчи понимают, что без русского языка, языка межнационального общения, трудно жить, и они хотят, чтобы их дети и внуки знали русский. Но в то же время их глубоко задевает, когда дети, воспитывающиеся в детском саду и интернате, забывают родной язык, что отдаляет детей от родителей, порождает взаимонепонимание. В наши дни, когда родной язык является для большинства чукчей языком, на котором они думают, нужно развивать среди подрастающего поколения двуязычие, т. е. изучать и чукотский, и русский языки.

Чукотский литературный язык в настоящее время преподается в трех классах начальной школы. На нем издается переводная, национальная, политическая и художественная литература, транслируются передачи по областному и окружному радиовещаниям. Но, чтобы чукотский литературный язык стал действенным средством развития духовной жизни чукчей, необходимо провести предложенные выше мероприятия, приблизить его к народно-разговорной речи.

Сейчас у нас есть все возможности обеспечить преподавание чукотского языка в школах. Если до 1956 г. нехватало учителей, хорошо владеющих чукотским языком, то на сегодня их более чем достаточно. Нужно повышать грамотность не только по русскому языку, но и по чукотскому. Хорошее знание своего родного языка, умелое использование всех его положительных элементов помогут в лучшем овладении русским языком.

²⁰ Материалы полевых исследований в октябре 1964 г. по Чукотскому району.

²¹ Из личной переписки.

²² В. В. Леонтьев. Школа и труд. Магадан, 1964.

V. V. Leontjev

THE WRITTEN LANGUAGE AND THE WAYS OF RISE
OF THE LITERACY OF CHUKCHI

The introduction of the written language in 1930—1932 is the leap in the cultural development of Chukot nationality.

During the years of close intercourse of the Chukchi with the Russian people is considerably enriched the vocabulary of the Chukot language as at the expense of adoption, so the forming of new words.

The Chukot literature language promoted to the union of the dialects in one general language, brought together two different social groups of Chukchi coastal (анкальыт) with the reindeer-breeders (чавчыват).

But at the same time are revealed the negative sides of Chukot written language:

The community of drawing of two different phonetic systems hampers the process of training and perception as the Chukot, so the Russian literature, promotes the results of illiteracy: the drawing of one written language is mechanically carried by readers on another written language;

Unsuccessful way of the transmission of the incorporative (complex) word-building on the letter: prolixities of the words, the great number of signs-letters hamper the reading of the literature:

The differences of syntactical features of the languages make the Chukot literature in translation misunderstood, as the Russian syntax is prevailed in the translations;

→ The elimination of the appearing disparities will help to raise the literacy of Chuchi and will promote to the popularization of Chukot written language.

АРХИВНЫЕ
ИСТОЧНИКИ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. С. Клокова

В Государственном архиве Магаданской области имеется 130 фондов, из них 9 фондов — дореволюционного и 121 — советского периода (по состоянию на 6 декабря 1964 г.). Документальные материалы фондов советского периода сохранились с 1917 г. Необходимо отметить, что фонды представлены далеко не полностью, многие собраны из россыпи, свыше 40 фондов содержат каждый всего до десяти единиц хранения. В данном тематическом обзоре кратко раскрыто содержание основных, наиболее крупных и значительных фондов облгосархива. Кроме описанных материалов, в архиве имеются сведения о развитии здравоохранения по области (ф. Р.-119 — «Областной отдел здравоохранения», 1945—1960 гг.), несколько фондов местных органов власти (сельских советов): — Гижигинский (ф. Р.-59, 219 ед. хр.), Ольский (ф. Р.-10, 14 ед. хр.), Балаганский (ф. Р.-12, 25 ед. хр.), Сигланский (ф. Р.-13, 1 ед. хр.), Ямский (ф. Р.-15, 11 ед. хр.), Тауйский (ф. Р.-20, 2 ед. хр.), Левчиковский (ф. Р.-58, 36 ед. хр.).

Имеются фонды, раскрывающие состояние профсоюзной работы (ф. Р.-16, Ольский группком профсоюза, 53 ед. хр., ф. Р.-26, «Магаданский областной комитет профсоюза рабочих МЦМ», 222 ед. хр.; Р.-60 «Гижигинский местный комитет профсоюза», 9 ед. хр.).

1. ОБЗОР ФОНДОВ ПО ПРОМЫШЛЕННОМУ РАЗВИТИЮ КРАЯ

Разнообразные природные богатства Колымы обусловили развитие в крае горной промышленности. Поэтому наиболее значительным является ф. Р.-23 сч «Главное управление строительства Дальнего Севера Министерства цветной металлургии СССР».

История этого фондообразователя такова.

В 1928 г. было образовано Верхне-Колымское приисковое управление «Главзолото». Из этого управления в соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. и постановлением Совета труда и обороны СССР от 13 ноября 1931 г. был создан Дальстрой — Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. Дальстрой представлял собой комплексную геолого-исследовательскую и производственно-хозяйственную организацию и подчинялся непосредственно Совету труда и обороны.

В 1938 г. Дальстрой был реорганизован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР, затем МВД СССР. В 1957 г. был образован Совет народного хозяйства Северо-Восточного экономического района Магаданской области.

В фонде Р.-23сч содержатся контрольные цифры Управлений горнодобывающей промышленности — Южного, Северного, Западного, Юго-Западного; отчеты, промышленно-финансовые планы, чертежи, сметы по капитальному строительству. Деятельность треста Дальстрой складывалась из деятельности всех предприятий и управлений, подчиняющихся ему, поэтому

представляют интерес техпромфинпланы Авторемонтного завода и сведения о продукции, выпускаемой им; перечень материалов, выпускаемых всей местной промышленностью: швейных изделий, обуви, кожевенно-меховой продукции, дерево- и металлообработки, стройматериалов.

Работу дорожного стройуправления характеризуют техпромфинпланы, сводки о строительстве дорог, о ежегодном строительстве автопроездов. По управлению морского транспорта (Приморскому управлению) имеются также техпромфинпланы, акты, материалы по динамике основных показателей работы морского и речного транспорта. В фонде представлены таблицы мощностей электростанций и выработки электроэнергии. Сохранились промфинпланы проектно-изыскательских работ Колымпроекта. Имеются документальные материалы промысловых хозяйств — Ольского, Арманского, Ямского, Усть-Магаданского.

Одним из первых промышленных предприятий на Колыме был Промкомбинат. Он образован в 1934 г. сначала как контора местных производственных предприятий. С 1 января 1939 г. из этой конторы организован производственный комбинат. На базе его предприятий в июле 1939 г. было образовано Управление местной промышленности. С 1941 г. существует Промкомбинат Главного управления строительства Дальнего Севера ГУСДС, ныне Магаданский промкомбинат. По структуре Промкомбинат делится на отделы, осуществляющие общее руководство, и цехи, которые занимаются производством изделий местной промышленности (массовый пошив различных готовых изделий, изготовление предметов хозяйственного обихода и ширпотреба, столярные и мебельные работы) и др. Деятельность Промкомбината раскрывается в таких документальных материалах фонда Р.-98, как приказы по основной деятельности (1950—1955 гг.), годовые отчеты (1941—1955 гг.), техпромфинпланы (1939—1955 гг.).

Фонд Р.-111 «Топливо-энергетическое управление Дальстроя» (1950—1957 гг., 60 ед. хр.) дополняет сведения о развитии промышленности. Энергетическое управление Дальстроя организовано в 1949 г. В задачи энергоуправления входило обеспечение электроэнергией, теплотой и углем предприятий и населения Дальстроя. В 1955 г. в энергоуправление было передано в связи с ликвидацией управление Дальстройуголь со всеми предприятиями угольной промышленности. В 1957 г. при организации Совета народного хозяйства энергоуправление было реорганизовано в топливно-энергетическое управление, в состав которого вошли Аркагалинская, Омсукчанская, Чаунская, Эгвекинотская, Магаданская районные электростанции и шахтоуправления — Аркагалинское, Беринговское, Анадырское.

В ф. Р.-111 содержатся приказы начальника энергоуправления Дальстроя, производственные планы и отчеты, специализированные формы планов по сельскому хозяйству предприятий Дальстройугля и автомобильному и тракторному транспорту. В фонде Р.-111 имеются также годовые отчеты по выполнению производственного плана комбинатов и электростанций энергоуправления, доклады о работе энергокомбинатов.

Как уже было упомянуто, в 1955 г. управление Дальстройуголь было ликвидировано и вошло в Энергоуправление. Материалы угольного управления сданы на хранение в Государственный архив Магаданской области (ф. Р.-112). Они состоят из 14 ед. хр. за 1951—1955 гг. Это приказы и распоряжения по Угольному горнопромышленному управлению.

Состояние машиностроения раскрывают материалы ф. Р.-121 «Магаданский механический завод» (51 ед. хр., 1941—1956 гг.).

Магаданский механический завод был создан в 1935 г. на базе ремонтных мастерских автотранспорта Дальстроя и назывался Авторемонтным заводом (АРЗ). Завод занимался капитальным ремонтом автомобилей, тракторов, двигателей к ним. В дальнейшем, по мере роста производственной мощности и потребности горных предприятий Дальстроя, стал изго-

тавливать горно-обоганительное оборудование, а также запасные части для тракторов, автомобилей, энергосиловых двигателей. С 1958 г. завод стал называться Механическим, так как производство горного оборудования и энергосиловых запасных частей далеко превосходило ремонт автомобилей.

В фонде представлены приказы по основной деятельности завода (1949—1956 гг.), промфинпланы завода (1943—1956 гг.), калькуляции и расчеты к ним, производственные программы цехов, годовые бухгалтерские отчеты (1941—1956 гг.).

2. ОБЗОР ФОНДОВ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ КРАЯ

Сельское хозяйство возникло на Колыме одновременно с промышленным освоением края.

В 1932 г. были организованы первые сельскохозяйственные предприятия — совхозы «Дукча» и «Тауйск». В последующие годы организуются колхозы «Новый путь», «им. 1 Мая», свиновхоз (при совхозе «Дукча») и многие другие колхозы, совхозы и подсобные хозяйства горных управлений и различных предприятий Дальстроя.

О первых шагах растениеводства, животноводства и птицеводства на Колымской земле можно узнать из документальных материалов, содержащихся в ф. Р.-38 «Административно-гражданский отдел Дальстроя».

В ф. Р.-38 содержится 81 ед. хр. за период 1936—1954 гг.

В 1938 г. Управление уполномоченного Дальневосточного крайисполкома было реорганизовано, его функции переданы начальнику Главного управления строительства Дальнего Севера. В составе ГУСДС был организован административно-гражданский отдел, который содержался за счет местного бюджета и имел следующие отделы: финансовый, земельный, народного образования, здравоохранения и два отделения — коммунальное и политпросветработы. Административно-гражданский отдел руководил деятельностью районных и поселковых советов, проводил финансовые мероприятия и налоговую политику, руководил органами народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. Отдел обеспечивал нормальную работу сельскохозяйственных артелей и рыболовецких хозяйств, руководил заготовками пушнины и отстрелом морского зверя, работой коммунальных и бытовых предприятий, планированием народного хозяйства и культурным строительством в районах, занимался учетом и регистрацией населения.

В декабре 1953 г. в связи с образованием Магаданской области и организацией местных органов Советской власти административно-гражданский отдел был ликвидирован, а его функции переданы Исполнительному комитету Магаданского областного Совета депутатов трудящихся.

В фонде имеются материалы о советском и колхозном строительстве на Колыме. Это решения Ольского районного исполнительного комитета о хозяйственном развитии районов, планы, отчеты о работе сельских советов, протоколы собраний сельских советов, в которых отражены вопросы землепользования колхозов, планы проведения сева, статистические данные о количестве скота в колхозах. Интерес представляют материалы по изысканию хозяйственных центров при переводе на оседлость кочевых групп населения Ольского и Северо-Эвенского районов (ф. Р.-38, оп. 1, 5 ед. хр.) с 1932 г.: приказы Дальстроя по этому вопросу, справки о причинах выбора и состоянии вновь выбранных хозяйственных центров, дающие представление о жизни местного населения, освоении промысловых угодий и оленьих пастбищ. Выбор хозцентра экономически обосновывался, причем учитывались возможности ведения земледелия, решался вопрос об обеспечении жителей Колымы продуктами собственного сельского хозяйства. Сохранились докладные записки начальнику Политуправления Дальстроя о различных вопросах советско-колхозного строительства районов Колымы.

Особый интерес вызывают данные земельного отдела АГО о работе колхозов, об увеличении посевных площадей и обеспечении сельскохозяйственным инвентарем (ф. Р.-38, оп. 1, 1 ед. хр.). Имеются статистические сведения о движении крупного рогатого скота и о посевах некоторых культур.

В 30-е годы население Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов занималось в основном рыболовством, пушным промыслом и оленеводством. В фонде имеется план развития колхозного продуктивного животноводства на 1949—1951 гг.; таблицы, характеризующие развитие животноводства в колхозах Колымы за 10 лет (1939—1949 гг.); перспективные планы развития оленеводства; справки о доходах от оленеводства и затратах по его содержанию; таблицы о движении поголовья оленей.

Вопросы рыболовства освещаются в приказах Дальстроя о работе рыбопромыслового хозяйства и об увеличении вылова и обработки рыбы. Имеются планы, отчеты по вылову рыбы, по колхозам, типовые договоры на закупку рыбы-сырца, прейскуранты розничных цен на рыбу, показатели валовых доходов от рыболовства.

По пушному промыслу имеются сводки о выполнении планов, заготовок пушно-мехового сырья, таблицы добычи пушнины по годам (в хвостах), инструкции по расселению соболя, планы, отчеты о работе пушной фактории.

Следующим наиболее крупным фондом, раскрывающим развитие сельского хозяйства на Колыме, является ф. Р.-43 «Среднеканский районный исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся» (102 ед. хр., 1932—1952 гг.).

Среднеканский РИК был избран 22 апреля 1932 г. Район входил в состав Северо-Эвенского национального округа Дальневосточного края. Районный исполнительный комитет имел общеорганизационную часть, земельный и финансовый отделы. При нем работали постоянные комиссии: местного хозяйства, сельскохозяйственная, финансовая, социально-культурная, содействия госкредиту и сберегательному делу. С 1954 г. Среднеканский район входит в Магаданскую область.

В фонде «Среднеканский РИК» содержатся материалы следующего характера: протоколы заседаний сессий сельских советов Среднеканского района; докладные записки и доклады райисполкома, протоколы собраний колхозников, решения исполкома районного Совета; материалы по учету населения района (списки жителей, семейно-хозяйственные списки).

В ф. Р.-43 имеются сведения о подготовке колхозов к посевной кампании, об агротехнических мероприятиях по уходу за посевами, таблицы по выполнению плана получения урожая полевых и огородных культур. Сохранились также документы о состоянии животноводства, о ходе выполнения плана надоев молока, о расширении и укреплении кормовой базы, о результатах социалистического соревнования.

Историю развития сельского хозяйства раскрывает ф. Р.-107, «Совхоз «Дукча» Главного управления строительства Дальнего Севера». Совхоз «Дукча» был организован в 1932 г., т. е. с началом практической деятельности треста Дальстроя. Это было овощно-животноводческое хозяйство с преобладанием животноводческой отрасли. В 1945 г. совхоз «Дукча» объединился с соседним свиновосхозом, так как земли их имели смежное расположение и хозяйство велось одинаково. Новый совхоз стал называться «Дукчинским». С 1940 г. в совхозе выращивают капустную, огуречную и томатную рассаду, в 1954 г. делали опыты по выращиванию картофеля. Животноводство совхоза «Дукчинский» имеет следующие отрасли: птицеводство, молочное животноводство, растениеводство в открытом и закрытом грунте. Совхоз является основным поставщиком молочной продукции и продукции птицеводства для Магадана.

В ф. Р.-107 содержится 109 ед. хр. за период с 1937 по 1956 г. Это годовые отчеты, планы совхоза «Дукча», агрономические отчеты (в таблицах), зоотехнические отчеты.

Развитие растениеводства характеризуют производственная программа, калькуляции основных культур растениеводства, отчеты по обследованию почв. Интерес представляют материалы о проведении в 1939 г. мелиоративных работ на Магаданском массиве и почвенном обследовании Магаданской долины, проведенном в 1940 г. В фонде представлены агрономические отчеты совхоза с 1939 г., планы размещения сельскохозяйственных культур, отчеты об использовании и реализации сельскохозяйственной продукции.

Сведения о развитии сельского хозяйства Колымы содержатся в ф. Р.-108 «Колымское управление сельского хозяйства Главного управления строительства Дальнего Севера».

Колымское управление сельского и промыслового хозяйства было организовано на базе совхоза «Эльген» в 1936 г. В его состав входили совхозы «Сеймчан», «Сусуман», «Мылга», «Талая», «Буксунда», «Эльген». Все они находились на самостоятельных балансах и отчитывались непосредственно перед Дальстроем, ввиду территориальной удаленности от Управления. Основной деятельностью всех совхозов, входящих в его состав, было сельское хозяйство (полеводство, огородничество, луговое хозяйство), животноводство, оленеводство, рыбный промысел и пушные заготовки. Кроме того, все совхозы вели строительные работы, осваивали новые земли (поднятие целины, раскорчевка, планировка), проводили мелиоративные работы.

В ф. Р.-108 имеется 43 ед. хр. за период с 1936 по 1946 г. Это годовые бухгалтерские отчеты сельскохозяйственных комбинатов, сводные годовые отчеты по основной деятельности Управления, отчеты о движении животных по Колымскому управлению сельских и промысловых хозяйств с 1937 г., калькуляции по выращиванию молодняка, свиней и яков, лошадей, производственные показатели развития хозяйства, сведения о выращивании молодняка птицы. Сохранились документы о причинах падежа и вынужденного забоя животных (1939 г.). В фонде имеются значительные материалы о работе оленеводческого совхоза «Талая». Кроме того, там хранятся сводные отчеты по растениеводству, сведения о себестоимости выращивания овощей, калькуляция использования парников и основных культур растениеводства Колымской опытной станции.

Самые значительные материалы по рыбному хозяйству сосредоточены в ф. Р.-105 «Магаданский рыбопромышленный трест Главдальвостокрыбпрома» (190 ед. хр., 1939—1955 гг.).

Магаданский рыбный трест Главдальвостокрыбпрома образовался на базе ранее существовавших предприятий Дальстроя: до 1948 г.—Управления рыбопромыслового хозяйства, с 1948 г.—Управления подсобных хозяйств, с 1952 г.—Управления подсобных хозяйств и ИТЛ Дальстроя. В него входили шесть совхозов: «Дукча», «Ола», «Сеймчан», «Сусуман», «Тауйск», «Эльген» и три оленеводческих совхозов: «Андыгычан», «Талая», «Челбанья».

Рыбная промышленность Магадана организовалась на базе слияния в 1954 г. Северо-Охотского госрыбтреста, Камчатрыбпрома, ИТЛ Дальстроя и Тауйского рыбокомбината Охотского рыбтреста с передачей в подчинение Приморьрыбпрома при Министерстве рыбной промышленности СССР.

Магаданский рыбтрест занимался добычей рыбы и морского зверя. После организации Магаданского Совета народного хозяйства рыбтрест подчинялся ему. С 1959 г. Магаданский рыбный трест вошел в подчинение Главдальвостокрыбпрома ВСНХ (Владивосток). В него входят шесть рыбокомбинатов: Ольский, Тауйский, Ямский, Гижигинский, Най-

ханский, Усть-Магаданский, и зверокомбинаты Мечигменский и Пloverский.

В ф. Р.-105 содержатся сводные годовые промфинпланы Усть-Магаданского, Ольского, Арманского, Наяханского, Ямского, Балаганского, Сигланского и Тауйского промысловых хозяйств, основные показатели годовых промфинпланов предприятий Управления рыбопромыслового хозяйства, а также предприятий по подсобному сельскому хозяйству. Деятельность Усть-Магаданского рыбозавода характеризуют его годовые отчеты и расчетные таблицы. Представляют интерес годовые отчеты рыбокомбинатов, материалы годовых заданий и лимиты к планам.

В остальных фондах, раскрывающих развитие сельского хозяйства края в более поздние годы, представлены производственные планы и отчеты, договоры и акты, сообразительства, книги по учету реализации продуктов, похозяйственные книги производственных показателей хозяйств в районах Крайнего Севера (1940—1942 гг.).

К этим фондам относятся ф. Р.-17 «Ольский районный исполнительный комитет», 1925—1950 гг. содержит материалы о промышленном освоении Колымы, о первых шагах в развитии сельского хозяйства края — коллективизации, состоянии животноводства и растениеводства, а также сведения о развитии пушного промысла и оленеводческого хозяйства края); ф. Р.-110, «Колхоз „Новый путь“ Ольского, района», 34 ед. хр., 1938—1950 гг.; ф. Р.-113 «Колхоз им. 1 Мая Ольского района» 12 ед. хр. 1943—1950 гг.; ф. Р.-115 «Колхоз „Новая жизнь“ Ольского района», 5 ед. хр., 1946—1950 гг.

3. МАТЕРИАЛЫ О КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ

Ф. Р.-17 «Ольский районный исполнительный комитет» содержит 361 ед. хр. за 1925—1950 гг. Это постановления ЦК ВКП(б), ВЦИК, ЦИК, СНК, Губревкома Дальневосточного краевого, окружного, районного, сельских исполнительных комитетов, протоколы районных и окружных съездов советов, районного исполнительного комитета, сельских советов, общих собраний граждан и другие материалы.

С декабря 1925 г. по апрель 1926 г. в Ольской волости впервые проходили выборы в сельские советы и был организован Ольский районный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. С 1932 по 1937 г. Ольский район входил в состав Хабаровского края. В декабре 1953 г. из Хабаровского края была выделена Магаданская область, которая по административному делению была подразделена на 13 районов и Чукотский национальный округ.

В фонде имеются самые разнообразные материалы, многие из них отражают состояние культурно-просветительной работы в Ольском районе. Это в первую очередь постановления районного исполнительного комитета об образовании школ-интернатов для детей туземцев, указания об организации пунктов ликвидации неграмотности (1926—1927 гг.); отчетные доклады РИК о работе школ, постановление о выработке национального тунгусского алфавита. Интересны такие цифровые данные, как сведения о числе школ, о национальном и социальном составе учащихся, о сети пунктов ликвидации неграмотности, об учительском составе сельских школ. По работе культурно-просветительных учреждений имеются доклады, программы проведения конференций работников культурного фронта, сведения о работе культбаз, культпросветкомиссий (1930 г.). Интересны указания ОКРпоно по отправлению учащихся на Северный факультет Института народов Севера в Ленинграде и туземное отделение педагогического техникума в Хабаровске (1927 г.), требования к поступающим на рабфак (газетные вырезки), сведения о всеобуче в Ольском районе, памятка культурмейца по обучению.

В 1930 г. вышло хранящееся в областном архиве постановление Совнаркома об использовании для школ и дошкольных учреждений домов, конфискованных у кулачества. О культурном развитии населения можно узнать из материалов живого журнала «Голос тайги» (1928—1929 гг.), правил для работы культурно-просветительных комиссий и заведующих красными уголками. В фонде сохранились материалы об организации и работе первой советской школы в крае (Ольской) и ее первом учителе и директоре И. Варрене.

Ф. Р.-54 (1937—1952 гг., 37 ед. хр.) «Областной музыкально-драматический театр им. М. Горького». Театр организован в 1938 г. Он назывался Домом культуры и находился в ведении Хабаровского краевого комитета по делам искусств. В 1948 г. Дом культуры был передан в Главное управление строительства Дальнего Севера с присвоением имени М. Горького. В 1950 г. Дом культуры был переименован в музыкально-драматический театр им. М. Горького. В связи с образованием Магаданской области театр стал именоваться областным музыкально-драматическим театром им. М. Горького, относящимся к управлению культуры Магаданской области. Театр имеет следующие отделы: административно-управленческого состава, художественно-руководящего, творческого, хорового, балетного, оркестрового, технического-производственного, подсобно-вспомогательного, сторожевой охраны.

В фонде областного музыкально-драматического театра сохранились: приказ Управления по делам искусства о стационарировании театральных групп от 1939 г., о порядке составления репертуарных планов (1940 г.); письмо работникам театров об организации краевого отделения Всесоюзного театрального общества (1940 г.). Деятельность театра характеризуется его планами, расписаниями, репертуарными планами, протоколами художественных советов. В фонде имеются программы концертов, спектаклей, акты приема спектаклей и программ, справки о выполнении плана за театральный сезон, а также много отзывов о работе театра.

Данный тематический обзор охватывает лишь наиболее значительные фонды областного архива. План комплектования архива Магаданской области предусматривает дальнейший прием на хранение ценных документальных материалов, которые позволят глубже изучить историю нашей области.

A. S. Klokov

THE SUBJECT REVIEW OF THE FUNDS OF THE STATE ARCHIVES OF MAGADAN REGION

The present subject review brings to light a number of more great and considerable funds of the State Archives of Magadan region on 3 themes: the development of the industry, agriculture and the cultural achievements of the Kolyman land.

There are brought the short informations on the history of the fund-buildings, the characteristic of the basic materials, composed the content of the funds.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЧОП — Архив Чукотского окружкома партии
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИ — «Вопросы истории»
ГАКО — Государственный архив Камчатской области
ГАМО — Государственный архив Магаданской области
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГАЧНО — Государственный архив Чукотского национального округа
ГАЧР — Государственный архив Чуанского района
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая».
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ПАКО — Партийный архив Камчатской области
ПАМО — Партийный архив Магаданской области
ПАНО — Партийный архив Новосибирской области
ПАХК — Партийный архив Хабаровского краевого комитета КПСС
РГО — Российское географическое общество
СА — «Советская археология»
СВКНИИ СО АН СССР — Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук СССР
СЭ — «Советская этнография»
ТИЭ — «Труды Института этнографии Академии наук СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая».
ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

СОДЕРЖАНИЕ

- От редакции 3
Н. Н. Диков. О задачах исторических исследований на севере Дальнего Востока СССР 4

АРХЕОЛОГИЯ

- Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки 14
Н. А. Шило, Н. Н. Диков, А. В. Ложкин. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки 32
О. Н. Иванов. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на западном побережье Берингова пролива 42
Н. Н. Диков. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах 48
А. В. Беляева. Древние погребения на Охотском побережье 80
Н. А. Береговая. Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.) 95

ИСТОРИЯ

- Б. И. Мухачев. О характере деятельности исполкомов и нарревкомов Северо-Востока в период ДВР (1920—1922 годы) 104
М. И. Куликов. Основные этапы социально-экономических преобразований у народов Чукотки 111
И. С. Гарусов. Переход к оседлости и укрупнение поселков у малых народов Северо-Востока СССР 118
В. Г. Балицкий. Мероприятия партии по формированию национальной интеллигенции на Крайнем Северо-Востоке СССР 127
С. П. Нефедова. Кочевые школы Чукотки (1931—1950 годы) 131
И. И. Лукин. К истории создания города Магадана 150
Г. Г. Рошупкин. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки (1936—1942 годы) 160
Э. Б. Ахназаров. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области 169

ЭТНОГРАФИЯ

- У. Г. Попова. О пережитках культа медведя (урчак) среди эвенков Магаданской области 174
Л. Е. Тимашева. Чукотско-эскимосский промысел резной кости и пути его развития 182
В. В. Леонтьев. Письменность и пути повышения грамотности чукчей 182

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- А. С. Клокова. Тематический обзор фондов Государственного архива Магаданской области 210
Список сокращений 217

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
3	9 сн.	формирование	формирования
46	19 сн.	над плитой	под плитой
69	3, 7, 14 сн.	IX	I _x
69	16, 18 сн.	IV	I _y
83	5 сн.	рис. 6,5	рис. 6,6
92	3 сн.	prjektile	projectile
149	22 св.	Лукин.	Лукин (инженер).
149	20 сн.	Ярославе Тимофее- виче Масевиче	Ярославне Тимо- феевне Масевич
159	20 сн.	G. C. Roshchurkin	G. G. Roshchurkin
189	7 сн.	постоянного	постепенного
192	15 св.	при том	и тем
212	10 св.	Сельское	Колхозное
213	4 сн.	животноводство	хозяйство

История и культура народов Севера Дальнего Востока